

Т. Н. Минникова

**Оккупация:
историко-психологические аспекты**

(Ленинградская область: Тосненский район)

Издательство «Часть речи»

Санкт-Петербург

2018

ББК 63.3

Минникова Т. Н. Оккупация: историко-психологические аспекты
(Ленинградская область, Тосненский район). – СПб, 2018. – 416 с., с илл.

Данная книга посвящена сложной и во многом противоречивой проблеме, связанной с Великой Отечественной войной.

В ней представлен богатый материал, раскрывающий панораму реальной жизни населения прифронтовых районов в условиях оккупации. В работе использованы материалы Чрезвычайной государственной комиссии, спецсообщения УНКВД, другие документы, но главное – свидетельства очевидцев.

Свою задачу автор видит в анализе психологической составляющей поведения как жителей оккупированной зоны, так и немецких захватчиков. Ему чрезвычайно важно было проследить мотивационную основу действий тех и других. В итоге, он подошёл к необходимости осветить проблему цивилизационного противостояния и столкновения немцев и русских, приведшую в XX веке к катастрофическим последствиям. Актуальность данной проблематики сегодня не вызывает сомнений, особенно на фоне развернувшейся вокруг России волны русофобии со стороны стран Запада и некоторых политических лидеров.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

Автор книги – Минникова Татьяна Николаевна, историк, публицист,
член Международной ассоциации исторической психологии
им. проф. В. И. Старцева

ISBN

© Текст Т. Н. Минникова, 2018
© Редакция, дизайн, верстка, оформление обложки –
издательство «Часть речи», 2018

Автор выражает признательность

Тихомировой Раисе Васильевне – библиографу, заведующей краеведческим отделом Тосненской центральной районной библиотеки;

Берневу Станиславу Константиновичу – историку, кандидату исторических наук;

Ющенко Наталии Александровне – директору Тосненского историко-краеведческого музея;

Джорбенадзе Ие Михайловне – главному хранителю фондов Тосненского историко-краеведческого музея;

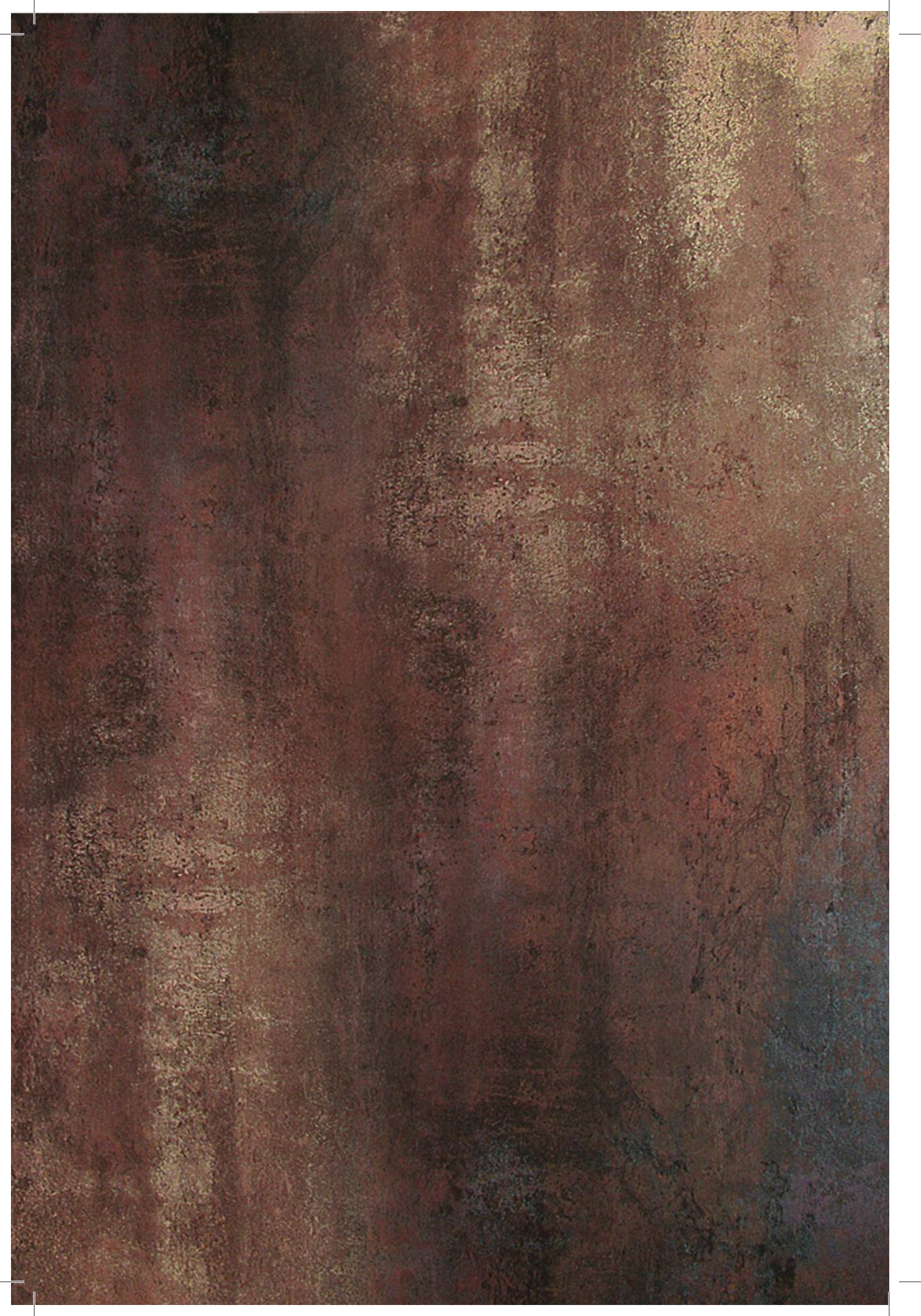
Княжевой Ирине Михайловне – председателю Районной общественной организации «Центр женских инициатив» г. Тосно.

Марии Голик – аспиранту ЕНЕСС Высшей школы социальных наук, историку кино,

Медведковой Елене Владимировне – редактору, главе издательства «Часть речи»,
Тищенко Яну Юрьевичу – предпринимателю.

Журналисты и краеведы, занимавшиеся темой оккупации
Тосненского района в разные годы:

Чекур Герман Фёдорович; Соколинский Зелик Соломонович; Иванов Михаил Фёдорович; Соловьёв Сергей Андреевич; Михайлова Роза; Васильев Юрий Александрович; Никифорова Ирина Викторовна.

«В 2002 году, летом, приезжала группа немецкой молодёжи в Тосно.

*Они вместе со своими сверстниками
шли мимо нашего дома на туристический слёт
на Нестеровское озеро.*

*Услышав за забором немецкую речь,
я совершенно на подсознательном уровне испытала дикий ужас,
в голове мелькнула мысль: «Опять война. Немцы пришли!»*

*Столько лет прошло после окончания войны,
и мне порой казалось, что всё забылось и улеглось
где-то в самом дальнем уголке памяти,
а тут такой всплеск неконтролируемых эмоций!*

Нет, ничего не забылось».

(Из воспоминаний Татьяны Владимировны Вознесенской)

Война «на истребление»

Когда речь заходит о Великой Отечественной войне, как-то упускается из виду, что эта война не была обычной, то есть одной из многих в истории нашей Родины. Необычность её заключалась в том, что германское руководство, развязывая её против СССР, преследовало совершенно особые цели.

Безусловно, как и всякая война, она замысливалась как способ присвоения чужих ресурсов – земли, природных богатств, промышленных, сельскохозяйственных и культурных объектов. Но в ситуации с СССР планировался ещё один принципиальный момент – истребление населения на захваченной территории. Это обстоятельство отличало войну на Восточном фронте от той, что велась на Западном. 30 марта 1941 года Гитлер высказал перед ведущими представителями германского генералитета следующую мысль: «борьба здесь будет резко отличаться от борьбы на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего... Речь идёт о войне на уничтожение»¹.

Но ещё ранее, выступая в рейхстаге 6 октября 1939 года, а также на совещании армейских командиров 7 октября 1939 года, он прямо обозначил политику геноцида в отношении жителей будущих оккупированных территорий Советского Союза: «после планируемого поражения СССР должно последовать истребление славянского населения в таких размерах, что физическое уничтожение евреев необходимо рассматривать только как эксперимент для подобных компаний в будущем».²

Без осознания того, как реализовывалась эта истребительная политика, невозможно адекватно оценить события Великой Отечественной войны, поскольку не возникает полного понимания того, что же именно ожидало советский народ в случае победы нацистов.

Главным документом, в котором были окончательно оформлены их человеконенавистнические идеи относительно нашей страны, стал Генеральный план «Ост». В самых общих чертах этот документ предусматривал уничтожение советского государства, физическое истребление не менее 30 миллионов человек и перемещение оставшегося населения в Сибирь – в концлагеря и резервации на медленную гибель. Тех же, кто должен был остаться в живых, ожидала участь арийских рабов. Освободившиеся территории предполагалось заселить немецкими колонистами (примерно 8-10 млн человек). В перспективе же население России должно было сократиться до 30 млн человек (о чём не раз заявлял Гиммлер).

Политика истребления советских граждан начала проводиться в жизнь буквально с первых дней войны и продолжалась на протяжении всего периода оккупации. Более того, именно оккупационный режим, так называемый «новый порядок», стал инструментом уничтожения советских людей там, где хозяйничали немцы. В его арсенале имелась система самых различных мер: открытые и тайные расстрелы, публичные повешения, физические наказания, облавы, заложничество,

погромы, лагеря (концентрационные, рабочие, пересыльные), тюрьмы, депортации («угон») и др.

Этим же целям соответствовала и социально-культурная политика гитлеровцев, а также политика в сфере здравоохранения. 23 июля 1942 года начальник Партийной канцелярии Мартин Борман направил «по поручению фюрера» имперскому министру Восточных оккупированных территорий Альфреду Розенбергу письмо следующего содержания: «1. Мы можем быть только заинтересованы в том, чтобы сокращать прирост населения оккупированных восточных областей путём абортов.

2. <...> мы должны принять необходимые меры против размножения не немецкого населения.

3. <...> ни при каких условиях не должны проводиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для не немецкого населения.

4. Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокое образование <...> по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму...».³

На конвейер были поставлены такие средства уничтожения, как голод, болезни, отсутствие медицинской помощи, изнурительный труд, истязания, ненормальные бытовые условия и т. п.

Разрабатывая стратегию обезлюдивания территории СССР, штабом ОКВ 13 марта 1941 года (то есть ещё накануне войны) была подготовлена специальная «Инструкция об особых областях» к директиве № 21 (план «Барбаросса»), в которой были определены специальные акции по установлению жестокого оккупационного режима. В дополнение к этому документу 13 мая 1941 года за подписью фельдмаршала Кейтеля была издана директива «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск». Данный указ являлся сердцевинной

1. Немецкий солдат на фоне горящей деревни

всех аналогичных директивных документов. Он давал полномочия каждому отдельному офицеру приводить в исполнение казни советских гражданских лиц без проведения формального судебного процесса.

Указ позволял производить массовые репрессии против целых населённых пунктов и обязывал к радикальному пресечению любых форм активного или пассивного сопротивления. При этом было достаточно даже подозрения. Одновременно указ гарантировал немецким солдатам и служащим вспомогательных подразделений вермахта почти полную безнаказанность. Таким образом, этот и ряд других, подобных ему документов возводили зверства захватчиков по отношению к мирному населению в ранг государственной политики: «Помни и выполняй: нет нервов, сердца, жалости – вы сделаны из немецкого железа... Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым ты спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи» («Памятка молодого немецкого бойца»).

Данные приказы до такой степени противоречили даже самым примитивным представлениям о праве и гуманности, что руководство Германии сделало всё возможное, чтобы они не попали в руки противника. Это свидетельствует о том, что руководящие военные органы вполне отдавали себе отчёт относительно их преступного содержания. Следовательно, необходимо чётко понимать, что в данном случае речь уже шла не об оккупации в общепринятом значении этого слова (захват чужой территории с режимом угнетения населения), а о геноциде. Способ же его осуществления был обозначен «заместительным» словом – «оккупация».

Оккупационная политика Германии на Западе, безусловно, несла горе и страдания мирному населению. Тем не менее, там она, пусть и формально, осуществлялась в границах принятых международных правил. Там речь не шла о почти поголов-

2. Немецкие солдаты

ном уничтожении покорённого населения, за исключением отдельных социальных групп (коммунисты, пацифисты, сексуальные меньшинства, психические больные и т. п.) или национальных диаспор (цыгане, евреи). На оккупированных же территориях СССР никакие международные законы не действовали в принципе. Здесь царил абсолютный произвол, проистекавший из поставленных в этой войне целей.

Теоретической базой для подобной политики стала теория Гитлера о расовой неполноценности отдельных народов. Как бы ни относились немцы к европейцам, те всё равно казались им ближе в «расовом отношении», нежели восточные славяне. Последние получили уничижительное наименование «унтерменшен» (недочеловек). Самым страшным здесь было то, что русские, украинцы и белорусы воспринимались немцами «недочеловеками» не в переносном, а буквальном, то есть биологическом (!) смысле: человекоподобное существо, внешне похожее на человека, но таковым на деле не являющееся. Вот почему те, кто творил произвол над этими «недочеловеками», не испытывали никаких мук совести, ведь они делали великое, благое дело – убивая «нелюдей», они способствовали прогрессу человечества! В этом смысле, миллионы погибших мирных советских граждан – это не просто неизбежные жертвы войны (как об этом принято говорить), а это – жертвы рассчитанной, хладнокровной политики обезлюживания.

Всё это прямым образом касается не только страны в целом, но и региона, в который входят Ленинград и Ленинградская область. Вообще существует настоятельная необходимость рассмотрения Ленинградской битвы не в узком смысле (только военные операции), а в широком – с учётом также развития ситуации и на фронте, и внутри города, и на оккупированных территориях области. Такой подход позволяет оценить блокаду Ленинграда как один из элементов нацистской истребительной политики, а не просто как момент вынужденной неудачи немецких войск в ходе штурма Ленинграда в 1941 году.

Именно поэтому не стоит предаваться иллюзиям, что жители Ленинграда остались бы живы, то есть не умерли бы от голода, если бы город вдруг согласился сдаться на милость врага. В планы немецкого руководства отнюдь не входило ни кормить, ни эвакуировать его население. И все ссылки на возможность подобных действий, зафиксированные в дневниках начальника Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) Гальдера и командующего группы армий «Север» фон Лееба, являются результатом их личных размышлений на этот счёт и, в сущности, носят спекулятивный характер.

Ленинградцы так или иначе были обречены на смерть, потому что на истреблении как можно большего количества людей строилась вся политика Гитлера в отношении граждан СССР. И если бы горожане не умерли от голода в непокорённом городе, они бы приняли свою смерть от рук захватчиков в городе, занятом врагом. (Достаточно вспомнить положение мирного населения в оккупированных Харькове, Киеве, Минске и других городах Советского Союза). И это было безальтернативно. Ленинград обязан был выстоять, пусть даже такой высокой ценой.

А пока Ленинград сражался, боролась и область. Усиливалось и крепло партизанское движение (направляемое из Ленинграда), которое всемерно ослабляло позиции врага на занятой территории. Здесь немцы чувствовали себя неуверенно: им приходилось дробить свои силы – части снимались с фронта для поддержания порядка там, где располагались тылы группы армий «Север». Кроме того, подрывался

сам боевой дух солдат вермахта – они впадали в уныние и переставали верить в победу (что имеет принципиальное значение в ситуации ведения войны).

Со своей стороны Ленинград оказывал определяющее воздействие на перспективу существования жителей оккупированных районов, особенно прифронтовой полосы. Он оставался символом прочности государства и доказательством того, что СССР не сломлен врагом и способен продолжать борьбу. Последнее давало надежду населению на освобождение и побуждало его к дальнейшему сопротивлению.

История оккупации – это история народа, но это и история каждого отдельного человека, оказавшегося в зоне правового беспредела, чинимого врагом. В целом, в научной литературе достаточно широкое освещение получили темы, связанные с преступлениями немецких войск и вспомогательных подразделений, с экономической эксплуатацией населения, с депортацией советских граждан в Германию на каторжные работы, с массовым убийством военнопленных, партизан и жителей деревень, им сочувствовавших, с похищением культурных ценностей и т.д. Но особое внимание в последнее время стало уделяться и частным историям людей, переживших период оккупации.

Хорошо известно, что народ жив до тех пор, пока в его «настоящем» присутствует его «прошлое». Базовой основой самоидентификации любого общественного организма является его культурная память – особый род памяти, сохраняющий на многие тысячелетия принципиальную для выживания народа информацию. Но эта память возникает не вдруг. Сначала она существует в форме коммуникативной памяти – непосредственной передачи информации от одних членов общества к другим, а именно – от старшего поколения к младшему.

Многие десятилетия народная память о войне подвергалась жёсткой цензуре со стороны властей. Непосредственные участники военных событий были вынуждены молчать о многом, что не укладывалось в рамки официальной советской идеологии. И только сегодня они, наконец, получили возможность высказаться. В этом смысле, непреходящую ценность обретают рассказы ветеранов, которые органично вписываются в контекст нового направления современного исторического знания – «устную историю».

На сегодняшний день в научной среде сложилось вполне определённое понимание того, что устная история содержит в себе уникальную особенность – возможность заполнять лакуны в традиционном корпусе источников. А это, в свою очередь, открывает дополнительные возможности для более масштабного воспроизведения исторической картины прошлого. Отсюда создаются условия, при которых историческая правда как бы преодолевает искусственно созданные идеологические барьеры и выходит наружу. С этой точки зрения, устная история способна во многом опровергнуть так называемую «официальную версию» событий, то есть позволяет взглянуть на прошлое более реалистично и объективно.

В то же время, важно иметь в виду, что материалы, которыми пользуется устная история, всё же имеют и свои недостатки, ведь индивидуальная память респондентов формируется в ходе социальной коммуникации. Соответственно, восприятие ими исторических событий нередко осуществляется с позиций уже сегодняшнего дня. Кроме того, у них может наблюдаться некоторая политическая ангажированность, наличие каких-то табуированных тем, а также невозможность чётко отде-

лить индивидуальную память от памяти коллективной.

И всё же, даже с учётом указанных сложностей, перед исследователем открывается поле необыкновенных возможностей, ведь свидетельства очевидцев несут в себе заряд подлинности, ни к чему не сводимой уникальности.

Материалы, представленные в данной работе, являют собой в основном устные рассказы тех, кто, будучи детьми и подростками, пережил немецко-фашистскую оккупацию на территории Северо-Запада (преимущественно в Тосненском районе Ленинградской области). Основная часть рассказов записана в ходе непосредственного общения с респондентами и помещена на сайте Ленинградской областной общественной организации социальных программ «Центр женских инициатив» города Тосно (проект «Живая история»).

Другую часть составляют воспоминания, собранные тосненскими журналистами и краеведами в разные годы и помещённые на страницах местных газет и краеведческих сборников. Кроме того, автор посчитал возможным воспользоваться в качестве свидетельства мемуарной прозой бойца 1-й (Кировской) Дивизии народного ополчения Александра Клейна (роман «Дитя смерти», Сыктывкар. 1993). В тексте также используются выдержки из писем и дневников солдат и офицеров вермахта.

Всё это позволяет донести до читателя разноплановые и уникальные сведения о периоде оккупации, запечатлённые глазами очевидцев. При этом ценность, возможно, имеет даже не сам фактический материал (хотя он, безусловно, содержит серьёзную информационную составляющую), а непосредственное впечатление респондентов о том времени. Этот, прежде всего психологический аспект в формировании исторической памяти народа, имеет наиважнейшее значение, и поэтому требует своего раскрытия и осмысления. Именно такую задачу и ставит перед собой автор в данной работе.

Тосненский район накануне войны

Тосненский район расположен к юго-востоку от Санкт-Петербурга. Его райцентр – город Тосно (а годы войны – рабочий посёлок Тосно) – находится от него в 50-ти километрах. Территорию района пересекают две значимые для страны транспортные магистрали – железнодорожная и шоссейная, соединяющие между собой две российские столицы, что придаёт данному району важное стратегическое значение.

На 1 января 1941 года численность населения района составляла 104 385 человек. Наибольший удельный вес приходился на сельских жителей, так как район по преимуществу являлся сельскохозяйственным. В 1930-х годах данную отрасль представляли 12 тысяч хозяйств, 15 колхозов и 5 совхозов. В 1940-м году в районе насчитывалось 115 колхозов и 16 подсобных хозяйств («Ленинское знамя» 23 июня 1940 года. №143). На полях колхозов и совхозов работало перед войной 113 тракторов и 11 зерноуборочных комбайнов.

Однако основной тягловой силой в них всё же оставались лошади. К началу 1940 года из 3398 лошадей, имевшихся в районе, лишь 151 находились в индивидуальном пользовании. В растениеводстве было занято 17 171 га посевных площадей (из них 90% принадлежала колхозам и совхозам). Единоличники засевали 4 га. Почти половина используемой земли отводилась под зерновые, пятая часть – под картофель, 1,5 тыс. га занимали овощи и только 9 га – лён.⁴

3. Пахота на лошадях в Ленинградской области. 1930-е годы

В эти же годы начало активно развиваться молочно-продуктивное животноводство. Увеличивалось поголовье скота. В 1930 году было создано одно из крупнейших хозяйств Тосненского района совхоз «Любань», на фермах которого содержалось 600 голов крупного рогатого скота самой продуктивной на тот момент холмогорской породы.⁴ Соответственно, работникам фермы удавалось достичь неплохих показателей по надоям молока (около 3000 л от одной коровы).

В районе развивалось промышленное производство. Большие природные богатства: глины, пески разных видов, бутовая плита, торф и лес – издавна позволяли развивать на местном сырье кирпичное, гончарное, стекольное, деревообрабатывающее производство, заниматься лесозаготовками. К главным видам производимой продукции относились: строительный кирпич, изразцы, древесная масса и бумага.

В 30-е годы промышленность района представляли 15 промышленных предприятий, из которых два были кооперативными. Это – гончарно-керамический завод «Красное Дрогатино» и Любанский лесозавод.

К концу 30-х годов в районе работали: стекольный завод им. Бадаева, кирпичные заводы в Лисино-Корпусе, Рябово, Никольском, Гертово, керамический завод в Любани («Красный керамик»), выпускавшие свыше 20 млн. штук кирпичей и 300 тыс. штук кровельной черепицы; бумажные фабрики в дер. Керцелово и Мазалово; два торфо-предприятия – Усть-

4. Трактор с сеялкой. Ленинградская область, 1930-е годы

Тосненское и Ульяновское. Работали три лесозавода – в Лисино-Корпусе, в Любани и в Тосно. На их базе были сформированы цехи: токарный, столярный, бондарный, мебельный. Химическую промышленность представлял завод «Крезол» (ст. Поповка), на котором перерабатывались торфяные смолы. Также работало оборонное предприятие № 52 (военно-пороховой завод «Сокол»).

В Поповке работал комбинат по добыче известковой плиты. Активно шла заготовка леса (перед войной в районе насчитывалось 16 лесничеств); из Шапкинских карьеров вывозился высокосортный строительный песок. Кроме того, работали небольшие металлообрабатывающие предприятия, производившие и ремонтировавшие различный хозяйственный инвентарь.⁴ В Помераньи в 1940 году открылся гончарный цех по производству глиняной посуды:

В районе была представлена и лёгкая промышленность. Так, в посёлке Тосно в 1932 году размещалась артель «Красная трикотажница», где 80 трикотажниц (в 2 смены) вырабатывали продукции на полмиллиона рублей.⁵

С середины 30-х годов к работе приступили артели «Металлогалпром» и «Волна», на которых вырабатывали галантерейные и шерстяные изделия, резиновую обувь, игрушки, посуду, мебель, стройматериалы. Пищевая промышленность была представлена хлебопечением, изготовлением напитков и кондитерских изделий. В районе работали 20 мастерских бытового обслуживания по ремонту и пошиву одежды и обуви, парикмахерские, фотоателье и прочие.⁶

С середины 30-х годов началась активная электрификация района. Частично электрифицировали Ульяновку и Поповку. В 1936 году в Тосно была построена электроподстанция мощностью 100 кВт, были освещены улицы посёлка, вокзал и 320 квартир. В Тосно также имелась телефонная станция. Было установлено 145 телефонов.⁶ На 1940 год в районе насчитывалось 1320 радиоточек («Ленинское знамя» 2 июня 1940 года. № 125)». В 1940-м году промышленные предприятия выпускали продукции на 33 млн рублей в год.⁷

5. Электропоезд на территории военно-химического завода № 52. Село Никольское. 1934 г.

Начало войны

22 июня в 12.00 из выступления В. М. Молотова советские граждане узнали о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Хотя люди были встревожены этим сообщением, однако никто не сомневался в скорой победе над врагом, ведь все предыдущие годы им внушали, что СССР – самое великое и могучее государство, а его армия – самая сильная и надёжная.

Уже в первые дни войны во многих трудовых коллективах Ленинграда и области состоялись митинги и собрания. Рабочие и колхозники заявляли о готовности отдать все силы, а если понадобится – и жизнь на защиту Родины. В подобных акциях принимали активное участие и жители Тосненского района. Вот о чём сообщала в эти дни районная газета «Ленинское знамя»:

«Быстро разнеслась по селу Шапки весть о выступлении по радио тов. Молотова. На улице у здания сельсовета состоялся митинг, на котором присутствовало свыше 200 человек. На митинге председатель колхоза «Крепкий путь» тов. Васильев, председатель сельского совета депутатов трудящихся тов. Фёдоров и др. выразив гнев и возмущение колхозников зарвавшимся правителям Германии, заявили о готовности колхозников немедленно встать с оружием в руках на защиту любимой Родины и призвали всех колхозников по-стахановски работать в поле» («Ленинское знамя» 23 июня 1941 года № 145).

«Узнав о выступлении по радио тов. Молотова о разбойничьем нападении германских самолётов на территорию нашей страны, мы, активисты Большелисинского сельсовета, полны гнева и ненависти к зарвавшимся фашистским правителям, мы возьмём в руки оружие и разгромим врага на его территории» («Ленинское знамя» 23 июня 1941 года № 145).

Резолюция митинга рабочих и служащих Тосненского лесозавода: «Мы, рабочие, работницы, служащие и инженерно-технические работники, заслушав сообщение о провокационном нападении фашистской германской клики на нашу родину, возмущены провокаторской политикой фашистских бандитов. Мы уверены, что наша доблестная Красная армия, под руководством партии Ленина-Сталина, раз и навсегда отобьёт у них охоту нарушать наш мирный труд» («Ленинское знамя» 24 июня 1941 года № 146).

Общий тон резолюций митингов и собраний показывает, что их участники недооценивали силы врага. Да, патриотический настрой в обществе был очень высок, но формировался он, к сожалению, на нездоровой почве «шапкозакидательства». Именно по этой причине советские граждане не в состоянии были трезво отнестись к надвигающейся угрозе. Они ни в коей мере не представляли себе, с чем им предстоит столкнуться в самое ближайшее время. И уж, конечно, они даже не могли предположить, что им уже уготовлена роль истребляемых в гитлеровском чудовищном плане «Ост».

Кудряшов Василий Васильевич, 1929 г. р., пос. Красный Бор (Поповка).⁸

«Никакого страха поначалу не было. Мы же были уверены, что Гитлер не дойдёт

до нас. Может, знаете песню того времени, – пели, что малой кровью на чужой территории победим и всё такое... Ещё такая песня была: «Если завтра война, если завтра в поход!» Ну, короче, мы были патриоты, мы не сомневались, что немцев очень быстро разобьют. Вот так мы жили в первые дни войны. Никаких переживаний!»

Тартаковский Д., 1930 г. р., пос. Красный Бор (Поповка).⁹

«Понимали ли мы тогда, десяти-одиннадцатилетние дети, серьёзность происходящего? Думаю, что нет. Осознание пришло спустя месяцы, а пока было простое детское любопытство. Когда разбомбили железную дорогу и станцию, бегали смотреть воронки, собирали осколки и какие-то коробки, сброшенные с самолётов».

Фёдоров М.И., 1930 г. р., дер. Крутик¹⁰:

«Вначале мы не особенно беспокоились, потому что верили, что Красная Армия всех сильнее. Никто не мог предположить, что война дойдёт до нашей деревни».

Иванова Валентина Александровна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино)¹¹:

«Это уже теперь, прожив жизнь, я понимаю: мы не были готовы к такой жестокой и долгой войне. Причём все – и руководство страны, и мы, простые люди. Хотя говорили об этом и даже пели, маршируя строем в противогазах: «Если завтра война...».

Как же жители района узнали о начале войны?

Трофимова Ксения Алексеевна, 1915 г. р., с. Ушаки¹²:

«Радиоприёмники в Ушаках тогда мало кто имел. Мы пошли к нашему завучу Ильинскому, слушали заявление Советского правительства, с которым выступил В. М. Молотов».

Но о том, что началась война, жители узнали не только слушая радио. 22 июня в Тосненском Доме культуры должен был состояться смотр художественной самодеятельности. Планировалось выступление приехавших из района самодеятельных коллективов, просмотр спектакля «Без вины виноватые», вечером – танцы на открытой эстраде под духовой оркестр.¹³

Евсеева (Гагарина) Екатерина Васильевна, 1923 г. р., пос. Тосно¹⁴:

«Весть о начале войны застала тосненцев на праздничном событии – шёл смотр художественной самодеятельности школьников, проходивший в клубе (в бывшем тосненском храме Казанской иконы Божией Матери). В зрительном зале пошёл какой-то шёпот, переходя в громкий разговор, а потом на сцену вышел человек и объявил: «Война!». Тосненцы стали возвращаться в свои дома. Помню, улица Ленина, мостки, ведущие к каждому дому заполненные жителями, и разговоры о надвигающейся беде».

И с этого дня в их жизни начали происходить первые изменения, вызванные военной ситуацией: Указом Президиума Верховного Совета СССР в стране была объявлена мобилизация. (Указ начал действовать с 00 часов 23 июня). Призыву подлежали военнообязанные 1905-1918 годов рождения. Только за первые 10 дней войны Ленинград и область послали в армию и на флот 659020 человек рядового и сержантского состава.¹⁵

В Тосненском районе мобилизацией руководил военком капитан В. И. Серёгин. Согласно мобилизационному плану с 23 июня в войска направлялись резервисты 1-й категории, военные специалисты и добровольцы. Значительную часть мобилизованных направили в 71-ю СД, которая прикрывала границу с Финляндией. С 24 июля началась мобилизация военнообязанных старше 40 лет, часть из которых направили

на формирование 286 СД, воевавшей впоследствии в районе Мга–Синявино.

Молодых людей, окончивших в 1941 году 10 классов и пришедших добровольцами, военкомат посылал в различные военные училища. Известно, что часть этих ребят была зачислена курсантами 3-го Ленинградского артиллерийского училища. С войны почти никто не вернулся.¹⁶

И ещё одна группа рабочей молодёжи была направлена в эти дни в армию. 25 июля Тосненским РВК были призваны 87 новобранцев в возрасте 19-20 лет (1921-1922 года рождения). Они должны были пойти служить по призыву осенью 1941 года (согласно Конституции 1936 года на службу в Красной армии призывались юноши с 19 лет), но в сложившихся обстоятельствах они были призваны досрочно. (К слову, о судьбе только 30-ти человек из этих 87 можно с большей или меньшей степенью достоверности сказать хотя бы то, что часть из них пропала без вести. Остальные же 57 так и сгинули в пожаре войны, не оставив о себе ничего в армейских документах той поры. Они нигде не числятся, их как бы и не было вовсе. Об этих ребятах помнят только потомки выживших в оккупации родственников да книга призывников Тосненского РВК 1941 года).

Все эти ребята попали в 78-й запасной стрелковый полк, формировавшийся в Ленинграде, затем – перераспределены по различным воинским подразделениям. Не менее 13-ти тосненцев оказались в 50-м БАО (батальон аэродромного обслуживания) в деревне Лезье (Сологубовка) – в нескольких километрах от Шапок, где в 1940 году был оборудован небольшой аэродром подскока. Служили они, в основном, рядовыми стрелками¹⁷.

Всего до 25 августа на фронт ушли **6 672** военнослужащих¹⁸.

Полякова (Квашнина) Любовь Александровна, 1930 г. р., с. Шапки:¹⁹

«Отца забрали в армию, а мы в Тосно ездили его провожать. Долго стояли у военкомата. А мужики-новобранцы сидели и пили там одеколон, – водки-то не было. А потом их погрузили в вагон и отправили...».

Кашинцева (Максимова) Татьяна Васильевна, 1925 г. р., дер. Костуя:²⁰

«Наша деревня была большая – больше 100 дворов. Жителей было за 1 тысячу. Помню, как длинный, три человека в ряд, отряд наших мобилизованных мужиков зашагал мимо озера под горку в сторону Шапок...».

Васильева Лилия Михайловна, 1932 г. р., дер. Костуя:²¹

«О начале войны в деревне говорили, ходили слухи. Военнообязанных вызывали в Тосно, причём не говорили, что отправляют на войну. Скоро в деревне остались одни старики, инвалиды, женщины и дети. Моего отца не взяли по возрасту».

А что ещё вспоминают жители района о первых днях войны?

Тартаковский Д., 1930 г. р., пос. Красный Бор (Поповка):⁹

«Первое время особых признаков войны не ощущалось. Вечером слушали радиоприёмник у Бузенов (хозяева дома, где жил рассказчик. – Авт.). Помню передачи немецкого радио – громкие, как бы истеричные речи, с бравурной музыкой. Хозяйки-немки (в Поповке жило много обрусевших немцев. – Авт.) слушали молча, нам ничего не переводили. Что-то переводил папа. Вскоре радиоприёмник было приказано сдать, взамен выдавали квитанции, обещая вернуть приёмники после войны. Наш детекторный приёмник, принимавший всего одну радиостанцию,

6. Отправление советских солдат и командиров на фронт в июне 1941 г. Фото – Д. Чернов.

тоже конфисковали. Много разговоров было о немецких шпионах и диверсантах. Детям говорили, что они не только выведывают советские военные тайны и подают сигналы вражеским самолётам, но и могут отравить наших людей. Поэтому, мол, нужно быть очень бдительными, не разговаривать с чужими людьми и не принимать от них угощений».

27 июня 1941 года Военный совет Северного фронта принял постановление о привлечении жителей Ленинграда и пригородов к трудовой повинности. Отныне жители города и области, не связанные с военным производством, направлялись на строительство оборонительных сооружений. При этом вся тяжесть в создании фортификаций легла на плечи женщин и молодёжи допризывного возраста.

Им приходилось рыть траншеи, окопы, противотанковые рвы, устраивать лесные завалы. Работа шла непрерывно. В предполье и перед основной полосой сапёры устанавливали минные поля и проволочные заграждения. Особенно масштабно развернулись эти работы в середине июля и в августе 1941 года, когда на дальних и ближних подступах к Ленинграду работали сотни тысяч человек. Всего на строительстве оборонительных узлов Бабино–Тосно, Слуцк (Павловск)–Колпино, Луга, Красногвардейск (Гатчина), Кингисепп–Ораниенбаум и в восточном секторе в июле–августе ежедневно работало по 150 тысяч человек.²²

Трудовая повинность коснулась и жителей Тосненского района. Вот официальное распоряжение «О привлечении граждан Тосненского района Ленинградской области к трудовой повинности. Решение Исполкома Тосненского районного Совета депутатов трудящихся от 29 июня 1941 года», напечатанное в газете «Ленинское знамя» 1 июля 1941 г. (№ 152):

«Привлечь с 29-го июня 1941 года всех граждан Тосненского района к трудовой повинности для выполнения оборонных работ <...> Всех трудоспособных граждан обоёго пола – в возрасте от 16 до 60 лет мужчин и от 16 до 50 лет женщин, за исключением работающих на предприятиях оборонной промышленности».

Смирнова (Гурьева) Раиса Сергеевна, 1925 г. р., г. Любань ²³:

«Немцы наступали очень быстро. Население увозили в Чудово рыть противотанковые рвы. Я с мамой тоже там была. Нас, комсомольцев, собрали в школе, выдали противогазы и дали задание тушить балки, если они загорятся. На школьных зданиях поставили ящики с песком, так как школы были деревянной постройки».

Костина (Гаврилова) Зоя Борисовна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ²⁴:

«Нас ещё отправляли в Ям-Ижору окопы рыть, противотанковые рвы такие глубокие. Всех совершеннолетних собирали и туда отправляли. Потом мы удрали от туда».

Фёдоров М. И., 1930 г. р., дер. Крутик ¹⁰:

«Вскоре у самой деревни, от устья Ровани до деревни начали строить оборонительное сооружение в виде вала высотой 3 метра. Строили деревенские жители и ленинградцы, в основном женщины. Над стройкой стали появляться немецкие самолёты. В конце августа стало известно, что немцы заняли Чудово и движутся к Ленинграду по Московскому шоссе. Противотанковый вал, возведённый с таким трудом, не стал для них препятствием. Стройка прекратилась, рабочие ушли в Ленинград, а местные жители начали строить себе укрепления».

Быстрое продвижение немцев к Ленинграду вселяло в людей тревогу. Не внушали оптимизма и небольшие заметки в районной газете под рубрикой «Вырежи и сохрани»:

«Ленинское знамя» от 17 июля 1941 года (№ 166): «Защита от действия авиабомб. Постройка убежищ»;

«Ленинское знамя» от 23 июля 1941 года (№ 171): «Зажигательные бомбы и борьба с ними»;

7. Женщины и подростки роют противотанковый ров под Ленинградом. Июль 1941 г.

«Ленинское знамя» от 6 августа 1941 года (№ 183): «Светомаскировка населённого пункта».

А между тем информации не хватало, а та, что давалась, была неполной и неточной. Ходили всевозможные слухи, росла общая напряжённость. При этом нельзя сказать, что руководство страны не занималось проблемой грамотного освещения хода военных действий. С 25 июня все средства массовой информации начали публиковать сводки Советского информационного бюро (Совинформбюро). Однако оценить масштабы происходившей катастрофы и понять, что же в действительности творилось на фронтах, из них было почти невозможно.

«От Советского Информационного бюро» («Ленинское знамя» от 8 июля 1941 года № 158):

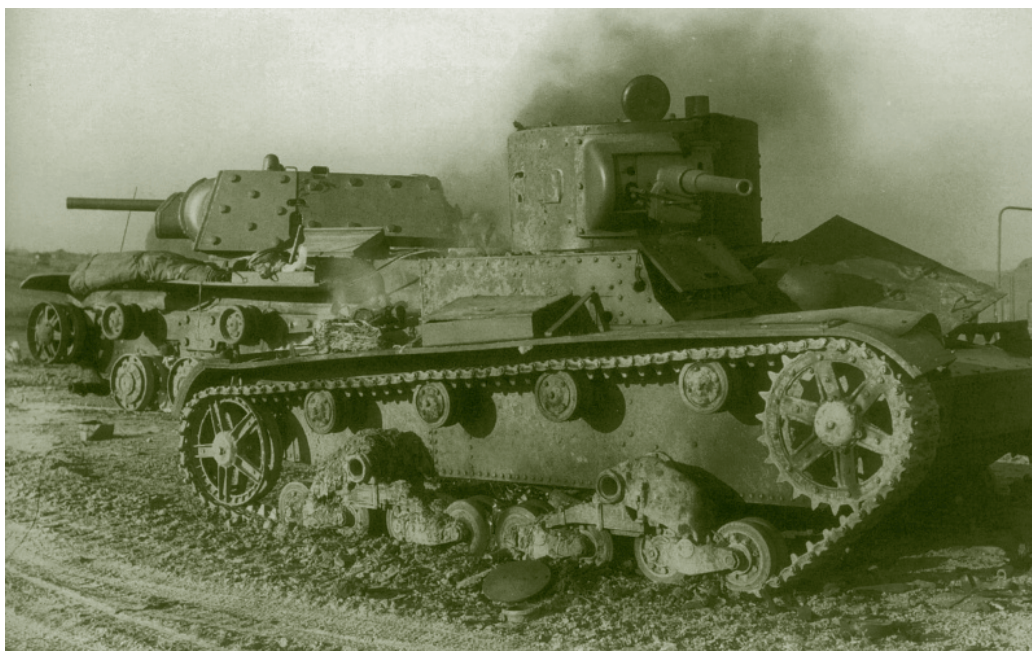
«Чем большие потери несут немецко-фашистские войска, тем всё более даёт о себе знать угнетённое настроение немецких солдат. Появляются новые признаки усталости немецко-фашистских войск. С каждым днём увеличивается количество германских перебежчиков... Пленные говорят, что сейчас уже не одиночки, а многие тысячи немецких солдат начинают понимать, что их одурачили и повели на верную гибель. Они выжидают лишь удобного случая, чтобы сдаться в плен Красной Армии» (Между тем, дело обстояло как раз наоборот – сотни тысяч советских бойцов попали в немецкий плен именно в эти дни. А вообще в первые полгода войны в немецком плену оказалось примерно 3 350 000 человек. Более точную цифру установить невозможно, а та, что имеется, скорее всего, занижена – Авт.)²⁵.

«От Советского Информационного бюро» «Ленинское знамя» 11 июля № 161):

«В течении 9 июля продолжались ожесточённые бои. На Островском направлении наши войска ведут упорные бои, сдерживая наступление превосходящих сил противника». (4 июля немцы захватили г. Остров, а 9 июля заняли Псков. – Авт.).

8. Советские военнопленные, лето 1941 г.

9. Подбитые в боях на дороге Псков – Остров советские танки Т-26 и КВ-1, июль 1941 г.

«От Советского Информационного бюро» (вечернее сообщение 13 июля) («Ленинское знамя» 15 июля 1941 года № 164):

«В течение 13 июля происходили крупные ожесточённые бои на Псковском, Витебском, Новгород-Волынском направлении» (10 июля началась битва за Ленинград. – Авт.)

«От Советского Информационного бюро» (вечернее сообщение 14 июля) («Ленинское знамя» 17 июля 1941 года № 166):

«На Псковско-Порховском направлении с утра в ходе боёв наши войска окружили группу мотомехчастей противника и уничтожили её по частям, захватив значительное количество танков, машин и разного оружия. Остатки противника отбрасываются на запад».

«От Советского информационного бюро» (вечернее сообщение 14 августа) («Ленинское знамя» 16 августа № 192):

«В течение ночи на 14 августа на фронтах чего-либо существенного не произошло» (В это время велись ожесточённые бои под Лугой. – Авт.)

Получая подобную информацию, люди чувствовали, что от них что-то скрывают, но любые догадки относительно истинного положения дел пресекались как проявление паникёрских настроений:

«Военный Трибунал войск НКВД, на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля «Об ответственности за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», рассмотрел ряд дел о паникёрах и распространителях ложных слухов, сеющих с провокационной целью панику среди населения».

Заведующий магазином Торфснаба в районном центре С.К. Дьячков распространял среди покупателей магазина небылицы, могущие вызвать тревогу. Военным трибуналом С.К. Дьячков приговорён к 5 годам тюремного заключения» («Ленинское зна-

мя» 14 августа 1941 года № 190).

Кто-то продолжал слепо доверять официальной трактовке событий, но многих это уже раздражало: слишком разителен был контраст между предвоенной пропагандой, тем, что передавалось в сводках Совинформбюро и тем, что они наблюдали на улицах своих городов и посёлков:

Трофимова Ксения Алексеевна, 1915 г. р., с. Ушаки ¹²:

«...Ещё в газетах читали о боях под Витебском, Полоцком и других направлениях, а мимо нас уже гнали скот из-под Новгорода, Старой Руссы. Пыль на шоссе, мычание измученных коров, плач детей – безмерное людское горе катилось на нас с запада...».

Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно ²⁶:

«Военкомат был там, где сейчас кафе «Мамина радость» («Шоколадница»). Народу много стоит, очереди кругом. Женщины стоят, плачут. Страшное дело было. Но до нас, ребят, не доходило, что происходит. А потом, помню, скот гнали, большие гнали стада. Где сейчас Колхозная улица, там большие поля совхозные были, на которых эти стада стояли. Нас прямо приглашали: «Приходите доить!» Рубль за это только платили. Мы брали вёдра и ходили доить. Куда-то гнали коров. По-моему, говорили, что в Вологду».

Иванова Валентина Александровна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹¹:

«Никто из нас не верил в начале войны, что немцы доберутся до нас. Сводки Информбюро были достаточно обнадеживающими, успокаивающими. И все мы, жители посёлка, трудились на оборонных работах. Мы, конечно, верили сводкам, сообщениям по радио. В них говорилось, что наши сделали прорыв и немцы отброшены от Чудово чуть ли не на сотню километров. Но, тем не менее, на тех же оборонных работах мы встречали наших солдат – голодных, оборванных, и они спрашивали: «Скажите, где мы находимся?» То есть, армия откатывалась назад».

Война приближается

Очень скоро в небе над Тосно и другими населёнными пунктами стали появляться первые немецкие самолёты. Поначалу они выглядели вполне безобидно.

Травкина (Кустова) Людмила Дмитриевна, 1935 г. р., пос. Тосно ²⁷:

«Первой бомбёжки мы не застали – уехали в эвакуацию. А вот первый самолёт я помню. Ночью это было. Все высыпали на улицу Ленина и вместо того, чтобы прятаться, все смотрели с любопытством на этот гудящий самолёт. А самолёт просто пролетел над посёлком и скрылся».

Тартаковский Д., 1930 г. р., пос. Красный Бор (Поповка) ⁹:

«Потом в небе стали появляться одиночные немецкие самолёты. Нас учили, как по звуку моторов отличать немецкий самолёт от советского. У советских самолётов, летящих на высоте, звук мотора ровный, а у немецких с завыванием».

Однако ситуация быстро менялась: немцы принялись бомбить стратегически важные объекты – железнодорожные вокзалы и станции, мосты, дороги, аэродро-

10. Строй немецких бомбардировщиков Н-111 в советском небе

мы, составы с людьми и оборудованием. Бомбы рвались в деревнях и посёлках, разрушая дома, калеча и убивая людей.

Кузьмина (Катъшева) Лидия Николаевна, 1937 г. р., с. Шапки ²⁸:

«Я хорошо запомнила, как началась война. Помню страшные бомбёжки. У моей кровати было приготовлено пальто, чтобы можно было сразу одеться. Как только услышим, что начинают самолёты летать, так сразу одеваемся и бежим туда, где была маленькая землянка. И все в эту землянку битком. И меня заставляли читать «Отче наш», потому что я знала эту молитву. Молились, чтобы обошлось, а то иначе бы нас всех сразу – всмятку».

Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань ²⁹:

«Я помню, стоял август, когда появились первые немецкие самолёты. Нам было странно на это смотреть. До этого мы видели только наши самолёты, а тут вражеские появились. Юнкерсы. Их «рама» называли. Вот если спускаться к мосту в нашу сторону, там был такой погреб. Вот сюда и была сброшена первая бомба. Они, наверное, целили в мост, потому что на нём были установлены зенитки, но не попали по нему. Ну, мы туда побежали смотреть, осколки собирать, потом прибежали домой, рассказали об этом родителям».

Смолина (Краснова) Зинаида Александровна, 1935 г. р., пос. Тосно ³⁰:

«Мы с Валею Кондаковой собирали ягоды на болоте, а болото было там, где сейчас «Магнит». На этом месте мы и жили, правда, недалеко. И вдруг летит самолёт, гудит страшно. Я говорю: «Валя! Что-то падает!» А это были бомбы. Самолёт летел и бомбил. Склады были у нас там, где «Магнит» и железная дорога к ним – у железной дороги склады. Там сахар был, всё горело, а люди кинулись собирать. А ещё помню, как мужики пили там спирт. Помню, папа Вали, с которой мы дружили, напился этого спирта и ослеп. Ну, так страшно было выходить! А потом мы все

11. Памятник тосненцам – жертвам вражеской бомбардировки
рабочего поезда 26 августа 1941 года. Железнодорожная станция Тосно-II. 2016 г.

прятались. Как только сирена загудит, мы бежим к Жавриным. У них был окоп в саду с дверцей. И однажды их дом разбомбило, а от дома брёвна рассыпались по земле. Всех нас придавило в окопе. Дверь сверху брёвнами придавило – не открыть. Нам было не выйти. Мы бы так и задохнулись, но соседи знали, где мы, и откопали нас. Вышли и видим: наш дом горит!»

Афанасьев Николай Иванович, 1928 г. р., дер. Веретье ³¹:

«Ходили мы с ребятами на речку Тигоду купаться. День был солнечный. И вот, накупавшись, идём стайкой домой, и увидели, точнее – услышали, как летят немецкие бомбардировщики. У нас рядом, в конце деревни Бородулино, был аэродром. До войны каждый год там лётчики-курсанты жили в палатках. Вот этот объект и интересовал немцев прежде всего».

Бисиков Анатолий Александрович, 1930 г. р., дер. Степановка ³²:

«Запомнилась первая бомбёжка: немец бил по составу на железной дороге, но бомбы падали мимо. Сестру ранило в ногу, убило лошадь, ранило козу и быка. Колхозный скот собрали и погнали в сторону Никольского».

Смолина (Краснова) Зинаида Александровна, 1935 г. р., пос. Тосно ³⁰:

«Отцу надо было на фронт уходить, и он пришёл с нами попрощаться. В Тосно-2, где сейчас памятник стоит, разбомбило состав. Поздно вечером отец пришёл домой – он раненых помогал эвакуировать. Пришёл, плачет: состав разбомбило, а там много было его знакомых. А на следующий день он уехал на фронт» (поезд с тосненскими рабочими разбомбило 26 августа. – Авт.).

Григорьева (Гончарова) Елена Михайловна, 1937 г. р., пос. Тосно ³³:

«Начало войны не помню – только постоянный ужас от страшных бомбёжек, пожаров, воя самолётов: бомбили станцию и железную дорогу. От этих всполохов и взрывов я пряталась под длинную бабушкину юбку и утыкалась ей в колени, если мы не успевали спрятаться в окопе, который был вырыт во дворе. Во время очередного налёта самолётов (а они летали так низко, страшно воя и пикируя) мы оказались в огороде, и мама бросила нас в канаву, сверху накрыв своим телом».

Плановая эвакуация

По мере приближения врага повсеместно начала разворачиваться эвакуация материальных ценностей и людей. В первую очередь вывозилось оборудование предприятий, специалисты и угонялся колхозный скот. Всё, что не удавалось вывезти либо пряталось, либо уничтожалось.

Планин Евгений Васильевич, 1925 г. р., пос. Тосно ³⁴:

«Как паспорт получил – сразу работать пошёл на лесозавод. Специальность называлась на пилораме – рамщик-пилоточ. И работал до прихода немцев. Война началась, мы все станки с завода закопали там, в поле. Всё замаскировали. Всё равно предатель выдал».

«С началом войны жители Лисино перешли, как и вся страна, на особый режим жизни. Первым секретарём Тосненского райкома партии был С. А. Крючин, человек, по отзывам, решительный и смелый. Он вызвал директора леспромхоза А. П. Лескина на бюро и распорядился о мерах по эвакуации оборудования предприятия. Накаляли обстановку известия о зверствах фашистов в отношении коммунистов и комсомольцев. Надо было спасать семьи. Крючин сказал Лескину: «Эвакуацию проводите согласно намеченному плану. Всё, что не успеете вывезти или уничтожить, передайте инженеру Лазареву В. А., который остаётся в Лисино». Благодаря энергичным мерам удалось вывезти тракторы и автомобили и перегнать конское поголовье из Лисино, хотя и с потерями, так как посёлок подвергнулся бомбёжке» (*Соловьёв С. А.*) ³⁵.

В районе осуществлялась также и эвакуация людей, но проводилась она медленно и неэффективно. Для того, чтобы предотвратить панику среди гражданского населения (а она могла, в свою очередь, перерасти в хаос и дезорганизовать оборону) выезд населения разрешался только по указанию Совета по эвакуации или с разрешения армейского командования. Но распоряжение об эвакуации зачастую поступало слишком поздно. Десятки тысяч людей оказывались в ловушке.

Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно ³⁶:

«Было лето. Я помню, как отец (он был бригадиром на железной дороге) очень ждал, что вот время настанет, и нас эвакуируют. А никто нас не забирал. По радио мы слышали, как говорят: «Не волнуйтесь, немцы ещё далеко». А они ведь совсем

рядом были! Стоял август, было очень тепло, но помню: мне было страшно из-за того, что нас не забирают. А ведь все начальники-то уехали!»

Паэгле (Лабутина) Серафима Михайловна, 1932 г. р., пос. Тосно ³⁷:

«8-го августа отец принёс талон на эвакуацию. 19-го августа первый эшелон из Тосно ушёл с эвакуируемыми вглубь страны. Мы должны были ехать следующим, но он уже не пошёл (20 августа немцы взяли Чудово, перерезав тем самым дорогу Москва-Ленинград. – Авт.)

«Когда началась эвакуация (из Тосно. – Авт.) и подали грузовые машины, то уехать могли не все. Многим женщинам с детьми и старикам не удалось даже приблизиться к машинам...» (Седых В.А.) ³⁸.

Антюфеева Серафима Ивановна, пос. Красный Бор (Поповка) ³⁹:

«Через Колпино и Поповку шли поезда из Ленинграда на восток. Составы были из вагонов и пассажирских, и товарных. Было явно заметно, что уезжают семьи руководителей разного ранга, для которых вопрос эвакуации разрешали местные власти. Эти семьи без труда доставали проездные документы, уезжали не только сами, но и загружали вагоны личным имуществом. Они не забывали увозить с собой и такие громоздкие вещи, как рояль и т. п.»

«Вагонов было мало, детей много. Ребят без различия возраста и пола клали по двое "валетом" на полку, причём использовались и полки третьего яруса – багажные. Взрослые не из чиновных первую ночь ехали просто в тамбурах. Зато люди ушлые и с "положением" ехали просторно, целыми семьями, с домработницами и огромным количеством скарба. Не тогда ли впервые услышал я слово "блат"?» (Герман М. Ю.) ⁴⁰.

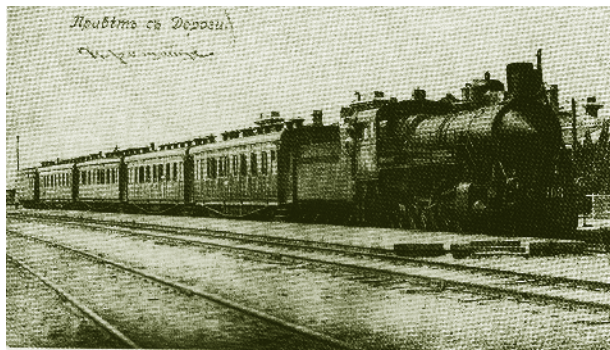
Антюфеева Серафима Ивановна, пос. Красный Бор (Поповка) ³⁹:

«Жители, работавшие на производстве, не имели возможности заниматься вопросами эвакуации – они работали, им надо было работать, их не раз уверяли, что немец далеко и для эвакуации нет оснований. Всякая попытка эвакуации была недоступна для «простонародья», ведь требовался пропуск, а к билетным кассам вообще не было возможности подойти. 27-го августа 1941 года пассажирский поезд из Ленинграда дошёл только до Колпино, а дальше – по направлению к Тосно – не пошёл. Рабочие Ижорского завода пошли домой пешком. Навстречу им шли люди – много людей, все пешком. Шли женщины с детьми, все с котомками, узлами... Шли военные в грязных шинелях. Было заметно, что многие из них ранены.

Таким образом, люди о близости немцев узнали в последние часы (!), когда уехать уже было невозможно».

Кудрявцева (Горделева) Лидия Львовна, 1930 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁴¹:

«Мы на даче здесь (в Саблино) были, мама работала на Ижорском заводе. 27-го августа она была выходная и поехала сюда. И вдруг, ночью, тогда же

12. Такие поезда курсировали в 30-40-е годы.

не было Советского проспекта, а была Графская дорога – по ней пошли войска. Мама вышла и говорит: «Скажите, вы что, отступаете?» Командир отвечает: «Спите спокойно, у нас передислокация». Они прошли, а утром снова пошли войска, да только уже другие...».

Иванова Валентина Александровна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹¹:

«Я до сих пор думаю, почему так много людей осталось на занятой немцами земле? В Ульяновке (Саблино) власти об эвакуации не думали. Тем, кто пытался просить документы на эвакуацию, отвечали так: «Не сейте панику!» А может просто никто не хотел знать настоящее положение вещей?»

Область всё делала, чтобы помочь отстоять Ленинград: организованно проходила мобилизация, принимались энергичные меры по созданию истребительных отрядов и батальонов, людей отправляли на строительство фортификационных сооружений, сельскохозяйственные и промышленные предприятия работали на военный лад. И только вопросы эвакуации населения оставались всё время как бы на втором плане – «ещё успеем!»

Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань ²⁹:

«Я знаю, что из Ленинграда эвакуировали детей на поездах. Эти поезда останавливались у нас в Любани. Мы бегали туда, кричали им, разговаривали. Они бросали нам конфеты, разные угощения (ну, тогда они ещё были). Да, их увозили. А нам никто ничего не сказал о том, куда уходить, куда прятаться. В общем, нас просто бросили на произвол судьбы...»

Как вспоминала секретарь Леноблисполкома К. Д. Белокурова: «...никто не ожидал столь быстрого вторжения противника, никто не предполагал, что главной задачей в первые дни войны станет не предусмотренная никакими планами и неподготовленная эвакуация населения, промышленных предприятий, материальных ценностей. Решение о ней было принято Леноблисполкомом с большим запозданием, только 8 июля 1941 года. Постановления об эвакуации отдельных районов также хронически запаздывали – к их тексту, написанному на пишущей машинке, приходилось дописывать от руки новые наименования. Неоднократно пришлось эвакуировать ленинградских детей. Много сложностей возникало при выводе из прифронтовой зоны скота. При эвакуации нередко «забывали» о колхозниках, которые должны были обеспечить уборку урожая и выполнение нарядов на трудовую повинность...» ⁴².

Вот основные лозунги, которые в те дни публиковались в районной газете «Ленинское знамя»:

«Ни одного клочка земли не оставим пустовать!»

«Бить по врагу отличным проведением сеноуборки, образцовым уходом за посевами!»

«Бить по врагу досрочной сдачей сельхозпродукции!»

«Отлично проведём уборочную!»

«Самоотверженным трудом на полях будем крепить тыл!»

Невольно создаётся впечатление, что жителями прифронтовых районов жертвовали, ради спасения Ленинграда. Конечно, такое предположение звучит достаточно резко. Никто специально такой цели не ставил. Но в силу того, что общая атмосфера некоторого пренебрежения в отношении сельского населения по сравнению с городским, безусловно, существовала, то и подход к эвакуации селян был

несколько иным, чем к эвакуации горожан.

Из дневниковых записей, а также из воспоминаний ленинградцев следует, что многие из них просто отказывались от эвакуации, надеясь как-то переждать опасность в городе. (И это касалось отнюдь не специалистов, а обычных, то есть рядовых жителей города). Однако среди жителей Ленинградской области таких отказов вообще не наблюдалось. Из многих сотен респондентов ни один (!) не указал на возможность подобного случая. Этот факт показывает, что селянам (рядовым гражданам, а не специалистам) всё-таки реже, чем горожанам, предоставлялась возможность покинуть опасные районы. Именно в этом (и прежде всего, в этом) смысле, можно говорить о допущенной несправедливости в отношении жителей Ленинградской области.

Враг совсем близко. Стихийная эвакуация

А под Лугой и Новгородом в это время разворачивались тяжелейшие бои. Красная армия стойко оборонялась, но силы были слишком неравными. На Новгородском направлении (левый фланг Лужской оборонительной группировки) немецкие войска почти в 3 раза превосходили противостоящую им 48-ю армию генерала Акимова. 12 августа после упорных боёв пал Шимск, 16 августа – Новгород, а 20 августа немцы захватили Чудово. Железная дорога Москва-Ленинград была перерезана. Таким образом, связь 48-й армии с остатками Северо-Западного фронта нарушилась.

По сути, 48-я армия перестала существовать – в ней оставалось всего 6235 человек личного состава, 5043 винтовки и 31 артиллерийское орудие. В таком состоянии она должна была защищать Ленинград ⁴³.

23 августа измотанным в боях солдатам этой армии было приказано занять оборонительный рубеж Грузино-Любань, который защищал город с юго-востока. Но вероятность удержать его при имеющихся средствах была ничтожной. Так война вплотную подкатилась к границам Тосненского района.

Лёвин П. П., с. Померанье ⁴⁴:

«Утром 18 августа, когда в газетах писалось о приближении врага к Новгороду, мы увидели поток беженцев разных сословий, вплоть до обитателей дома для душевнобольных из Колмова и красноармейцев. Вечером немцы дважды бомбили Померанье. Поток беженцев усилился. Люди говорили, что враг приближается к Чудово и советовали спастись в лесу».

Кондаков Леонид Николаевич, 1925 г. р., пос. Тосно ⁴⁵:

«Надо же уезжать куда-то, не зная, куда! Ну, решили в Ленинград. Пока собирались, а войска идут и идут. Привязали к телеге двух коров, взяли шмотки, два мешка сухарей и поехали. Только доехали до Корпусного шоссе (*шоссе Барыбина. – Авт.*) – нет, не пропускают нас. Наши войска здесь – будет отступать гатчинская группировка. Направили нас на Мгу, через Шапки. А там тоже отступление, не дают нам

13. Убитый красноармеец и разбитая 76-мм дивизионная пушка

пройти: техника идёт, мы мешаем. Мы решили ехать по обочине, а не по дороге. У Балашова моста (*мост на Шапки через реку Тосну. – Авт.*) опять проверка документов. А у меня только что получен паспорт, а прописки нет – я не успел прописаться, в июле паспорт получен. Но пропустили, а дальше не пройти: войска идут. Да ещё как на грех, стали немцы бомбить. Мы в сторону отошли, в лес спрятались, стали добираться до Нурмы».

Кузьмин Виктор Иванович, 1936 г. р., с. Шапки ⁴⁶:

«Наши солдаты уходили в Ленинград. Между Шапками и Старосельем было картофельное поле, и солдаты собирали картошку. А их на бреющем полёте немецкие самолёты из пулемётов начали расстреливать!!»

Данилов Аркадий Константинович, с. Шапки ⁴⁷:

«24 августа Шапки впервые бомбили и нас обстреляли на бреющем полёте. Из Шапок мы уходили через «горелые горки» к Царицыной горе и дальше, в Кирсино. (*От песчаных карьеров деревни Кирсино к станции Саблино была проложена узкоколейка. Этой дорогой бежали от немцев многие дачники и некоторые жители Шапок. – Авт.*). Всю дорогу нас бомбили с самолётов мелкими бомбами из кассет. В Кирсино начальник станции грузил на паровоз сейф, знамя, какие-то документы. Народ заставил его прицепить к паровозу пультмановский вагон. Только отъехали от Кирсино, налетели немецкие самолёты и ударили по вагону. Машинист затормозил. Мы все бросились врассыпную. Так было несколько раз, были убитые и раненые. Самолёты улетали, мы возвращались обратно. Мама не выдержала и сказала, что надо идти пешком, иначе нас всех убьют. Мы пошли через лес пешком. Далеко отойти не успели, раздался взрыв. Прямое попадание бомбы в вагон и путь. Паровоз был в воронке. Рельсы стояли дыбом. Окровавленное тело машиниста

14. Беженцы в ближних пригородах Ленинграда.
Коллекция Д. Жукова

свисало из окна кабины паровоза. Около 10 часов вечера 27 августа мы добрались до Саблино».

Лёвин П. П., с. Померанье ⁴⁴:

«Мы поняли, что нашему жительству в Померанье приходит конец. Покинули свои дома и пошли на восток с целью перейти Волхов. Мы полагали, что Волхов немцам не перейти. Но миновав деревню Молоди, мы узнали, что перейти Волхов нам не удастся, так как немцы бомбят переправы и уже потопили паром с беженцами. От Волхова доносились частые взрывы. Мы вернулись в Померанье».

Иванов Ким Васильевич, 1930 г. р., г. Чудово ⁴⁸:

«Приехали на переправу, а там – тысячи людей. Паром ходил в Грузино – с одного берега на другой. Причём, паром передвигался вручную. На него 4 или 5 подвод помещалось, а люди набивались битком. До сих пор перед глазами эта картина, невозможно её забыть. И ненависть к немцам до сих пор в моей памяти живёт. Военных среди нас не было. Здесь всё были только беженцы: кто козу вёл, кто корову, кто тележку катил, я велосипед свой вёз. И вся эта масса людей двигалась, чтобы уйти от немцев в сторону Тихвина. Очередь была дикая. Неожиданно немецкий самолёт вылетел из-за облака и на бреющем полёте стал нас расстреливать. Зрелище было жуткое. Это просто мясорубка была! Мне не забыть этого никогда. Это был расстрел мирных людей! Он же видел, гад, что ни танков, ни военных – ничего нет, просто беженцы с детьми. Он два захода сделал, и из всех пулемётов, сколько на борту было, все патроны расстрелял с высоты 50 метров. Это почти в упор. Я видел его морду и руки в кожаных перчатках, которыми он грозил. Кому он грозил? Беззащитным людям! По нему же никто не стрелял, наших истребителей не было. Он просто развлекался. Короче говоря, паром был на середине реки, когда второй самолёт спикировал, и бомба угодила в паром. Все, кто был там, пошли на дно – и

лошади, и люди. Везде тонущие, раненые, кругом крик, стоны, громкий плач женщин и детей».

Собственно, с повсеместного уничтожения беженцев и начала обретать свои конкретные черты гитлеровская политика обезлюживания занимаемых территорий.

Рабочие продолжают работать

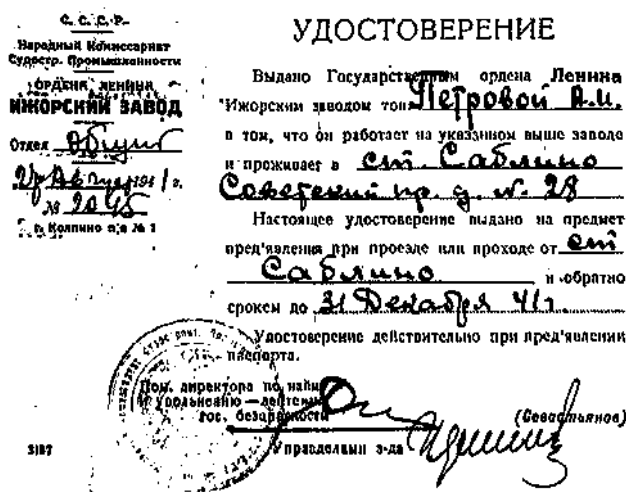
Ещё в 1940 году 26 июня Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. А в марте 1941 года Правительством было принято решение о переводе промышленности на выпуск военной продукции по плану военного времени. 30 июня 1941 года Совнарком СССР утвердил общий мобилизационный народнохозяйственный план, предусматривающий перевод всей экономики на военные рельсы. В этих условиях самовольный уход с работы считался уголовным преступлением. Таким образом, покинуть свои рабочие места, даже находясь в опасной близости от фронта, советские люди без соответствующего разрешения не могли.

Иванова Валентина Александровна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹¹:

«У нас в посёлке почти все работали на Ижорском заводе, а это – оборонное предприятие. И с начала войны там трудились без выходных дней. И только 28 августа был объявлен выходной день для того, чтобы все рабочие собрали вещи и перешли на казарменное положение».

Тихонов Евгений Васильевич, 1921 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁴⁹:

«День 28 августа: Я уже работал на Ижорском заводе (жил в Саблино). Ду-
маю: «Ехать или не ехать на работу?» А работали с утра, с 8 часов. Говорят, что немцы в Тосно, вот я и думаю ехать или нет? А пришёл поезд из Колпино в Саблино, и я уехал». Но нас обстреляли. Поезд остановился. Кто был ранен, кто кричал. Все выскочили из вагонов и бежать. А мы – пешком в Колпино. Когда я пришёл на завод (к 11 часам) мне говорят: «Где ты так долго был?» – это же ЧП, что я к 8-ми часам на работу не пришёл! Я говорю: «Немцы

15. Последние предоккупационные документы жителей Ульяновки

подходят, они в Тосно, и я не знал, ехать мне или не ехать» – «Что ты говоришь?! Там просто десант выбросили, так его уничтожат скоро!». Мне сказали: «Иди, работай!» Ну, я и пошёл. А родные остались в Саблино: мать, отец, сестра и брат».

Похоже, что привычные к дисциплине, рабочие не вполне адекватно оценивали ситуацию:

Пчёлкина Вера Алексеевна, 1936 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁵⁰:

«Война застала нас в Ульяновке. Отец продолжал работать на Ижорском заводе. Вечером приехал с работы, а ночью Ульяновку заняли немцы. Папа вместе с другом Павлом Фёдоровым решили пешком через лес идти в Колпино на завод. Немцы их поймали и хотели расстрелять, как партизан. Спасло их то, что за них заступилась женщина (немка), которая брала у нас молоко. Она пошла в комендатуру и защитила их».

Многие жители Тосненского района не только работали на Ижорском заводе, но и обслуживали железнодорожную магистраль. Все они также имели бронь, поэтому к приходу немцев немало мужчин трудоспособного возраста волей обстоятельств оказалось на территории, занятой врагом.

Последние часы

В конце августа немцы продолжали наступать на новгородском направлении. Они двигались вдоль Московского шоссе, и 25 августа в 15.00 вошли в Любань. В это время путь на Тосно им преграждала лишь изрядно потрёпанная в боях 70 СД. Но скоро она была сбита со своих позиций, и в ночь с 27 на 28 августа немцы заняли Тосно.

В Москве падение Тосно вызвало крайнее беспокойство, ведь до Ленинграда оставалось всего 50 км! В посланной 29 августа на имя Молотова и Маленкова телеграмме Сталин высказал своё раздражение: «Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен» ⁵¹.

Планин Леонид Михайлович, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵²:

«А войск наших мы почти не видели. Было немного солдат перед Тосно, где кладбище. Солдаты в окопах так и остались сидеть. Их там всех немцы расстреляли. Может за день – за два до того, как немцы в Тосно вошли, пригнали сюда наших солдат. Они вырыли окопы и стали обороняться, а их немцы убили. Конечно, у немцев автоматы, а у наших винтовочки старые, и всё».

Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань ²⁹:

«По Круговой улице были установлены зенитные орудия. И вот, когда наши солдаты начали уходить, они всё это поспешно сняли. Машин-то не было, да там и дорога была непроходимая. А у солдат и офицеров была напряжённость,

16. Погибший советский солдат в окопе. 1941 г.

даже паника. Они спешно отступали, и надо было всё делать как можно быстрее. Орудия везли на лошадях. Они немного проехали, а потом стали вязнуть и орудия бросили. Немец же очень быстро наступал, и они могли попасть в плен. Наши войска отходили в сторону Чудского Бора, потому что там была линия фронта. Ну, кто-то успел уйти, кто-то не успел».

Качук (Булдакова) А.М., 1912 г. р., с. Ушаки ⁵³:

«О том, как быстро продвигались немцы, мы не догадывались. Они уже подходили к Любани, а мы по-прежнему на работу в Ленинград ездили. 24-го августа мы очень долго ждали утренний поезд. Когда его, наконец, подали, народ кинулся на посадку. А начальник станции (*в 1941 году – некто Химек. – Авт.*) ходил мимо вагонов и монотонно повторял: «Не садитесь... Не садитесь...» От чего, почему – не объяснял, и мы поехали (*есть предположение, что он уже тогда сотрудничал с немцами. – Авт.*). Только отъехали, началась бомбёжка. Паровоз разбомбило, вагоны – под откос, люди – в разные стороны. Меня оглушило, казалось, что и душа вылетела. Муж помог подняться, вернулись домой».

Астафьева Т., пос. Тосно ⁵⁴:

«27 августа: Сегодня уехали сотрудники военкомата, милиция, пожарная команда. В посёлке – военная власть. У продуктового магазина очередь. Хлеб продавали с вагона без карточек. По железнодорожной линии бегала женщина, волосы растрёпаны, платье порвано:

– Люди, бегите! В Рябово немцы!

В толпе заволновались, многие побежали домой. Два командира пытались успокаивать народ. Налетели немецкие самолёты, начали бомбить. Первые бомбы разорвались у развилки дорог и у вокзала. Убило молодую женщину,

17. Немецкие пулемётчики наблюдают за товарным поездом в окрестностях Ленинграда, 1941 г.

проводника, а у вокзала – женщину и подростка. Самолёты начали сбрасывать зажигалки. Загорелась цистерна с бензином и дом на Октябрьской улице. Через час улица горела по обе стороны. Люди металась по улицам: одни уходили в лес, другие в Ленинград, и лишь немногие остались дома».

Планина (Карасёва) Людмила Валерьяновна, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵⁵:

«Я знаю, что в Тосно перестали работать все магазины. А на Октябрьской улице с обеих сторон горели дома. Было очень страшно».

18. Жители одного из прифронтовых районов Ленинградской области спасают имущество от пожара

Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань ²⁹:

«Я помню, ребята (*старшие братья*. – Авт.) пришли и говорят: «Идёт спешная эвакуация нашей администрации». А я даже не помню, где этот горсовет был. Рассказывали, что всякие пакеты собирают, бумага раскидана. В суматохе эвакуировались, уходили наши власти. Никакого оповещения населения об эвакуации не было».

Пользуясь ситуацией, а также необходимостью как-то обеспечить себя на будущее, население кинулось опустошать брошенные магазины.

Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань ²⁹:

«Продуктов у нас было мало, потому что когда наша администрация уезжала, из магазинов всё растаскали. Братья принесли несколько плиток жмыха и бумажный мешок комбикорма. Больше им ничего не досталось».

Костина (Гаврилова) Зоя Борисовна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ²⁴:

«Когда война началась, мы все носились по магазинам, где что можно схватить».

Гусев Л.В., 1924 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁵⁶:

«28-го я должен был вечером ехать на работу и никак не рассчитывал, что в этот день придут немцы... Начался разгром магазинов. Некоторые русские и закалённые в грабежах немецкие солдаты, опрокидывая препятствия, хватали всё, что попадало под руку».

Максимова (Медведева) Валентина Николаевна, 1929 г. р., с. Никольское ⁵⁷:

«Магазины разворовали, как только немцы подходить стали. Мародёрство страшное было».

Надвигалась беда – это все чувствовали и понимали. Брошенные на произ-

вол судьбы, жители спешно покидали свои дома и уходили в леса, в маленькие глухие деревушки пережить опасность.

«26 августа немецкая авиация бомбила Лисино-Корпус, причём сгорели несколько домов, бомба попала в здание техникума. Многие лисинские жители побросали свои дома и перебрались жить кто в Машино, кто в Авати, кто в Глинку и другие деревни, уводя с собой скот и унося по возможности имущество» (Соловьёв С.А) ⁵⁸.

Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань ²⁹:

«Немцы наступали, а мы не знали, что они будут с нами делать. И, вот, взрослые решили уходить семьями в лес. Они заранее пошли туда и вырыли бункеры (землянки). На каждую семью по бункеру. Мы далеко от Любани ушли и точно не помню, сколько там прожили. Вскоре в Любань пришли немцы. Они начали сбрасывать листовки. Наши их ловили и читали. Немцы уже знали, что население сбежало в лес, и они писали, чтобы мы возвращались, иначе они будут бомбить, а солдаты прочёсывать лес. Под страхом этого мы вернулись в Любань».

Слатина Онега Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно ⁵⁹:

«Перед тем, как пришли немцы, мы убежали в лес. В лесу взрослые шалаши какие-то делали, костры жгли, что-то варили. Потом говорят, что немцы в городе и передают по репродуктору: «Выходите из леса!» Мы и вышли».

Смирнова (Гурьева) Раиса Сергеевна, 1925 г. р., г. Любань ²³:

«Когда немцы бомбили вокзал, жить стало страшно, и жители стали спасаться по деревням. Нас, четыре семьи из Любани с одной улицы (Берёзовая аллея), приняли добрые, хорошие люди – Дмитриевы из деревни Васькины Нивы. Мы взяли с собой по вещевому мешку с тремя сменами белья и папину скрипку. Мы с подругой потом бегали в Любань отovarивать хлебные карточки. Но однажды пришлось бежать обратно, так как со стороны Коркино обстреливали город, и снаряды рвались в центре, как раз там, где были продуктовые магазины. Начались пожары. Мы увидели, как горела Пельгора, даже деревья горели в садах! Мы бежали всю дорогу бегом, думали, что и наша деревня Васькины Нивы горит. Новинка догорала. А на следующий день, в обед, тучей налетели немецкие самолёты с чёрными крестами и стали сбрасывать на нас бомбы. Горела вся деревня, и было очень страшно. Люди стали разбегаться из горящих домов, а по ним строчили из пулемётов с самолётов...».

Васильев Илья Васильевич, 1937 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁶⁰:

«Мы заранее убежали. Сначала были в Саблинских пещерах. Потом перебрались куда-то в болота. Долго там мы не смогли быть, потому что не ожидали, что оккупация продлится долго, и не знали методов партизанской борьбы. Да и не собирались мы партизанить, просто боялись фашистов и убежали, а потом вернулись. Ну, а когда вернулись, нашего дома не было: он сгорел на девятый день прихода немцев».

Орлова (Рубачёва) Вера Васильевна, 1937 г. р., пос. Тосно ⁶¹:

«Около ДРСУ, где сейчас детский садик седьмой, там вокруг лес был. Мы посидели в этом лесу голодные, холодные. Ну и что? Пошли домой».

Славнова (Закамская) Надежда Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно ⁶²:

«Немцы приехали и по громкоговорителю всем объявили: «Жители, выхо-

дите, иначе будете считаться партизанами!» Домой пришли – у нас куры летают: только что, видно, бойня прошла...»

Барабанов Евгений Яковлевич, 1936 г. р., дер. Староселье ⁶³:

«Как война началась, все бежать стали. И там, у речки Мги, что-то типа землянок сделали. А после пришёл староста военный какой-то и говорит, чтобы мы возвращались к себе в дома, что никто нас не тронет...».

Артемяева (Круглова) А.Н., 1927 г. р., с. Пельгора ⁶⁴:

«В лесу расположились под ёлками. Мимо нашего стойбища тянулись группы красноармейцев. Потом мы узнали, что горит Пельгора. Говорили, что её подожгли наши отступающие части. В лесу тоже не было покоя. На бредущем полёте над нами пролетали немецкие самолёты и строчили из пулемётов. Нам ничего не оставалось делать, как вернуться домой. Нацепив на палку белую тряпку, мы вышли из леса».

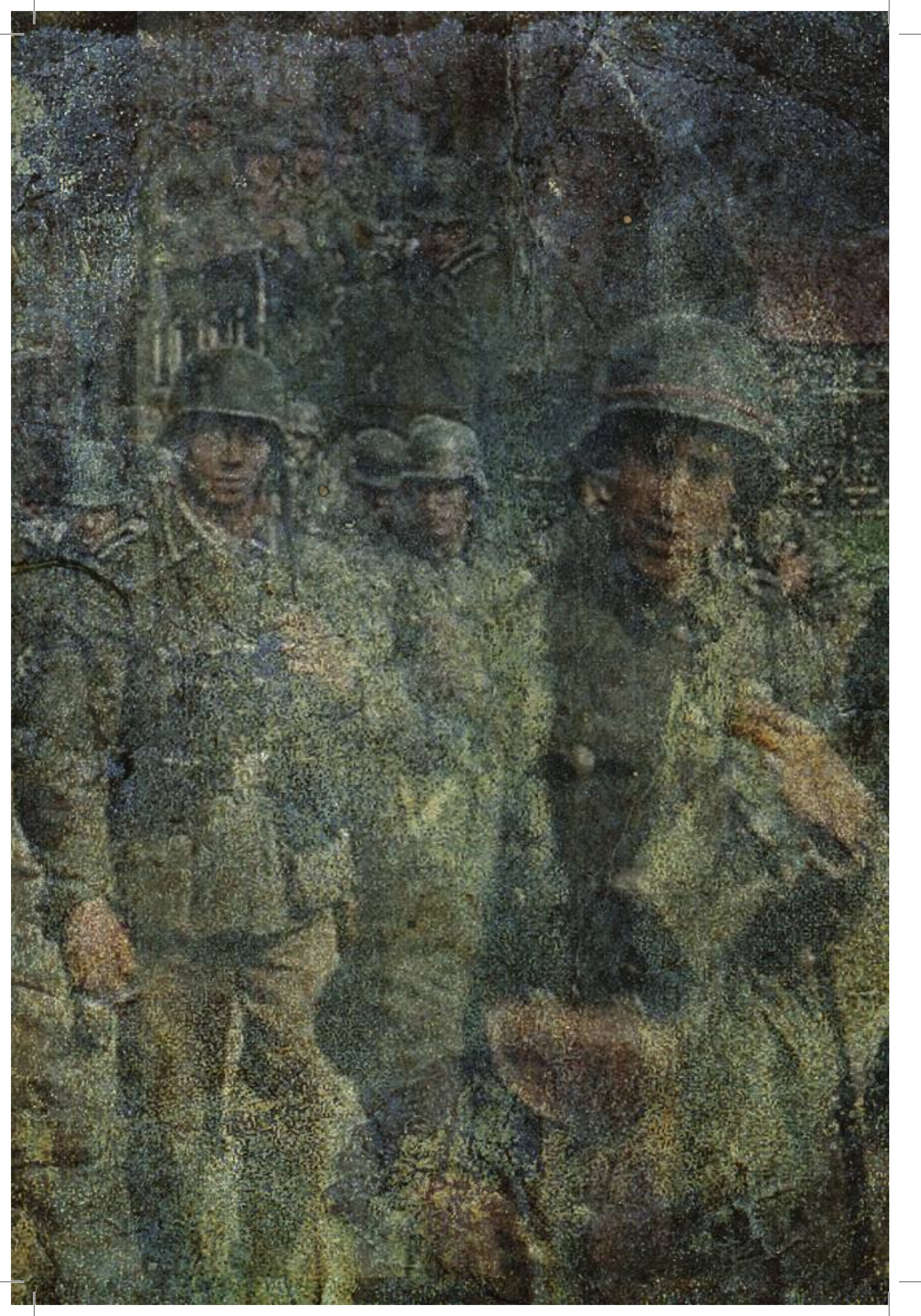
Ясно, что немцы не были заинтересованы в том, чтобы население оставалось в лесу, то есть «не на глазах», и его заставили выйти из укрытий. Но многим возвращаться было просто некуда: их дома сгорели. Причём дома горели не только по причине бомбёжек – зачастую их поджигали свои же. Поэтому жители Пельгоры, например, вполне допускали, что их деревню могли сжечь не вражеские самолёты, а наши солдаты, ведь средства борьбы с наступающим врагом на тот момент не выбирались:

«В частности, лисинский партизанский (истребительный) отряд подорвал паровой котёл леспромхоза и сжёг почти все дома в посёлке леспромхоза, а также многие дома в Корпусе и Неникюле» (*Соловьёв С.А.*) ⁶⁵.

Борисова (Егорова) Л.Е., 1915 г. р., дер. Финёв Луг (Новгородская обл.) ⁶⁶:

«Горел Новгород – в той стороне день и ночь полыхало зарево. Вскоре начались пожары и в Финёвке – свои же и жгли, чтобы немцам не досталось. Странно только, что жилые дома сожгли, а нефтебазу оставили. Мы в лесу прятались. Немцы с самолётов листовки бросали, приказывали домой возвращаться. У нас дом сгорел (в Финёвке только шесть домов и осталось), а корова уцелела – как-то сумела со двора в огород выбраться. Немцы ходят с переводчиком, выпытывают, кто поджжёт деревню. «Не знаем, – отвечаем, в лесу были...». Ничего не осталось – ни в руки взять, ни на ноги обуть. Набились в уцелевшие дома, землянки соорудили. Есть нечего – ведь и житницы сгорели...».

Но это было только началом испытаний.

Немцы занимают Тосненский район

Итак, после падения Лужского рубежа немецкие войска начали стремительно продвигаться к Ленинграду.

Заняв Любань, они двинулись в направлении Шапок, предполагая затем выйти оттуда на Мгу. Захватив Тосно, они продублировали этот маневр, направившись непосредственно из Тосно в Шапки. Кроме того, овладев Саблино, немцы планировали оттуда выйти (через Никольское) к железнодорожной станции Ивановская и посёлку Отрадное, которые располагались на Неве. Здесь замыкалось кольцо блокады.

В это же время, немецкие колонны двигались и непосредственно к самому городу по Московскому шоссе. Но взяв сходу деревню Ям-Ижора, а затем и деревню Путролово, они, тем не менее, вынуждены были остановиться: путь им преградили рабочие Ижорского батальона и бойцы 168-й СД. Однако маневр в направлении Невы им удался вполне, и весь её левый берег (до реки Тосны), станция Мга и город Шлиссельбург (захвачены 2 и 8 сентября) оказались в руках немцев. С этого момента началась блокада Ленинграда. Для Тосненского же района это означало начало оккупации.

19. Предположительно район дер. Поги. 1941 г.

20. Разрушенная станция Мга. 1941 г. Коллекция Д. Жукова

21. Советские военнослужащие, попавшие в плен в районе Шлиссельбурга.
Коллекция Д. Жукова

Имеет смысл оценить ход событий через призму их восприятия и другой стороной. Обратимся к «Хронике 20-й моторизованной дивизии» вермахта, осуществлявшей захват нашей территории в направлении Мги.⁶⁷ (По данным вермахта ожесточённое сопротивление в полосе движения 20 МТД оказывали части РККА: 252 СП, 70 СД, 1069 СП, 311 СД, 170 кавалерийская дивизия, 128 СД). Итак,

«27 августа.

В 6.15 боевая группа «Зейтц» перешла в атаку. Сопротивление противника у населённого пункта Липки было сломлено, и в 9.50 Липки были заняты. В 10.45 была взята Пельгора. Пути сильно заминированы. Противник отступил на север. По данным местных жителей в его составе около 300 человек пехотинцев и 100 кавалеристов. Многочисленные, хорошо поставленные минные заграждения, по всему видно, установлены специалистами. Продвижение дивизии затруднено скорее не сопротивлением противника, а в основном из-за многочисленных минных заграждений и подрывов мостов».

Афанасьев Николай Иванович, 1928 г. р., дер. Веретье ³¹:

«Мы, пацаны, вечером гуляли, смотрим – танки едут с крестами. Мы не разбежались, смотрим. Они проехали деревню, остановились. Немцы вылезли из танков, говорят по-русски, достали карту. Изучают её и спрашивают у нас дорогу на Липки, всякие вопросы задают. Среди них была женщина в форме. Удовлетворившись нашими ответами, поехали дальше. Направо на дороге стояли смётанные стога с клевером. Фашисты начали по ним стрелять из пушек и сожгли все труды нашей деревни».

Елизарова М. И., 1915 г. р., дер. Рамцы ⁶⁸:

«Немцы пришли от Липок. Навстречу вышел один из местных жителей и сообщил, что мост из Больших Рамцов на Малые заминирован. Немцы разминировали мост и беспрепятственно продвинулись дальше».

Бронзова Евгения Васильевна, 1932 г. р., дер. Вериговщина ⁶⁹:

«... Немцы к нам пришли летним солнечным днём. Шли как на парад, без единого выстрела. Техникой заволокли всю деревню. Нам было интересно на них поглядеть, и мы бегали между машин и танков. Они нас не трогали. Ходили по домам, требовали кур и поросят».

Горячева Агриппина Петровна, 1911 г. р., дер. Заволожье ⁷⁰:

«Они появились на Лужской дороге, от Коркино. Молча, без выстрелов, на двух мотоциклах и в огромной тупорылой машине, закрытой брезентом. Заплакали маленькие дети на руках у высыпающих из домов женщин. Первые выстрелы были по рвавшимся с цепей собакам...».

В ночь с 27 на 28 августа был захвачен посёлок Тосно. Немцы вошли в него с двух сторон: со стороны Любани (по Московскому шоссе) и со стороны Лисино-Корпуса (по Корпусному шоссе):

Орлова (Рубачёва) Вера Васильевна, 1937 г. р., пос. Тосно ⁶¹:

«Они шли от Лисино-Корпуса. Мы, конечно, очень напугались! Не было никаких боёв. Они даже ни разу не стрельнули. Они шли строем прямо в центр Тосно!»

Планин Евгений Васильевич, 1925 г. р., пос. Тосно ³⁴:

«Немцы со стороны Москвы явились, но я не видел как. Мы в это время в лесу жили, шалаши были наделаны. Мы вышли из леса на дорогу к железнодорожной линии, смотрим – немцы! Ну, мы остановились, постояли. Они подошли, говорят

по-немецки. Некоторые слова мы ещё со школы знали – у нас был немецкий язык. Расспрашивали нас: как? и что? И нам один немец показывает: «Вы, мол, партизаны?» А мы: «Нет!» Они там по железной дороге расхаживали, вооружённые автоматами, но нас не тронули».

Планин Леонид Михайлович, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵²:

«Помню первую встречу с немцами. Идём мы по железной дороге из Ушаков, вот, примерно там, где стоит мост сейчас. Выходим, а они на дрезине едут. Кричат нам: «Ком, ком, рус!» Ну, вышли мы, стоим. Они посмотрели – а у нас в корзинах грибы, больше ничего. Ну и отпустили».

Слатина (Захарова) Онега Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно ⁵⁹:

«Мы вышли из леса. По дороге столько немцев ехало! До войны ведь у нас машин мало было, а тут – и на машинах, и на лошадях, и в повозках! Мы хотели дорогу перейти, а немцев было столько, что нам было никак не перейти – вся дорога занята. Были у них и такие маленькие машины – на них офицеры ездили. Но их было мало. В основном на лошадях ехали, кибитки какие-то».

Хроника 20 МГД:

«28 августа.

22. Немецкие солдаты под Ленинградом

Боевая группа «Зейтц» в 3.00 вновь перешла в атаку. Сопrotивление противника возросло по сравнению с предыдущим днём. 76-й пехотный полк доложил: дороги из-за непрекращающихся дождей сильно затруднены для движения больших колонн. В 9.00 боевая группа «Зейтц» изготовилась к атаке перед населённым пунктом Белово, которое было взято в 12.40. После чего боевая группа продолжила

движение в направлении Шапки. В лесу в 2-х км южнее Шапок противник сконцентрировал значительные силы. Боевая группа «Шверин» получила приказ изготовиться к бою за Шапки. В это время 76-й пехотный полк достиг Костуи.

В 10.00 30-й мотоциклетный батальон, усиленный батареей 2-го дивизиона 20 артиллерийского полка начал выдвигание через Тосно к Нурме, которая была занята в 14.00. В 18.00 после короткого боя Шапки были взяты».

Забойкин Николай Петрович, 1926 г. р., дер. Староселье ⁷¹:

«Мы прятались в лесу. Дня три-четыре там были. Мы с другом – Васей Поляковым, решили сходить в деревню – посмотреть. Приходим, а там – сараи наши, окопчики накопаны, видать, лежали наши военные – они так оборонялись. Видим – пилотка. Немецкая! Васька говорит: «Я возьму!» Я говорю: «Ты что?! Куда? Для чего она тебе? – в крапиву кинем, пусть валяется». Проходим дальше. Лежит на дороге лукошко с солью: видать кто-то тащил в лес, да и бросил или потерял. Я говорю: «Ёлки-зелёные! Давай в сарай поставим, а то мало ли – дождь!» Приходим в деревню, немцев нет, а через три дома – Евгения Павловна (она всё время на дачу приезжала к одному хозяину). Она немецкий язык в Ленинграде преподавала. И вот она говорит: «Коля, постой!» Я: «Что такое?» Она мне объясняет, что появились немцы, и тут немцы подъезжают на машине. Смотрю – что за немцы. Подъехали, поздоровались. Она заговорила с ними, а они спрашивают, откуда язык знает. Она сказала. Они ничего, потом поехали дальше, а мы остались. Следом приехали танкисты, которые здесь уже и встали. А дальше – полиция».

Николаева (Низовкина) Галина Фёдоровна, 1932 г. р., с. Шапки ⁷²:

«Утром женщины, кто посмелее, пошли в Шапки, а там уже немцы ходят. Наши бабы и говорят: «Ой, поглядите-ка, немцы – такие же люди, как и русские! Помню, раньше говорили, что они с рогами и всё такое... Мы так и думали, что они страшные, как звери (бабы по карикатурам в газете представляли немцев в рогатых шапках)».

Фарносова Надежда Николаевна, с. Шапки ⁷³:

«Немцев я впервые увидела, когда мы возвращались из леса – на траве лежали немецкие солдаты, отдыхали. В тот день стояла хорошая погода, день был полетнему тёплый. Мы шли мимо – мама, я и Мишка, тащили узлы с пожитками. Немцы на нас внимания не обратили. Это были передовые регулярные части. У немцев была совсем другая форма, чем у наших военных. Они все ходили с закатанными рукавами, пилоток у них тоже не было, а вот какая у них была обувь, не запомнила».

Хроника 20 МТД:

«29 августа.

90-й пехотный полк получил приказ наступать после занятия Саблино (12 танковая дивизия, 121 пехотная дивизия) на Ивановское.

«Когда в посёлок Саблино вошли немцы, тишина стояла такая, что от неё просто звенело в ушах. Даже собаки не лаяли. От страха душа разрывалась. К вечеру следующего дня по посёлку медленной лавиной поползла немецкая техника, шли солдаты. Рядом с поссоветом на Советской, фашисты установили пушку-гаубицу» (*житель пос. Ульяновка*) ⁷⁴.

Отсюда с 4 сентября 1941 года немцы впервые произвели обстрел южных районов Ленинграда из 240-мм орудий КЗ (152-килограммовый фугасный снаряд).

23. Немецкие части занимают территорию Ленинградской области, 1941г.

Сидоренко Геннадий Григорьевич, 1928 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁷⁵:

«Вспоминается огромное орудие, которое стояло там, где сейчас церковно-приходская школа. Орудие огромное, я думаю, миллиметров 200 диаметра, и метров 8-10 дуло – ствол направленный в сторону Ленинграда. Мы жили на почте, поэтому было видно, когда его поднимали: если поднимут приблизительно на 45 градусов, значит, стреляют по Колпино; если поднимут выше, градусов 60 – по Питеру. Откуда его притащили и куда утащили, я не знаю».

Далее немецкие войска из Саблино направились в сторону Никольского, чтобы затем выйти к железнодорожной станции Ивановская.

Валентинова (Королёва) Валентина Яковлевна, 1937 г. р., с. Никольское ⁷⁶:

«Все ходили, все ждали, когда придут немцы. А мы, ребяташки, думали: что за немцы такие, почему так много разговоров о них? А когда пошёл шёпот, что вот-вот, на подходе – мы забралась на чердак в окошко смотреть. И вот, вдруг, появляется рота в касках и впереди на лошади – офицер. Вот такого уж страха мы не испытали, конечно: ну, что – люди и люди идут. Но только тёмные какие-то – из-за касок, наверное... И замолкли все, тишина! Нам было велено не кричать, не разговаривать, молчать».

Максимова (Медведева) Валентина Николаевна, 1929 г. р., с. Никольское ⁵⁷:

«Помню, как немцы пришли в Никольское. Помню, как шагали они по Никольскому. У них так сапоги стучали! идут – говорят в нос. А мы выскакиваем и смотрим на них. Но они нас не трогали».

Хроника 20 МТД:

«29 августа.

Дивизия вновь перешла в наступление силами 20-го разведбатальона в направлении Сологубовки. 2-й батальон атаковал с южной окраины реки Мга деревню Петрово, взяв её после боя. 3-й батальон вышел к Мге, не встретив сопротивления и атаковал танковый взвод у Турышкино».

«Осенью 1941 года моя двоюродная сестра Анна (1936 г. р.) жила со своей матерью Агафьей Николаевной в деревне Берёзовка, расположенной в четырёх километрах от Малуксы. Интересно, что деревня эта расположена в лесу, вдали от дорог, но немцы туда пришли раньше, чем, например, в Сологубовку. Свою встречу с ними сестра Анна описывает так: – Сажу на крыльце дома и наряжаю куколку. Вдруг слышу крик моей тётки Ани: «Немцы! Немцы!» Поднимаю голову, а тётка бежит к дому, размахивая платком над головой. Она ещё и до дому не добежала, а на дороге уже появились два мотоцикла с колясками, а в них немецкие солдаты с автоматами в руках» (Ткаченко Е.А.)⁷⁷.

Хроника 20 МТД:

«29 августа.

Из-за сильных дождей дороги большей частью непригодны для движения. Все батальоны 76 пехотного полка продвигаются пешим порядком. Частые остановки из-за разрозненных очагов сопротивления противника. 1-й батальон 76 пп овладел Сологубовкой после боя со слабыми силами противника у Лезье».

Именно здесь наступающим войскам вермахта противостояли бойцы 50 БАО, охранявшие аэродром в Лезье (Сологубовке), среди которых были и тосненские

24. Солдаты СС на отдыхе в деревне. 1941 г.

25. Построение перед началом операции

призывники. Вооружённые винтовками, в наспех вырытых, раскисших от дождя «ячейках», они приготовились держать оборону. Однако бой был недолгим. Шансов победить в неравной схватке у них не было.

Судьба тех, кто защищал аэродром, сложилось по-разному. Кому-то повезло, и они пробились к своим. Остальные, скорее всего, попали в немецкий плен. Сначала их поместили на сборном пункте в деревне Лезье, а затем погнали мимо Шапок в Тосно в пересыльный лагерь, находившийся недалеко от железной дороги. Возможно, их доля оказалась наиболее тяжёлой, потому что именно советские военнопленные первыми ощутили на себе действие чудовищного механизма уничтожения больших групп людей по расовому признаку.

Тосненский район в годы войны

Во время войны стратегический статус Тосненского района был неоднократно подтверждён фактом неустанныго внимания к нему как со стороны нашего командования, так и со стороны сил противника. В сентябре 1941 года здесь велись упорнейшие бои, остановившие продвижение немецких войск к Ленинграду по Московскому шоссе.

Здесь же разворачивались и две серьёзные (хотя и неудачные) военные операции, имевшие своей целью освобождение Ленинграда от фашистской блокады:

26. Т-50. Предположительно район Поги – Новолисино. 1941 г.

Любанская наступательная операция (январь-июнь 1942 г.) и Красноборская наступательная операция (февраль-март 1943 г.).

Тосненский район являлся районом, полностью оккупированным немецкими войсками. Его оккупация началась 25 августа 1941 года, продолжилась 2 года и 5 месяцев и окончилась 31 января 1944 года.

27. Перемещение грузов по железной дороге
в Тосненском районе

Nachschub-Fahrzeuge im Raume Tschudowo 1942
 Транспорт снабжения в Чудовской области, 1942 г.

D
 5

28. Немецкие подводы на шоссе Тосно-Чудово

По своему местоположению он по преимуществу попадал в зону действия 18-й армии группы армий «Север» и лишь частично – 16-й армии. Здесь шло непрерывное накопление сил врага, происходило перемещение немецких войск, двигавшихся в сторону фронта (к Красному Бору, к Никольскому, через Шапки к ж/д линии Кириши-Погостье-Мга, через Саблино к Ивановской) и обратно для восстановления сил и пополнения резервов.

Транспортные узлы – Тосно, Саблино, Новолисино, Любань – служили местами приёма и перевалки военных грузов, техники и живой силы. В ряде населённых пунктов Тосненского района располагались военные склады, было много лазаретов и госпиталей, стояла и ремонтировалась военная техника, имелось много конюшен, так как в условиях

29. Ремонт автотехники

бездорожья немцами активно использовалась конная тяга.

Район был достаточно хорошо укреплён, особенно его важнейшие транспортные точки – Тосно и Саблино. Всюду были построены дзоты, установлены проволочные заграждения, минные поля, вырыты противотанковые рвы. Немецкое командование считало этот плацдарм неприступным. В то же время, многие объекты его военной инфраструктуры подвергались регулярным налётам советской авиации. Среди её главных целей были транспортные развязки, склады. В этом отношении посёлок Тосно являлся одним из важнейших таких объектов, так как через эту станцию проходил один из путей снабжения 18-й немецкой армии.

Кроме того, регулярным артиллерийским обстрелам подвергались и находившиеся вблизи линии фронта населённые пункты: Красный Бор, Степаново, Феклистово, Чернышево, Мишкино, Поркузи, Никольское, Покровское. Особенно доставалось посёлку Красный Бор. В силу того, что он расположен на господствующей высоте, с которой было удобно вести огонь по Колпину, Понтонному, Усть-Тосно, немцы сосредоточили здесь массу артиллерийских и миномётных орудий. Отсюда же они обстреливали и южные предместья Ленинграда. Всё это объясняет, почему Тосненский район считался районом прифронтовым. На северо-западной его границе располагались войска Ленинградского фронта, а на северо-восточной – Волховского.

В то же время, хотя он и был нашпигован немецкими войсками, он входил в третью партизанскую зону (Гатчина-Луга-Новгород-Кириши-Тосно). И так как эта территория охранялась с особой тщательностью (наряду с полевыми войсками

30. Бои на Волховском фронте. 1942 г.

здесь действовали различные военно-карательные организации и команды), здесь могли находиться лишь небольшие по численности, манёвренные группы партизан. Их боевая деятельность в основном сводилась к диверсиям на шоссе и железных дорогах (уничтожение мостов, машин и эшелонов).

Первое знакомство населения с оккупантами

Вступая в контакт с местным населением, каждый немецкий солдат должен был руководствоваться «12-ю заповедями поведения немцев на Востоке и общения с русскими» от 6 июня 1941 года за подписью группенфюрера СС Г. Бакке: «Поскольку вновь осваиваемые пространства должны быть приобретены для Германии и Европы на длительный срок, решающее значение приобретает ваше поведение. Не говорите, а делайте. Русским импонирует только действие, так как сами они женоподобны и сентиментальны. «Велика наша страна и обильна, да нет в ней порядка. Приходите владеть нами» – таково изречение русских, относящееся к началу их государства и приглашению норманнов. Русские всегда хотят быть массой, которой правят. Так же действует на них и вступление немцев. Тогда будет исполнено их желание: «Приходите и правьте нами». Не будьте мягкотелы и сентиментальны! Если будете плакать вместе с русским, он будет счастлив, ибо потом сможет вас презирать. Сохраняйте дистанцию между собой и русскими, ведь они не немцы, а славяне».

Немецкие идеологи, вникнув в русскую историю, поняли в ней лишь одно: русский человек идеально подготовлен всем её ходом к роли сентиментально-ущербного, умственно-тупого раба, способного бесконечно работать и бесконечно терпеть любые невзгоды и лишения («Где немцу смерть, там русскому одна только польза!»). А раз так, то надо ли церемониться с таким убогим в цивилизационном отношении народом? И они не церемонились:

Бисиков Анатолий Александрович, 1930 г. р., дер. Степановка ³²:

«Однажды утром встаём и видим: немцы на велосипедах катаются по нашей земле. Они пришли к нам во двор, хотели корову отобрать. А мы все выскочили (у матери нас шесть человек было) и давай хватать – кто за рога, кто за что. И немцы, увидев это, бросили нашу корову и ушли. Вот с этого и началась у нас оккупация».

Кузьмин Виктор Иванович, 1936 г. р., с. Шапки ⁴⁶:

«Помню, что у нас куры были, так немцы наших кур из автомата расстреляли. Они бегали по участку, кудахтали, а их из автомата расстреливали!.. Потом себе забрали. В посёлке только и было слышно: «Матка, быстро млеко-яйко! Шнель, шнель!»

Назаров Борис Николаевич, 1929 г. р., г. Любань ⁷⁸:

«Когда мы пришли домой, по нашей улице ходили немцы, заходили в дома, искали кур и свиней. Вели себя как бандиты-завоеватели».

Николаева (Шерстнева) Прасковья Михайловна, 1926 г. р., пос. Красный Бор (Поповка) ⁷⁹:

«Мы были дома – я, сестра и её маленькая дочка. Они пришли с автоматами,

31. Немецкие солдаты расправляются с конфискованными курицами. 1941 г.

незнакомые. Мы были напуганы, друг за дружку держались. А они, как хозяева, пришли. Если кто старший был, то брали за воротник – и вперёд, под автомат: показывай, где чердак, где сарай. Делали обыск, чтобы военных не было».

*Нуждина (Свядыц) Екатерина Юрьевна, 1933 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁸⁰:
«Они едут довольные, сытые, с губными гармошками, с песнями...».*

Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань ⁸¹:

«Помню, когда в первые дни они шли через Любань на Шапки, говорили: «Мы ужинать будем в Петербурге!» А нам как-то не верилось – «немцы в Петербурге!» что они говорят?..»

Зубкова Нина Альвиновна, с. Шапки ⁸²:

«Когда мы вернулись в дом, там хозяйничали немцы, не обращая на нас никакого внимания. В дорогой фарфоровый «Кузнецовский» сервиз бабушки Софьи Фёдоровны Нерман они откачивали мёд из ульев нашего соседа Ивана Кузнецова. Иван Фёдорович попытался заступиться за своих пчёл, но немец так приложил его прикладом, что сосед после этого так и не поправился».

Орлова (Рубачёва) Вера Васильевна, 1937 г. р., пос. Тосно ⁶¹:

«Пришли из лесу домой – все вещи наши на улице, коровы нет, поросёнка нет, кур нет, и там хозяйничают немцы. Они такие, знаете, как в фильмах показывают: с касками, рукава засучены – август, тепло. С автоматами стоят, на нас нацелят и кричат: «Пух! Пух!». Я так боялась, не знала – выстрелит или нет».

Гусев Л. В., 1924 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁵⁶:

«Немцы стали жить в наших домах, есть нашу картошку, портить наши участки. На все вопросы, почему они грабят и портят имущество, отвечали одно: «Теперь война, навозный ёж!»

32. Уверенность в победе. 1941 г.

Евсеева (Гагарина) Екатерина Васильевна, 1923 г. р., пос. Тосно ¹⁴:

«Накануне немцы разбомбили в Тосно-2 поезд с рабочими. Оставшихся в живых раненых отправили на машинах в больницу в Саблино. Был среди них и отец, но спасти его не смогли... Родные готовились к похоронам, а в Тосно уже входили фашисты. Грабя, выбирая для проживания дома попримягднее, они чувствовали себя хозяевами. Зашли и в наш дом, увидели на столе покойника, но не погнушались взять граммофон и пластинки».

Артемяева (Круглова) А.Н., 1927 г. р., с. Пельгора ⁶⁴:

«Мы вышли из леса. В деревне немцы били палками кур, мылись у колодца, хохотали и кричали: «Ленинград – капут!». Нас не тронули, и мы пошли к нашим сгоревшим домам».

«Немцы наступали по реке Тосне от посёлка Ушаки на деревни Андрианово и Авати и вступили в Лисино 28 августа 1941 года. Первыми шли кавалеристы, которые сразу же распустили своих коней по колхозным полям овса. На второй день явились продовольственные отряды, которые отбирали у жителей деревни Машино гусей и заставляли женщин их обрабатывать. Колхозный скот был забит, а мясо увезено на немецких фурах. Скот из личного подворья пока не трогали. Немедленно был введён комендантский час, патрулирование дорог и населённых пунктов» (Соловьёв С.А.) ⁸³.

Но, может быть, наиболее пронзительным будет рассказ о начале оккупации жительницы Тосно Усановой (Солодовой) Веры Ивановны ⁸⁴, которой на тот момент исполнилось восемь лет. Видимо, впечатление было столь сильным, что оно навсегда врезалось в её память. Приведём рассказ полностью:

«В Тосно немцы пришли в августе. Как раз в тот день моя мама работала в пе-

карне (сейчас там баня, в том районе). Наверное, было какое-то местное постановление: всем с работы не уходить, делать выпечку хлеба. Шло отступление наших войск, и наши солдатики бежали, кто с оружием, кто – так, в первую очередь к хлебопекарне, брали этот хлеб. Они бежали целыми группами, голодные такие, оборванные... А нас, ребятишек, мамы брали с собой на работу, потому что в бомбёжку каждая своего ребёнка оберегала. Там был бункер, и как только налёт, все бежали в этот бункер. У мамы бригада была 6-7 человек. В бригаде у неё были в основном молодые девушки, а маме было 33 года.

В ночь накануне прихода немцев была такая бомбёжка! Вся земля дрожала. А мы сидели в этом бункере. Закроемся, уши заткнём, чтобы всего этого не слышать. И вдруг наступило затишье. А после этого затишья двинулась немецкая техника. Такой гул стоял на дороге со стороны Любани! Весь следующий день прошёл в страхе

33. Два немецких солдата из полицейской дивизии (позднее – полицейской дивизии СС) в лесу под Ленинградом. 12.09.1941г.

и забыты. Кругом – машины, танки. К вечеру девочки из маминой бригады говорят: «Шура, мы боимся одни ночью оставаться» Вышли из бункера. А рядом стоял небольшой домик – общежитие для девушек. Решили: давайте все вместе будем! Мы пришли. Электричества тогда не было, только лампы керосиновые. Затопили печку. Стали греть чай, варить картошку, завешивать окна, чтобы немцам не было видно, что здесь кто-то есть. Уже темнело. И, видимо, кто-то плохо занавесил окно. Мы сели за стол, я – единственный ребёнок. И вдруг – стук в окно и немецкая речь! Мы все испугались, я сразу за маму схватилась, она взяла меня на руки. Открывать? Не открывать? Они взломали дверь, в дверях встал один немец с автоматом – он на груди висел. Мне они казались большими: я же была совсем маленькой девочкой. Они как увидели, что за столом сидят девушки, у них сделались такие радостные глаза! Я ещё не понимала, отчего у них такая радость. Вытащили из кармана водку, нашу, русскую водку, поставили на стол. Чашки стояли для чая, они стали наливать туда водку и начали девчонок поить. Маму пока не трогали, потому что она держала меня на руках. Мне стало очень страшно, и я заплакала. Девчонки не пили водку, так им стали насильно вливать, вытащили пистолеты – мол, под дулом пистолета ты должна выпить эту водку. А те – кто плакать, кто кричать: «Я не пью!»

Когда я увидела пистолет, я от страха захотела в туалет – «Мама, я писать хочу! Давай выйдем!» Тот, который стоял в дверях с автоматом, так и стоял. Мама уже на коленях начала объяснять, что ребёнок хочет в туалет. А немцы начали насильно девушек по кроватям растаскивать. Мама еле уговорила того немца (с автоматом), а он маме показывает, что мы должны будем вернуться. Мы, когда вышли, пошли по улице, мама говорила мне, чтобы я не кричала. Была такая страшная тишина, было очень темно на улице. Хождения никакого не было. Мы тихонько дворами, сараями пробирались к какому-то большому дому. Поднялись на второй этаж, там – все окна выбиты. Мне запомнилось небо: когда мы с мамой вышли на улицу, оно было чёрное, какое-то чёрное с красным. Даже лая собак не было слышно: как будто все вымерли в Тосно. И небо такое страшное! Все годы я помню эту ночь!»

Окруженцы

Итак, район был занят немцами. Ситуация оказалась трагичной не только для мирных жителей, но и для бойцов Красной армии, попавших после разгрома Лужской оборонительной группировки в «котёл» и пытавшихся глухими лесными дорогами перейти линию фронта.

Молоканова Раиса, с. Померанье ⁸⁵:

«Люди по приказу немцев вернулись из лесов. Огороды были вытоптаны и потравлены лошадьми. За пределами деревни жители часто встречали отступающих красноармейцев. Они были голодные и измученные, просили что-либо поесть, спрашивали о дорогах, где и как пройти к своим, минуя немецкие части и посты. За местными жителями немцы следили. Заходить в лес не разрешали. Местность

34. Ополченцы 1-го полка 1-й Дивизии народного ополчения в траншее на Лужском рубеже

контролировали ездовые – немцы верхом на лошадях с биноклями».

С 25 августа, после оставления Луги, красноармейцы пробивались на север и на северо-восток, разделившись на небольшие группы по 5–10 человек. Те, кто двинулся на северо-восток, выходили в район Чудово и Любани. Среди них были и бойцы 1-й Кировской дивизии народного ополчения:

А. Клейн: «...Сколько нас шло через эти русские деревни, убогие до невероятности? Но почти из каждой избы выходили женщины, и, не дожидаясь просьб, выносили, что могли – картошку, молоко, хлеб... А шли тысячи и тысячи... голодные и растерянные – где же, наконец, фронт?! Где наши?»⁸⁶.

Усталые, истощённые, раненые и контуженные пробирались они (без карт!) по дремучим, заболоченным чащобам новгородских лесов к Ленинграду.

*Егоров Н., 1929 г. р., дер. Сустье-Конец*⁸⁷:

«Много проходило наших солдат, оставших от своих частей: раненых, голодных. В деревне их выхаживали, и они шли дальше».

*Борисова (Егорова) Л. Е. 1915 г. р., дер. Финёв Луг (Новгородская обл.)*⁸⁶:

«Из-под Луги тянулись наши отступающие части. Бойцы грязные, измученные, с заросшими пасмурными лицами. Один зашёл к нам – весь в чирьях. Я ему к больным местам тряпки с творогом привязала. Иногда из леса появлялись наши бойцы, оставшие от своих частей. Стучались ночью в окошко, просили поесть и переодеться. Я мужнино всё отдала, один костюм остался. А тут – командир из окружения. Отдала и костюм».

*Новикова Евгения Павловна, с. Шапки*⁸⁸:

«В самом начале оккупации мой отец Павел Иванов переводил раненого красноармейца за реку Мгу, с тем, чтобы он мог пробраться к своим. Отца один из наших

жителей выдал немцам. Отец только успел вернуться, вымыть сапоги и раздеться, как пришли немцы. Повезло – не найдя красноармейца, немцы отца оставили в покое».

Приведём и другой, совершенно трагический рассказ:

Бачерикова (Данилова) А. П., дер. Глубочка ⁸⁹:

«Накануне войны мимо деревни Глубочка проходила железная дорога Чудово-Веймарн. Недалеко от деревни началось строительство железнодорожной станции. Через Тосну возводили железнодорожный мост. Время было мирное, но возле моста для охраны располагался взвод солдат Красной армии. В конце августа 1941 года по железной дороге прошли последние наши эшелоны, и появились немцы. Но взвод красноармейцев продолжал охранять мост через реку Тосну. Непонятно было, то ли они не получили приказа отступать, то ли про них забыли. А когда красноармейцы ушли, то немцы их настигли в районе Косых Мостов, и в неравном бою весь взвод погиб».

С августа по ноябрь 1941 года тосненскими партизанами было выведено из окружения свыше 3500 советских бойцов ⁹⁰. Но это были «единицы» – большин-

35. Захваченные под Ленинградом военнопленные. 1941г.

ство было выловлено немцами и помещено в концентрационные лагеря на территории Тосненского и Чудовского районов:

Дмитриева Мария Сергеевна, 1929 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁹¹:

«... по ночам из леса выходили усталые, заросшие окруженцы, спрашивали что-нибудь поесть и где им лучше перейти линию фронта, чтобы попасть к своим. Все они были с оружием, но без единого патрона. К сожалению, только единицы пробились к своим. Основная же масса окруженцев попала в Саблинский лагерь для военнопленных».

Однако именно в ситуации с советскими военнослужащими, оказавшимися на оккупированной территории, впервые проявило себя и отсутствие единства

(нравственного, гражданского, политического) внутри той новой исторической общности, которая получила наименование «советский народ». Не только своим спасением, но и своей трагической судьбой они во многом обязаны тому, как к ним относились местные жители.

А. Клейн: «На стенах изб висели объявления: "За укрывательство красноармейцев – расстрел", "За укрывательство политработников и евреев – казнь через повешение". Объявлений такого рода красовалось много, и почти все они в конце сулили "царствие небесное"». И всё-таки нас прятали, укрывали, подкармливали. Когда немецкие облавы заскакивали в деревню, выпрашивая, есть ли коммунисты, комсомольцы и евреи, все оказывались "крепко беспартийными", а евреев "вообще не водилось"»⁹².

И действительно, как отказать в помощи тем, кто ценой своей жизни защищал страну от врага? И, тем не менее, было и другое:

А. Клейн: «В русских деревнях всегда давали поесть, а в нерусских (финских. – Авт.) скупилась, драли за кружку молока пять-десять рублей... Пожилые люди сразу догадывались, что я переодетый и грубо советовали явиться в ближайшую комендатуру и сдать».

– Там накормят, – уверяли они, – там хорошо обращаются.

А ещё выследили меня, когда я ушёл из деревни, и в стоге, где оставил винтовку и шинель, только примостился ночевать.

Их пришло пятеро. Здоровенные ребята. Хотели окружить. Но я их окликнул, сразу поняв, зачем явились: двух узнал: они, когда я ходил по деревне, советовали идти сдаваться.

36. Взятые в плен переодетые в гражданскую одежду окруженцы в одной из деревень под Ленинградом. 1941г.

– Ну-ка ты, как там тебя, вылезай! – крикнул крепкий мужик лет сорока. – Отведём тебя в Померань. А то шляешься тут. Давай, выходи.

– Убирайтесь! – прошипел я, наставив винтовку на них. – Кто сдвинется – уложу!..

– Ну-у, потише, – заметил другой кряжистый парень. – Убери! – и он шагнул ко мне.

– Прочь! – гаркнул я, нажимая на спусковой крючок.

К счастью, грохнул выстрел. Двое поспешно отступили. Остальные затоптались на месте в нерешительности.

Направив ствол на них, я бросил: «А теперь – без предупреждения!» Они повернули.

– Быстрее! – они чуть прибавили шагу. Но первые остановились.

– А ну! – и выстрелил вслед.

Когда пуля свистнула над их головами, они побежали. Но ночлег был сорван. Пришлось опять углубляться в лес»⁹³.

Что же случилось с мирными советскими гражданами, как только нога оккупанта ступила на их землю? По-видимому, советское общество в том виде, в котором оно существовало на протяжении предыдущих лет, к началу осени 1941 года стало разрушаться. Оно только внешне оставалось советским, но на самом деле буквально на глазах происходил его распад на просоветские и антисоветские группировки: патриотизм и антибольшевизм теперь существовали одновременно.

Быстрое крушение советской власти, ошеломляющие успехи немецкой армии укрепили уверенность значительной части населения в том, что немцы пришли сюда всерьёз и надолго. Росту таких настроений способствовали и меры, которые предпринимались советскими органами в связи с быстрым наступлением врага – разрушение предприятий, жилищ, уничтожение продовольствия. Кроме того, для сельчан советская власть была ненавистна ещё и своей колхозной кабалой, Красная же армия являлась зримым представителем этой власти. Вот и сдавали крестьяне солдат в немецкие комендатуры, не слишком переживая за их дальнейшую судьбу.

Жизнь в советской колхозной неволе, да и вообще весь комплекс обстоятельств начала войны породил у оставшегося на оккупированной территории населения большие ожидания и надежды: многие полагали, что приход немцев приведёт к повышению их жизненного уровня и уничтожению колхозов.

А. Клейн: «Старики толкуют, что в Библии предсказано: Гитлер придёт и "освободит от колхозов", война будет длиться "сто сорок один день и Советская власть падёт"».

Говорю, что читал Библию и в ней ничего нет ни о Советской власти, ни о Гитлере, ни об этой войне.

Старики, их двое, подозрительно глянули на меня:

– Еврей?.. Не зря немец таких уничтожает»⁹⁴.

На настроение местных жителей с первых дней оккупации активно влияла немецкая пропаганда. Она обещала им порядок, безопасность, работу и справедливость. Но самое главное, она обещала им землю: «Свободолюбивому крестьянину – своя земля!» И люди верили этим посулам. К тому же не слишком агрессивное

поначалу поведение захватчиков вызывало у многих надежду на то, что можно будет как-то приспособиться и прожить при новых хозяевах.

Петрова А. В., г. Любань ⁹⁵:

«...Война. По-всякому было: и смерти много, горя. Наши отходили – страшно было, дома горели. А немцы пришли – что ж, и под немцами жить надо...».

А. Клейн: «Вскоре я подошёл к небольшой деревеньке. Из крайней избы вышла хозяйка. Я спросил, как пройти к следующей деревне. Женщина объяснила и, явно догадываясь, с кем имеет дело, предупредила: "Только там немцы". Старик, отец хозяйки, хитро прищурился и буркнул, что "насквозь" меня видит, что я "окруженец". У них в деревне немцы тоже человек пятьдесят "таких" захватили. Рассказывая о немцах, хозяева охали: "Какая у них «техника»"! На обращение не жаловались. Говорили, что пленных просто построили и погнали. Только одного, еврея или комиссара, расстреляли.

– Гладкие все такие, – качал головой старик, – форма чистая. Техника – первый сорт. Посреди села, чуть приехали, поставили грузовик, а на ем радио. Как заиграло! И наши русские песни тоже. Весёлые немцы такие. Всё повторяли: "Шталин капут. Москва капут..." В общем, Советская власть кончилась. – Заключил дед. – Подавайся домой, солдатик. Ты откуда?

– Из Ленинграда.

– Так он же взят.

– Неправда, дедушка» ⁹⁶.

Важной чертой нацистской идеологии была её приверженность к примитивизму и простоте. Она эффективно воздействовала на пассивные и малообразованные слои населения. Главный пропагандистский тезис, на который опирались на-

37. Дружелюбное общение солдата вермахта с «аборигеном». Сентябрь 1941г.

цисты в своей работе, заключался в том, чтобы представить начавшуюся войну с СССР, как освободительную миссию Германии, борющейся против большевизма: Гитлер и его соратники, дескать, больше не в состоянии были спокойно смотреть на варварство Сталина и коммунистов в отношении своего несчастного народа.

В результате, определённая часть населения (как обиженного советской властью, так и разуверившегося в успехах Красной армии) поверила в победу фашистской Германии, надеясь получить всё то, что немцы обещали в своих прокламациях. Однако большинство всё же заняло выжидательную позицию, но и оно, согласно партизанским разведывательным данным, считало, что всё-таки было бы лучше, если бы было единоличное хозяйство ⁹⁷.

И никому при этом не приходило в голову, что даваемые немцами обещания могут быть лживыми. Этим обещаниям верили, не обращая внимания на то, что за «порядок» и «материальное благополучие» кем-то придётся пожертвовать!

А. Клейн: «Пока гитлеровцы не бесчинствовали. Жители говорили, что солдаты угощают стосковавшихся по сладкому детишек "бонбошками", леденцами, гладят по головёнкам, показывают своих "киндеров" и "фрау". В общем, люди как люди. Правда, слышали, что поблизости от железной дороги, захватив в плен человек полтора добровольцев-ополченцев, их тут же расстреляли из пулемётов. Ну, а евреев, комиссаров, само собой, разумеется, расстреливают...» ⁹⁸.

Но если люди согласны ради своего благополучия закрыть глаза на уничтожение чужой (пусть даже «вредной для общества») жизни, то наступит час, когда и их жизнь будет уничтожена без всякого колебания и сожаления. Именно это вскоре и начало происходить, ведь от политики обезлюживания советской территории Гитлер вовсе и не думал отказываться.

Ещё до нападения на Советский Союз, 2 мая 1941 года секретариатом Гитлера были разработаны рекомендации для будущего верховного правителя оккупированных Восточных областей А. Розенберга:

«1. Войну следует продолжать только в том случае, если на третьем году её ведения весь вермахт будет снабжаться продовольствием из России.

2. При этом, несомненно, десятки миллионов человек умрут от голода, если мы будем вывозить из страны всё крайне необходимое нам» ⁹⁹.

Так что, сладкоречивые оккупационные власти на деле являли собой отнюдь не защитников русского народа, а «волков в овечьей шкуре».

«Еврейский вопрос»

«Еврейская угроза» была навязчивой идеей гитлеровцев, вот почему решение «еврейского вопроса» представляло для них насущную задачу. Но если вначале требовалось просто изгнать еврейское население с территории Германии, то со временем планы на этот счёт радикально поменялись: теперь предполагалось тотальное уничтожение евреев как нации.

До сих пор остаётся загадкой, с чем связана такая паталогическая ненависть Гитлера к еврейству, которая заразила в конечном итоге своим ядом весь немецкий народ.

Одной из возможных версий в данном случае является предположение о том, что в основе такого противостояния (по мнению немцев) лежит антагонистическое противопоставление двух ментальностей: немецкой, с её идеей «трудолюбия» и «порядочности», и еврейской, с её якобы «хитростью» и «проницательностью».

То есть, немцы объясняли свою неприязнь к евреям несовместимостью их (евреев) национальных черт с «рыцарским духом» нордической личности.

Одновременно гитлеровцев выводило из себя тихое, но непоколебимое упорство этого народа в отстаивании своей веры в Бога – основы их национально-культурной идентичности. В этом упорстве они видели приверженность к монолитности – «стадности», антиподу гордой индивидуальности и самодостаточной единичности, которую они возвели на пьедестал.

Не случайно на этом фоне для них стало возможно объединение идеологии марксизма («восстание масс») с «мировым еврейством». В результате нацистский миф соединил эти две части в одно неразрывное целое – «жидовский большевизм»: «Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и её мёртвый вес»¹⁰⁰.

Евреи считали себя особым, богоизбранным народом и в этом они видели своё историческое (мессианское) предназначение. Но точно таким же мессианским народом считали себя и немцы – они должны были «спасти» гибнущую (вырождающуюся) цивилизацию посредством улучшения человеческой породы. В сущности, столкнулись две религиозно-мессианские идеи, и наиболее агрессивная – немецкая – кинулась подавлять и уничтожать тихо упорствующую в своём «заблуждении» еврейскую. Самый же простой и малозатратный способ уничтожения чужого мировоззрения, по мнению идеологов нацизма, заключался в физическом устранении его непосредственных носителей. Это и было в скором времени предпринято. Экономическая же составляющая в данном случае (попытка завладеть «паразитическим» еврейским капиталом)

38. Немецкий антисемитский плакат

39. Немецкий плакат, восхваляющий арийскую расу

ство между функциональной деятельностью (коммунисты, политруки, партизаны) и национальной принадлежностью (евреи) обречённых людей. Об этом говорится в специальном распоряжении № 1 начальника Верховного командования вермахта к директиве № 21 (план «Барбаросса») от 19 мая 1941 года «О поведении войск в России»: «борьба против большевизма требует строгих решительных мер против большевистских агитаторов, партизан, саботажников и евреев...»¹⁰².

Солдатам вермахта законодательно разрешалось убивать любого, кто им покажется подозрительным. Но первой их жертвой, как правило, становились именно евреи. Потом, когда войска уходили дальше, функцию «зачистки территории» брали на себя специальные подразделения СС и СД.

Факты уничтожения еврейского населения имели место в пятидесяти населённых пунктах Ленинградской области. Однако на территории Тосненского района еврейская тема не была актуальна: здесь в основном преобладало сельское русское и финское население. В деревнях евреев фактически не было, а в посёлках и городах – очень мало. И, тем не менее, здесь, как и везде приход оккупантов сопровождался выяснением местонахождения жителей еврейской национальности с дальнейшим «решением еврейского вопроса».

*Максимова (Медведева) Валентина Николаевна, 1929 г. р., с. Никольское*⁵⁷:

«Коммунисты и евреи накануне прихода немцев все уехали из Никольского. Остались только рабочие. Но одна еврейская семья осталась: «А нас, – они

выступала как вторичная.

Чтобы оправдать свои преступные действия, нацисты отождествили евреев с крысами и вшами, уничтожение которых являлось благим делом. По этому поводу имеется высказывание рейхсфюрера СС Гимmlера: «Антисемитизм – это то же самое, что и санитарная обработка. Избавление от вшей это не вопрос идеологии, это вопрос гигиены»¹⁰¹.

При планировании истребительной войны против СССР было решено использовать методы «окончательного решения еврейского вопроса» и на его территории. Суть этих методов заключалась в том, что в отношении евреев нацисты проводили равен-

говорили, – не тронут: мы бедные!» Но они тронули: посадили на телегу, повезли в лес и расстреляли с детьми. Евреев они не любили. Вот так».

Смолина (Мыльцева) Зоя Михайловна, 1933 г. р., пос. Тосно ¹⁰³:

«Страшно вспоминать, когда немцы вошли! Перед этим был большой пожар, выгорела вся «Балашовка». Когда немцы вошли, заходили они со стороны Любани. Первыми – гестапо: в чёрной форме и всех смотрели. Прямо около дома проверяли всех. У нас мама была маленькая, чёрненька. Мы её еле-еле отстояли: немцы думали – еврейка».

Мина Зоя Семёновна, 1934 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁰⁴:

«Зимой нас из Поповки перегнали в Саблино. Мы жили возле вокзала. Рядом была вырыта яма, и там расстреливали евреев».

Но был в Тосно страшный, вопиющий по своей жестокости случай – гибель часового мастера Якова Цепнякова:

А. Клейн: «Шли мы довольно долго, пока не остановились у домика старосты. Навстречу нам поднялся высоченный костлявый старик с обветренным лицом, с которого на нас глядел единственный глаз.

Староста предложил нам сесть. Эсэсовцы брезгливо оглядели убогую обстановку и остались стоять.

Обер-штурмбанфюрер снял с руки часы и объяснил, зачем пришёл, где найти часовщика?

– Переведи им, – обратился ко мне староста. – Не надо было жида в говне топить.

Я подумал, что ослышался. Но старик повторил, и я перевёл.

Обер-штурмбанфюрер поинтересовался, что значат эти слова, и староста объяснил.

Когда немцы заняли Тосно, эсэсовцы утопили часовщика-еврея в уборной. Староста неторопливо разъяснял, как беднягу окунали, вытаскивали, снова окунали, пока он окончательно не захлебнулся. Жену его, русскую, не тронули. Дочь расстреляли: очень уж лицом походила на отца.

– Так что, – заключил староста, – часовщика у нас нет, единственный был.

Офицеры переглянулись.

– Нд-а-а, – протянул, по-

40. Антисемитская карикатура в газете

морщившись обер-щтурмбанфюрер, – часовщика можно было пока оставить в живых. Перестарались»¹⁰⁵.

Из протокола допроса Скобочкиной Евгении Ивановны 12 декабря 1944 г.: «Замученным был Цепняков, часовой мастер» (ЦГА СПб. Ф. 9421. ОП. 1. № 239. Л. 25).

Но одними из первых, кто трагическим образом столкнулся с вермахтом и СС, стали военнослужащие еврейской национальности. Попав в плен, они фактически не имели шансов на выживание, так как относились к категории «особо опасных пленных». В основе такого к ним отношения лежал преступный «Приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 года, в котором обосновывалась необходимость уничтожения комиссаров сразу же после пленения. Однако под действие этого приказа автоматически попадали и все захваченные военнослужащие еврейской национальности. Политика национал-социализма изначально была направлена на уничтожение евреев, поэтому для любого гитлеровского солдата слова «комиссар» и «еврей» являлись словами-синонимами. Вот почему вполне закономерно «нормативную» базу «Приказа о комиссарах» вскоре дополнил «Боевой приказ» начальника полиции службы безопасности и СД Р. Гейдриха № 8 от 17 июля 1941 года, где необходимость убийства военнопленных евреев – не важно, комиссаров или нет – не подлежала обсуждению»¹⁰⁶.

А. Клейн: «Утром я проснулся на какой-то подстилке. Пожилая женщина гладила мою выстиранную гимнастёрку. Фельдшерица разглядывала мой комсомольский билет...

– Лежите. Старайтесь не двигаться, – сказала она. – Вы – еврей?

– Да.

– Я пока спрячу ваши документы. Вас же расстреляют сразу, как только найдут... У нас уже было: вошли... захватили несколько человек, тут же в деревне. Среди них – два еврея, оба раненые. Тяжело... Молодые, чёрненькие... Застрелили. Приказали закопать. Остальных повели в плен»¹⁰⁷.

Горько осознавать, но евреев-военнослужащих нередко выдавали немцам и свои же сослуживцы.

А. Клейн: «Ещё при выходе из окружения, когда лейтенант и политрук оставили нас, мы объединились и плутали по лесам маленькими группами. Как-то ночью мы прилегли, и наш попутчик заговорил о плене. Там, дескать, накормят, будем спать в тепле.

Вёл этот разговор человек в зелёной фуражке. Не принимая участия в болтовне, я отодвинулся к кусту и попытался заснуть. Но что-то настораживало. Из-за уголка шинели я незаметно приглядывал за «фуражкой». Кивнув на меня, когда я притворился спящим, он предложил: «Вот сдадим его. А нам за жида ещё заплатят». Сосед «фуражки» одобрительно поддакнул. Но третий спутник, молоденький солдатик, запротестовал. «Фуражка» ругался сквозь зубы, уговаривал «задержать» и «сдать». А потом выцедил: «Вот сейчас, пока он спит... и потащим в комендатуру. Спасибо скажут».

Во время наступившей паузы я тихонько потянулся и, будто за нуждой, завернул за куст, потом – за второй и, хотя ночь была темнущая, поспешил прочь от моих спутников»¹⁰⁸.

А было и такое:

А. Клейн: «За три дня до моего прибытия в пересыльный лагерь (*Любань*. – *Авт.*) в нём всех построили и предложили выйти вперёд комиссарам, политрукам, евреям и цыганам. Политработников не оказалось. А двух или трёх евреев пленные сами вытолкнули из своих рядов. Их тут же расстреляли. Знаю, что всё это правда»¹⁰⁹.

И опять в воздухе витала надежда выжить за счёт другого, откупиться чужой головой за свою. Может быть, это было самое страшное, что происходило на тот момент с народом.

«Новый порядок»

Идея приобретения «жизненного пространства» для германской нации вызвала к жизни Генеральный план «Ост». Им предусматривалось истребление значительной части населения оккупированной территории СССР и «онемечивание» той его части, которую нацисты собирались оставить в живых в качестве рабочей силы. План имел мировоззренческий характер, и цель его декларировалась чётко: «Важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»¹¹⁰.

Для этого предполагалось применить следующие методы:

1. физическое истребление большого количества населения;
2. сокращение его численности путём организованного снижения рождаемости и ликвидации медицинского и санитарного обслуживания;
3. уничтожение интеллигенции (носителя и продолжателя научно-технических знаний и навыков, культурных традиций нации) и низведение образования до низшего уровня;
4. разобщение и раздробление отдельных народов на мелкие этнические группы;
5. переселение массы населения в Сибирь и другие районы, мало пригодные для жизни;
6. проведение аграризации захваченных советских территорий и лишение народов СССР собственной промышленности¹¹¹.

Согласно плану «Ост» основная часть населения СССР должна была погибнуть (быстро или медленно). Расчёт остающихся («онемеченных») жителей строился на простой арифметике: на 10 млн германских колонистов планировалось оставить около 30 млн славянских рабов. При этом не стоит заблуждаться относительно понятия «онемеченное население». В эсэсовской газете «Дас Шварце кор» от 20 августа 1942 года в статье «Германизировать или нет?» Гиммлер писал: «Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови»¹¹².

Но как же тогда понимать термин «онемечивание»?

«Исходя из многовекового опыта, русский видит в немце существо более высокого порядка <...> Русские всегда хотят быть массой, которой правят. Приход немцев позволит исполниться их вековому желанию «Приходите и правьте нами» («12 Заповедей поведения немцев на Востоке и их отношений с русскими»). Иными словами, «онемечиваться» в представлении гитлеровцев означало: признавать себя рабом немецкого господина. Об этом недвусмысленно говорилось в замечаниях к плану «Ост»: «Важно, чтобы на русской территории население в своём большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается в руководстве»¹¹³.

Ещё задолго до начала войны с СССР «психологами» Третьего рейха была создана методика, направленная на формирование в конкретном человеке рабского сознания. Эта методика сначала была апробирована в концлагерях Германии на собственном населении – недостаточно «чистом» с арийской точки зрения, а также на немецких коммунистах, пацифистах и пр., и лишь затем уже она была применена против целых народов.

Основным инструментом реализации данной методики являлся жесточайший террор. Гитлеровцы полагали, что используя его против мирных граждан, они шаг за шагом будут парализовать их волю к сопротивлению. По их мнению, только всеобщий страх, а точнее – ужас, мог внушить жителям оккупированных территорий мысль, что борьба против немецкой армии невозможна, а потому бессмысленна. В результате, человек должен был согласиться с той ролью, которая ему предписывалась.

Важно обратить внимание на то, что задача ставилась не просто превратить оставшееся население в рабов, но в рабов особого рода – когда любая команда господина выполнялась бы без размышления, то есть *автоматически*. Приказание должно было сразу проваливаться в подсознание и становиться сигналом к действию: «Лаконичные, чёткие указания в приказной форме. Никаких объяснений

и обоснований, ибо русские хотят видеть в наших людях руководителей <...> У русских не должно возникать впечатление, что вы в чём-то колеблетесь. Вы должны быть людьми действия, которые без всяких дискуссий или долгих бесплодных речей, без всякого философствования ставят задачу и дают чёткие распоряжения. Только *ваша* воля должна быть решающей» («12 Заповедей поведения немцев на Востоке и их отношений с русскими»).

Существует мнение, что будь немцы помягче, проводили бы более умную политику в отношении населения, то они избавили бы себя от очень многих проблем и, возможно, даже сумели бы завоевать Россию. На Западе это называют «утратой шанса». Но следует заметить, что ещё ни один агрессор не преследовал цель сделать свою жертву свободной и счастливой. В ситуации

41. Рядовой полицейской дивизии СС

же с нацистской Германией подобное вообще было невозможно, ибо шло вразрез с теорией и практикой национал-социализма по «онемечиванию» покорённого русского населения.

Инструментом программы «онемечивания» стал так называемый «новый порядок». Сразу же после захвата территории на ней начал формироваться жестокий режим принуждения. Были ликвидированы государственные и общественные учреждения и отменена советская законность. Вместо Советов депутатов трудящихся были назначены (под контролем военных властей) местные административные органы. Оккупационные власти конфисковали наибольшую часть медицинских и культурных учреждений для военных целей. Всё население подлежало охвату строгой принудительной регистрации. Одновременно было отменено право свободного передвижения и перемены адреса, а также предоставления приюта лицам, прибывшим из других местностей без разрешения оккупационных властей. Покидать дома разрешалось лишь в дневное время. Военные органы в большом количестве привлекали население на принудительные работы по обеспечению войск. Кроме того, они ввели широкую систему конфискаций и реквизиций. За всякое нарушение фашистских распоряжений выносились самые строгие наказания, при этом доминировала смертная казнь ¹¹⁴.

«Новый порядок» в каждом населённом пункте начинался с постройки виселицы, и редко, когда это сооружение не использовалось по назначению.

Кондакова (Коваленко) Евгения Петровна, 1929 г. р., пос. Тосно ¹¹⁵:

«У музея тогда стояли столбы световые, деревянные. На них вешали. Почему на них было легко вешать? Они лестницу подставляли и петли делали. Помню, там три трупа висели. И сразу ведь не снимали! Неприятно ходить было. Мне кажется, что Тосно было сплошным кладбищем. Куда ни сунешься, везде хоронили».

Белугина (Калинина) Нина Владимировна, 1932 г. р., пос. Тосно ¹¹⁶:

«Мы стали выходить из леса. Тосно было не узнать: много пожарищ, дым, были сделаны виселицы. Там, где сейчас Советская улица, на углу стояли берёзы, а на них – повешенные. Разговор был, что это партизаны или работники какие-то партийные. Было страшно».

Никандрова Раиса Николаевна, 1938 г. р., г. Любань ¹¹⁷:

«Зверские люди были эти немцы. Как отец был избит! Выбиты зубы, отбиты почки, поэтому уже после войны ему удалили одну почку. Били, потому что не так, может, что-то сказал, не так посмотрел. Не дай Бог никому жить под чьим-то игмом!»

Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно ¹¹⁸:

«Такое впечатление, что наступила темнота, сплошная тёмная ночь – ничего хорошего в воспоминаниях. Просто мрак какой-то. И такая тоска, такая тоска была! Это чувство осталось во мне навсегда».

Лёвин П. П., с. Померанье ⁴⁴:

«В первом обращении к населению они заявили, что хлеба не привезли, и велели собирать в поле всё, что осталось, вплоть до последнего зёрнышка. На другой день немцы ходили по дворам и забирали коров. Всего они увели 22 коровы. В остальном оккупанты первое время вели себя по отношению к жителям сносно. Последовали распоряжения, устанавливающие в оккупированной зоне новый порядок. Жителям выдали пропуска – аусвайсы. Покидать селение и выходить с на-

ступлением темноты из домов не разрешалось. Жить можно было только в местах, указанных немцами. Своей воли мы уже не имели...».

Хохлов Владимир Фёдорович, 1925 г. р., с. Померанье ¹¹⁹:

«Я нарушил комендантский час – вышел на дорогу вечером. Меня взяли за шиворот и отправили в концлагерь (*в Померанье находился концлагерь для советских военнопленных. – Авт.*). Мать со слезами побежала к коменданту, в ноги упала: «Отпустите сына! Ему всего 16 лет!» И меня почему-то отпустили...»

Липатова (Кондакова) Валентина Петровна, 1940 г. р., пос. Тосно ¹²⁰:

«Мама рассказывала, что мы голодали – они же обобрали нас. Некоторые издевались. На немцев все работали. А если не пойдёшь, пулю получишь. Нельзя было куда выходить – строгий режим. Они ходили, проверяли. Мамина сестра окопы рыла в Гатчине – их заставляли. Дорогу делали: забивали круглые, небольшие колобашки».

«В посёлке Лисино-Корпус немцы установили свои порядки. Ходить по улицам можно было только до 6 часов вечера. Курить на улице не разрешалось. Строго запрещалось ходить в лес за ягодами и грибами. И всё под угрозой расстрела. Все жители были переписаны. Отбирали продукты, скот, птицу – всё, что приглянется. Оставить можно было что-то только обманом. Потом стали гонять на работы: уже вскоре после своего появления в посёлке они начали совершенствовать дороги – покрывать их деревянными настилами сначала из длинных жердей, потом перешли на чурки. Это и был главный труд не только жителей посёлка, но и многих других, пригнанных из окрестных деревень и из Павловска. Местные хоть жили дома (у кого он был), а все пригнанные – в лагерях за колючей проволокой. Заставляли работать всех, включая ребятишек-дошколят, которые, например, должны были таскать ветки, чтобы заделывать дорожные ямы» (*Иванов М. Ф.*) ¹²¹.

Кудряшов Василий Васильевич, 1929 г. р., пос. Красный Бор (Поповка) ⁸:

«И вот пришли немцы. Теперь представьте – магазинов никаких, продуктов никто не продаёт. А надо вот как-то жить, выживать! Помню, как мы стали картошку копать. А немцы стали у людей в огородах тоже картошку выкапывать. Чтобы как-то замаскировать её, мы стали скашивать ботву, как бы нет на поле ничего. Но они поняли нашу хитрость и всё равно начали копать нашу картошку. А у нас огород был маленький, и она быстро кончилась. Тогда сделали так: между Колпино и Поповкой была территория, засеянная капустой и картошкой (*здесь, на этом поле проходила линия фронта. – Авт.*). И люди десятками шли на это поле копать картошку и собирать капусту. Но наши солдаты с той стороны кричали: «Уходите! Будем стрелять!» Почему? Да потому что был, говорят, такой приказ командующего, что если кто-то будет ходить в поле, то стрелять беспощадно. Да... были разные приказы. Но люди всё равно ходили туда и по ним начинали стрелять, и каждый день там была куча трупов на поле. Были и раненые».

(Есть подобные свидетельства, об обстрелах, но уже с немецкой стороны мирных жителей Колпино в поле: «Местность совершенно открытая. Ровное поле, каждый метр которого хорошо просматривался. Весной здесь посадили картофель, капусту... Большая часть урожая осталась неубранной. В ноябре и декабре по утрам можно было наблюдать, как выходили на поле не только взрослые, но и дети. Среди комьев мёрзлой земли, изрытой снарядами, голодные люди собирали остатки урожая. При их появлении немцы открывали миномётный огонь. Люди прятались в

воронках, но как только прекращалась стрельба, опять поднимались и продолжали поиски»¹²²).

Кудряшов Василий Васильевич, 1929 г. р., пос. Красный Бор (Поповка) ⁸ – продолжение рассказа:

«И вот, значит, что сделали мои родители: отец копал в одной стороне, мать – в другой. Они решили, что если кого-то убьют, то кто-то останется жить. После этого страшного испытания люди несли эту картошку себе домой, а немцы подзывали и отсыпали из этих мешков половину картошки, у них и машина для этого стояла. Хорошо ещё, что не всё забирали. <...> Спустя какое-то время еда кончилась, и нам пришлось идти побираться. Мы просили: «Дайте, ради Бога, милостыню!» Мне сперва было стыдно, ведь всё-таки я пионер. Но голод – не тётка, и я пошёл по домам. Сперва было стыдно очень. Я просил: «Дайте корочку хлеба или картошки». И люди нам давали, спасибо им огромное. И ночевать они нас пускали. Кроме того, вещи у нас были кое-какие, мы их стали менять: штаны, кофты и прочее...».

Иногда приходится слышать, что выживать населению в условиях оккупации было легче, чем в блокированном Ленинграде. Задача данного исследования заключается не в том, чтобы сравнивать тяготы одних и тяготы других. По большому счёту, и там, и там – везде проявляла себя чудовищная политика геноцида в отношении мирных граждан СССР. Если эти граждане активно сопротивлялись – их уничтожали более интенсивно (в случае Ленинграда – целый город морили голодом), если же они пытались как-то существовать в нечеловеческих условиях, то их уничтожали медленно («онемечивали»).

42. Бревенчатый мост через реку Тигоду в Любани

В любом случае, и Ленинград, и оккупированная Ленинградская область испытали на себе весь ужас войны: страшный голод, обстрелы, бомбёжки, разрушение жилищ и т. п. Но есть и существенное отличие в положении города и области: практически каждый респондент отмечал, что самым мучительным являлось чувство абсолютной бесправности и незащитности, когда физическое выживание целиком зависело от воли оккупантов.

Акт о зверствах противника в посёлке Красный Бор Ленинградской области, направленный в политуправление Ленинградского фронта. Февраль 1943 г.:

«Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о нижеследующем: гитлеровские бандиты разрушили наш посёлок, разорили и ограбили жителей. Они выгнали жителей из домов на холод, отобрали последние вещи и продовольствие, у 73-летней старухи Зимарёвой стащили с ног валенки, отобрали картошку, последних кур и свинью. К Рудовой Марии ворвались в квартиру и начали ломать мебель. Когда она хотела пожаловаться, изверги избили её до крови. 65-летний старик Герасим Сурзунов вышел за водой. Его встретил солдат, вытащил пистолет и грозил расстрелять, если он не снимет валенки. По всем домам шарили и отбирали зимнюю одежду. У Макарова посуду и ту забрали.

Фашисты зверски обращались с мирным населением, всячески издевались над жителями! Многих они угнали к себе в тыл, всех, кто остался, в том числе женщин, стариков, малых детей, заставляли с рассвета до темноты копать траншеи, рыть землянки. За это взрослым давали 250 граммов хлеба и котелок воды, разбавленный горькой, тухлой мукой. Детям вообще ничего не полагалось. Люди умирали от голода. Жительница посёлка Кудрявцева, чтобы спасти свою дочь Тамару от голодной смерти, танцевала перед гитлеровцами за кусок хлеба. Наизмывавшись вдоволь, изверги застрелили её.

До 200 жителей посёлка они увезли якобы на работу в Никольское, а на самом деле, как мы узнали потом, загнали их в тифозные бараки, чтобы там подвергнуть медленной мучительной смерти.

Мария Ерохина была на седьмом месяце беременности. За то, что она работала в Поселковом совете, её отправили в концлагерь. Она сбежала оттуда и слегла. На третий день у неё отнялись ноги. Гитлеровцы снова захватили её и расстреляли. Немцы повесили Леонида Холодкова, Александра Лидина, Василия Лебедева за то, что они как будто обрезали телефонные провода. Трое суток висели на виду у всех жителей посёлка. У Котова нашли радионаушники, и за это его расстреляли. Петра Зыкина расстреляли за то, что он хотел собрать со своего огорода капусту и картошку. К Михаилу Попикову пьяные испанцы ворвались ночью и взяли корову. Когда он вышел в сени, его застрелили. Убийцы не щадили ни стариков, ни малых ребят. 65-летнего старика Петра Булкина, его жену Марфу и 4-летнего внука Николая расстреляли за то, что они запоздали с выездом из запретной зоны.

16-летний мальчик Саша Леонтьев, голодный, хотел сорвать несколько листьев шавеля с огорода, который находился в запретной зоне. Его увидели и расстреляли.

Ночью пьяные немецкие солдаты ворвались в квартиру Сотниковых и избили 70-летнюю старуху. Когда она пришла с жалобой в комендатуру, её расстреляли. Немецко-испанские людоеды насильовали наших девушек, заражали их венерическими болезнями, а потом расстреливали. Душегубы зверски расправились с пленными красноармейцами. У школы они сначала избили палками и прикладами, а

43. Указательные дощечки в пос. Тосно. 1941 г.

потом расстреляли 11 пленных красноармейцев. В день своего бегства от Красной Армии фашисты обшарили все дома и забрали всё, что раньше не успели ещё отобрать.

Настоящий акт составили: заместитель редактора газеты «Боевая Красноармейская» майор Полесьев, начальник отдела пропаганды газеты майор Старичков и жители посёлка Красный Бор: Васильева, Богданова, Варламова, Володина, Лапицкая, Крылова, Стефанович, Веселова, Кобызева, Димитровская, Смирнова, Загоскина, Тераконян, Сорокина, Загоскина, Ежова»¹²³.

С первых дней новой власти население, по сути, оказалось в ситуации правового беспредела. Поскольку «новый порядок» явно противоречил нормам международного права, жить в соответствии с его установками нормальному человеку было невозможно. (При всём ужасе положения ленинградцев на территории города действовали советские законы – что, безусловно, регулировало жизнь горожан и помогало им выдерживать осаду). В условиях же оккупации советские граждане были предоставлены сами себе. Не имея возможности следовать советским законам в своей обыденной жизни, они должны были руководствоваться, скорее, нормами морали, нежели права. И здесь открывался широкий простор как для высоко нравственного поведения, так и для предательства.

Данильцева В. А. , 1932 г. р., пос. Красный Бор (Поповка)¹²⁴.

«Кажется, всем тогда приходилось одинаково плохо, но находились люди, которым почему-то хотелось, чтобы другим было ещё хуже, чем им. Однажды какая-то женщина подвела конвоира к моей маме и сказала: «Расстреляйте её, у неё муж

коммунист». Но немец не стал нас расстреливать, а женщину стукнул прикладом».

Людей мучила неопределённость их положения, а точнее – полная зависимость от прихоти любого немецкого солдата: от того, сохранил ли он в себе хоть что-то человеческое или, выпестованный расистской доктриной своего фюрера, видит в них только «рабочий скот», «унтерменшен» и ничего более.

Орлова Валентина Ивановна, 1937 г. р., г. Любань ¹²⁵:

«Это хорошо, что маму не били. А ведь женщин били. Одна почтальонша была, так она была вся переломана. А один немец подошёл к маме с водкой (а в руке у него ещё была граната) и говорит: «Если не выпьешь, я гранату взорву!»

И был во всём этом и ещё один, крайне тяжёлый психологический момент, который испытали на себе только жители оккупированных территорий:

Александрова (Евсеева) Ольга Ивановна, пос. Тосно ¹²⁶:

«Из уважаемых людей мы стали для немцев «русиш матка швайн». Пришлось идти к ним в услужение – стирать вражье бельё за кусок хлеба с опилками».

(«Свинья» – одна из наиболее оскорбительных форм ругательства в немецкой разговорной культуре (если не самое оскорбительное). «Русская свинья» – заведомо страшное оскорбление в понимании немцев).

Феоктистова Нина Яковлевна, дер. Костуя ¹²⁷:

«Немцы за людей нас не считали. Среди ночи могли заявиться в дом и сказать: «Убирайтесь! Мы здесь разместим раненых». И приходилось идти к соседям. А там, таких, как мы, было немало. Иногда в комнате ночевало по 50 человек, так что не только лечь, а сесть на пол было невозможно. Так стоя и спали. Муки горькие».

В условиях повсеместного голода оккупанты нередко выступали в роли «распределителей продовольствия» При этом «альтруистические» мотивы могли смешиваться у них и с чисто садистскими:

Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно ³⁶:

«Со мной добывать пропитание ходила соседка – ей было 5-6 лет. Взрослые не ходили, не просили, да и кто им подаст? А эта девочка, Галька, всегда была со мной. Однажды на разгрузке вагонов один немец говорит мне: «Сейчас я вам принесу мешок картошки. Если вы его унесёте, то мешок ваш, не унесёте – он снимает автомат – я вас застрелю. А мешки немецкие примерно 50 кг. Принёс пленный нам мешок, поставил. А мы с Галькой как увидели, особенно я, что дома будут все сыты, так обрадовалась! А тащить мешок нужно под откос, да ещё 3-4 линии надо было перейти. Когда немец нам всё это объяснил, ребята, которые были с нами, убежали под откос, под кусты. Как мы с нею за этот мешок взялись, я не знаю, но вцепились в него изо всех силёнок и тащим. А немец сзади нас с автоматом. Я тащу, а Галька сзади подталкивает. Через первую линию перетащили, через вторую... И вот так, потихоньку мы этот мешок и перетащили. А немец, конечно, хохотал над нами, что-то бормотал по-своему... А когда мы притащили мешок под откос, то завалились на этот мешок и давай реветь. Пришёл отец (он работал на железной дороге) и помог. Картошку родители поровну разделили с Галькиной семьёй».

Таким образом, чрезвычайно мучительным (помимо всего прочего) было именно презрение, которое всячески демонстрировали оккупанты в отношении советских людей. О том, насколько это тяжело может восприниматься, описал Виктор Франкл в своей знаменитой книге «Сказать жизни «да»: психолог в концлагере»: «Причиняемая побоями боль была для нас, заключённых, не самым главным. Ду-

шевная боль, возмущение против несправедливости – вот что, несмотря на апатию, мучило больше. В этом смысле, даже удар, который приходится мимо, может быть болезненным» – «Самое болезненное в побоях – это презрение, которым они сопровождаются»¹²⁸.

Пока человек ощущает себя личностью, он имеет в себе силы жить и бороться. Но если правомерность его личности подвергнуть сомнению, то человек будет испытывать душевные страдания, связанные с разрушением самооценки. Именно этого-то и добивались нацисты: через уничтожение «стержня» сформировать из советских людей в концлагерях «идеальных заключённых», готовых «добровольно» умирать, а на «воле» – «идеальных рабов», готовых выполнить любой приказ своего немецкого господина.

Органы управления

Вся оккупированная территория СССР была разделена немцами на три зоны. Первая зона, примыкавшая к линии фронта, имела глубину 30-50 км. Здесь оккупационный режим был наиболее строгим. (Именно в этой зоне находился Тосненский район). Население из этой зоны подлежало принудительному выселению. Переселенцев размещали в нежилых помещениях или в специально созданных лагерях. Питание они фактически не получали, а если получали, то далеко не все (только работавшие) и самый минимум возможного. В этих лагерях наблюдалась очень высокая смертность из-за неприемлемых условий жизни и голода.

Во второй зоне существовал более «мягкий» режим – жители из неё не выселялись, но были ограничены в своих перемещениях. Например, выход в поле на сельскохозяйственные работы был возможен только под конвоем немецких солдат или полицейских.

В третьей зоне сохранялся общий режим, установленный нацистами для оккупированных территорий.

Поначалу управление на захваченных территориях Ленинградской области осуществляли немецкие военные комендатуры. Однако обстановка на фронте (срыв планов «молниеносной войны»), а также местные условия (отдалённость населённых пунктов друг от друга, слабо развитая сеть дорог и, как следствие, проблемы, связанные с контролированием территории подразделениями охранных войск) заставили оккупационные власти приступить к формированию гражданских органов управления, которые при этом подчинялись бы немецкому командованию¹²⁹. Структура управления в основном копировала советскую административную систему, но разница была в том, что все гражданские органы контролировались военными комендатурами¹³⁰.

Первичной административной единицей повсюду являлась сельская община,

существовавшая в пределах одного населённого пункта. Выборы старосты происходили на сельском сходе. Однако нередко кандидаты в сельские старосты отказывались от должности.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

*«Зачастую назначение старост [происходит] против желания назначенных. Положение таких старост в связи с озлобленностью населения к немцам незавидное»*¹³¹.

*Егоров Н., 1929 г. р., дер. Сустье-Конец*⁸⁷:

«Несколько раз собирали собрание, чтобы выбрать старосту. Просили Александра Новожилова – отказался. Отказывались и все другие. Наконец уговорили Ивана Алексеевича Фёдорова».

*Серова (Рогова) Елизавета Ивановна, 1937 г. р., дер. Бурегу (Новгородская область)*¹³²:

«Надо было кого-то назначить старостой деревни, а люди знали, что отец мой – человек грамотный, и что он может руководить. В деревне все к нему хорошо относились. Хотели назначить его старостой, а он отказался. Он-то отказался, а сосед наш, дядя Миша, который напротив жил, сказал: «Вот, он связан с партизанами, и сын у него лётчик». А для немцев этого было достаточно, чтобы человека расстрелять. Когда на отца донесли, я запомнила, как его водили из бани в комендатуру на допрос: он шёл с синяками, подтёками на лице. Но когда его вели на расстрел, он сбежал и ушёл к партизанам».

В обязанности старосты входило: учёт жителей деревни, сбор налогов, доведение до сельчан приказов и распоряжений немецкого командования, поддержание порядка. Но, кроме того, он обязан был ещё и информировать оккупационные власти обо всех подозрительных лицах, появляющихся в деревне, а также о проявлении антинемецких настроений среди населения.

*Кораблёва (Кириллова) Надежда Фёдоровна, 1936 г. р., дер. Вороний Остров*¹³³:

«Видимо, по ночам приходили партизаны. Один раз к маме постучали и спрашивают: «Как? Вас не обижают?» Мама говорит: «Да нет». Дала им кое-что с собой, и они ушли. А рядом-то староста жил! Они, видимо, и к нему зашли, так он немцам сообщил об этом – как будто за язык кто его тянул! Зачем доносил? Вот такое было. Хорошо, что он не видел, что и к нам партизаны заходили, а то он бы и на маму донёс»

Должность старосты давала целый ряд привилегий: староста мог в пределах своей волости перемещаться без пропуска, мог свободно ходить по своему селу в любое время суток (тогда как остальным жителям запрещалось покидать свои дома летом с 21.00 до 6.00 и зимой с 18.00). За свою работу старосты получали жалование, которое собиралось с односельчан.

Управленческий аппарат формировался из тех, к кому оккупанты испытывали наибольшее доверие. В основном, это были люди обиженные на Советскую власть, либо убеждённые антисоветские элементы.

44. Выборы старосты

Козлова (Волкова) Надежда Валентиновна, 1928 г. р., с. Ушаки ¹³⁴:

«А вот свои предатели в Ушаках были, продались немцам, служили им. Эти были хуже фашистов. Помню, совсем от голода стало плохо, пошла я на бойню. Может, думаю, бросят кость или кусок кишок дадут – бывали случаи. А один, староста такой, увидел меня, узнал, намотал кишки на руку и закричал: «И тебя, и всех вас вот на этих кишках повесить надо! У вас отец коммунист!..» Не забуду».

Киселёва Татьяна Фёдоровна, краевед, с. Шапки ¹³⁵:

«Служить шли те, кто либо сам уже сидел, либо те, у которых были расстреляны родственники. И немцы, похоже, об этом знали. У меня такое ощущение, что у них были точные сведения о местных жителях. Они конкретно на этих людей сразу опирались».

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Старосты подбираются из антисоветского элемента, бывших кулаков, лиц духовного звания, предателей. Так в г. Любань старостой всего города назначен бывший служащий лесного и строительного управления Ленинградской ж. д. Славцов Михаил Александрович, бывший певчий клироса.

Старостами участков города назначены:

45. Аушвайс (документ, удостоверяющий личность), выданный на имя Тамары Константиновны Астафьевой

Арсентьев Николай, бывший помощник ст. Любань, его жена – дочь жандарма; Егоров Арсений Николаевич, механик 7 дистанции Октябрьской ж. д., в прошлом прислуживал в Любанской церкви и другие» ¹³⁶.

(По материалам архивного уголовного дела, находящегося на хранении в архивных фондах УФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области проходит Егоров Арсений Николаевич, 1905 года рождения, уроженец г. Малая Вишера Ленинградской области, проживал в г. Любань. Егоров А. Н. был арестован 7 марта 1945 года по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1«а» УК РСФСР (измена Родине). Постановлением Военного трибунала войск НКВД Ленинградского округа от 28 июля 1945 года осуждён к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере.

Заключением Прокуратуры Ленинградской области от 28 февраля 2001 года Егоров А. Н. признан обоснованно осуждённым и не подлежащим реабилитации.

Архивное уголовное дело в отношении Словцова Михаила Александровича, 1904 года рождения, было направлено в 1967 году на постоянное хранение в КГБ Латвийской ССР ¹³⁷).

Имеются воспоминания о старосте города Тосно Михаиле Каменском:

Из материалов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по Тосненскому району. Акт № 4:

«1944 года, декабря месяца, 8 дня, мы, граждане пос. Тосно, Тосненского рай-

она Измайлов Николай, Александрова Ольга Ивановна, Скобочкина Евгения Ивановна составили акт в том, что на территории пос. Тосно находился немецкий гарнизон. Комендантом гарнизона был немец Пинч, старостой был Каменский Михаил.

Под его непосредственным руководством были расстреляны след. товарищи: Измайлова Татьяна, Коновалова Людмила (Алашкина). Повешенным был Фокин. Замученным был Цепняков-еврей.

Всего было повешено девять человек, расстрелянными нам известны фамилии 24 человека, и очень много неизвестных лиц. Замученным был один. В чём и составили настоящий акт»¹³⁸.

В сущности, старосты обладали значительной властью над односельчанами. Без разрешения старосты жители не могли выехать за пределы населённого пункта или пустить на постой постороннего человека (например, родственника из другой деревни). Нередко старосты злоупотребляли своим положением (например, завышали продналог и часть его оставляли себе). В то же время, чтобы более эффективно выполнять возложенные на них обязанности, им в помощь назначались 1-3 полицейских, тоже из местных жителей. Они также получали жалование и хлебный паёк за счёт односельчан. При этом полицейские лишь номинально находились в подчинении гражданской администрации¹³⁹, фактически же они подчинялись начальникам немецких военных комендатур. Население люто ненавидело их за рьяность в служении немцам и жестокость.

*Бисиков Анатолий Александрович, 1930 г. р., дер. Степановка*³²:

«На дороге – воронки. Нас, подростков, малышей – всех заставляли кирпичами всё это заделывать. Нам за это давали баланду и 200 гр хлеба. И так заставляли работать всех подростков. Если не идёшь, то вылавливали ночью. Чтобы пацанов ловить, немцам помогали полицаи. И мы их очень боялись. Они сразу стали хозяевами в запретной зоне, для них время было золотое – им дали разрешение убивать».

*Максимова (Медведева) Валентина Николаевна, 1929 г. р., с. Никольское*⁵⁷:

«На работах над нами было два наших человека: одного звали Сашкой, а другого – Лукас. Вот они были очень преданы немцам. Однажды я на развозку опоздала, а один из них мне сапогом под зад. Вот и такие были среди наших. Потом, одна женщина, Королёва тётя Нюра, в лесу, где они работали, кирку оставила. И немцы приказали дать ей 5 розог. Так вот, немец бить её не стал, а вот русский полицай взял плётку и выпорол её».

В то же время, с полицейскими и старостами не всё выглядит так однозначно. Бывало, что в качестве старост работали люди, связанные с подпольем. Так, например, было в Сологубовке: старостой деревни немцы назначили Акима Савинова, а он был связан с партизанами, и те частенько останавливались в его бане. Однако вёл он себя настолько аккуратно, что даже деревенские не знали о его патриотической деятельности (*Ткаченко Е. А.*)¹⁴⁰.

«В период оккупации в Лисино остался инженер леспромхоза Виталий Александрович Лазарев, специально оставленный командованием для ведения подрывной работы в тылу врага. Он имел дворянское происхождение, поэтому был

беспартийным. Вскоре после вступления гитлеровских войск в Лисино В. А. Лазарев был назначен ими бургомистром. Как свидетельствуют жители, Лазарев поддерживал питанием голодных, укрывал беженцев, выручал попавших беду, имел связь с партизанами» (Соловьев С.А.)¹⁴¹.

Однако ситуация, в которой находился Лазарев, была очень рискованной. В условиях несогласованности партизанского движения в первые месяцы оккупации (а иногда и просто в силу отсутствия информации) лояльные Советской власти старосты нередко подвергались незаслуженным репрессиям со стороны народных мстителей. Так, по некоторым данным лисинские партизаны готовили покушение на В. А. Лазарева, и лишь личное указание руководителя Тосненского сводного партизанского отряда С. А. Крючина отменило эти планы. Но так происходило далеко не всегда.

*Дмитриев Дмитрий Яковлевич, 1927 г. р., дер. Подлесье*¹⁴²:

«Немцам же нужно было в деревне к кому-нибудь обращаться, как к старосте или председателю колхоза. В общем, нужно было выбрать старосту и полицейского, чтобы за порядком следить в деревне. Выбрали дядьку Ваню, фамилию его я забыл. Он был в плену (в Первую мировую) и, наверное, умел по-немецки говорить. Его и выбрали старостой. И были мы на два фронта: днём – немцы, а ночью – партизаны. И был он между двух огней. И потом партизаны забрали его да расстреляли вместе с сыном. Сын 1924 года рождения был немного постарше меня. Дядя Ваня им кричал: «Меня расстреляйте, сына не троньте!» Нет, обоих расстреляли, и полицейского тоже. А какой он был полицейский? – даже ружья-то не было! За порядком ведь только смотреть. Жалко их – никого они не предавали...».

А иногда в административные органы люди попадали и вовсе каким-то вынужденным образом:

*Васильев Михаил Васильевич, 1928 г. р., дер. Мокуши (Псковская обл.)*¹⁴³:

«22 июня – начало войны: в деревне слёзы, но мы, дети, ничего этого не понимали. А 26 июня приехал «чёрный ворон» и забрал отца в ДПЗ. Причина неизвестна. Вероятно, донос односельчан из зависти, что он сравнительно хорошо зарабатывал как бригадир в колхозе, и семья поэтому была лучше обеспечена, чем другие.

На следующий день мать побежала в райцентр, но ей свидания не дали. Отца оттуда отправили в город Остров в тюрьму. (Впоследствии он рассказывал, что следователь тряс над ним пистолетом). Примерно через месяц отец вернулся домой в деревню и рассказал, что когда в городе начался обстрел (наступали немцы, и шли бои), то охрана тюрьмы разбежалась. Но арестанты остались сидеть в закрытых камерах. Вместе со своими сокамерниками отец сломал нары и выбил дверь – побежали в подвал. Там уже было много народу – все прятались от обстрела. Когда всё стихло (*Остров был оставлен 4 июля. – Авт.*), вышли на волю. В городе уже были немцы. Всюду на стенах были расклеены объявления, чтобы все трудоспособные мужчины зарегистрировались в комендатуре. Отец не мог так просто покинуть Остров и уйти в деревню. Он зарегистрировался. Ему предложили «работу»: «Тебя же коммунисты посадили, а за что?» И вот, отцу дали винтовку и назначили полицейским в своей деревне. Его задача была следить за порядком. Так он и стал «полицаем». Но отец был не злым полицаем. Несколько

человек он даже спас от смерти – помогал окруженцам, когда те находили женщин и «подженивались» к ним. На это он закрывал глаза и даже помогал это осуществить, хотя, конечно, сильно рисковал».

Отчёт старшего оперуполномоченного Островского межрайотдела УНКВД ЛО Власова:

«22 июня 1941 года отдельные аппараты Управления оказались в полной неподготовленности, растерянности, незнании, что делать, при отсутствии всяких средств связи с Управлением. К таким аппаратам принадлежал и Островский межрайотдел УГБ УНКВД ЛО, в котором я тогда работал.

При извещении об объявлении войны утром ничего конкретно предпринято не было. Вся работа шла самотёком, делали то, что подвернётся под руку. Большую часть времени за период с 22 июня по 3 июля оперативный состав проводил в беготне и разъездах по районам, отлавливая мнимых шпионов и парашютистов.

Одним из основных недостатков оказалось отсутствие связи с Управлением УНКВД. В результате этого большое количество лиц в районах межрайотдела, подлежащих аресту, остались на свободе, а те, которые были арестованы, не подверглись тщательной обработке и остались в Островской тюрьме.

Более того, за несколько дней до занятия немцами города Острова туда были доставлены из Латвии арестованные сопотивленцы в количестве 100 человек, которые также остались в Островской тюрьме, и совершенно очевидно, что впоследствии они были использованы немцами против нас.

Немецкие войска подошли к г. Острову со стороны ст. Бренчаниново, что в 12 километрах от города, 3 июля 1941 года около 15 часов дня. Мы, сотрудники межрайотдела, узнали об этом около 16 часов того же дня от железнодорожников этой станции, которые прибежали в межрайотдел сильно взволнованные и сообщили, что на нашей станции немцы. Мы им даже не поверили, полагая, что они занимаются лжеинформацией, или просто сеют панику. В действительности же оказалось, что это правда.

Сообщение о нахождении неприятеля в зоне города Острова было настолько неожиданным, что ни руководители районных организаций, ни военное командование, ни тем более сотрудники не знали, что делать.

Армии в городе не было, если не считать отдельных командиров, не имевших при себе частей. На борьбу с немцами был выслан истребительный батальон, который сразу же был серьёзно потрепан и рассеян, а вечером, около 21 часа, на город полетели снаряды противника.

В ночь на 4 июля 1941 года из г. Острова началась массовая беспорядочная эвакуация населения, а днём 4 июля город был оставлен также сотрудниками межрайотдела, которые обратно в город уже попасть не смогли»¹⁴⁴.

Старосты по-разному строили свою политику в отношении односельчан. Были и такие, кто одновременно пытался служить и оккупантам, и жителям своей деревни:

Николаева (Низовкина) Галина Фёдоровна, 1932 г. р., с. Шапки ⁷²:

«Помню, староста всё приходил к нам и требовал: «Отдай мужиковы валенки!» А мамка говорит: «Нет таких!» – «Вот если не отдашь, найдём и повесим

тебя!» Брат мой, ещё мальчишка совсем, говорил ему: «Дядя Федя! На! Я сниму свои валенки и тебе отдам, только не трогай мамку!» Плакал. А ведь несколько раз староста приходил к нам, всё валенки требовал: «Отдай валенки да отдай! Немцам на фронт надо!»

Зубкова Нина Альвиновна, с. Шапки ¹⁴⁵:

«Отец, Альвин Яковлевич Нерман (1911–1945) в августе 1941 года последний раз навестил нас в Шапках и уехал в Ленинград. Там он был мобилизован на фронт под Тихвин. Попал в «тихвинский котёл», но из плена бежал. Когда появился в Шапках отец, я не помню, но знаю, что мама упросила старосту Фёдора Абрашенкова помочь с документами для отца. Абрашенков сделал всё, что нужно. (Абрашенковы, так же, как и моя бабушка, Мария Лукьяновна, были выходцами из деревни Берёзовка). Во время оккупации отец работал, как и все односельчане, на строительстве дорог и на других работах, куда направляли, до тех пор, пока не умер Абрашенков. Тогда большая группа шапкинских мужиков отравилась спиртом. Кто-то из них утащил его у немцев из цистерны на железнодорожной станции и поделился с другими. Оказалось, что это было лекарство от чесотки для лошадей на метиловом спирте. На сходе вместо Абрашенкова был назначен мой отец. Дома он сказал: «Ничего, так надо». Мы жили в постоянном страхе за отца и за семью. Знаю только, что по мере своих возможностей он помогал односельчанам избежать отправки в Германию».

В целом же можно сказать следующее: общественное правовое сознание оценивало службу у врага старост и полицейских однозначно как предательство. Но при этом предательство выглядело таковым не столько по отношению к государству, сколько по отношению к деревенской (крестьянской) общине: если служащий оккупационным властям не предавал её интересы, то он всячески отстаивался населением перед партизанами (хотя, конечно, бывали исключения). Если же ставленник оккупантов проводил свою политику в угоду оккупантам и в ущерб населению, то сами жители деревни стремились избавиться от него руками тех же партизан ¹⁴⁶.

В августе 1942 года на совещании у Геринга было доложено, что в России к этому времени было убито более 1500 старост ¹⁴⁷.

Подобное отношение к пособникам врага было результатом доминирования в общественном сознании принципов именно традиционной морали, а не советского уголовного права.

А.Клейн: «Семёновна добавила, что один выпивоха было ляпнул, что есть скрывающиеся в лесу. Болтуна одёрнули. Но немцы насторожились. Пообещали негодяю шнапса и денег... К счастью, немцы тут же двинулись дальше, а через день этот тип так напился, что умер. По тону Семёновны я догадался, что выпивохе «помогли» поскорее отправиться на тот свет...» ¹⁴⁸.

Однако в партизанских отрядах (а там в руководстве стояли члены ВКП(б) или представители Штаба партизанского движения) бойцы руководствовались нормами советского права: уничтожение пособников оккупационного режима строго документировалось ¹⁴⁹ что, в свою очередь, уже не являлось результатом проявления народного стихийного самосуда.

Положение крестьянства в условиях оккупации

Немецкая оккупационная политика в разных районах области строилась по-разному: она варьировалась от сравнительно «мягкой» к принципиально «жесткой». Там, где наблюдалась высокая концентрация войск, то есть в прифронтовой зоне, она в основном проводилась при помощи репрессивных методов. В тех же местах, где сил у немцев не хватало, они широко пользовались прикрытием «новой русской администрации»¹⁵⁰.

Однако есть все основания предполагать, что проведение более «мягкой» линии являлось всё же частью массивной пропагандистской компании, нацеленной на обман населения с тем, чтобы блокировать в будущем его попытки к восприимчивости собственному ограблению¹⁵¹.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду народному комиссару внутренних дел СССР о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 7 августа 1941 года:

«По данным, полученным от разведывательной агентуры в районах Ленинградской области, занятых противником, осталось значительное количество населения, главным образом из числа колхозников. Немецкие военные власти, сразу после занятия территории своими войсками, пытались расположить население на свою сторону.

Основное направление деятельности немецких военных властей среди населения заключалось в ликвидации всех форм социалистического хозяйства, распределении колхозных земель, имущества, инвентаря, оставшегося скота и даже хлеба по принципу единоличных хозяйств.

Этими мероприятиями немецкие военные власти стремились восстановить против социалистической системы хозяйства колхозное крестьянство»¹⁵².

Васильев Михаил Васильевич, 1928 г. р., дер. Мокуши (Псковская обл.)¹⁴³:

«Немцы крестьян особенно-то и не трогали, не обижали. Даже были вежливы. В самом начале оккупации приехал какой-то офицер с переводчиком, собрали общее собрание и спросили: «Как хотите жить – как единоличники или колхозом?» Все закричали: «Единоличниками!» Землю поделили по 5-6 га на семью. Отцу дали отдельный участок (вроде хутора) – 7 га, так как он выполнял в деревне обязанности полицейского. Председатель колхоза стал старостой. Разделили скот, инвентарь. Делили, как договаривались, чтобы никто не остался в обиде. Немцы при этом никому не указывали, как и что делать. А когда ввели натуральный налог на сельхозпродукты, то условия были лучше, чем при Советской власти: главный принцип – сначала обеспечить себя на будущий год семенами и фуражом, а остаток сдать. Писали справку – кто сколько сдал. Хлеба хватало, даже гнали самогон».

Однако такая благостная картина не была характерна для всей оккупированной

территории. Новые власти отнюдь не стремились отказываться от политики беспощадной эксплуатации крестьянства. Но проводили они эту политику поначалу крайне осторожно и достаточно дифференцированно. На большей части оккупированной территории СССР они старались сохранить крупные хозяйства – колхозы и совхозы. Прежний порядок землепользования закреплялся в «Положении об общем дворе» (от 27 августа 1941 года). Колхозно-совхозная система, на взгляд немецких экономистов, являлась оптимальным аграрным придатком тыловых служб вермахта, так как облегчала сбор с крестьянских хозяйств натуральных налогов.

Однако данная система была сохранена не везде. Так, в оккупированных районах Ленинградской области она показалась нецелесообразной (возможно из-за скудности почв и малочисленности населения), и здесь была введена индивидуальная форма землепользования. Размеры участков в разных районах варьировались. Например, в Псковском уезде каждому двору передавались в единоличную собственность полосы размером от 0,75 до 2,5 га в зависимости от числа едоков.¹⁵³ Поэтому то, о чём сообщает М. В. Васильев, безусловно, вызывает ряд вопросов.

И всё же крестьяне недолго заблуждались относительно истинных намерений завоевателей. Их безудержное ограбление началось буквально с первых дней, когда немецкая армия заняла советскую территорию. Формально немецкое руководство не одобряло мародёрства своих солдат, но при этом оно фактически ничего и не предпринимало, чтобы как-то его остановить. Более того, германское руководство, наоборот, создало множество приказов о снабжении своих войск за счёт захвата местных сельскохозяйственных ресурсов. Начались регулярные реквизиции зерна, фуража, овощей и скота. Причём данные акции проводились не только специальными командами учёта, но и в ходе спонтанных действий представителей военных подразделений.

Никитина (Зайцева) Зоя Александровна, 1932 г. р., пос. Тосно¹⁵⁴:

«С началом войны мама прекратила работу, и мы переехали в деревню Глинка к дяде Коле. Стали мы жить вместе одной семьёй в 12 человек. Дядя Коля (его не взяли на фронт из-за инвалидности), его жена Мария и моя мама куда-то

46. Дружеское общение солдат вермахта с местными крестьянами. 1941 г.

ездили с целью поменять одежду, платя на продукты. Чем-то надо было питаться. В одной из таких поездок была убита тётя Мария. Однажды, когда они приехали с продуктами, в нашу деревню прибыли немцы на подводах. Кто-то из соседей зашёл к нам и предупредил о приближении немцев. Дядя Коля и мама всё привезённое быстро перенесли во вторую половину дома, закрыли дверь и поставили скамейку, перегородив дверь. Сами всей семьёй сели за стол. Заходят трое немцев с переводчиком. Требуют продуктов. Не получив их, начинают поиск. В первую очередь полез немец в подвал. Из подвала достал ящик с картошкой, которая была чуть крупнее клюквы. Раздражённый второй немец ударил ногой по ящику, и картошка посыпалась в подвал. Это спасло нас от дальнейших поисков продуктов».

Костина (Гаврилова) Зоя Борисовна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ²⁴:

«Немцы у нас всё воровали. Два ведра мёду было – всё выскребли. Он уж засахарился. Забрали всё: кур, гусей. Корову мы зарезали, спрятали в дрова, но нашлись предатели, сказали: «Как это они спрятали корову в дрова?» А у нас поленница была большая, мы середину выскребли и туда спрятали корову».

В первые дни оккупации немецкие власти широко рекламировали освобождение крестьян от налогов. Однако когда им стало очевидно, что Советский Союз со дня на день будет разгромлен (осень 1941 года), было решено, что от политики заигрывания с местным населением пора отказываться. В «условиях труднейшего военного времени» налоги начали действовать в полную силу. При этом единой системы налогообложения с оккупированных территорий выработано не было. Его размеры формировались произвольно на местах. При этом для тех, кто сотрудничал с оккупантами, предусматривалась система льгот. Помимо поощрения она способствовала ещё и дальнейшему расколу крестьянского общества на различные категории. Кроме того, здесь учитывался не только социальный фактор (бывшие «кулаки» или «средняки»), но и национальный. Так, например, представители национальных меньшинств, пострадавшие от коммунистов (эстонцы, обрусевшие немцы, ингерманландские финны) облагались сниженным налогом. Соответственно, вся тяжесть дополнительной реквизиции перекладывалась на русские хозяйства.

47. «Колхоз» готическим шрифтом

Основным налогом в сельской местности являлся подушный налог. Его сумма была фиксированной – 120 руб. в год с человека. Им облагались жители с 18 (в 1943 году – с 14) лет до 60 лет. К тому же каждое хозяйство облагалось ещё и налогом в 100 руб. в год. Существовал ещё и земельный налог, налог с построек, с собак ¹⁵⁵, а также – натуральный налог продуктами питания. Например, в Псковской области крестьяне обязаны были сдавать оккупационным властям с 1 га земли: 60 ц капусты или 46 ц помидор, или 51 ц огурцов, или 31 ц картофеля ¹⁵⁶.

Особая статья – молочный налог.

Егоров Н., 1929 г. р., дер. Сустье-Конец ⁸⁷:

«Люди убирали урожай, косили сено, заготовливали корм скоту. Немцы в деревне не стояли. Периодически из Любани приезжали за скотом и курицами. Коров отобрали через 1 дом. Одну корову оставили на две семьи».

Лыскова Анна Алексеевна, 1933 г. р., дер. Коркино ¹⁵⁷:

«На двоих с соседом Фёдоровым была оставлена корова, молоко от которой надо было сдавать на приёмный пункт в Сустье. Взамен выдавали так называемый «обрат» (обезжиренное молоко. – Авт.)»

Турзина (Егорова) Л. А., 1926 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁵⁸:

«На каждую корову был налог: 120 л молока в год. Сколько раз немцы забирали у нас корову! Но мы налог платили и жаловались коменданту – корову возвращали».

Если учесть, что довоенные (непородистые) коровы в нашем регионе давали около 1200–1500 л молока в год (2,5–3 л в день), то понятно, что налог был не маленьким, ведь обычно одна корова «обслуживала» несколько семей, в каждой из которых, в свою очередь, было от трёх до пяти детей.

Весной 1942 года – к началу сева – возможности сельского хозяйства в нашем регионе были окончательно подорваны. Чтобы как-то улучшить ситуацию и стимулировать крестьян трудиться в пользу вермахта и Германии, власти решаются на аграрную реформу: повсеместно отменить колхозы (там, где они были) и ввести индивидуальное (узаконенное) владение землёй. При этом реформу планировалось осуществить в течение нескольких лет. Началась раздача семян для посева (которые необходимо было вернуть осенью в двойном размере). Коллаборационистская пресса активно взялась пропагандировать «безбедную» жизнь крестьян в условиях оккупации. При этом СМИ прибегали к откровенным фальсификациям – правдивая информация смешивалась с прямой ложью, и этот «коктейль» выдавался читателю:

Газета «Северное слово» 1943 год № 1 (январь), В. Курский: «Там, где поезд дальше не идёт»: ¹⁵⁹

«Поезд подходит к концу своего следования: посёлок Шапки, где расположена и станция. Здесь – тупик, дальше поезд не идёт: недалеко от Шапок проходит передовая линия.

В Шапкинскую волость входят посёлок Шапки и деревня Шапки, Староселье, Сиголово, Надино, Белоголово. Бургомистром волости назначен Ф. Абращенко, которого советская власть «научила любить свободу». С негодованием он вспоминает:

– В 1931 году сельсовет дал мне твёрдое задание внести в двухнедельный срок следующий «налог»: 3000 руб. денег, 3000 литров молока, 3000 штук яиц. Когда давали задание, сказали: «Или иди в колхоз, тогда снимем этот налог, или пойдёшь на какой-нибудь Турксиб!» Нечего было делать, пришлось «добровольно» войти в колхоз и привести с со-

бой хлеба 150 пудов, молодую лошадь, новую телегу, рессорную двуколку, двое саней, три новенькие сбруи... Э, да что говорить! А за время колхоза налога, займа да культсбора больше тысячи пришлось уплатить, – а получил что?

Староста деревни Шапки Н. Романов сообщил показательные цифры:

– В прошлом году мы засеяли один гектар ржи, а в этом – двадцать! Картофель собрали 1200 центнеров. К весне приготовлено 144 пуда овса, чем можно обсеменить 12 гектаров, есть семенной ячмень, картофель. Семена для посева нам дали немцы, они же давали и лошадей для работы. Сена вдоволь у каждого хозяина. В деревне уже 22 коровы и 60 коз.

Бывший колхозный «лодырь» крестьянин П. Яковлев теперь – примерный хозяин. В колхозе его ругали и бичевали в районной газете за то, что он вырабатывает мало трудодней.

– Я пробовал много работать, – говорит Яковлев, – да «прибыль» та же! Выработал 300 трудодней, а нам дали по 100 граммов. Получил я на четыре души на год всего 30 кило – ну, и живи!..

А теперь я хозяин, руки чешутся. Имею посев ржи, корову, козу, набрал больше 150 пудов картофеля, овощей, сена. Спасибо немцам – дали и семена, и тягло! Теперь птицу завожу. Одним словом, был для колхоза лодырь, с теперь – извиняюсь! Своя земля, сам себе хозяин!»

Однако идеологическая обработка сельского населения не давала нужных результатов. Взимание налогов с истощённых хозяйств продолжалось по-прежнему, и население нищало:

Из плана Ленинградского штаба партизанского движения о боевых действиях партизанских подразделений на зиму 1942/1943 г. ¹⁶⁰.

«Посевная площадь области уменьшилась в 8–10 раз. В результате население оккупированных районов обречено на полуголодную жизнь, а в ряде районов – на вымирание от голода (Лужском, Оредежском, Слуцком, Красносельском, Тосненском, Новгородском, Дновском и др.)»

Чтобы справиться с проблемой, оккупационные власти решили обратиться к привычным – силовым методам воздействия. Теперь жители сёл должны были работать в поле только под надзором полиции и немецких управляющих. Невыход на работу карался штрафом (до 500 рублей), а «злостный» невыход – телесными наказаниями, лишением имущества и помещением в концлагерь. Да и за невыплату налога вовремя крестьяне также теперь подвергались очень высоким штрафам. Так, например, в оккупированных районах Ленинградской области за несвоевременную сдачу хлеба накладывался штраф в размере от 500 до 1000 рублей ¹⁶¹.

В 1943 году в связи с успехами Красной армии немцы, чувствуя шаткость своего положения, кинулись добирать с захваченных территорий последнее. Подчищали всё, что могли. Жители, которые были не в состоянии платить налоги или платили с опозданием, объявлялись «злостными неплательщиками», которые могут быть расстреляны. Зачастую налоги собирались только в процессе проведения карательных акций, число которых всё росло и росло.

В подобной обстановке среди населения начали быстро крепнуть протестные настроения. Увеличивалось число желающих оказывать активное сопротивление врагу. Начался интенсивный приток добровольцев в партизанские отряды.

Реквизиции

Ленинградская область (в которую до 1944 г. входили также ещё Новгородская и Псковская области) рассматривалась нацистами как депрессивный регион. Здесь был достаточно суровый климат, мало хорошей земли, много неудобий, болот и лесов. Сельское хозяйство велось экстенсивными методами, и с экономической точки зрения оно было скорее убыточным, чем прибыльным. Поэтому оккупанты ставили себе задачей не вкладывать слишком больших усилий в сельскохозяйственную отрасль, а заодно и не развивать здешнюю промышленность. «Ингерманландия» – так отныне должна была называться данная территория – должна была состоять из сети опорных поселенческих пунктов вдоль главных коммуникаций. Кроме того, планировалось использовать немецкие колонии в районе Стрельны. Коренное население (в основном русское) на этой территории оказывалось «избыточным» и подлежало «выселению», и лишь частично – «онемечиванию». Осваивать «новые» земли должны были «этнически близкие» народы – прибалты и «фольксдойче» («русские немцы»).

А пока эти планы не стали реальностью, местное население вынуждено было отдавать захватчикам то последнее, чем ещё владело. Ревизии шли повсеместно, и очень скоро в зоне оккупации начали интенсивно сокращаться запасы зерна, других аграрных продуктов, а также поголовье скота.

Особенно катастрофично развивались события в прифронтовых районах. Например, 12-я танковая дивизия вермахта учредила в своей полосе в начале ноября 1941 года «изымание» всего скота и, кроме того, отдала приказ о конфискации иных предметов обихода, в том числе простыней. В районе 18-й армии поголовье скота сократилось до 300 штук ¹⁶².

Армия целиком кормилась за счёт местных жителей. Снабжение же населения при этом вообще в расчёт не принималось. Специальные команды учёта прочёсывали районы и грабили всё мало-мальски ценное.

Местному населению строжайшим образом запрещалось запасаться не только продовольствием (оно всё было под учётом), но и предметами первой необходимости. Оккупационными властями был введён запрет на производство обуви, кожаных изделий, одежды, мыла, лекарств и пр., чтобы использовать соответствующее сырьё только для нужд Германии.

Одновременно с помощью полиции проводились реквизиции кроватей, постельных принадлежностей, посуды и мебели для военных госпиталей.

С наступлением холодов немцы начали выгонять жителей из их домов и отнимать тёплую одежду и обувь для нужд вермахта. Чтобы хоть как-то представить то, что творилось в это время на данной территории, обратимся к документам.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской об-

48. Немецкие солдаты в оккупированной деревне. Октябрь 1941 г.

ласти и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«В хозяйственных пунктах находится офицерский снабженческий состав, выделяющий представителей в деревни, которые при помощи старост «руководят хозяйственной жизнью», то есть грабят население.

Изъятие продовольственных запасов и скота у населения производится открыто, сопровождается при этом зачастую жестокими расправами.

Иногда изъятие происходило и под соответствующими предлогами. В ряде колхозов Тосненского района изъятие происходило под предлогом обеспечения питанием якобы находящихся в плену у немцев раненых красноармейцев и командиров. <...> Наряду с продуктами производится опись и изъятие для нужд армии тёплой одежды, белья, валенок и обуви» ¹⁶³.

Максимова Мария Анисимовна, 1900 г. р., г. Любань ¹⁶⁴:

«Вещи собирал староста, он же распоряжался, чтобы указания немцев выполнялись в назначенный срок. Я отдала старосте пару валенок более старых, а две пары хороших валенок спрятала под снег. Когда к весне он начал таять, спрятанные валенки показались, и мне их пришлось перепрятать под мост около ворот, и таким образом спасти валенки от конфискации. За сдаваемые вещи населению ничего не платили – вещи просто отбирались. Противиться этому население не могло, так как это грозило расправой».

Кораблёва (Кириллова) Надежда Фёдоровна, 1936 г. р., дер. Вороний Остров ¹³³:

«А ещё полицаи валенки и тёплые вещи у людей отнимал. Приходит в какой-

нибудь дом, если увидит, что у кого-нибудь валенки на печке лежат, то снимал сам – не немцы снимали. А как без валенок? Холодно же было!»

Шустрова Зоя Ивановна, 1931 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁶⁵:

«Когда начались холода, немцы поснимали с нас валенки, приставляя дуло к виску. Обуви не было. Ноги приходилось заматывать в тряпки, сверху калоши, у кого были, а то и куски толи, которыми крыли крышу».

Лёвин П. П., с. Померанье ⁴⁴:

«С наступлением холодов немцы приказали жителям сдать для немецкой армии валенки. Были случаи, когда с людей снимали валенки прямо на улице. Жители стали свои валенки маскировать: нашивать на голенища рваные овчины. Немцы стали отбирать также ручные санки, а потом последовал приказ сдать шубы и полушубки. За несдачу шуб жителей наказывали розгами».

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Происходит грабёж и всего домашнего имущества у населения. Отбирается полностью всё бельё, в том числе и женское, постельные принадлежности и т. п.

В г. Слуцке (г. Павловск. – Авт.) в блиндажах немецких солдат ковры, перины, подушки, бельё, патефоны – награбленные у населения. Проходящего мимо жителя каждый солдат осматривает с головы до ног. Всё, что ему покажется пригодным, заставляет тут же отдать» ¹⁶⁶.

Александрова (Евсеева) Ольга Ивановна, пос. Тосно ¹²⁶:

«Враг чувствовал себя хозяином в Тосно: солдаты снимали серебро с икон, с рук срывали кольца, снимали серьги. Сейчас страшно вспоминать, что бывало, встаёшь утром и не знаешь, доживёшь ли до вечера. Страшно было выходить на улицу».

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«При заходе в землянки жителей [немцы] отбирают у жителей керосинки, примусы, лампы, невзирая на то, что в этих землянках помещается многодетная семья.

В г. Любани офицеры и солдаты бродят по домам местных жителей в поисках патефонов и швейных машин, проявляя к добыче их особое рвение <...> Проводится учёт и изъятие лыж» ¹⁶⁷.

Полякова (Квашнина) Любовь Александровна, 1930 г. р., с. Шапки ¹⁹:

«Мне до войны отец привёз лыжи. Так вот, когда немцы эти лыжи нашли, то давай кричать: «Вы для партизан их держите!» И забрали их у меня...»

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«В ряде пунктов при восстановлении объектов коммунального хозяйства немцы запрещают пользоваться ими местному населению. Так, например, при восстанов-

лении электростанции в г. Любань, пользоваться электроэнергией (кроме немцев), несмотря на её достаточность, местному населению воспрещено»¹⁶⁸.

Дневник неизвестного жителя Любани, найденный на чердаке одного из домов:
«1942 г. 2/ XI

Сидим без электричества, с коптилкой, так как гражданским лицам пользоваться электричеством запрещено...»¹⁶⁹.

В сложившихся условиях для населения остро встал вопрос об элементарном физическом выживании.

Как выживали

Уже неоднократно говорилось, что в отношении русского народа нацисты вынашивали особые планы. Один из разработчиков Генерального плана «Ост» доктор Э. Ветцель – референт по расовым вопросам в Восточном министерстве Розенберга – подготовил для Гиммлера документ, в котором утверждалось, что «без полного уничтожения или ослабления любыми способами биологической силы русского народа установить немецкое господство в Европе не удастся». Голод, болезни, нищета и неприемлемые условия быта должны были работать на решение этой задачи.

Однако то, что русские не вымерли уже в первые полгода оккупации, говорит об их высоких адаптивных способностях – объективном признаке большой жизненной силы:

*Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно*³⁶:

«Вот так мы и жили. А что делать? Не полезешь же сам в могилу!»

(Совершенно аналогичная ситуация сложилась и в Ленинграде: Ленинград выжил, потому что *жил*).

Однако жизнь в тех условиях была столь ужасна, что казалось, единственным выходом из создавшегося положения могла быть только смерть (фактически – самоубийство). Идею «добровольного умирания» фашисты позиционировали как акт гуманизма. Со слезой на глазах они побуждали население принять их точку зрения по вопросам жизни и смерти. Но «упрямый русский иван» почему-то не соглашался и продолжал бороться со смертью вопреки всякому «здравому смыслу».

Антюфеева Серафима Ивановна, пос. Красный Бор (Поповка) 39:

«Остались мы без дома (*сгорел*. – *Авт.*) в пустом поле. Что было делать? Только надеяться на людскую помощь. И пошла я со своими детьми, которым было 5 лет и 3 года, а совсем маленькой – 3 месяца, просить по деревням милостыню. Дороги были ещё грязные (начало мая), детей приходилось по очереди переносить на руках. Крестьяне подавали мало, так как сами терпели во всём нужду, а беженцев было очень много, в основном из-под Ленинграда. В ином доме поделаются последним и поплачут вместе с нами, а в другом лишь крикнут: «Бог подаст!»

49. Местное население в Саблино. Коллекция Д. Жукова

Данильцева В. А., 1932 г. р., пос. Красный Бор (Поповка) ¹²⁴:

«Скоро жителей из домов немцы выгнали, согнав всех в мазанку Тепловых. Мы жили там в страшной скученности, спали вповалку на печке и на полу. Не стало мыла и негде было греть воду. Но мама не позволяла опускаться, заставляла мыться холодной водой и стирала зимой бельё».

Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно ²⁶:

«Ноябрь-декабрь 1941 года – из еды совершенно ничего нет. У кого немцы жили на постое, и кто были помоложе, те умели приспособиться. Найдут себе молодого немца, тот живёт и снабжает. Жили, как могли, кто как».

Сычёва (Туганова) Надежда Ивановна, 1927 г. р., пос. Волосово ¹⁷⁰:

(Побег из трудового лагеря): «Нас не охраняли с собаками, немец закрывает на заставе с той стороны дверь в бараке и ходит вокруг барака. Вот мы с Любой и убежали. А была зима! Километров пять бежали лесом, потом силы иссякли, на коленях ползли. На мне были отцовские старые сапоги, и я стёрла пятки до крови. Было очень больно. Увидели огонёк, подумали, что какая-то деревня. Постучали в один дом, нам никто не открыл, а мы видели, что там люди есть. Может, мы уже не первые бежали. Постучали в другой дом, открыла женщина. У неё картошка на столе и куча мха. Мох толчёный, как мука. Она толкушкой мнёт картошку, обмакивает в этот мох и на плите печёт. Дала этой картошки, мы съели, как котлетку. Думали, что если съедим быстрее – ещё даст. Но больше не дала. Я сняла сапог, мешок сапога уже рваный. Она протянула портянки сухие из мешковины, закрутила мне ноги. А у самой на печке две головки детские. Тоже беднота! Мы на пороге посидели, отдохнули и ушли. Она нас проводила. Мы скорее до леса, чтобы нас не догнали.

А сил-то нет! Люба палку сломала, я встану на колени – она меня тянет. Потом она падает на колени – я встаю, её тяну. Вот так и шли до дому».

Андреева (Чернякова) Нина Ивановна, 1934 г. р., пос. Тосно ¹⁷¹:

«Мама на немцев стирала, мыла у них посуду – надо было нас кормить, нас было четверо. Она ходила согнувши руки, и после войны у неё остались кривые пальцы. А отец был машинистом. Когда началась война, бомбили составы, он пришёл домой раненый, весь окровавленный. Так он и остался – куда пойдёт? Он у немцев дрова колот, воду носил, работал».

Планина (Карасёва) Людмила Валерьяновна, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵⁵:

«Помню, у мамы серьги были красивые, так она их сменяла на овёс. Жил с нами рядом Борис Крымов, а у его родителей были ручные жернова. Мы к ним ходили и этот овёс превращали в крупу. В войну мы с ребятами ходили на бойню за мясными обрезками. А потом ещё во время войны находились люди, которым мама могла шить. Какие-то продукты ей приносили за шитьё. Я ещё ходила работать на дорогу. Мы строили дорогу на Лисино и Строеие. За это нам давали хлеб с опилками, но мы были рады и этому».

В ситуации правового беспредела, когда любой взрослый мог быть заподозрен в помощи партизанам, в оказании видимого или мнимого сопротивления, важная роль добытчиков пропитания ложилась на детские плечи. Именно дети зачастую спасали свои семьи – больных родителей, младших братьев и сестёр от голодной смерти, и в этом видится принципиальная особенность, связанная с выживанием мирного населения в условиях оккупации.

Кудрявцева (Горделева) Лидия Львовна, 1930 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁴¹:

«Так как я до войны переболела малярией, я не выросла ни на грамм. Мне больше 8-10 лет не давали, хотя мне уже было 11 полных. Я ходила с протянутой рукой от деревни к деревне. Я была маленькая. Сестра не ходила – она здоровая такая была! А мне подавали: где картошину, где корку дадут».

Орлова (Рубачёва) Вера Васильевна, 1937 г. р., пос. Тосно ⁶¹:

«Я ходила к немецкой кухне – подбирала очистки картофельные. А ещё мы ходили туда попрошайничать. И был там один такой фашист, зараза, он всё время на голову мне суп выливал. Да! Я прошу: «Ну дайте что-нибудь! Корочку хлеба!.. А он возьмёт да и выльет. И ещё помню, как мы котелки их сраные мыли, а потом объедки доедали».

Смирнова (Гурьева) Раиса Сергеевна, 1925 г. р., г. Любань ²³:

«На Берёзовой Аллее немцы поставили полевую кухню. Маленьким детям давали немножко супу. Мы сестрёнку маленькую нарядим, косы заплетём с бантиками и отправим туда, ей немножко перепадало супу. Немцы любили чистеньких детей».

Назарова (Жагина) Людмила Александровна, 1931 г. р., пос. Тосно ¹⁷²:

«На железной дороге стояли вагоны с коровами. Мы, самые маленькие дети, через узкое окошко забирались в вагон и доили коров. Потом баночки передавали другим детям и сами вылезали наружу. И ещё мы собирали под вагонами то, что просыпалось при разгрузке. Одной девочке колесом отрезало ногу».

Слатина Онега Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно ⁵⁹:

«Нет, я не ходила, не просила еду у немцев. А вот мой двоюродный брат, мой ровесник, тот ходил, побирался. Вот Женька, старший из детей, и спас всех своих, а то бы они с голоду умерли».

Корчагина Вера Алексеевна, 1930 г. р., пос. Тосно ¹⁷³:

«Мы ходили к немцам на кухню за обедками. Выучим песню, которую немцы наигрывали на губной гармошке и пели: «Фэдер – гроссе штатт...» Они довольные кричали: «Гут, гут!» и бросали нам хлеб, шоколад. А были такие, кто просто давал пинка, прогонял вон: «Аб, русс!»

Чугунова Вера Ивановна, 1930 г. р., дер. Еглизи ¹⁷⁴:

«В Еглизи немцы стояли с лошадьми. В нашем доме (в сенях) они ставили мешки с овсом. И вот мы, дети, когда шли как бы на двор, надевали большие сапоги и потихоньку напихивали в них овёс из мешков. А у себя в углу высыпали. По очереди ходили, но если бы поймали, то нам здорово досталось бы от немцев!»

Белугина (Калинина) Нина Владимировна, 1932 г. р., пос. Тосно ¹¹⁶:

«Однажды разбомбили вагоны со сгущёнкой, и помню, что все стены были в ней. Вот мы ходили туда и облизывали»

50. Немецкие солдаты кормят местных жителей. 1941 г.

Бисиков Анатолий Александрович, 1930 г. р., дер. Степановка ³²:

«Мы, подростки, ходили к немцам подрабатывать: дров приготовим или натопим печку, они что-нибудь за это нам поесть дадут. Особенно когда с фронта – с передовой приходили, они сразу мыться шли. А нас звали, давали нам ножи, и мы с воротников их вшей соскабливали. Они же неделями не мылись там. А нам, за то, что мы им вшей били, давали баланду и немного хлеба. А хлеб такой был, что как разломишь, то оттуда зелень и пыль летит».

Горячева (Данилова) Лидия Георгиевна, 1935 г. р., пос. Тосно ¹⁷⁵:

«У немцев была полевая кухня. Солдатам давали в котелок второе и хлеб. Немцы сидят, едят. А мы стоим и ждём, что нам перепадёт. Они, что не доедят, нам отдавали. Или у повара если что-то пригорит, он разбавлял водой, а мы уж в очереди

стоим – семи-восьмилетние ребяташки. А повара разные: один раздаст, а другой – нет, нальёт воды и на помойку. А мы собираем это. Мама добавит потом туда воды, лебеды – вот и обед».

Полякова (Квашина) Любовь Александровна, 1930 г. р., с. Шапки ¹⁹:

«Ещё ходили на кухню. Бывало, пойдём с котелками, с кастрюлями, чтобы хоть супу налили бы. И повар нам нальёт другой раз, а другой раз как поварёшкой стукнет: «Вон отсюда!» И мы бегом, кто куда».

Славнова (Закамская) Надежда Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно ⁶²:

«На бойню ходили. Там была яма, куда сбрасывали отходы. Кишки ловили крючками. Немцы обрабатывали яму хлоркой. Они нас гоняли и били, чтобы мы не вылавливали из этой ямы. Мальчишки убегут, нам достанут, доставали кишки. Вычистим, промоём, и домой. Бойня была около большого моста».

Планин Леонид Михайлович, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵²:

«В городе бойни были. На бойню ходили за кишками. А ребята туда все голодные собираются – в драку за кишки кидаются. Коров немцы конфисковали у народа и резали, а потом колбасу себе делали. И ещё, например, в Тосно прибывает поезд – немцев на фронт привозят. А мы стоим с санками, чтобы отвезти чемодан немцу. Довезёшь ему вещи до дома, где он будет жить, он хлеба даст или чем-нибудь угостит. А может и ничего не дать, такое тоже бывало. Каждый день приезжали, вот мы и стояли с санками каждый день, зарабатывали».

Нуждина (Свядыц) Екатерина Юрьевна, 1933 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁸⁰:

«Дети собирали хабарики, потрошили, сушили табак. Это шло на продажу».

Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно ³⁶:

«Кормёжки не было никакой. Кормила всех я. Начинался день: мать одевала меня, подвязывала пояс. На этом поясе несколько мешочков было, раньше не было целлофановых, тряпочных нашили, мешочки, совочек, метёлочка (всё мать делала) и кочерга. И я уходила на линию. У нас Тосно – крупный железнодорожный узел, богатые места. И вот немцы либо приезжают в Тосно, останавливаются раненые с фронта, либо, наоборот, на фронт.

И вот к этому вагону подходишь, стучишься. Вагоны были ещё товарные, пассажирских не было. Подойдёшь – попросишь, и кто – что-то даст, а кто – и поддаст. А ещё любили немцы нас подразнить. У них конфеты такие были трубочками. Они развернут горсть, бросят, а потом фотоаппаратами снимают, как мы эти конфеты собираем.

Много нас детей было. Мы как-то группами промышляли по 10–15 человек.

Потом я ходила ещё на вокзал, там были амбары или склады. Складов 5–6 было. А ведь постоянно бомбили, вот разбомбят склад с хлебом, например, и мы туда лезем. Немцы же не будут есть хлеб, перевалившийся в земле, а нам всё равно.

А ещё было так: немцев кормят в обед, а мы уже стоим там, где раздают обед немцам. У них всегда был густой гороховый суп. Потом повар долёт туда воды, размешает и нам наливает. Мы за это спасибо говорили, да ещё как кланялись!

А если эшелонов не было, то я бежала на поле. У нас здесь был совхоз Ушаки, и он богатый был: там и горох, и картошка, и свёкла росли. Я ходила на поле, собирала колосья, горох уже упавший и, конечно, картошку. А как придут эшелоны, я опять к ним.

Потом у нас были две бойни. Там тоже стоим, просим. А чего просить, кроме

кишок, ничего не дают. Так это хорошо, что кишки дадут, а то и иногда другой немец пройдёт, кишок не даст, а только обольёт из шланга.

Я была очень худенькая, длиннючая, как кишка. Меня немцы жалели. Иногда сразу позовут, а то и пихнут. Немцы были тоже всякие. Я часто стояла у кинотеатра и пела «Из-за острова на стрежень...» Эту песню, бывало, я целый вечер пою: мне кто денежку даст, кто – конфетку.

А вот ещё как еду добывали. В вагонах выгрузка была с другой стороны, и мы сидим на этой стороне подряд, и у каждого крючок. Вот брали мешки с картошкой, а из них обязательно что-то да упадёт. А мы уже потом подбираем. Если картошка упала, мы её ловко подцепляли. Если картошку подцепила, иди снова в конец очереди.

А для зерна у нас были маленькие метёлочки. Русские рабочие, когда выгружали мешки, то специально мешки рвали, и зерно у входа у них рассыпалось. А мы тут же с метёлочками это зерно заметаем в свои мешочки.

Вот так и проживали на моём хребту!»

Та «цивилизация», которую несли с собой немецкие оккупанты, была для народа смертельна. Выжить можно было лишь одним путём: сохранить в себе человечность. Людей спасала в трудную минуту доброта и милосердие. Кроме того, в этих невероятных, невыносимых условиях народ предложил свою, исключительную по форме стратегию выживания, которая действительно в существенной степени оказалась эффективной (если слово «эффективность» в данном случае уместно). Тем не менее, именно участие детей и подростков в спасении своих семей от голода, позволило большинству из этих семей не только выжить, но и вернуться впоследствии (после депортации в Прибалтику и Германию) на родную землю.

Голод

Главным пунктом политической и экономической программы нацистов стал тезис об «избыточном населении» оккупированных территорий, а наиболее простым методом решения «проблемы» – голод. Для осуществления своих чудовищных планов нацисты решили разделить всю советскую территорию на области *производящие* и области *потребляющие*. Население последних, к которым относились Москва и Ленинград, обрекались на голодную смерть. В инструкциях экономического штаба особого назначения «Ольденбург» говорилось: «Многие десятки миллионов людей в этих областях излишни, и они либо умрут, либо будут вынуждены переселиться в Сибирь. Попытки спасти население потребляющих областей от голодной смерти привлечением избытков продовольствия из чернозёмной зоны могут лишь сказаться на снабжении Европы. Это подорвёт стойкость Германии в войне и отразится на способности Германии и Европы выдержать блокаду»¹⁷⁶.

Так началась подготовка к массовому убийству голодом мирного населения оккупированных территорий, в том числе и жителей Ленинградской области.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Положение населения в занятых немцами районах крайне бедственное. <...> Населению предстоит голодная смерть. Хлеба нет с момента прихода немцев. Питается население картофелем, который немцы разрешили населению снять с ½ колхозных участков и тем, что успели припрятать до их прихода. До выпадения снега жители бродили по колхозным полям, подбирая колоски.

После обстрела или бомбёжки население ищет убитых лошадей и с разрешения немцев мясо их забирают в пищу. Иногда немцы выдают населению мясо павших лошадей.

Отбросы продуктов и объёдки немцы выдают детям и по очереди с ними фотографируются с целью показа своей «благотворительности».

По поводу склонности оккупантов к подобной «благотворительности» следует заметить, что практически во всех источниках (документах, письмах, мемуарах), где немцы затрагивают тему своих отношений с русским населением, – везде они позиционируют себя в роли благородных и цивилизованных покровителей. Они даже как будто сочувствуют его бедственному положению, даже готовы проследить по поводу его горестной участи! Поразительно, но всё происходящее воспринималось ими, скорее, как какая-то природная аномалия, и они категорически отказывались связывать катастрофу, разворачивающуюся на их глазах, с собственным присутствием на этой земле.

Документ № 42

Начальник полиции безопасности
И СД

Берлин, 8 апреля 1942 г.
Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 190

Информация Айнзатцгрупп и команд.
Настроение и положение населения перед 18-й армией
(под г. Ленинградом)

Общее настроение населения.

«Забота о пропитании была важнейшей проблемой, определявшей настроение населения. Сохранение зимних температур и в первой половине марта свело на нет надежду русского населения на общее улучшение жизни. <...> Войсковые соединения в ещё большей степени, нежели раньше стремятся облегчить невыносимую нужду населения, и перешли к снабжению русского гражданского населения продовольствием. Так как во многих районах области, о которой идёт речь, у народа действительно не было запасов продовольствия, то остаётся загадкой, как вследствие голода смертность не стала большей. Нужно принять во внимание, что население от случая к случаю доставало продовольствие посредством попрошайничества у вермахта, некоторые хранили в особых тайниках тщательно спрятанные запасы, а в остальном же народ приспособ-

бливался совершенно непонятным для немцев образом выживать в голодные времена или поддерживать жизненные силы неполноценными суррогатами»¹⁷⁷.

Николаева (Шерстнева) Прасковья Михайловна, 1926 г. р., пос. Красный Бор (Поповка) ⁷⁹:

«Мы даже ремни ели солдатские. Варили долгое время. Ничего нигде не было. Кости собирали всякие, какие попадались. Собак съели и убитых, и не убитых. Война есть война».

Старцева Нина Леонидовна, 1934 г. р., дер. Перевоз ¹⁷⁸:

«Был страшный голод. Ели не только крапиву и лебеду, которых потом не стало, а любую траву, как животные. Пилили древесину, а опилки сушили, мололи и пекли из них лепёшки. От голода пухли, умерших не было сил хоронить и их складывали в окопы».

Андреева (Чернякова) Нина Ивановна, 1934 г. р., пос. Тосно ¹⁷¹:

«Помню, мы ходили с мамой с ведрами на бойню, чтобы что-нибудь дали... Так там – кто желудок даст, а кто говна в ведро нальёт, вот и всё. Пойдёшь на речку, пополощешь... Питались, как могли!»

Ильина (Гаврилова) Вера Владимировна, 1924 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁷⁹:

«Летом было легко: собирали самую обыкновенную крапиву, варили. Мололи опилки на жерновах, чтобы мука была. Вот, варили эту крапиву, через мясорубку её, мыли плиту и делали на ней лепёшки и щи варили. Всю траву, какую можно есть, мы ели. Опилки использовали, чтобы обвалить лепёшки, как в муке. Я почему-то запомнила, что это были берёзовые опилки, а говорят, что берёзовые – горькие! В огороде нечего было сажать: семян не было. Ещё меняли вещи на картофельные очистки – их давали тем, кто на кухне у немцев работал. И когда мы приехали после войны домой, у нас ещё стояла целая бочка насоленных очисток: не успели мы их съесть. Соли-то у нас было достаточно – целый мешок стоял в комнате».

Николаева (Низовкина) Галина Фёдоровна, 1932 г. р., с. Шапки ⁷²:

«А потом к нам конюхов поселили – у нас был большой хлев. Там 13 лошадей стояло немецких. Лошади сами толстые, а хвосты у них короткие. Породу не знаю. Эти конюхи иногда жалели нас и давали маме немного овса. Она, бывало, наметет муки – это было поддержкой. А так – хорошего ничего не было».

Документ № 42

Начальник полиции безопасности
И СД

Берлин, 8 апреля 1942 г.
Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 190

Информация Айнзатцгруп и команд.

Настроение и положение населения перед 18-й армией
(под г. Ленинградом)

Общее настроение населения.

«Широко известно также, что предпринимались попытки раскопок тех мест, где зарывали павших лошадей, и добытое мясо употреблялось в пищу без серьёзных последствий для здоровья людей. Деликатесом среди населения считалось мясо уби-

рых немцами лошадей, непригодных для работы, которое предоставлялось местному населению, если только лучшие куски не были употреблены в пищу самими немецкими воинскими частями»¹⁸⁰.

*Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань*²⁹:

«Спасал нас комбикорм. Его намочат, на плите высушат вроде лепёшек, и вот это мы ели. Такие лепёшки из комбикорма. Мы даже из него похлёбку варили. Бывало, лошадь убьёт, так немцы себе хорошее мясо брали, а нам – кишки, кожа и кости доставались. Кости-то ещё ничего, из них что-нибудь сварить можно, а вот что со шкурой делать? Мы делали из неё что-то вроде холодца – вываривали её».

*Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань*⁸¹:

«Зима для пропитания хороша была тем, что фронт близко был. Лошадей убивали, а у немцев лошади такие большие были. Женщины ходили за кониной. А до войны конину только татары ели. Ещё огороды сажали, у кого семена были. У нас одна женщина была, у неё ребёнок грудной был. Ей помогали соседи. Завернёт она в марлю жмых и съёт в рот вместо соски. Выжил. До сих пор жив».

*Козлова (Волкова) Надежда Валентиновна, 1928 г. р., с. Ушаки*¹³⁴:

«Голод был страшный... Осенью кочерыжки капустные находили в поле, отмывали, сушили, мололи на жернове. Немцы смеялись: «Сталинский хлеб!..» А мы говорили возмущённо: «Это – не сталинский, это – гитлеровский! Мы при Сталине хорошим хлебом питались». Они угрожали, но ничего, обошлось».

*Качук (Булдакова) А. М., 1912 г. р., с. Ушаки*⁵³:

«До войны мы жили на зарплату, всё из магазина, и запасов никаких не делали. Продукты скоро кончились. Лето 1941 года было сухим и жарким, на огородах мало что выросло. Картошку немцы забрали себе. На все просьбы жителей они отвечали одно: «Просите у Сталина!»

Всех гоняли на работу: чинить железную дорогу, которую наши часто бомбили. А бомбёжки были страшные. Налетят наши самолёты – падаем на землю, головы лопатами прикрываем.

Изредка посылали грузить хлеб. На некоторых буханках выделялась буква «R» – для русских, значит, – с опилками. Распустишь мешок и буханочку за кофту спрячешь.

В Ушаках была своя пекарня. Неудавшееся тесто немцы выбрасывали в снег. Наш пёс Пиратка как-то принёс замёрзшее тесто и положил у порога. В другой раз принёс с немецкой помойки кость и тоже положил на крыльцо. Мы из неё сначала суп сварили, а потом уже Пиратке отдали».

*Антонова В. А., 1938 г. р., дер. Радофинниково*¹⁸¹:

«Есть было абсолютно нечего. Ели листья липы, грибы. Мама рассказывала, что промывали конский навоз и оставшийся овёс использовали для похлёбки. И этому были рады».

*Бекжанов Гинар Ибрагимович, 1932 г. р., г. Любань*¹⁸²:

«Эта зима (41/42 г.) была очень голодной и тяжёлой. Не знаю, как мы и выжили. У нас была одна соседка, у неё был сын четырёх лет, так она хотела даже сына отравить. Она мухоморов принесла, отварила и дала ему поесть, так как не могла больше на него смотреть, что он голодный. И вы знаете, ничего не было мальчишке! Съел – и ничего, нормально! Потом решили, что мухомор был неядовитый. Такой вот случай».

51. Их обездолили фашисты. 1941 г. Авт. И. Шагин

А теперь приведём выдержку из «12 Заповедей поведения немцев на Востоке...»: «Нищета, голод и неприязнительность – удел русского человека вот уже многие века. Его желудок растяжим, а потому никакого ложного сострадания. Не пытайтесь подходить к нему с германским жизненным стандартом в качестве мерила и изменять русский образ жизни».

И официальные документы, и воспоминания людей, переживших оккупацию, однозначно говорят, что германские власти отнюдь не были заинтересованы в обеспечении продовольствием местного населения. Вот строки военного дневника № 8 оберквартирмейстера при командовании 18-й армии от 19 ноября 1941 года: «Снабжение населения продовольствием недостаточно. *(Казалось бы, понимание ситуации, намёк на сочувствие. – Авт.)* – «Следует поэтому изолировать войска от голодающего населения» (!) ¹⁸³.

Верховное командование вермахта пыталось специальными пропагандистскими мерами сделать немецких солдат невосприимчивыми к тягостным картинам жизни мирных советских граждан. Им внушалось, что любой кусок хлеба, который они отдают голодающему населению из сострадания, они отнимают у вермахта и немецкого народа. Однако, следует признать, что и среди немецких солдат находились порядочные люди, пытавшиеся, если не облегчить, то хотя бы не усугублять бедственное положение местных жителей. Тем не менее, продукты сельского хозяйства, переданные немецкой армии или доставленные в Германию, действительно способствовали улучшению снабжения питанием как немецких солдат, так и населения Германии в целом. Но именно это же означало и голодную смерть многих тысяч советских людей.

Где жили?

Войска вермахта на оккупированной территории нуждались в жилье. Жильём обзаводились двумя способами: первый – строительство землянок силами местных жителей и военнопленных; второй – использование домов местных жителей. Все респонденты отмечают, что в первые недели оккупации они, как правило, оставались жить в своих домах, занимая при этом самые маленькие и неудобные помещения, а также сени и чуланы. Немцы же размещались в больших комнатах, используя хозяйскую мебель, бельё и домашнюю утварь.

Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань ²⁹:

«Вышли мы из леса, а дома наши заняты. У нас в доме была такая комнатка маленькая, мы её называли чуланом. Она тёмная была, без окон. Немцы и сказали: «Можете её пока занимать, а потом ищите себе место, где захотите!» Мы в этой комнатке должны были постоянно находиться, спать там. Сделали себе нары. Какое-то время пожили, а потом немцы к нам приходят и говорят: «Убирайтесь из дома!» А куда нам уходить? Ближе к лесу был построен маленький домик в два окошка. Там жил старичок. Вот он нас и впустил к себе...»

Макарова (Гусева) Нина Георгиевна, 1936 г. р., пос. Тосно ¹⁸⁴:

«Когда пришли немцы, в наш дом – не очень большой – поселился главный немец и его денщик. Мы на кухне ютились. Там кровать стояла, мы трое на ней – я, мама и брат. Мы втроём жили на этой кровати: и ели, и спали. А немец жил в большой комнате, а денщик – в спальне».

Евсеева (Гагарина) Екатерина Васильевна, 1923 г. р., пос. Тосно ¹⁴:

«В нашем доме была почта. Нам оставили тёмный уголок, в котором мы и жили. Зима, холодно. Вот они приносят почту. Дверь откроют и уходят. Не видят, что здесь люди живут, будто все остальные для них – пустое место. Мама стояла, как швейцар, – дверь за каждым закрывала, чтобы мы не замёрзли».

Валентинова (Королёва) Валентина Яковлевна, 1937 г. р., с. Никольское ⁷⁶:

«В нашем доме поселился офицерский состав. Нас, конечно, из комнат выселили, и мы первое время жили в подполе – всего 7 человек: папа с мамой и нас пятеро детей. А сначала нас было 9 человек, но в первый месяц войны убило бабушку и дедушку. Вот этот стук шпор (у

52. Дом Агеенковых в Тосно, в котором жили немецкие офицеры

них шпоры были на ногах), цокот всю ночь страшил – они всю ночь ходили».

Андреева (Чернякова) Нина Ивановна, 1934 г. р., пос. Тосно ¹⁷¹:

«Половицы в нашем доме были прямо на земле. Немцы для жилья хорошие дома выбирали, а у нас дом был старый – зачем он им был нужен? Они в таких домах делали гаражи».

С наступлением холодов, – а зима в 1941 году с морозами и снегом встала уже в середине октября, – жителей из домов начали выгонять в амбары, бани и сараи.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Жилые дома в ряде пунктов сожжены немцами при карательных операциях. В деревнях, где находятся части войск, население из жилых помещений выгоняется в землянки. Жилые помещения используются на дрова» ¹⁸⁵.

Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно ³⁶:

«Немцы нас выгнали из дома, а идти нам было некуда. Это была глухая осень, быстро наступили холода. И сумасшедшие морозы! 30 градусов – как нарочно! И мы там жили, в этом сарае (с новорожденным ребёнком и ещё трое детей). Дров не было. Отец (железнодорожник) приносил с железной дороги уголь. Печку он кое-как сделал, чтобы сварить что-то. А уж какое там тепло!».

Кудрявцева (Горделева) Лидия Львовна, 1930 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁴¹:

«Сначала мы жили в своём доме. Нам дали самую маленькую, детскую комнату. А потом, когда начались холода, немцы лошадей своих завели на первый этаж, а сами на втором этаже поселились. В декабре нас совсем выгнали, потому что они заняли весь дом. У нас печи были каменные. Они даже лошадям протапливали, а нас выгнали из

53. Немецкие офицеры за обедом

54. Жители деревни Вериговщина у своей землянки

дома! Мама положила перину, три подушки, нашла 3 алюминиевые ложки, и пошли мы, куда глаза глядят...».

Остаться в тех условиях без жилья, без имущества, без припасов было смерти подобно. Но оккупантов нисколько не беспокоило то, что в лютую стужу они выгоняли на улицу семьи с маленькими детьми (часто грудными). Остаётся только удивляться, каким образом люди смогли всё это выдержать!

В мороз и непогоду дороги наводнили беженцы.

Беженцы

Беженцы, по мнению тех, кто пережил оккупацию, были самыми несчастными людьми. Только очень большая беда могла заставить семью покинуть свой жилище и двинуться в путь, в полную опасностей неизвестность. Уходили с места жительства по нескольким причинам: 1) близость к линии фронта; 2) невозможность добыть пропитание; 3) выселение из дома. Все эти факторы были характерны в первую очередь для прифронтовой зоны и, в частности, для Тосненского района. Именно с территории этого района, а также Мгинского района и из Павловска люди двигались туда, где по слухам было менее опасно и более сытно.

Кудрявцева (Горделева) Лидия Львовна, 1930 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁴¹:

«В декабре нас выгнали из дома. И пошли мы втроём: я, мама и сестра Людмила (1928 г. р.). И не мы одни шли! Мы шли от деревни к деревне пешком, с саночками. Где-то пу-

55. Беженцы в Псковской области

сят ночевать, где-то были дома для беженцев. Шли туда, где протоплено, лишь бы переночевать. И так шли до конца марта, обоз шёл беженцев.

В дороге за мамин костюм новый от буханки хлеба отрезали нам ломоть. Однажды идём ночью лесом – зима, луна светит, в лесу волки воют, а у мамы ноги распухли от голода, ей с места не ступить. Мне говорит: «Лида, беги до деревни, проси кого-нибудь!» Прибежала в деревню – ни огонька нигде. Вдруг, смотрю, видно дверь приоткрыли, где-то огонёк. Я подошла, ногами стала стучать. А это, оказалось, изба старосты! Дай Бог ему здоровья! Пусть не знаю, какой он был староста, но он запряг лошадь, поехал и привёз маму. Правда, взял последние две подушки...».

Кудряшов Василий Васильевич, 1929 г. р., пос. Красный Бор (Поповка)⁸:

«Наш дом стоял рядом со штабом немцев. Около этого штаба они установили мощные пушки, огромные такие. Как бабахнет, и снаряды летят над нашим домом. Всё гудит!!! А наши старались обстрелять этот штаб. А когда стало холодать, немцы решили убрать нас, мирных граждан, чтобы мы им не мешали, чтобы отнять наши дома. И вот, перед праздником 7 ноября мы смастерили саночки, загрузились и двинулись в тыл – в Псковскую область (родители были оттуда родом)».

Антюфеева Серафима Ивановна, пос. Красный Бор (Поповка)³⁹:

«Пустились мы в путь с соседкой, у которой тоже был ребёнок. Сложили скарб на санки и пошли в направлении Батецкой. Все дороги были забиты беженцами. Немцы не давали остановиться и приходилось идти всё дальше и дальше – на Сольцы и Дно. Передвигались днём, ночевали в том населённом пункте, где заставала тьма. После короткой ночёвки немцы прогоняли: дальше... дальше...»

Разные встречались нам люди, по-разному относились к беженцам. Где-то вовсе не пустят на ночлег, где потребуют плату, а где разрешат побыть у порога. Сядем с ребятами на пол (дети 4 и 2 года), укроемся одеялом, что носили с собой и присидим до утра. На

рассвете ползём дальше. Ни еды, ни кипятку.

Перед дорогой я напекла таз лепёшек из картошки и овса. Этим и питались: погрызёшь мёрзлую лепёшку и дальше. У меня на санках был сделан закуток. В этом закутке мои дети сидели молча, не плакали и ничего не просили. Мы шли, волоча санки, уже целый месяц. Настал январь. Дальше я идти уже не могла, была последний месяц в положении. На станции Уторгош пошла в комендатуру, где мне выдали направление в деревню Большая Уторгош, в 7 км от станции. Староста деревни определил меня на постой к Анне Измайловой. Когда я пришла к ней, та так и ахнула: «Так ты и рожать у меня будешь?»

– Но что ж, – говорю, – мне теперь делать?

Осталась я у тёти Анны».

Надо признать, что очень часто на новом месте местные жители принимали беженцев неласково.

Шитикова (Белиева) Г. А., 1931 г. р., дер. Новинка ¹⁸⁶.

«Деревня была большая (дер. Марлинско, Псковская обл.), не разорённая. Дома обшиты тёсом. Деревенские беженцам не были рады, считали, что мы просто не хотим работать. Деревню немцы заняли без боя, и жители не знали ни обстрелов, ни бомбёжек, ни голода. Колхозное добро, землю и лошадей разделили между крестьянами. Жили спокойно, только налоги немцам платили.

Нам негде было взять продукты, и ничего не оставалось делать, как снова просить милостыню. Кто подаст, а кто и собаку спустит. Делился тот, кто победнее. Богатые нас не жаловали.

Между тем, дела на фронте менялись в нашу пользу. Днём в деревне командовали полицаи, ночами появлялись партизаны. А на Покров (14 октября) случился налёт. Низко, над самыми крышами летали наши самолёты, сбрасывая зажигательные бомбы и строча из пулемётов. Несколько домов загорелось. Теперь и в Марлинско поняли, что значит война, и к нам, беженцам, относились уже иначе. Даже прощение просили за свою недоброжелательность».

Чугунова Вера Ивановна, 1930 г. р., дер. Еглизи ¹⁷⁴.

«В начале зимы (1941/1942 г.)

56. Женщина с детьми на фоне сгоревшего дома (Псковская область). 1942 г. Фото: М. Трахман

57.Беженцы из прифронтовой полосы (Гатчина). Коллекция Д. Жукова

кончились все припасы. Собрали мы лепёшки последние с очистками и пошли в город Остров. Сами потащили саночки. Сестрёнку посадили в санки, а мы с братом её тащили. Многие тогда шли. А тех, кто остался в Еглизи, немцы потом увезли в Латвию, а которых – в Германию.

В Острове у нас родни не было, пришлось побираться. Возьму сумочку, бидончик и иду. Мама ходила, и братишка ходил – побирались по деревням. Потом уже мама устроилась в свинарник, папа – конюхом, а мы с братом – у зажиточных хозяев в услужении. Брат Александр коров пас, а я – по хозяйству: коров доила, полы мыла, обед готовила. А хозяйева весь день на рынке торговали».

И всё-таки, при всей невероятной тяжести пути, участь беженцев была ещё не самой горькой. Хуже всего приходилось тем, кто попадал в концлагеря (трудовые лагеря) для гражданских лиц. Немцы не приветствовали блуждание жителей по прифронтовой зоне и, стремясь к порядку, помещали их в места принудительного содержания за колючую проволоку.

Документ № 42

Начальник полиции безопасности Берлин, 8 апреля 1942 г.

И СД

Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 190

Информация Айнзатцгрупп и команд.

Настроение и положение населения перед 18-й армией

(под г. Ленинградом)

Общее настроение населения.

«В будущем следует запретить переселение (если это касается непосредственно фронтовых областей), но нужда населения сильнее страха перед жестокими на-

казаниями. Со стороны военного командования на Востоке делается всё, чтобы в рамках возможного осуществить контролируемое переселение»¹⁸⁷.

*Блинова Евдокия Ивановна, с. Никольское*¹⁸⁸:

«А потом, в январе сорок второго, стали они всех сгонять, переселять. Кто куда разбегались, на санки пожитки складывали и пешком уходили. Но куда я пошла бы с маленьким ребёнком и со стариками? Вот и погрузили нас на стекольном в товарняк – целый состав. Набили, как скот, полные вагоны и повезли. Темень, холод, кормили какой-то баландой. Доехали до места в апреле. Это 4 месяца! Попали сначала в Польшу, в лагерь. Так и катались всю войну из одного лагеря в другой...»

*Виноградова (Горячева) Л. В., 1931 г. р., дер. Чернышево*¹⁸⁹:

«В конце января немцы с автоматами выгнали нас на улицу – Weg! Weg! И погнали на станцию Поповка. Папа хромой, после ранения, еле бредёт. Мама была в положении, случился выкидыш, идти не может. Брат Женя (1925 г. р.) повёз её на санках. Дорогой немцы снимали со всех валенки, «обменяв» их на свои рваные ботинки. Довезли поездом до станции Оредеж, высадили. Ночевать негде. Просимся в один дом – не пускают, в другой тоже: много, мол, вас таких! Появились полицаи в чёрной форме, погрузили на машины и повезли в Пустошку. Здесь собралось множество беженцев из разных мест. Загнали всех в большой сарай, закрыли наглухо. Двери открывали только для того, чтобы впустить новую партию. Тогда удавалось схватить охапку снега: ведь ни еды, ни воды нам никто не приносил. Питались тем, что сумели прихватить из дома. Через две недели пешком погнали к станции, посадили в товарные вагоны и повезли в Латвию».

Трудовые лагеря для гражданского населения

Положение людей за колючей проволокой было воистину ужасным: голод здесь был ещё страшнее, чем на «воле». Питание (минимальное) предоставлялось лишь работавшим взрослым, детям и иждивенцам оно не полагалось. Сеть лагерей раскинулась по всей Ленинградской области: Тосно, Дивенская, Гатчина, Выра, Тайцы...

Соловьёва (Миронова) Лидия Степановна, 1938 г. р., с. Никольское ¹⁹⁰:

«Наконец (февраль 1943 года), привезли нас в Гатчинский концлагерь, он назывался «Красные казармы», в нём мы и поселились.

Там было очень холодно. Чтобы мы не замёрзли, мама грела у печки кирпичи, кирпичами обкладывала, а под утро отдирала от нар. Я ещё помню, мама стирала бельё, потом они в поле работали, овощи собирали.

Я видела трупы, переложённые дровами, и эти трупы всё время горели. На улице вот такие большие поленницы стояли. Первый слой – дерево, рубленое пополам, а следующий слой – люди, снова плашки, снова слой людей. То рука висит, то голова. Страшно было. Я вам только могу сказать, что до сих пор запаха шашлыка не могу переносить. Если на даче кто-то жарит шашлык, я сразу ухожу.

В день человек по 20 выносили умерших от голода. Там, в этом лагере, только мирное население было. Кормили нас баландой. А что в этой баланде? Брюква не-

58. Гатчина: «Красные казармы». Коллекция Б. Иринчеева

очищенная. Немцы бryкву эту разрежут и бросают в чан. А заправляли я даже не знаю чем. Мама весной где-то работала в поле. Принесёт крапивы и лебеды, переварит. Мы в этом лагере жили зимой в летних солдатских казармах, в которых стены в одну доску, к стенам прибитые в два этажа нары. Посредине барака стояла печка. Она круглые сутки топилась, и всё равно было холодно. На нарах – ни сена, ни подушек, одни голые доски, и больше ничего. Я помню, брат ложится к стенке, потом мама Аду положила к себе, она самая маленькая была. А мне говорит: «Лида, прижмись ко мне к спине, а то мне завтра на работу, а спина опять отмёрзнет». И я её обхватывала обеими руками, а утром уже даже пальто не отодрать от этих нар: оно примёрзшее было.

Охрана у нас была немецкая, никуда не пускали, всюду только под конвоем. Брата и маму водили под конвоем на работу. Чаще всего на дорогу. Ведь немцы постоянно следили, чтобы дорога чистая была. Поэтому пленные женщины то дорогу ремонтировали, то бельё стирали. Когда приходили немцы с передовой, им надо было, чтобы всё было выстирано. Но за эту работу маме хлеб давали. Этот хлеб был пополам с опилками. Немцы его называли эрзац-хлеб. Я помню только, что нам есть хотелось постоянно, и мы бегали на немецкую помойку. Ребята постарше утром пораньше побегут, соберут что-то. А мы с сестрёнкой прибежим, а брат там уже нечего. Однажды мы нашли зубную пасту в тюбиках. Вот эти тюбики мы и разорвали. А паста в них была сладкая. И вот, лижем эту пасту и радуемся. Сладко!»

Бечерикова (Данилова) А. П., дер. Глубочка ¹⁹¹:

«Нас (120 человек) перевезли из деревни в Гатчинский лагерь. По занимаемой площади лагерь был огромен, и создавалось впечатление, что здесь были собраны люди со всей Ленинградской области. В прошлом на этой территории размещались

59. Уничтожение умерших в концлагере

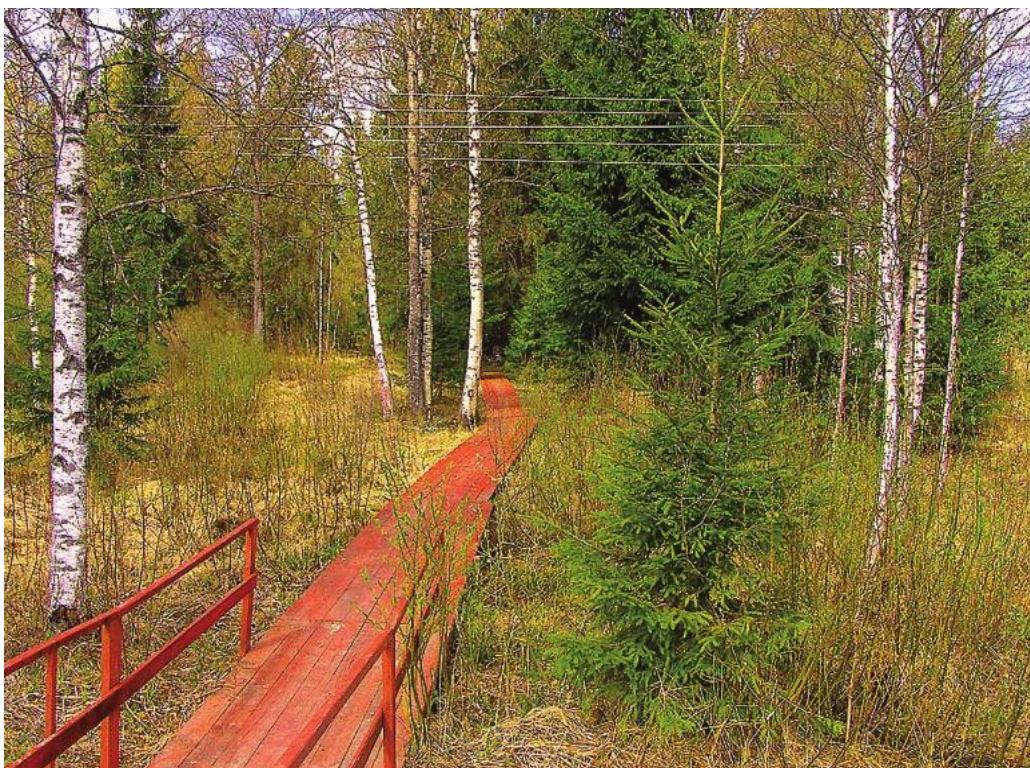
царские конюшни, а тогда в них и в построенных бараках поместили невольников. Обитателями этого лагеря являлись мирные жители из разных мест оккупированной территории. Были здесь и воины Красной армии, попавшие в плен. Военнопленные и мирные жители имели определённые зоны обитания, контакты запрещались, все узники были бесправны и находились под наблюдением вооружённой охраны. Бытовые условия в лагере отсутствовали.

Уделом всех невольников в гатчинском лагере был изнурительный многочасовой труд под наблюдением надзирателей. Нас водили на аэродром, заставляли засыпать воронки после бомбёжек, ровнять площадку аэродрома, строить и ремонтировать дороги. Нам, мирным жителям, в сутки давали кусок хлеба весом около 100 г и порцию баланды, а военнопленным и этого не давали. В короткие ночные часы спали на хвое, вши ползали по одежде и заедали нас. Люди не выдерживали невыносимых условий и погибали. Сперва умирали дети до пяти лет, а потом и взрослые. Каждое утро из бараков выносили умерших в течении ночи до 20-ти и более мертвецов и бросали их в ров, в общую «могилу». В Гатчинском лагере нас держали до мая 1942 года. К этому времени из 120 человек, вывезенных из нашей деревни, осталось только 60».

«Из-за разрушения жилищ в Лисино осталось совсем мало домов. Поэтому бездомные жители Лисино были согнаны в лагерь на территории бывшего кирпичного завода. Этот лагерь первоначально был устроен гитлеровцами для военнопленных, а после вывода последних наполнился бездомными лисинцами. Люди жили в бараках без полов и в сушилках для кирпича. Их ежедневно гоняли под конвоем на работу – строили рокадную дорогу Шапки-Тосно-Лисино-Вырица. Для её строительства использовались также узники концлагеря посёлка Строение. Работали,

60. Женщины за работой

61. Строение. Дорога к бывшему лагерному кладбищу

в основном, женщины, привезённые из Гатчинского района, Шапок, Павловска и других мест. Но были и подростки. Участь строителей была очень тяжёлой: жили они в бараках и землянках» (Соловьёв С. А.)¹⁹².

*Смолянская (Степанова) Людмила Ивановна, 1940 г. р., дер. Степановка*¹⁹³:

«В Лисино мы жили у тётки своей, там станция Лустовка, и в лесу два или три дома всего. Мы жили у тёти Ньюши в небольшом доме. Всех, кто там был, согнали строить дорогу между Лисино-Корпусом и Тосно. Немцы организовали рабочие лагеря. В бараках дети – отдельно, женщины – отдельно, мужчины – отдельно. Матери видели своих детей только вечером, а так, дети были все вместе в бараках. Вот, женщины идут на работу, а дети им кричат: «Мы голодные!» И вот все матери зовут своих детей, например: «Гая! Люся!» – чтобы голос хоть подать ребёнку и его голосок услышать, убедиться, что жив он. Мама говорила, что примерно 30-35 детей было в бараке».

*Орлова (Рубачёва) Вера Васильевна, 1937 г. р., пос. Тосно*⁶¹:

«Они потом собрали всех, кто мог держать лопату, пилу и заставили строить дорогу из колышек, из деревянных колышек. Рубили лес и эти колья забивали. У них вся дорога такая была...»

Условия труда были тяжёлыми. Голодные люди работали на износ, с трудом справляясь с «нормой».

*Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно*²⁶:

«Мы только работали, работали и работали – ни на минуту не имели права остановиться. Одеты были кто во что. На мне были валенки. Потом ноги, видать, вы-

росли, и я не помню, что носила. Шили бурки – простёганные сапоги такие. На них калоши были. Летом я не помню в чём ходили. Единственное, что хорошо помню, так это то, что все ноги у меня были обкусаны. Летом мошка, комары... Спасенья от них никакого! Ничего нет. Бумажными бинтами забинтуют, и всё. Их немецкие бинты, как сейчас у нас туалетная бумага, только грубая.

Держали нас в строгости. Чуть-чуть там что-нибудь – фриц кричал, был такой у нас. Чуть замешкаешься и слышишь: «Шнэлле, шнэлле, шнэлле!» – и плётка в руках. Если что не так, попадёт тебе плёткой.

Летом канавы рыли, что-то расчищали. Помню, был там мальчишка лет 16-17. Что-то он там стал спорить с немцем, так его прямо там и убили. Отставил его немец в сторону и выстрелил. Упаси Господи, если что-то проговоришь! Нет, только работай и работай!»

Мурашова А. И., 1921 г. р., дер. Вериговщина ¹⁹⁴.

«Мы с мужем были комсомольцами, и нас отправили в концлагерь в Лисино. Работали на лесоповале. Работа тяжёлая, голод, холод. Ноги постоянно мокрые,

62. Поселок Строение.

В память о погибших от голода, побоев и непосильного труда силами администрации Тосненского городского поселения и ООО «Стела» (ген. директор А. И. Докторов) в 2009 году был установлен памятный знак.
Фото 2012 г.

обматывали их тряпками, но это не спасало. Я была беременна. Ребёнок родился мёртвым. Сразу после родов послали таскать брёвна. У меня отекли ноги и открылось кровотечение».

Концлагерь в пос. Строение, 1942 год: «Четыре барака оцепленные четырьмя рядами колючей проволоки, и в каждом бараке – нары. Кормили баландой. Воды практически не давали. На территории лагеря была съедена вся трава. Людей начал косить тиф. К концу лета тех, кто остался, немцы перевели в новый лагерь в пос. Лисино-Корпус. Условия там были аналогичные. Нужно было работать. Всем – и старикам, и детям. Больным и немощным. Полтора года, день за днём, истощённые и больные старики и дети строили дорогу. Тех, кто уже не мог, отправляли в лазарет. Оттуда никто не возвращался...»¹⁹⁵.

Кроме того, в самом Тосно был создан лагерь, который респонденты из-за большой смертности узников называли «Лагерем смерти».

Тосненский «Лагерь смерти»

*Шитикова (Белиева) Г. А., 1931 г. р., дер. Новинка*¹⁸⁶:

«Привезли нас в Тосно. Неподалёку от вокзала стояли два 2-х этажных дома, где нас и расселили. Наутро взрослых погнали в лес на работу, а нас оставили в лагере. Потянулись дни, похожие один на другой. Нары, теснота. Матери приходили вечером, измождённые, голодные. <...> Порядок немцы и тогда любили и решили благоустроить территорию лагеря. Собрали подростков, заставили долбить кирпич и посыпать им дорожки».

*Громова (Мишихина) Евдокия Максимовна, 1929 г. р., г. Шлиссельбург*¹⁹⁶:

«В конце апреля 1942 года посадили нас в теплушки и снова привезли в Тосно. На этот раз поместили в лагерь за колючей проволокой рядом с железной дорогой. Жили в 2-х этажном деревянном доме по 25 человек в комнате, спали на нарах, кишевших клопами и вшами. Во дворе была сколочена кухня, где в котле варили баланду и горький «кофе». За баландой становились в строй. Кто нечаянно выходил из строя, получал розги. Что представляла собой баланда? Жидкая похлёбка из брюквы, в которую добавляли требуху.

Всего в лагере было около 500 человек. Всё лето мы разгружали вагоны с песком. Подростки работали наравне со взрослыми. Потом в лагере вспыхнул сыпной тиф – спутник голода и грязи. Ведь никакой возможности помыться и сменить бельё у нас не было!

Немцы боялись тифа больше, чем партизан, и объявили: «За побег из лагеря – расстрел!» Я тоже заболела и лежала в тифозном бараке. Начав поправляться, очень страдала от голода и, несмотря на запрет, решила убежать, просить милостыню. Изучив, как ходит патруль, я стала убегать из лагеря в город. Тосненским жителям самим приходилось нелегко, но они всегда подавали. Всю жизнь вспоминаю их с благодарностью. К концу дня я возвращалась в лагерь.

Чтобы избавиться от вшей, немцы соорудили из кирпичей «вошебойку». Заставили всех, независимо от пола, раздеваться донага и бросать свою одежду на раскалённые кирпичи. Стоял такой треск от вшей, будто строчил пулемёт. Волос ни у кого не было, все были обриты под «ноль», но и это не спасало, так как не было ни мыла, ни воды.

Осенью карантин кончился. Многие к этому времени умерли от голода и тифа. Их похоронили недалеко от кладбища».

63. Типичный двухэтажный дом довоенной постройки на Октябрьской улице

В документах Санкт-Петербургского государственного учреждения «Центральный государственный архив Санкт-Петербурга» (ЦГА СПб) имеются сведения, что в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками Ленинградской области в г. Тосно существовали два концлагеря:

– г. Тосно, № XXI-В, пересыльный, для военнопленных и гражданских лиц, командование из Нарвы (Тапс);

– г. Тосно, № 332, стационарный, для военнопленных и гражданских лиц, командование из Нарвы (Феллин) ¹⁹⁷.

Шитикова (Белиева) Г. А., 1931 г. р., дер. Новинка ¹⁸⁶:

«Женщины стали просить коменданта лагеря увезти всех подальше от вокзала: станцию постоянно бомбили. Немцы подготовили новый лагерь в бывших совхозных свинарниках за городом. В новом было 4 сарая, в 2 из них поселили людей. Спать пришлось на полу... Только легли в первый раз, как началась бомбёжка. Страх, крики... Бомбой разрушило одну стену, кого-то убило, многих ранило. Потом говорили, что наши думали, будто в свинарниках – немецкие склады. Когда разведка донесла, что здесь гражданский лагерь, бомбить перестали.

Тиф не унимался и на новом месте. Люди умирали один за другим никого не лечили. Хоронили без гробов в общей яме за лагерем. Хлеба давали ещё меньше. Каждую крошку подбирали. Пришла зима. Барак разделили перегородками и поставили бочки для отопления, но дрова сырые и натопить было трудно. Утром встанешь – голова в инее. Мы таскали из леса мох, и варили его, и топили мхом. Жизнь сделала нас догадливыми. Донимали вши. Мама сметала их с нас веником. Немцы водили нас голыми сквозь строй и обсыпали дустом. Устроили баню, прожарили одежду, но стирать вещи было негде и нечем, и вши снова появились. Ночью по головам бегали крысы – жутко ...»

Громова (Мишихина) Евдокия Максимовна, 1929 г. р., г. Шлиссельбург ¹⁹⁸:

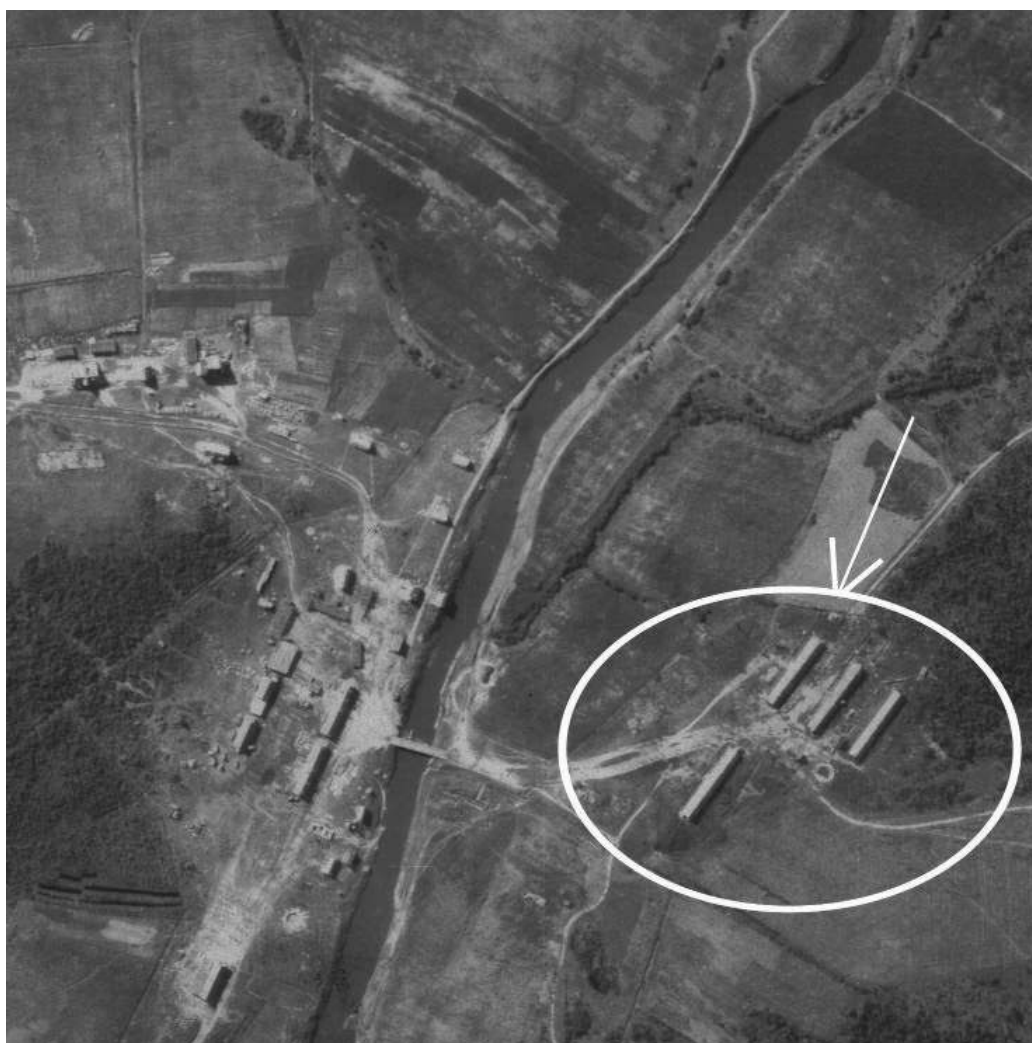
«В свинарниках, в небольшом отдалении от города, был «Лагерь смерти». Туда

свозили стариков и женщин с детьми. Земляной пол в бараках был покрыт навозом, который не разрешали выбрасывать. Навоз гнил под телами людей. Бараки были тесовые, холодные и были обнесены колючей проволокой, на воротах стоял часовой. Окна были забиты редкими деревянными досками.

Пленных не кормили вообще до августа 1943 года. Они ели траву, листья с деревьев, находившихся на территории лагеря. В августе 1943 года около лагеря поставили бойню и комендант Якоп Пица дал распоряжение варить баланду из требухи. Один раз в сутки стали давать баланду по одному черпаку, и привозили воду в бочке.

Несмотря на угрозу расстрела, некоторые пленные (кто ещё имел силы) уходили просить милостыню у местных жителей, чтобы поддержать близких, находившихся в лагере. Бежали через люк в уборной, в кусты леса и добежали до Тосно и деревни Ушаки. Возвращались опять через люк в уборной.

Смертность была страшная. Хоронили сами своих людей у кого были ещё

64. Немецкая аэрофотосъёмка южной окраины пос. Тосно (бараки «Лагеря смерти» – бывшего свиновосхоза). 7 августа 1942 года

силы (рыли траншею). В лагере находилось около 1000 узников. До 1943 года дожили единицы. После освобождения Тосно кости из траншеи лагеря были перезахоронены на городском кладбище в братскую могилу».

Ефимова А. А., 1926 г. р., дер. Ирса (Киришский район) ¹⁹⁹:

«Пришло лето 1942 года. Нас привезли в Тосно. В тот день город сильно бомбили, и мы вдоволь натерпелись страху. Поселили в совхозных свинарниках на окраине города. Вначале спали на полу, потом нам соорудили двухъярусные нары. В лагере находилось около 1000 узников. Взрослые работали в лесу, дети оставались в лагере. По вечерам выдавали баланду и по кусочку эрзац-хлеба с опилками и отрубями. Есть хотелось постоянно. Бегали за реку – на бойню. Дождёшься, пока выкинут какие-нибудь отбросы, и просишь: «Дядя, дайте мне!» Когда дадут, а когда и ни с чем вернёшься.

Между тем, бомбёжки продолжались. Однажды бомба угодила в соседний барак, когда люди уже вернулись с работы. Барак разнесло, одних убило, другим оторвало руки-ноги. Крики, плач, творилось что-то ужасное...

Однажды мальчика из лагеря увидели партизаны и очень удивились. Они думали, что в свинарниках немецкие склады. Убедившись, что здесь находятся русские люди, лагерь бомбить перестали.

По-прежнему было очень голодно, и мы побирались на помойке возле солдатской кухни. Когда поспела клюква, мы нашли под туалетом дыру и стали убежать за ягодами. Однажды я набрала много клюквы, а после возвращения попала в глаза полицаю Ивану. Он меня избил, а все ягоды высыпал в туалет... А троих мужчин за такую провинность Иван застрелил.

Потом вспыхнул тиф, унёсший 500 жизней. Во время эпидемии в лагере построили небольшую каменную баньку. Все стали мыться в ней какой-то чёрной жидкостью вместо мыла, а вещи прожаривать в отдельном вагончике, прозванном «вошебойкой». Так мы прожили в Тосненском лагере до весны 1943 года. В марте нас погрузили в эшелоны и повезли в Лугу».

Мурашова А. И., 1921 г. р., дер. Вериговщина ¹⁹⁴:

«Нас с мужем перевели в Тосненский лагерь за рекой. Там меня лечил русский врач Виктор (фамилию забыла). Он был из Петергофа. Он долго освобождал меня от работы. Придут немцы, спросят, как моё здоровье, а он ответит:

– Плохо, не может ходить...

Я, правда, потихоньку уже ходила, но пройду 5-10 метров и сажусь.

Кормили очень плохо. Принесут в корзине голые кости и кидают, как собакам, на нары. Бывало, что и в голову попадут. Так мы одеялами с головой укрывались. Потом начался тиф. Все заболели и через одного умирали. Да ещё бомба угодила в соседний барак, многих поубивало. Видно, наши лётчики не рассчитали: по другую сторону речки, ближе к церкви, стоял немецкий гараж, но попало по нам.

Когда мы поправились, немцы всех наголо остригли, обсыпали дустом и отправили в баню, выстроенную на берегу, а одежду прожарили.

Мы сильно голодали. Кроме кружки баланды и маленького кусочка хлеба с опилками, ничего не получали. Вся трава на территории лагеря была съедена. Лагерь был оцеплен тремя рядами колючей проволоки, и уйти из него было трудно. Но от уборной шла канава, а за ней – кусты. Через уборную мы бегали в Тосно – менять кое-какие тряпки и на бойню – за кишками».

Прошло много лет, бывшие узники этого лагеря либо не вернулись в Тосно, либо умерли. Как это часто бывает, люди помнили, что где-то здесь был концлагерь, приблизительно называли и район: совхоз «Ушаки», за рекой, но точное место указать никто не мог.

Сегодня место, наконец-то, найдено, благодаря воспоминаниям *жителя деревни Нурма Конильева Олега Ивановича (1939 г. р.)*²⁰⁰:

«Мы в Тосно в 1944 году приехали. В 1949 году, когда брат приехал из армии в отпуск, мы дрова ходили рубить в совхоз через речку. Мы рубили там остатки сараев, заборов. Всюду была колючая проволока – пять лет после войны прошло! Мы тогда ещё два черепа нашли, а ещё кости там лежали. Мы выспрашивали у местных стариков, которые жили в самом последнем доме (у окраины Тосно) на нашей улице, которые в оккупацию в Тосно оставались: что тут было в войну? Женщину пожилую звали Майя, и она говорила, что тут был лагерь, где держали наших людей».

Сейчас на этом месте расположено частное хозяйство. На окраине его и находился Тосненский «Лагерь смерти». Место теперь довольно дикое – заросшее 2-х метровым борщевиком и непролазным кустарником. Там, где раньше стеной стоял лес – сплошное поле. И трудно поверить, что здесь когда-то разыгрывалась подлинная, ничем не оправдываемая трагедия...

Работа на немцев

5 августа 1941 года рейхминистр Восточных оккупированных территорий А. Розенберг издал приказ об обязательной трудовой повинности для населения этих территорий. Специфической формой трудового принуждения стало привлечение мирных жителей к работам, проводившимся по непосредственному обеспечению боевых действий фашистских войск в прифронтовой полосе. Поначалу на них возлагалась только гужевая повинность, заготовка дров, погрузочно-разгрузочные работы, а также уборка осколков и неразорвавшихся боеприпасов.

*Славнова (Закамская) Надежда Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно*⁶²:

«Маму заставляли воду таскать (у нас в доме была сделана офицерская столовая), а нас, детей, посылали на муни. Муни – это снаряды. Работали там – что заставят, то и делали. Ветки грузили. Допустим, погрузим ветки и покрываем ими снаряды, чтобы не было видно. А кто постарше – снаряды грузили».

*Орлова Валентина Ивановна, 1937 г. р., г. Любань*¹²⁵:

«Немцы всех заставили работать, гоняли даже детей. Вот моя сестра, ещё небольшая была – так они и её на аэродром Бородулино гоняли осколки собирать. Там военный аэродром был. Сестра вся в чирьях по оврагам да по кустам ползала».

Очень скоро людей начали использовать и на более трудоёмких физических работах: валке леса, постройке и расчистке дорог, строительстве укреплений, землянок, блиндажей, противотанковых сооружений, рытье окопов и т. п.

Костина (Гаврилова) Зоя Борисовна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ²⁴.

«Нас посылали на дорогу работать. Летом мы камни колотили, они делали дорогу хорошую. Они рыли такие глубокие ямы и укладывали камни, прямо как дорожные строители. Камень укладывали, потом песок, потом опять камень – хорошую дорогу делали, жить здесь собирались».

Старцева Нина Леонидовна, 1934 г. р., дер. Перевоз ¹⁷⁸.

«Каждое утро мирных жителей, в основном женщин и детей, собирали у комендатуры и под конвоем гнали под Колпино ремонтировать дороги. Дети малолетние разбивали кирпичи, а женщины на носилках засыпали ямы от снарядов. Работали под обстрелом Красной армии, которая была очень близко. За непослушание или разговоры про наступление Красной армии всенародно казнили. Вешали людей на виселице у комендатуры или пороли ремнями до полусмерти».

Принуждение мирного населения к работам в пользу войск противника являлось нарушением Международного права – такая работа была категорически запрещена Гаагским соглашением о правилах и порядке ведения сухопутной войны. И так как население не испытывало добровольного желания участвовать в ней, вермахт широко пользовался силовыми методами воздействия на непокорных:

«Отказы от работы будут приняты за саботаж против правительства, <...> норму должен выполнять каждый рабочий. Не исполнивший норму будет привлечён на более длительную работу, обложен штрафом или арестован» (типичное распоряжение для всех оккупированных поселений Ленинградской области) ²⁰¹.

Во всех населённых пунктах был организован тщательный учёт трудоспособных

65. Гужевая повинность

жителей в возрасте от 14 до 60 лет, включая женщин и подростков. В городах этот учёт осуществлялся биржами труда, в сельской местности – старостами.

Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно ²⁶:

«Немцы школу открыли для маленьких, а нас-то куда? Мы работали. Мы должны были на них работать. Приходили полицаи, объявляли, что всем нужно работать. И мы ходили в комендатуру получать арбайт-паспорт. У нас был немецкий рабочий паспорт. Это была двойная бумажка, на которой указаны фамилия, имя и где работаешь. Потом, когда уже работали, нам дали деревянный номерочек. С номерочком повсюду и ходишь. Потом всю жизнь только с номерочком».

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Первоначальная регистрация ограничивается просто переписью, или составлением посотенных списков, даже без предъявления документов» ²⁰².

Но это был только первичный этап учёта трудоспособного населения. Вскоре начала проводиться повторная регистрация с предъявлением уже и документов. В соответствии с установленным порядком при регистрации каждому гражданину теперь выдавалась трудовая книжка.

Не имевшие такого документа лишались права на получение продовольственных карточек и, таким образом, обрекались на голодную смерть.²⁰³ При этом вознаграждение за труд представляло собой не реальную оплату рабочей силы, а, как правило, низкокалорийный продуктовый паёк. Людям за день работы выдавалось по 200 г эрзац-хлеба и иногда баланда из гнилых овощей.

66. Строительство гати (настила через болотистый участок) силами местных жителей и военнопленных

Планин Леонид Михайлович, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵²:

«С едой было туго. Отец работал где-то на строительстве дороги: на Строение дорогу делали. Я же ходил пилить лес между Саблино и Тосно. Пилил и ручной, и циркулярной пилой. Буханку хлеба давали за это раз в неделю».

Забойкин Николай Петрович, 1926 г. р., дер. Староселье ⁷¹

«До войны во всей округе дороги были грунтовые. При немцах дороги строили всё время из брёвен. Население работало на немцев. В день зарабатывали 200 г хлеба, но выдавали его один раз в неделю после 14 часов – сразу буханку хлеба».

При этом оккупационные органы в качестве наказания и штрафа использовали практику лишения рабочих продовольствия.

Васильев М. Д., 1932 г. р., дер. Коркино ²⁰⁴:

«Всех жителей, включая и 8-10-летних мальчишек, немцы заставили работать. В определённый час мы по команде собирались на улице и под конвоем шли на работу. В частности, ходили за 3 км в район Сустенских Нив копать канавы для дороги. Каждому выдавалась лопата, определённая норма, и если ты вырыл канаву в 10-15 м длиной, то получал вечером кусок хлеба. Если же не справлялся – хлеба не давали вовсе».

А между тем, условия труда были тяжелейшими: работали по 12-14 часов – с раннего утра до полной темноты. Работавшие медленно или некачественно подвергались наказаниям. Среди рабочих было много больных.

Козлова (Волкова) Надежда Валентиновна, 1928 г. р., с. Ушаки ¹³⁴:

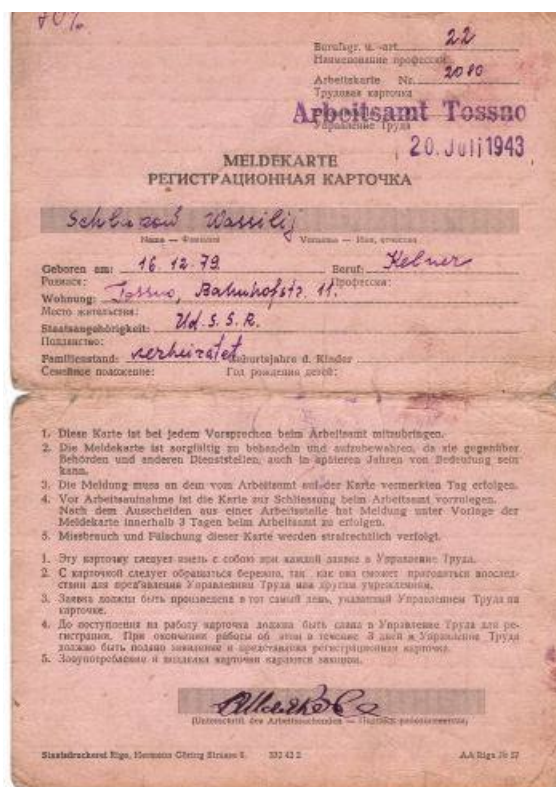
«И в прачечной пришлось гнуть спину, и на лесоповале. Представляете: осень, босиком по колено в мёрзлой торфяной жиже! Волдыри на ногах лопались, раны гноились. А мне ведь только четырнадцатый годок шёл, девчужка совсем...».

Андреева М., 1932 г. р., дер. Дритовно ²⁰⁵:

«Папа и две старшие сестры работали в лесу: пилили брёвна, строили мостовую дорогу на Кириши. Папа был больной, его не призвали на службу. Приходили они с работы голодные, холодные, а есть нечего. Помню, папу посадили в амбар на трое суток – он опоздал на три минуты на работу. Гоняли его на работу, а с работы – опять в амбар».

Турзина (Егорова) Л. А., 1926 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁵⁸:

«Папа топил немцам баню и сторожил сарай, в котором хранились продукты. Однажды туда забрались подростки во главе с Геней Хитриковым. Порезали мешки и

67. Регистрационная карточка, которую обязан был предъявлять работник в управление труда, когда устраивался на работу. Тосно, 1943 г.

68. Движение обоза по бревенчатому настилу (лежнёвке)

украли рис. Их всех арестовали, а папе дали 25 шомполов. Били русские полицейские».

Громова (Мишихина) Евдокия Максимовна, 1929 г. р., г. Шлиссельбург ¹⁹⁶:

«Осенью нас стали посылать на дорожные работы. Помню, как мостили жердями дорогу на Новолисино. Голодные, озябшие, из рваных гужбатовских калош или бурок выглядывают пальцы... А тут ещё бомбёжки и обстрелы! Тосно и тогда был крупным железнодорожным узлом и бомбили его чуть ли не каждый день. Едва успеешь добежать до бункера, пока летит бомба или снаряд, а надсмотрщик уже кричит: «Назад! Работать!»

Зимой нас возили в лес валить деревья. Я и сейчас помню, как с корня пилится дерево. Но тогда мне едва исполнилось 13 лет, и каким же изнурительным был для меня этот труд! Пыткой был обеденный перерыв, когда немцы усаживались на пни и доставали бутерброды. У нас ведь не было ни крошки...».

А вот что писала коллаборационистская пресса об этой стороне жизни населения оккупированных территорий:

«Северное слово» 1943 год № 1 (январь): «Трудовые батальоны»:

«Призыв немецкого командования к мужскому населению освобождённых областей вступить в трудовые батальоны находит повсеместный горячий отклик.

В городе Тосно и его окрестностях в местное бюро труда обращаются десятки людей, записывающихся в трудовую армию. Среди них немало таких, которые раньше уже находились на работах в германской армии.

40-летний Иван Михайлов заявил на записи:

– Трудовые батальоны – полезное дело. Работая в них, лестно будет сознавать, что ведёшь борьбу с большевизмом» ²⁰⁶

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Всё трудоспособное население в возрасте от 15 до 50-55 лет используется для сооружения окопов, блиндажей и других укреплений... Вслед за этим население направлялось в опорные базы немецких войск, как то: Тосно, Новгород, Краногвардейск для работы по укреплению этих пунктов или на восстановление основных ж. д. и шоссейных магистралей.

Население Тосненского, Лужского и Краногвардейского районов использовалось на восстановлении железнодорожных путей Новгород-Чудово, Чудово-Мга, Новгород-Тосно.

Для этих целей в перечисленных пунктах созданы специальные лагеря, в которых содержатся и военнопленные. Никакой оплаты за проведённую работу нет, питание два раза в день одним супом.

Силами местного населения и военнопленных магистрали восстановлены. Железнодорожная линия Новгород-Чудово перешиита на немецкую колею»²⁰⁷.

Корчагина Е. К., 1911 г. р., пос. Тосно²⁰⁸:

«Я работала на железной дороге: восстанавливали пути, укладывали шпалы. Раз в неделю по субботам мы приходили в контору, и мастер выдавал нам продукты. Паёк исчислялся граммами».

Борисова (Егорова) Л. Е., 1915 г. р., дер. Финёв Луг (Новгородская обл.)⁶⁶:

«Немцы гоняли всех на работу – железную дорогу под их вагоны переделывать. У них колея на 10 см уже, а составы от самого Берлина шли... Работа тяжёлая, всё вручную. После работы выдавали кусочек хлеба с опилками. Пока до дому идёшь – всё сощиплешь...»

Вообще, железная дорога являлась объектом особой заботы немцев. В силу того, что в Тосненском районе на начало оккупации осталось много железнодорожников, то все они подлежали особому учёту и привлекались к работе, прежде всего, в качестве специалистов, а не разнорабочих. Вот о чём сообщают краеведы г. Любани:

«Гитлеровцы восстанавливали движение поездов в сторону Тосно и Чудово. Лучший подвижной состав – паровозы и вагоны, любанские железнодорожники успели перегнать в Ленинград, в местном депо восстанавливали и ремонтировали неисправные и повреждённые паровозы. Так как железнодорожники имели так называемую «бронь» и не подлежали призыву в Красную армию, то в окрестных деревнях и в Любани удалось собрать 20-30 человек, не успевших уехать в Ленинград работников. Депо находилось под усиленной охраной. Работавшие там люди жили в помещении пункта технического осмотра. В разрушенном ещё в первый месяц войны вокзале также были оборудованы помещения для жилья и несения службы»²⁰⁹.

Сашилина (Данилова) Елена Георгиевна, 1939 г. р., пос. Тосно²¹⁰:

«Отец до войны работал машинистом на железной дороге на дрезине. Когда немцы заняли Тосно, движение на железной дороге нарушилось, и произошла авария. На железнодорожной ветке на Гатчину столкнулись две дрезины. Моему отцу

69. Женщины толкают паровоз

в той аварии сломало обе ноги. Его зажало в этой дрезине так, что он не мог сам выбраться. Машиниста другой дрезины выбросило на обочину, и он смог уйти в лес. Отца подобрала немцы, положили в свой госпиталь и стали лечить: им тоже нужны были машинисты».

Горячева (Данилова) Лидия Георгиевна, 1935 г. р., пос. Тосно ¹⁷⁵:

«Так как папа работал на железной дороге, у него была «бронь», его в армию не взяли. Он работал до последнего дня, тогда ещё говорили, что враг отброшен. Он работал на дрезине – возил инструменты, рабочих. Однажды приходит староста к отцу и говорит, что немцы зовут его на железную дорогу работать, будут давать кое-какой паёк. Ну, что делать? Нас двое и мама, есть хотим. Отец пошёл. Работал на этой дрезине у немцев. И однажды, когда наши устроили диверсию, у него произошла авария – с кем-то столкнулся. Он оказался у немцев в госпитале – там, где сейчас типография. Он им был нужен как специалист».

Различие в положении специалистов и простых рабочих (участников «рабочих колонн», «батальонов») было существенным. В первом случае люди получали шанс выжить, во втором – влачили жалкое существование, нередко заканчивавшееся смертью.

«Участь строителей дороги (*Шапки-Вырица. – Авт.*) оказалась тяжёлой. Но не все жители Лисино были согнаны на её строительство. Немцы быстро восстановили лесозавод, подорванный партизанами, и лесопилка скоро заработала. Рабочие лесозавода состояли в штате тыловой организации «ТОДТ» (*военно-инженерная организация, которая занималась строительством и охраной тыловых инфраструктур вермахта. – Авт.*), они получали незначительное денежное

содержание и паёк, жизнь их была гораздо лучше. Однако строители дороги и рабочие лесозавода были строго разделены и им редко удавалось видеться даже с родственниками»²¹¹.

Тяжелой была участь женщин, имевших малолетних детей. За кусок хлеба они, как правило, работали прачками.

*Костина (Гаврилова) Зоя Борисовна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино)*²⁴:

«Ещё стирать брали у немцев. Они давали мыло, но у них мыло было такое, как глина. Золой, само собой, стирали. За работу кормили. Давали хлеба, кусочек масла или повидла, баланду. Баланда – это вода, замутнённая мукой. Я не знаю, что там было. Первое время крапива была, мы придём с крапивой, сварим, добавим туда – можно есть».

*Горячева (Данилова) Лидия Георгиевна, 1935 г. р., пос. Тосно*¹⁷⁵:

«А мама немцам стирала, они давали кусок мыла. Но иногда она кипятила золой, чтобы обмылок остался нам – помыть голову и помыться».

*Васильева (Антонова) Надежда Николаевна, 1931 г. р., г. Любань*²¹²:

«Мама стирала. Мыло не давали. Был такой котёл, она разводила с золой, стирала всё вшивое бельё. За счёт этого мы и держались. Вот, который придёт немец сознательный – принесёт буханку хлеба. У них такие маленькие, как кирпич, тугие буханки. Невкусный хлеб, но принесёт буханку хлеба. Другой – ничего не принесёт. А кто – конфет даст за бельё. Мама настирает, наглядит. Так руки были разъедены – тут уж я помогала ей детской рукой. А мама была такая: мы же деревенские, не любили, чтобы грязно. Хоть враги, но нужно чистое отдать».

Немецкая политика в отношении местного населения основывалась на убеждении в превосходстве германской расы над другими. Но солдаты вермахта, расквар-

70. Немецкий лазарет. 1942-1943 г.

тированные в сельской местности, мало думали о политических теориях, потому что они откровенно нуждались в помощи местного населения в бытовых вопросах. Постоянно общаясь с местными жителями, рядовые солдаты волей-неволей вынуждены были менять своё отношение к ним.

Вот отрывок из дневника унтер-офицера Вольфганга Буффа ²¹³:

«20 ноября 1941 года.

Сегодня в Синявине я сдал одной русской женщине в стирку своё грязное бельё. За кусок мыла, пачку табака и краюху хлеба на большую ораву детей послезавтра получу его чистым. Это сказочное благодеяние.

23 ноября.

После обеда пошёл в ближайшую деревню и получил бельё, которое мне хорошо выстирала русская женщина за кусок хлеба, пачку табака и горсть конфет для её ребятшек. Чистое бельё здесь большое достижение.

30 ноября.

Сегодня в Синявино я вновь получил бельё. Оно, как и в прошлый раз, было прекрасно выстирано и выглажено. Но женщина, стиравшая бельё, погибла. В убежище, куда она спряталась, попал снаряд. Её маленького ребёнка удалось оттуда извлечь, хотя и раненого».

Коллаборационизм: да или нет?

Контактируя с местным населением по вопросам быта, или просто эксплуатируя его в качестве рабской силы, немцы, тем не менее, были твёрдо убеждены, что творят благодеяние для этого «несчастливого и апатичного народа».

Документ № 42

Начальник полиции безопасности   Берлин, 8 апреля 1942 г.
И СД   Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 190

Информация Айнзатцгрупп и команд.

Настроение и положение населения перед 18-й армией
(под г. Ленинградом)

Общее настроение населения.

«Из-за ухода большей части (немецких) войск с фронта под г. Ленинградом продовольственное положение населения, проживающего в прифронтовой полосе, ухудшилось, так как русское население, ранее занятое работой у немцев, осталось без работы и, следовательно, без средств к существованию. Несмотря на то, что

через некоторое время новые немецкие соединения снова прибегнут к помощи русских, однако большая часть населения будет пытаться эвакуироваться или же погибнет. Так, в Саблино осталось безработными 1000 человек»²¹⁴.

Да, действительно, чтобы выжить, жители зачастую и сами просили у немцев работу.

*Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно*³⁶:

«У нас дороги были узкие, около дорог – канавы. У немцев я работала, когда нет никакого заработка, без дела не сидела. Немцы аккуратные были и требовали соблюдать чистоту. И мы копали, чистили канавы до самой церкви; зимой на линии работали – чистили снег. Я сама шла и просила работу, ведь есть-то хочется».

*Малыгина (Максимова) Елена Михайловна, 1924 г. р., пос. Тосно*²¹⁵:

«Мы жили в Тосно-2. Напротив нашего дома была немецкая кухня. Я к ним пошла на кухню проситься работать: работа нужна была, кусок хлеба нужен был. И вот, на 300 человек мне надо было готовить: тесто намесить, в 4-х сковородах готовила. Я приходила на работу рано, в 5 часов, уходила поздно. Им нравилось, как я работала»

Это о достаточно тяжёлом и неквалифицированном труде. Но ведь было и другое:

*Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно*¹¹⁸:

«Обслуга (прачки) – это тяжёлая работа. Она не котировалась. Женщины стирали за хлеб ради спасения своих детей. Грамотная же молодёжь устраивалась хорошо (сравнительно). Например, переводчик – это был особый человек. Он и обслуживался хорошо, и к немцам относился хорошо».

Была работа тяжёлая, грязная и была работа «чистая». Что считать в данном случае коллаборационизмом (пособничеством врагу)? И являлся ли коллаборационистом тот, кто сам просил у немцев работу?

*Всеева (Гагарина) Екатерина Васильевна, 1923 г. р., пос. Тосно*¹⁴:

«Молодые девушки (грамотные) искали, где бы устроиться на работу. Работать было негде. Брели для работы в немецком лазарете нянями-санитарками: горшки выносить. Лазарет немцы разместили в «Красной школе» (отель «Тосно» – Авт.), туда и взяли. При распределении обязанностей проходил отбор – более симпатичных отправляли санитарками обслуживать палаты офицеров. Я в это число не по-

71. Тосненские жители, работающие на железной дороге

пала – достались солдатские палаты, где требования были менее жёсткими».

*Сычёва (Туганова) Надежда Ивановна, 1927 г. р., пос. Волосово*¹⁷⁰:

«Я работала в госпитале санитаркой. Госпиталь располагался в нашей школе. Там работали эстонские и немецкие медсёстры. Немки были очень злыми, их «овчарками» называли: крикливые такие! А эстонки спокойные, пассивные, никогда не кричали. Мне дали форму: тёмно-зелёное шерстяное платье, таз в руки и – к больным с тазиком».

*Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно*¹¹⁸:

«В госпитале работали избранные девочки. Наши люди относились к ним плохо. У этих девочек и отношение к немцам было иное, чем у тех, кто трудился на тяжёлой, грязной работе».

*Евсеева (Гагарина) Екатерина Васильевна, 1923 г. р., пос. Тосно*¹⁴:

«Со школы мы немецкий язык знали. Поначалу разговаривали с немцами со словарём, позже – так, привыкли. Иногда девчонки даже спорили с немецкими солдатами, там тоже люди были. По соседству с нами у дяди Вани Гагарина сделали больничку для русских. Там работала медсестрой девочка Таня. Однажды она говорит: «Скоро наши придут, вот этим подстилкам немецким плохо будет!»

Сами же немецкие врачи положительно оценивали работу русских санитарок.

*Из письма немецкого доктора Йохана Хоппе*²¹⁶:

«4 февраля 1943 года.

У меня здесь 4 санитары, а ещё на каждую палату имеется по одной русской девушке, большинство из них жили в Ленинграде. Они здесь уже год, как ухаживают за нашими солдатами и проявили себя с самой лучшей стороны. Без них мы бы не смогли обойтись в нашем большом хозяйстве. Они носят гражданскую одежду, лишь на голове у них белый платок, свидетельствующий о принадлежности к медицине. Они кормят пациентов, моют их» .

Как относиться к девушкам, работавшим в немецких лазаретах? Когда в такой лазарет попал раненый пленный советский лётчик (видимо, немцы рассчитывали получить от него ценную информацию), он срывал с себя бинты, отказывался от еды и всячески оскорблял ухаживавших за ним русских санитарок.

В самом широком смысле каждый, кто работал на немцев, способствовал укреплению их положения на занятой территории. Это касается и участников «рабочих колонн», чьими руками были созданы многие километры оборонительных немецких линий, преодолеть которые (а, значит, и освободить Ленинград) Красной армии так долго не удавалось; и железнодорожников, перевозивших немецкие военные грузы; и прачек, обслуживавших солдат вражеской армии; и ... санитарок, помогавших раненым немцам возвращаться в строй.

Это несоответствие чувствовали наши люди. Ситуация, в которой они оказались, выглядела неразрешимой:

*Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно*¹¹⁸:

«Мы всё думали: когда же нас освободят? Вот наши люди работали – кто в Ленинграде, кто где, а у нас была тоска: они-то на Родину работают, а мы на кого?..»

Именно в годы Советской власти о тех, кто находился на оккупированной территории, сложилось стойкое представление, как о пособниках врага, и только потому, что они вынуждены были участвовать в экономической жизни захваченного

фашистами региона.

Но размышляя о проблеме коллаборационизма, и в частности – экономического, существовавшего массово и повсеместно там, где присутствовал враг, следует иметь в виду, что и военнопленные, и мирное население работали на немцев не столько добровольно, сколько по принуждению – под действием жесточайшего террора или невыносимого голода (а по сути, и того, и другого одновременно). И если уж этих людей называть «коллаборационистами», то следует признать таковыми вообще всех, кто за многотысячелетнюю историю человечества так или иначе попадал в руки захватчиков и, соответственно, был принуждаем к рабскому труду. Так что в указанном смысле, данное положение отнюдь не означает, что каждый, кто оказывался в контакте с оккупантами, автоматически превращался в предателя Родины.

Однако здесь, видимо, следует сделать некоторое уточнение. Работа на оккупантов, действительно, могла существенно различаться по степеням. Чем «чище» она была, тем легче вступал в компромисс со своей совестью работник, тем с большей готовностью он соглашался жить в двусмысленных обстоятельствах и тем активнее содействовал их сохранению. И, наоборот, те, кому доставалась тяжёлая работа, уже самими её условиями были вынуждены вставать в оппозицию к «работодателям», категорически отвергая любой компромисс на почве сотрудничества с врагом.

В период оккупации фактически всё население занятой гитлеровцами территории подвергалось опасности умереть от голода. Люди работали на оккупантов исключительно ради «куска хлеба» – скромного продуктового пайка. Подобное принуждение к труду уместнее было бы назвать «массовой репрессией», а не экономическим коллаборационизмом.

Коллаборационизм же в собственном смысле этого слова начинался тогда, когда человек, в силу получения каких-либо преференций от оккупационного режима, начинал вдруг *поддерживать* этот режим, то есть соглашаться с его условиями, как с *нормой*. В этом смысле вопрос должен ставиться не о том, являлся ли «чистый» работник автоматически пособником врага, а о том, насколько он мог в тех условиях сохранять в себе человечность и внутренне противиться навязанной ему ситуации.

Достаточно показательным в данном случае является пример Александра Клейна. После попадания в плен он вынужден был (по просьбе самих же пленных) стать переводчиком. Сложность состояла в том, что, отлично зная немецкий язык и имея, тем самым, реальный шанс сравнительно неплохо приспособиться к условиям плена, он мог потерять чувство сострадания к товарищам по несчастью и начать использовать своё положение для получения допустимых (и недопустимых) преференций. Недаром переводчиков не любили: «...если пленный просил (его) перевести какую-нибудь просьбу, то (тот) сперва ругал беднягу, а потом или отказывал, или нехотя переводил, снабжая самую безобидную просьбу своим комментарием. Обычно это приводило к отклонению просьбы»²¹⁷.

Но сам Клейн так обозначил свою позицию в данном вопросе: «Я же не перебежчик, не служу у них. Если перевожу, то этим только облегчаю положение товарищей, иначе им бы доставалось ещё больше. Кто скажет, что я кого-то обворовал или обидел?»²¹⁸.

Иными словами, в истоке проблемы коллаборационизма лежит не уровень квалификации работника, а его внутренний выбор. Здесь уместно привести слова Виктора Франкла: «Быть охранником или надсмотрщиком над заключёнными и оставаться при этом человеком вопреки всему давлению лагерной жизни было личным и нравственным подвигом»²¹⁹.

Тем не менее, над любым «чистым» работником всегда висел домоклов меч «презюмции виновности». Советское общество однозначно оценивало этих людей только как коллаборационистов.

*Петров Е. Г., врач Саблинской больницы для гражданского населения в 1941–1944 гг.*²²⁰:

«7 ноября 1943 г.

Как-то я сказал Афанасьеву (*волостной старшина в Саблино. – Авт.*), что если бы немцы не эвакуировали из Саблино принудительно, то я бы остался здесь, несмотря на опасность боевых действий. Он начал мне расписывать ужасы, которые меня ожидают, если останусь до прихода русских; упомянул, что его в первую очередь расстреляют. В последнем я не сомневаюсь, а относительно себя считаю, что перед русскими я не сделал никакого преступления, чтобы меня лишать жизни. Ну, а если и будут некоторые репрессии, я к ним готов. Во всяком случае, для меня легче отсидеть 5-10 лет в концлагере в советской России, чем всю жизнь скитаться без семьи по чужим странам, где на меня будут смотреть как на человека низшей расы».

К сожалению, отождествление понятий «чистая работа» и «пособничество», которое было характерно для жителей оккупированных территорий, в дальнейшем проявило себя аналогичным образом, но уже на другом уровне: раз человек был на оккупированной территории, значит, он являлся пособником врага.

*Вознесенская Татьяна Владимировна, с. Шапки*²²¹:

«Чтобы выжить, пришлось маме и тёте идти на работу к немцам. Почти два года мама была прачкой. Стирала грязное госпитальное бельё и бельё, которое привозили с фронта. Один раз мимо таких прачек немецкие солдаты вели не то на допрос, не то на расстрел молоденького русского парнишку. Мама говорила, что его презрительный взгляд в их сторону запомнился ей на всю жизнь...»

*Соловьёва (Миронова) Лидия Степановна, 1938 г. р., с. Никольское*¹⁹⁰:

«Помню, что было ещё прохладно. Вокруг все говорят, что вот-вот наши придут. Мы идём на дорогу. Я помню, мы стоим, мама держит Азу на руках, стою я, брат Юра и идут наши: все в белых полушубках, руки на автоматах. Говорили, что Волховский фронт соединился с партизанским. Мы смотрим на них с восторгом, они нам казались такими красивыми. Проходят мимо нас. Помню, впереди шёл офицер, а с ним девушка. И вдруг я слышу, как эта девушка, посмотрев на маму, говорит: «Немецкая овчарка!» Я потом через некоторое время спросила у мамы, почему её так называли – мне за маму было обидно. Она только грустно сказала: «Мало ли глупых людей на земле...»

Так и получается, что тяжёлый, всенародно выстраданный опыт может и не идти впрок.

Народ, который с удовольствием судит и обвиняет любого, кто попал в двусмысленные обстоятельства; народ, который в вопросах морали никогда не сомневается в своей правоте, – такой народ обречён ходить по кругу. Ситуации, которые не были разрешены в прошлом, будут повторяться вновь и вновь.

Молодёжь – важнейший трудовой ресурс

Уже в первые месяцы войны немецкому командованию стало ясно, что «блицкриг» затягивается. И хотя сомнений в победе немецкой армии пока ещё не было, однако темпы продвижения войск падали, и планы ведения «молниеносной войны» нарушались. Возникла необходимость готовиться к более длительной и масштабной кампании. В этих условиях от военной промышленности требовалось всемерное наращивание мощностей. Но сделать это в сложившихся условиях оказывалось непросто: Германии не хватало трудовых ресурсов.

Начиная войну с СССР, Гитлер предполагал после быстрой победы над противником демобилизовать примерно полмиллиона промышленных рабочих из армии и отправить их обратно на заводы. Но события на Восточном фронте смешали все карты: фронт требовал всё больше и больше новых солдат. Чтобы хоть как-то удовлетворить потребности вермахта из промышленности были взяты ещё 670 тысяч рабочих²²². Их необходимо было кем-то заменить. Выход увидели в привлечении иностранной рабочей силы. Из европейских стран – Польши, Бельгии, Чехословакии, Югославии, Нидерландов, Франции и других – началась депортация рабочих.

В этих условиях взгляд немецкого руководства обратился на концлагеря для советских военнопленных, а также на советские оккупированные территории, являвшиеся богатейшим, по мнению немцев, резервуаром трудовых ресурсов. В новых обстоятельствах бессмысленное уничтожение людей становилось непозволительной расточительностью (*в первые полгода войны, например, прямому уничтожению подверглись советские военнопленные – примерно 2 млн человек. – Авт.*)

Правда, поначалу использовать в германской военной экономике советских граждан не предполагалось – они должны были превращаться в подневольных рабов исключительно на своей территории. Но решение круто изменилось в декабре 1941 года после поражения немцев под Москвой. Отныне и русские рабочие подлежали вывозу в Германию. При этом планировалось использовать их на самых тяжёлых, вредных и опасных работах: «Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности. Копать вручную и таскать камни – не их работа. Для этого есть русские».

Наиболее перспективной в плане использования рабочей силы была молодёжь. Уже с самого начала оккупации её привлекали к принудительным работам на вермахт: «по разнорядке», в «трудовых колоннах» и в трудовых концлагерях. В Тосненском районе молодёжь в основном трудилась на лесоповале, мостила дороги и строила укрепления.

Смирнова (Гурьева) Раиса Сергеевна, 1925 г. р., г. Любань²²³.

«Нас, девочек, вызвали в арбейтзамт и отправили на грузовиках в деревню Дритовно, за Бабино, на лесозаготовки. Жили в бараке без стёкол (весна 1942 г.). Холодина. Спали на нарах в два этажа. Посредине стояла одна печурка, на ней мы сушили мокрые портянки. У всех было много вшей. Кормили баландой, кусочек эрзац-хлеба и ложка песку. Вот тут я очень заболела и меня отправили домой».

Ястребков Юрий Николаевич, 1927 г. р., пос. Ульяновка (Саблино)²²³.

«Жили кто как мог. Мы, пацаны, где сапоги починим, где дров наколем. Честно

сказать, на нас особого внимания не обращали. А в 1943 году забрали всех в лагерь. Он находился в деревне Еглизи. Работали в лесу, лес валили. Жили, считай, под открытым небом в чём-то вроде палаток. Сколько раз такое бывало: просыпаешься, а голову не поднять – волосы примёрзли! Потом погнали всех пешком через Псков в Эстонию. Там то же самое – работы тяжёлые, а мы все мальчишки не старше 16 лет».

Иванова Валентина Александровна, 1925 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹¹:

«Пожарное депо фашисты приспособили под лагерь. Там собирали мальчишек 14-16 лет и гоняли на строительство дорог и окопов. Жили они там в тяжёлых условиях: спали, как попало, ели, что попало».

Забойкин Николай Петрович, 1926 г. р., дер. Староселье ²²⁴:

«Молодёжь заставляли работать, но поначалу особых строгостей не было. В лес ходили по 20 человек под конвоем, пилили лес. Конвой просто присматривал, чтобы не убежали. Да и куда побежишь? Вот скажите, я, пацан, – куда мне бежать было? В лесу немецкие солдаты.

Потом наших пацанов собрали работать в трудовой лагерь в Староселье. Вот тогда 250 г хлеба – уже не домашнее питание! Там работали, лес рубили, и пилорама была. Ребята были из Шапок, из Пендиково. Жили в двух бараках, нас охраняли. Когда немцы отступали, нас, подростков, вывезли сначала в Любань, потом в Большое Переходное, а дальше отправили в Лугу, подо Псков, затем – в Латвию – в Либаву (Лиепаяу). Мы не шли, нас немцы за собой тащили – 10 ребят из трудового лагеря».

Григорьев П. Ф., 1929 г. р., дер. Васькины Нивы ²²⁵:

«С приходом весенней распутицы (1942 г.) дороги раскисли. Согнали людей со многих деревень, началось строительство деревянной дороги от Любани до Шапок. Заготовка лесоматериала проводилась в лесу далеко от дороги, и брёвна выносили на плечах, укладывали в штабеля.

Недалеко от урочища Долгий мост был раскинут лагерь, где находилось около 120 подростков от 12 до 15 лет. Были там и девчонки. Занимались строительством дороги с деревянными рельсами. Так было до осени. Потом лагерь перегнали в район деревни Вериговщина, то есть это уже совсем рядом с линией фронта. Людей держали в фанерных домиках, а это, считай, как на улице. Мало осталось в живых из этих людей».

Сычёва (Туганова) Надежда Ивановна, 1927 г. р., пос. Волосово ¹⁷⁰:

«А потом нас отправили в концлагерь. Прислали повестку, что к такому-то времени явиться в комендатуру, посадили в машину и отвезли. Нас обобрали, нечего было взять с собой, даже не во что было переодеться. Привезли в концлагерь, поселили на скотный двор, в деревушке какой-то, совхоз какой-то был. Куда скот делся – неизвестно. В этом лагере нас и держали, как животных: на полу солома постелена и все. На полу даже досок не было. По одну сторону сарая ребята спят, по другую – женщины. Вот мы с Любочкой обнимемся, чтоб теплее было, в одежде и спали. И кормили плохо нас, баланда какая-то заправленная и по 200 грамм хлеба. Конечно, люди умирали, страшно было. У нас бирки на шее висели с номерами. Стояла машина с виселицей: крючки висели, кожаные ремешки – на горло одевать. Немцы были очень жестокие! И вот немцы приходили в шесть часов утра, гнали на работы. Немцы нас не щадили, они стремились ближе подобраться к Ленинграду,

а мы прокладывали по болоту настилы, как плоты. Надо было лес рубить. Ребята лес рубили, а мы таскали, везли на себе. А немцы стояли с автоматами. Если немец помоложе, кричал: «Работать, работать!», а если постарше, пожилой — стоял потихоньку, на нас смотрел. Зимой лес валили, а весной и осенью дороги делали, щебень возили».

Бронзова Евгения Васильевна, 1932 г. р., дер. Вериговщина ⁶⁹:

«Старшие братья строили дорогу на Макарьево. Фашисты угоняли подростков утром, а вечером дети возвращались домой измождённые, голодные и зачастую избитые. Можно сказать, что дорога была выстроена на детских плечах. От брёвен, которые таскали на себе, на худеньких плечах появлялись ссадины и синяки, которые превращались в незаживающие раны. Брату Анатолию мама сшила тряпичную подушечку, чтобы брёвна меньше натирали плечо».

Из отчёта руководителя партийной группы Слуцкого района И. П. Тарасова в Ленинградский штаб партизанского движения о пребывании в тылу врага с 5 августа по 6 ноября 1942 года:

«В августе 1942 г. из лагеря Лисино-Корпус, где исключительно находились признанные в принудительном порядке 15-16-летние [подростки] из Уторгошского и Батецкого районов, нам пришлось около шоссе встретить в лесу две группы – 19 человек. Провели с ними беседу и помогли им бежать домой. Всех 29 человек 20 и 21.08.42 г. переправили через р. Оредеж и вывели к Витебской ж. д., оттуда они направлялись домой. Они рассказали, что в лагерь в мае было привезено из Уторгошского, Батецкого районов 600 человек. Всё время они работали на ремонте шоссе Тосно-Краногвардейск, находясь в исключительно жутких условиях, работали по 11-12 часов в день и питание получали 200 г хлеба в день и один раз жидкий суп. За всё время больше половины [этих рабочих] болели тифом. Медицинской помощи никакой не было, больные находятся в этих же помещениях, а когда болеют, то хлеба выдают только 100 г. Много умерло с голода...» ²²⁶.

При всей жестокости оккупационного режима вызывает определённое недоумение сама практика создания специальных лагерей для молодёжи. Возможным ответом может послужить следующее высказывание представителей нацистской верхушки: «Самая опасная группа – молодёжь 17-21 года. Она заражена большевизмом на 99% и её следует вычеркнуть из списка живых» ²²⁷.

И их вычёркивали при помощи метода «умерщвление трудом». А после того, как Германии потребовалась дополнительная рабочая сила, именно молодёжь должна была первой испытать на себе все «прелести» депортации в Германию.

Уже в начале 1942 года была поставлена конкретная задача: вывезти из оккупированных районов на принудительные работы до 1 миллиона советских граждан (без учёта домашней прислуги). Во главе ведомства, решавшего эту задачу, по личному указанию Гитлера был назначен один из его сподвижников – Фриц Заукель. Он развернул кипучую деятельность. Сначала предполагалось привлекать работников на основе трудовых соглашений, то есть по вербовке.

Фашистская пропаганда не скупилась на обещание отличных условий жизни в Германии и предложений высокооплачиваемой работы. При этом немцы, в который уже раз, выставляли себя благодетелями русского народа. Так, например, в «Объявлении от 12 апреля 1942 г.» говорилось, что «Великая Германия» предо-

ставляет работу советским гражданам, так как не хочет оставить их семьи в нужде, ведь при отступлении советские войска взрывали заводы и фабрики и этим лишали граждан их рабочих мест»²²⁸.

*Турзина (Егорова) Л. А., 1926 г. р., пос. Ульяновка (Саблино)*¹⁵⁸:

«Комендатура размещалась на Графском шоссе (ул. Советская. – Авт.), где почта. Переводчиком работал инженер Ижорского завода по прозвищу Шляпа. На улицах расклеивали объявления с предложением ехать на работу в Германию. Некоторые завербовались и уехали».

Но если отдельные граждане и соглашались на выезд на работу в Германию, то происходило это не отнюдь из желания лично ознакомиться с условиями жизни, а из стремления избежать голода. Эти люди полагали, что хуже, чем здесь уже быть не может. Но большинство всё же сомневалось, и поэтому желающих ехать почти не находилось.

В связи с этим, чтобы достичь желаемых результатов, Заукель предложил начать отказываться от принципа добровольности и переходить к принудительным мерам. Так началась депортация молодёжи в возрасте от 15 лет и старше. При этом органы Заукеля тесно сотрудничали с вермахтом, а также с полицейскими, эсэсовскими структурами и органами службы безопасности Гимmlера.

Под вооружённым конвоем молодёжь доставлялась в регистрационные пункты и находилась там под охраной до момента отправки. Условия транспортировки часто были варварскими: товарные вагоны были набиты людьми; в пути вагоны, как правило, не открывали, опасаясь бегства пленников; часто людей не кормили или кормили крайне скудно.

*Планин Евгений Васильевич, 1925 г. р., пос. Тосно*³⁴:

«Потом пришла повестка явиться в комендатуру. Пришёл туда, смотрю – там и брат мой, и другие ребята, и женщины. Но отпустили нас, сказали, чтобы мы ждали вызова. Ничего не проверяли, просто вызвали, спросили место жительства и отпустили. Потом снова вызвали и предупредили, чтоб вещи были. Их закон был: чуть что – расстрел. На вопросы не отвечали. И вот, мы явились, собралось очень много народу. Все пришли в одно время. Повели нас к вокзалу, на платформы. Подогнали вагоны и в этих вагонах куда-то повезли: мы не знали куда. Очутились мы в Прибалтике. Там нас покормили. Наварено было – я собаке лучше варю, – и повезли дальше. По дороге кормили чем-то. Потом какой-то состав ещё подцепили – таких же, как мы. Привезли в Германию, в город Мангвайн».

*Смирнова (Гурьева) Раиса Сергеевна, 1925 г. р., г. Любань*²³:

«Весной немцы стали угонять русских на работы в Германию. Сначала – молодых мальчишек, потом – всех подряд. Грузили в товарные вагоны для скота. Матери, провожая своих детей, плакали. Привезли – поместили в концлагерь. Жили там в бараках, работали в основном на заводах, в сельском хозяйстве у бауэров (помещиков)».

Но молодые рабочие руки нужны были не только на заводах, шахтах и рудниках. «Программой» Заукеля предусматривалось направление полумиллиона здоровых и крепких девушек на работу в Германию в качестве домашней прислуги. При этом представители офицерского корпуса, находившиеся на занятой территории, стремились использовать требование о наборе дешёвой домашней прислуги для обеспечения собственных нужд и ведения своего хозяйства.

Смирнова (Гурьева) Раиса Сергеевна, 1925 г. р., г. Любань ²³:

«Не миновала эта участь и меня. Нам повезло – нас, двух девочек, немецкий доктор Кноблох, зубной фронтовой врач, уговорил поехать в Восточную Пруссию в его семью домработницами в город Бартенштейн. Я попала к фрау Штернберг. Мне было 17 лет, Нине – 15. Обе мы работали на кухне, чистили картошку, мыли посуду и полы. У хозяйки муж был на фронте и трое мальчиков. Я выполняла самые тяжёлые домашние работы: стирала, чистила ковры, мыла полы и т. д. с 7 утра до 10 вечера. Даже занималась штопкой носок».

Из письма немецкого врача Йохана Хоппе ²²⁹:

«7 ноября 1942 г.

...Речь идёт о коллеге, окулисте по имени Янус. Зовут его Янус. Он лучше всех нас знает русский язык и может свободно общаться с русскими, потому он имеет реальное представление о здешней жизни. К сожалению, в скором времени он от нас уйдёт, его переводят в тыловой госпиталь. Он забирает с собой русскую девушку 14 или 15 лет, которую целый год обучал немецкому языку. Она нужна ему для помощи по дому и потому, что ему хочется помочь ей в дальнейшем образовании. Так поступают многие, забирая с собой девушек в качестве прислуги. Главным условием является наличие справки от биржи труда на родине, удостоверяющей право на использование такой девушки для помощи по хозяйству. Таким образом, можно заполучить себе своеобразную рабыню».

Депортация молодёжи воспринималась населением крайне отрицательно: в «уголе» видели очередной способ порабощения. Всё это только усиливало антинемецкие настроения среди советских граждан.

Советские военнопленные

Из всего, что приходилось слышать или читать о Великой Отечественной войне, наиболее жестокой видится судьба советских военнослужащих, оказавшихся в фашистском плену. Именно советские бойцы и командиры первыми испытали на себе плоды нацистской истребительной политики. Согласно имеющимся исследованиям, из 5,7 млн захваченных военнослужащих к концу войны в живых осталось не более 2,4 млн человек: остальные 3,3 млн (около 60%) умерли или погибли в плену, причём примерно 2 млн – в первые полгода войны (до февраля 1942 года).²³⁰

Сегодня уже не вызывает сомнений, что советские военнопленные представляли собой вторую по величине (после евреев) группу жертв преступлений против человечества, совершённых фашистской Германией. Известно, что одна их часть содержалась на оккупированной территории СССР, а другая – в Германии и в ряде подвластных и союзных ей стран. Установлено, что общее число советских бойцов, погибших и умерших на захваченной территории СССР, определяется величиной примерно в 2,3 млн человек.²³¹

Можно со всей уверенностью сказать, что геноцид против военнопленных в данном случае следует рассматривать в одном ряду с заранее запланированной стратегией обезлюдивания занятых фашистами территорий. При этом пленные красноармейцы представляли всё же особый контингент для уничтожения – гитлеровское руководство находило экономически невыгодным оставление в живых «лишних людей неполноценной расы», да к тому же заражённых «иудо-большевистской» идеологией.

Данилов Виктор Степанович, 1934 г. р., дер. Глубочка: ²³²

«Немцы появлялись у нас наездами. Они свозили ближе к нашей деревне военнопленных. Из окна кухни нашего дома было видно, как немцы вырыли огромный ров, сбрасывали раненых и полуживых людей туда и засыпали землёй. Так продолжалось несколько дней, пока ров не заполнился. Огромная могила шевелилась несколько дней. Всё это видели и запомнили мои сёстры Мария и Клава».

Макарова (Гусева) Нина Георгиевна, 1936 г. р., пос. Тосно ¹⁸⁴.

«Помню один страшный эпизод тех лет. Когда мы пришли к тётё Шуре жить (ул. Вокзальная), как-то утром мама встала рано, в 5 утра, а жили мы тогда недалеко от железной дороги. Мама встала, подняла нас в такую рань и говорит: «Идите сюда, просыпайтесь, идите сюда!» Мы втроём вышли на крыльцо. «Запомните, – говорит, – это на всю жизнь! Из головы пусть никогда не выходит!» и показала нам на огромную яму. Эта огромная яма была заполнена нашими военнопленными. Их так закрывали землёй, что пар оттуда шёл. Полуживых, наверное, а кто-то, может быть, раненый среди них был. Помню, что их очень много там было. Руки видела торчащие из-под земли, а головы уже были засыпаны землёй...».

На секретном совещании в Берлине в марте 1941 года генерал-лейтенант Рейнеке – начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования – инструктировал своих подчинённых: «лагеря для русских военнопленных

72. Колонна военнопленных (2-я ударная армия)

рекомендуется устраивать под открытым небом; германское военное командование не считает себя обязанным предоставлять им какое-либо снабжение; с германских солдат и офицеров не только снимается всякая ответственность за преступления в отношении военнопленных, но, напротив, на них возлагается безусловная обязанность осуществлять такие преступления»²²³.

С начала оккупации на территории Ленинградской области были созданы лагеря, в которых содержалось от 1 до 10 тысяч человек, хотя одновременно продолжали организовываться и десятки более мелких пунктов заключения военнопленных, в которых содержались от нескольких десятков до нескольких сотен наших военнослужащих.

Небольшие лагеря носили статус рабочих команд. Кроме того, лагеря делились на категории: сборные пункты, пересыльные лагеря – «дулаги», стационарные лагеря – «шталаги», рабочие лагеря. На территории Тосненского района располагались лагеря фронтового уровня: сборные пункты, пересыльные лагеря, а также рабочие команды.

Согласно архивным документам²³⁴ здесь было создано 9 концентрационных лагерей для советских военнопленных:

- г. Любань – 3 (ГА РФ, ЛОГАВ, ЦГА СПб)
- г. Тосно – 2 (ГА РФ, ЦГА СПб)
- п. Лисино-Корпус – 1 (ГА РФ)
- п. Шапки – 1 (ЦГА СПб)
- с. Покровское – 1 (ГА РФ)
- п. Ульяновка (Саблино) – 1 (ГА РФ),

где:

73. Сборный пункт под открытым небом

ГА РФ – Государственный Архив Российской Федерации, г. Москва;
ЦГА СПб – Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга;
ЛОГАВ – Ленинградский Областной Государственный Архив в г. Выборге.

Кроме того, имеются и дополнительные сведения, указывающие на численность узников и номера некоторых лагерей:

г. Тосно – № XXI-В, пересыльный для военнопленных и гражданских лиц, командование из Нарвы (Тапс) [архивная справка ЦГА СПб];

г. Тосно – № 332, стационарный, для военнопленных и гражданских лиц, командование из Нарвы (Феллин) [архивная справка ЦГА СПб];

п. Шапки, для военнопленных и гражданских лиц [архивная справка ЦГА СПб].

г. Любань – армейский № 17 – на 10 000 человек [ЦГА СПб. Ф. 9421. Оп.1. Д. 239. Л.3-об.] ²³⁵

с. Покровское (в 1942 году) – № 121

[ЦГА СПб. Спецфонд. Оп.1. Д. 29. Л. 18, 23] ²³⁶;

пос. Лисино (в мае 1942 года) – на 1777 человек

[ЦГА СПб. Спецфонд. Оп. 6. Д. 2. Л. 101-102.] ²³⁷.

И ещё имеется дополнительная информация, связанная с обозначениями этих лагерей: это – Дулаг-134 (Саблино), Дулаг-121 (Покровское), Дулаг-17 (Любань), Шталаг-332 (Тосно), Шталаг-381 (XXI-В) (Тосно)²³⁸. Лагеря в Тосно, хотя и были обозначены как стационарные, на самом деле выполняли функцию пересыльных лагерей. Их название «шталаг» указывает на то, что они являлись филиалами соответствующих

74. Мемориальный знак в пос. Ульяновка (ул. Комсомола).

Поставлен силами подвижников – бывших учителей Ульяновской СОШ № 1 М. С. Дмитриевой и А. М. Винницого, а также А. П. Коченкина в память о погибших узниках Саблинского пересыльного лагеря. 2012 г.

лагерей в тылу (Эстония) – Шталаг-332 (Феллин – Вильянди), а Шталаг-381 (XXI-B) (Тапс – Тапа).

Учитывая время проведения опросов местных жителей (октябрь-декабрь 1944 года), когда сведения о преступлениях и злодеяниях фашистов на оккупированных территориях поступали в архивы, можно с уверенностью сказать, что эти материалы не могут быть полными, потому что часть населения данного региона ещё только начинала возвращаться из Прибалтики, а большинство в это время всё ещё находилось в Германии. По воспоминаниям же очевидцев, собранным в более позднее время, концлагерей для советских военнопленных на территории Тосненского района было гораздо больше.

Согласно свидетельствам очевидцев, записанным уже после войны, можно говорить как минимум о **30** (больших и малых) пунктах принудительного содержания советских военнослужащих, существовавших на территории Тосненского района. Практически все эти лагеря создавались в непосредственной близости от фронта, и поэтому большинство из них не являлось постоянно действующими – они появлялись и исчезали по мере необходимости. Однако объединяющим началом для всех них служил принцип антигуманного обращения с заключёнными.

Согласно принятым установкам, особенности жизни во всех концлагерях Северо-Западного региона были примерно одинаковыми. Очень часто такой лагерь представ-

лял собой огороженный колючей проволокой участок земли, где люди находились под открытым небом круглые сутки.

Зимой лагерь устраивались в помещениях неотапливаемых конюшен, свинарников, овощехранилищ или дощатых сараев. Люди были полураздеты, так как у пленных отбиралось всё, что могло пригодиться вермахту – сапоги, шапки, шинели, валенки, тёплые вещи. Кормили более, чем скудно и часто продуктами, непригодными для питания. Нередко провиант задерживался по нескольку дней, а иногда людей и вовсе не кормили.

Николаева (Низовкина) Галина Фёдоровна, 1932 г. р., с. Шапки ⁷²:

«Помню военнопленных. Тут домик стоял, а вот у забора чёрная смородина росла. Я стою, ем смородину и вижу: их гонят. Они просят: «Девочка, дай хоть одну ягоду!...» Я набрала, хочу подать, а часовой мне: «Шейза, рус, не смей давать! А то застрелю!». А они, бедные, идти не могут, а их гонят! Кто не может идти, того прикладом бьют. Эти изверги, что они творили! На работу их ведут, а они с ног валяются. Они же голодные! Немцы голодом их морили, а работать заставляли. Тощие, идут и падают. Страшно смотреть! И никого к ним не подпускали – сразу расстреляют, если подойдёшь. Гады, изверги! Это не люди!».

Безучастно смотреть на страдания пленных наши люди не могли. Однако помочь узникам было не просто, и действовать приходилось осторожно.

Молоканова Раиса, с. Померанье ⁸⁵:

75. Никольское. «Камень-валун» – памятный знак на месте бывшего концлагеря у пос. им. Бадаева. С инициативой его установки выступила Никольская гимназия № 1. Школьники сами заработали деньги, а с доставкой камня-валуна помогли рабочие завода «Сокол». 2012 г.

76. Одинокая могила неизвестного военнопленного у родника в дер. Староселье. Жители сами, по своей инициативе оформили её и ухаживают за ней. 2016 г.

«Один раз мать вынесла проходившей мимо под конвоем группе пленных котелок варёной картошки. Пленные протягивали руки, но в это время немец щёлкнул затвором и навёл автомат. Моя мать испугалась, бросила картошку и убежала».

Бронзова Евгения Васильевна, 1932 г. р., дер. Вериговщина ⁶⁹:

«Помню, как наших пленных гнали: оборванных, босых, голодных. Мы, дети, собирали окурки, а то и картошку сунешь в руку. Взрослые боялись подойти, немцы их били, а детей не трогали».

Карцева (Ефимова) Р. Н., 1930 г. р., пос. Тосно ²³⁹:

«После взятия Тосно толпами гнали наших пленных. Голодные, они просили есть: «Хоть бы сольцы пососать...» Бежала домой, отрезала хлеба, посыпала солью, совала им в руки».

Слатина (Захарова) Онега Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно ⁵⁹:

«Я помню, колонну пленных вели через Тосно (осень 1941 г.). Мать сварила картошку в мундирах. Мы с моей подругой Танькой сидели на заборе и, вот, когда был какой-то промежуток между немецкими солдатами-конвоирами, мы бросали пленным эту картошку. Они сразу подбирали – очень уж были голодные».

Уlicheva (Крафт) Эльвира Юрьевна, 1938 г. р., г. Любань ²⁴⁰:

«Сестра мамина, Валентина Фёдоровна Семёнова, была комсомольским вожаком, в общем, очень активная была. Она с небольшой группой учеников железнодорожной школы собирала, если что-то можно было, по кусочкам для военнопленных, которые содержались в районе кирпичного завода».

Лыскова Анна Алексеевна, 1933 г. р., дер. Коркино ¹⁵⁷:

77. Военнопленные в загоне за колючей проволокой

«На двоих с соседом Фёдоровым была оставлена корова, молоко от которой надо было сдавать на приёмный пункт в Сустье. Взамен выдавали так называемый «обрат» (обезжиренное молоко. – Авт.). Его переливали в бутылки и, когда проходили мимо лагеря советских военнопленных, то подсовывали их под проволоку. Часовые ругались, но детей не обижали. А вот русские пленные в знак благодарности одаривали ребятшек самодельными игрушками».

Григорьева А. Г., 1930 г. р. ²⁴¹:

«Вначале военнопленные жили на голом поле, оцепленном колючей проволокой. Потом сколотили три барака. Оборванные, грязные, голодные, они производили жуткое впечатление. Мы собирали по чердакам старую одежду и бросали через забор. Охранников мы хорошо изучили: одни орала и замахивались на нас, другие как бы не замечали.

Пленные научились делать игрушки. Вырежут, например, из фанеры курочек и прикрепят их к дощечке. Дёрнешь снизу за нитку – куры кланяются, будто зерно клюют. Узники передавали нам готовые игрушки, а мы меняли их у немцев на хлеб.

– Айн брот! – говорили и протягивали игрушку. Солдаты смеялись и клали нам в торбу куски хлеба, сыр, конфеты. Как ни голодны мы были, но себе ничего не брали: пленным приходилось намного хуже, чем нам. Тощие-претощие, с чёрными заросшими лицами, они едва волочили отморозенные ноги в деревянных колодках. Запомнился пленный дядя Коля, повторявший:

– Не верьте немцам, мы всё равно победим!»

Не смотря на то, что помощь пленным каралась смертью, всегда находились такие, кто шёл на риск: тайком кормил убежавших из лагеря, укрывал их, лечил, переодевал в

78. Женщины кормят наших военнопленных

гражданскую одежду или сопровождал в качестве проводника к линии фронта.

Бесстрашная любанская девушка Анна Федотова вместе с младшей сестрой Зоей, замученная немецкими палачами, устраивала побеги пленных из концлагеря ²⁴².

А вот письмо в газету «Тосненский вестник» В. Брехлера о своём отце:

«Долгие годы наша семья пыталась и не могла найти место, где был убит мой отец Уршумов Андрей Ильич, 1908 г. р. И вот через десятки лет после войны нам стало известно, что он был расстрелян в сарае за госбанком (в войну – гестапо) в г. Тосно в первую суровую зиму войны.

До войны отец служил в тосненской пожарной команде. При наступлении немцев она была отозвана в Ленинград. Часть её состава была отправлена на фронт, в том числе и мой отец. А дальше – Синявинские высоты, плен. Пленные использовались для рытья траншей, раненых и слабых немцы добивали. На ночь – дощатый сарай, и это в трескучие морозы! Удалось бежать. Днём прятался, пытался перейти линию фронта. Отец хорошо знал местность. До Тосно дошёл сильно обмороженным: пришлось долго лежать в снегу. Скрывала, кормила и как могла лечила его многодетная семья Шихановых. Не один раз приходили по доносу полицаи с проверкой. Затем лагерь, снова побег, и опять лагерь. По документам личный состав пожарной охраны считался в составе НКВД...» ²⁴³.

Из Книги Памяти Тосненского района:

«Был лагерь на 600 человек в деревне Новолисино. Семья Чугуновых была расстреляна за помощь, которую она пыталась им оказать» ²⁴⁴.

Чугунова Вера Ивановна, 1930 г. р., дер Еглизи ¹⁷⁴:

«Вышли два солдата из леса и пришли в деревню (Еглизи, ноябрь 1942 г. – Авт.) – в дяди Мишин дом. А в этом доме были две девушки. Они дали солдатам гражданскую одежду – фуфаечки. А шинели оставили. Хотели их спрятать, но не успели. Кто-то уви-

79. Расправа над пленным

80. Могила Чугуновой М. И., Чугунова И. Н.
и Алексеевой Л. М. на кладбище в Кайболово. 2015 г.

дел, что девушки солдат переодели и сказал немцам. Их тут и забрали. В Новолисино увезли, там у немцев штаб был. Как их мучили! И отца их! Три ночи! А когда ввели на расстрел, у них на груди доски были. Они до чего их домучили – их ввели, а они земли под собой не видели! А солдаты те спаслись. Мы видели, как они в лес побежали – в кусты, и дальше. Немцы стреляли по ним, но не попали. А то, что они убежали в лес – я сама видела».

Об этой истории жители Новолисино (уже после войны) сообщали, что девушек – Чугунову Марию Ивановну (18 лет) и её подругу – Алексееву Лидию Михайловну (19 лет) показательно расстреляли, а Чугунова Ивана Николаевича повесили. Тела казнённых патриотов захоронили в дер. Новолисино (впоследствии их прах был перенесён на кладбище в дер. Кайболово).

Безусловно, не всякий решался рисковать жизнью в подобной ситуации. Но тот, кто поступал именно так, вероятно, должен был руководствоваться чем-то очень значимым – таким, что было выше и личного благополучия и благополучия семьи:

Петрова (Петухова) Л., 1930 г. р., дер. Жары ²⁴⁵.

«Мы увидели наших пленных. За колючей проволокой стояло около 50 босых, худых, голодных солдат и с ними командир. Мы им несколько дней носили хлеб и листья табака, но кроме нас никто не помогал – боялись немцев. Младший брат пел и плясал перед немцами, чтобы как-то отвлечь, а мы тем временем передавали принесённое пленным.

В один из дней командир сказал, что завтра их расстреляют и дал записку с номером части. Мама зашила её в папин воротник, но она испортилась, когда мы проходили санобработку.

За то, что мы помогали солдатам, нас могли расстрелять. *Но жалость победила страх».*

Ставка на террор

Осуществление гитлеровцами политики геноцида в отношении советских людей началось с первых дней войны и продолжалось на протяжении всего периода оккупацию. Одним из решающих документов по применению мер террора к гражданам Советского Союза было подписанное Кейтелем 13 мая 1941 года распоряжение «О военной подсудности в районе «Барбаросса». Оно предполагало беспощадное отношение к гражданскому населению и уничтожение не только тех, кто оказывал сопротивление фашистскими органами власти, но и их родственников.

Разрешение убивать подозреваемых стало основой любых незаконных действий со стороны властей. Закон и право уступили место «военной необходимости», которая требовала удерживать покорённое население в повиновении. Фельдмаршал Кейтель писал: «Войск, выделенных для несения службы охраны в занятых восточных районах хватит для выполнения задач лишь в том случае, если всякое

сопротивление будет ликвидироваться не путём судебного наказания виновных, а распространением со стороны оккупационных властей такого страха и ужаса, который отобьёт у населения всякое желание противодействовать... Командующие должны изыскивать средства для обеспечения порядка в охраняемых районах, не запрашивая новых охранных частей, а применяя соответствующие драконовские меры»²⁴⁶.

Для осуществления «драконовских мер» в штабе 26-го армейского корпуса была создана, а затем распространена в войсках «Директива по отношению к вредной и подозрительной части гражданского населения», согласно которой всё население оккупированных территорий делилось на три категории.

К первой относились государственные и партийные работники, члены местных и районных советов депутатов трудящихся. Ко второй – коммунисты, комсомольцы, председатели колхозов и совхозов. К третьей категории относились жители, которые «открыто проявляли пассивное сопротивление» и уклонялись от принудительных работ.

В отношении первой категории предусматривался немедленный расстрел; второй – расстрел или заключение в концлагерь; третьей – арест, избивание, а в случае повторных действий – также отправка в концлагерь ²⁴⁷.

«Осенью 1941 г. гитлеровцы повесили в центре Шапок 6 местных активистов: Гливенко Ф. Р., Алексеева И. Т., Полякова М. А., Цветкова И. А., Фимберга И. И., Фимберга А. И.» (Яковлев В. Г.) ²⁴⁸.

81. Воинский мемориал в пос. Шапки. 2016 г.

82. Стела с именами казненных в 1941 году коммунистов поселка Шапки. 2016 г.

Забойкин Николай Петрович, 1926 г. р., дер. Староселье ²²⁴:

«Молодых мужчин стали забирать в колхозную водогрейку (помещение, где варили для свиней корм. – Авт.). Еду им носили жёны. Двоих забрали – лесника Ивана Тимофеевича Алексеева и депутата райсовета Михаила Александровича Полякова. Через несколько дней их повесили с табличками на груди и на спине с надписями: «Так карается лесник, депутат и партизан» Написано было чернилами большими буквами» (со слов Н. П. За-

бойкина записано Е. Д. Емельяновой)

Забойкин Николай Петрович, 1926 г. р., дер. Староселье ⁷¹:

«Сижу я в тот день дома, прибегает Васька. Откуда он узнал, что отца его в Шапках повесили, не знаю. Он бежит, я говорю: «Васька, обожди, ты куда?» Он плачет: «Батю, – говорит, – повесили в Шапках!» Мы с ним побежали туда. Видим, где у нас теперь магазин «Партнёр», полиция стоит, но нас не остановили. У сельсовета дядя Миша висит на липе, а Иван Тимофеевич – у церкви, где сейчас аптека – на берёзе. Поглядели, поглядели... и домой пошли...»

Мина Зоя Семёновна, 1934 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁰⁴:

«Однажды мы с мамой решили сходить к родственникам. Они жили по Советскому проспекту за «пожаркой». Мы увидели, как возле нынешней аптеки (там тогда росли большие деревья) подъехала немецкая машина с открытым задним бортом. На ней стояли русские молодые парни – комсомольцы – с проволоками на шее. Один держал проволоку руками и кричал: «Всё равно победа будет за нами!» И другие что-то кричали. Потом машина отъехала, а люди остались висеть на дереве...».

Всякое нарушение или неточное исполнение приказа жестоко каралось властями.

Бисиков Анатолий Александрович, 1930 г. р., дер. Степановка ³²:

«Немцы забрали отца дорогу переключивать. Он на этой работе очень ослаб. Нёс он однажды тяжеленную подтоварину, и эта подтоварина у него упала. На отца немец набросился и начал нашего папу бить. Мы утром встаём – папа умер. У него всё тело чёрным стало от побоев».

Беляева Т. П., 1934 г. р., дер. Пендиково ²⁴⁹:

«Нас немцы заставляли работать: из брёвен делать дорогу до Тосно. У мамы было опущение желудка, она болела. Однажды мама спряталась на чердак, чтобы не идти на работу. Пришёл немец, у него была плётка. Он спросил бабушку, где мама, но та ничего не ответила. Тогда он избил её этой плёткой».

Так же жестоко каралось и инакомыслие.

Смирнова (Гурьева) Раиса Сергеевна, 1925 г. р., г. Любань ²³:

«Однажды пришёл жандарм с бляхой на груди и увёл меня в жандармерию на допрос. На Кузнечной улице был бункер, и жандарм грозил меня отправить в Чудовский лагерь. Много любанских там погибло. Мама упала в обморок у калитки, когда узнала, что меня увели. А дело в том, что немцам, которые жили у нас, не понравился мой разговор об оккупантах».

Евсеева (Гагарина) Екатерина Васильевна, 1923 г. р., пос. Тосно ¹⁴:

«После того, как одна из наших девушек (*санитарка в немецком лазарете. – Авт.*) пригрозила немцу: «...а вот придут наши, они отомстят вам за всё!» – после этих высказываний мы больше её не видели. Она исчезла бесследно».

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Сразу же при занятии пункта немцы требуют от населения выдать коммунистов, комсомольцев, партизан, пионеров и всех сочувствующих Советской власти. Старостам вменяется в обязанность выявлять их. Во всех населённых пунктах вывесили приказы немецкого командования, в которых указано, что лица, кото-

83. Немецкие солдаты позируют на фоне повешенных

рые будут укрывать или содействовать партизанам и частям Красной армии, а равно и противодействовать мероприятиям немцев, будут расстреляны, а за содействие в их поимке обещана награда. Выявленных партизан немедленно расстреливают или вешают. Трупы не разрешают убирать по нескольку недель. Введена коллективная ответственность населения за содействие партизанам или красноармейцам, пробирающимся из тыла. В деревнях объявлено, что будут расстреливаться не только те, кто укрывает, но и те, кто не доносит об этом»²⁵⁰.

Павлова Мария Сергеевна, 1934 г. р., г. Любань²⁵¹:

«Попала я в концлагерь у немцев. Наверное, предали меня, ведь я была комсомолка».

Чтобы добыть необходимые сведения, использовали процедуру повторной регистрации населения – учитывалась не только имевшаяся в районе рабочая сила, но и все «подозрительные» жители.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«С 15.X. с. г. во всех населённых пунктах Тосненского, Слуцкого и Красногвардейского районов проводится вторичная регистрация населения. Регистрацию проводят старосты в комендатурах. При этой регистрации каждый должен предъявить паспорт, трудовую книжку, партийный, комсомольский или профсоюзный билет и все имеющиеся справки и документы, подтверждающие личность, род занятий и социальное лицо регистрируемого. У кого нет никаких документов, того немедленно из комендатуры направляют в концлагерь. Среди населения имеются коммунисты, комсомольцы, советский и колхозный актив. Многие не идут на эту регистрацию»²⁵².

На общем фоне беззакония уничтожение политических противников являлось первостепенной задачей в проводимой немцами политике. Поэтому первыми жертвами здесь становились именно советские и партийные активисты, комиссары Красной армии, работники милиции, работники госбезопасности, советские военнопленные, а также «подозрительные» граждане.

Документ № 31

Начальник полиции безопасности
И СД

Берлин, 7 ноября 1941 г.
Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 130
Сообщения айнзатцгрупп и команд

Деятельность Айнзатцгруппы А.

«По существу было сделано следующее: как и ранее на основе требований полиции безопасности при участии полевых и местных комендатур проводились

проверки населения, находящегося в тылу. <...> 20 октября 1941 г. В Тосно в сотрудничестве со 2-й бригадой СС, а также полевой жандармерией была проведена проверка лиц, которые в тот день в течение 8 часов находились в населённом пункте. Подразделение бригады СС оцепили всё Тосно и по заранее подготовленному плану произвели обыск во всех домах. Мужчины были выведены на большую площадь и дополнительно проверены подразделением полиции безопасности / СД. В общей сложности за период времени с 15 октября по 23 октября должны были быть казнены 156 человек»²⁵³.

Учёт «неблагонадёжных» вёлся ещё и таким способом: гитлеровцами заранее были составлены и постоянно пополнялись «Особая розыскная книга», «Германская розыскная книга», а также «Списки по выявлению местопребывания», позволявшие им с помощью предателей обнаруживать тех, кто был предан Советской власти. Вот почему заслуживает особого уважения подвиг шапкинского участкового уполномоченного Семёна Захаровича Бурмы.

Незадолго до прихода фашистов в посёлок Шапки С.З. Бурму вызвал председатель Шапкинского сельсовета Иван Александрович Фёдоров и поручил ему спрятать сейф с документами сельсовета и милиции в надёжном месте, предупредив, что там находятся списки всех коммунистов и активистов, и местонахождение сейфа никто, даже самые близкие люди, не должны знать. После выполнения задания С. З. Бурма должен был присоединиться к партизанскому отряду.

Времени оставалось мало: через несколько часов немцы заняли посёлок. Но нашёлся предатель, который дал показания на И. А. Фёдорова и указал куда и зачем ушёл С. З. Бурма. Фашисты расстреляли И. А. Фёдорова и, прочесав лес, схватили не успевшего уйти Семёна Бурму, привели его в Белоголово, где участковый жил до войны. Однако заставить его выдать место, где спрятан сейф с ценными партийными документами они не смогли. Ему отрезали уши, нос, отрубили кисти рук, но изощрённые пытки не сломили его. Героя вывели за околицу села и расстреляли, но жизни многих людей им были спасены²⁵⁴.

Для того, чтобы проводить политику геноцида, немецкому руководству требовались специально подготовленные структуры, поэтому одновременно с планом «Барбаросса» вступил в действие приказ ОКХ от 28 апреля 1941 года «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В соответствии с этим приказом главную роль в уничтожении коммунистов, комсомольцев, советских работников, интеллигенции и евреев на оккупированных территориях играли 4 карательные части, так называемые эйнзатц (айнзатц) группы, обозначенные буквами латинского алфавита А, В, С, D. Эйнзатцгруппа «А» была придана группе армий «Север».²⁵⁵ Она была создана из частей службы безопасности, СС и СД для акций «примирения», а точнее – уничтожения и порабощения непокорного населения, а также военнопленных в концлагерях. В сущности, она представляла собой военно-террористическую структуру, утверждавшую «огнём и мечом» новый порядок.

Во главе эйнзатцгруппы «А» на территории Ленинградской области (штаб её размещался в пос. Дружноселье Гатчинского района) стоял бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Ф. Шталлекер. В марте 1942 года Шталлекер был убит под Гатчиной советскими патриотами. После него ЭЗГ руководил Гейн Йоте.

В составе ЭЗГ «А» было 2 эйнзатцкоманды. Эйнзатцгруппа следовала за 16-й и 18-й армиями вермахта и под предлогом обеспечения безопасности их тыла на оккупированных территориях уничтожала целые категории советских граждан ²⁵⁶.

Результаты действий эйнзатцгрупп и немецких войск изложены в «Акте расследования злодеяний и учёта ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками на территории Тосненского района Ленинградской области» ²⁵⁷:

«Свидетельства жителей.

1. Свидетели Никитина и Михайлова из пос. Лисино-Корпус Машинского сельсовета.

Комендант – офицер Штуш, переводчик – И. Н. Коновалов. За связь с партизанами 10 человек расстреляно, 1 повешен. 27 марта 1942 года расстрелян Герасимов Ананий Константинович за связь с партизанами Волховского фронта. Также расстрелян В. Лазарев. Женя Михалёв отказался называть переводчика Коновалова господином, за что был посажен на 1 месяц в тюрьму, потом – в концлагерь.

Свидетель Дьяконов рассказал, что жителей заставляли сжигать трупы расстрелянных.

2. Свидетели Филиппов, Сорокин, Серова, Филиппова из пос. Ушаки.

Комендант – майор Фальнейхт, помощник коменданта – лейтенант Тейкман, староста – А. Савельев. За отказ от работы были расстреляны и повешены 12 жителей (Дудров, Котов, Левченко, Филиппов, Царькова, Федотова, Киркин, Максимов, Васильевы, Савицкий). Работали на ремонте дорог с 7 утра до 6 вечера, получали 300 г хлеба и 1 л супа.

3. Свидетели из дер. Шапки рассказывают, что за помощь красноармейцам были повешены Гливенко Фёдор, Цветков и ещё 7 человек. В сентябре 1942 г. у Нестеровского озера расстреляны 12 подростков.

4. В дер. Червинская Лука зимой 1942 г. были расстреляны 63 жителя: 14 подростков, 42 женщины, 7 стариков.

84. Немецкие каратели

5. В дер. Макарьевская Пустынь Пельгорского сельсовета находился дом инвалидов (304 человека). Немцы отобрали продукты и 60 человек умерли от голода. 22.12.41 г. Немцы расстреляли оставшихся 244 человека.

6. В дер. Кривино 20.01.42 г. После пыток были закопаны живыми директор школы А. М. Воробьев и начальник лесопункта Матвеев.

7. г. Любань. Свидетели Е. И. Печникова, Д. Г. Дмитриева, Лисенкова, Панкратова, Васильева.

Комендант – Блюм, бургомистр – М. Славцов. В городе была биржа труда, лагерь военнопленных. Умерло более 1000 военнопленных. Расстрелян 21 житель, 4 повешены.

Свидетельница Кудрявцева Н. М. До 2 января 1944 г. погибли 130 жителей. На улице Красной повешены мальчик и 2 женщины, на кладбище – глухонемой Фёдор Игнатьев.

8. Свидетель Сарафанов В. Ф. из дер. Любань.

В деревне стояла зенитная часть. Были повешены 2 мальчика – 12 и 15 лет. Старостой был С. Калистратов (ушёл с немцами).

9. г. Тосно. Свидетели Астафьева Т. К., Скобочкина Е. И., Грушкин К.

Комендант – Кроус, Пинч. Немцами было повешено 9 человек (Фокин и др.). Расстреляно 24 (Измайлов, Коновалов и др.), замучен еврей Циплаков. Забрали неизвестно куда депутата поселкового совета Измайлову, расстреляли 13 рабочих лесозавода. В 1943 г. повесили 5 бойцов Красной армии, угнали из Тосно 7 тыс. человек.

10. В дер. Новолисино был лагерь военнопленных (600 человек). Семья Чуговых расстреляна за помощь военнопленным.

11. В дер. Бабино (свид. Дмитриева) расстреляны несколько человек за связь с партизанами, гр. Фомина – за хищение одного пряника.

12. 28.03.42 г. В районе болота Ковригина Гладь обнаружено 24 трупа красноармейцев.

13. 1.04.42 г. В дер. Кондуя обнаружено 5 изуродованными пытками трупов: Молоков Михаил Ильич, Зайкин Андрей Александрович, Кустов Николай Васильевич, Тиникулов Тур, Васильев Фёдор Васильевич».

Особо следует сказать о реализации гитлеровцами на захваченной территории «программы эвтаназии» (уничтожения больных). В этом смысле показательна история «эвтаназии» душевнобольных из лечебного учреждения, располагавшегося в Макарьевской Пустыни.

В середине декабря 1941 года 2-я пехотная бригада СС обратилась через своего бригадного врача штурмбанфюрера доктора Элиеса к командованию 28-го армейского корпуса с предложением ликвидировать около 230 душевнобольных женщин, находившихся в больнице. В письме к командованию 18-й армии командир корпуса ответил на это предложение следующим образом: «Оставить этот чрезвычайно опасный очаг непосредственно за передовой линией зимних позиций и в районе дислокации войск нежелательно. Кроме того, *обитатели этого учреждения, с точки зрения Германии, не являются ценными*».²⁵⁸

Улицев Иван Матвеевич, 1929 г. р., дер. Макарьева Пустынь ²⁵⁹:

«В 1933 году монастырь ликвидировали. А поскольку монахи содержали убогих и инвалидов, из бывшего монастыря сделали официальный дом инвали-

85. Макарьевская пустынь. Фото начала 1900-х годов

дов. Кельи переименовали в палаты <...> И вот – война. Немцы приближались стремительно. Об инвалидах некому было вспомнить. Они были брошены на произвол судьбы. Оккупанты установили свой порядок. Когда в доме инвалидов начался тиф, немцы расстреляли всех жителей бывшего монастыря».

Уничтожали больных и другим способом: их сжигали живьём, «чтобы не распространялась зараза». Такой способ уничтожения людей имел место в Гатчине в 1941 году – в лазарете для советских военнопленных на улице Хохлова, а также во Пскове (концлагерь «Пески»), где в 1942 году гитлеровцы сожгли целый барак, наполненный заболевшими тифом пленными.

Исполняя преступные приказы, солдаты не чувствовали себя преступниками.

Красильникова (Денисова) Галина Павловна, 1939 г. р., пос. Тосно ²⁶⁰:

«Ещё мама рассказывала, что рядом с административными зданиями (у железной дороги в районе кочегарки) было раньше здание поликлиники или амбулатории железнодорожной. В этом здании находились ремесленники – студенты. И вот, мама никогда не могла забыть, она говорила, что до сих пор звучит голос одного студента: у него нашли тифозную вошь, облили чем-то и подожгли. Они были очень злые, боялись заразы. И вот, паренёк кричит: «Передайте моей маме в Ленинграде...» Такой ужас был, что в голове никак не укладывалось».

Ко всему прочему немецкие оккупационные власти широко применяли систему заложничества.

Документ № 32

Начальник полиции безопасности   Берлин, 21 ноября 1941 г.
И СД   Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 136

Деятельность Айнзатцгруппы А.

«...В некоторых случаях бунта, отказа от работы и саботажа виновные были казнены. В одном случае речь шла об отказе работать по поручениям местной комендатуры в Володарском. Вторым крупным случаем саботажа произошёл в Тосно, где 25 октября загорелась лесопилка, на которой был заготовлен строительный материал для 5 немецких дивизий. Ущерб составил около 100 000 рейхсмарок. Следствие установило наличие поджога, который оказался возможным в результате недостаточной охраны. В качестве меры возмездия в присутствии представителей общины были расстреляны 13 заложников, которые были ранее отобраны на случай актов саботажа. Казнь была совершена на месте проведения саботажа»²⁶¹.

Вот список захороненных в братской могиле Тосненского городского кладбища. В ней захоронено 13 человек, расстрелянных немцами 26.10.1941 г. (Поводом к расстрелу послужил пожар на Тосненском лесозаводе, вспыхнувший 25.10. 1941 г.)²⁶²:

1. Николай Столяров
2. Георгий Борисов
3. Алексей Грушкин
4. Василий Зубков
5. Андрей Фомин
6. Александр Лысенков (13 лет)
7. Евгений Ильин
8. Ольга Шихина
9. Мария Курочкина
10. Людмила Коновалова
11. Лукерья Фокина
12. Фёдор Николаевич Лысенков
13. Татьяна Куликова.

Немцы готовы были расстрелять и повесить каждого, кто казался им подозрительным.

Липатова (Кондакова) Валентина Петровна, 1940 г. р., пос. Тосно¹²⁰:

«Немцы очень боялись партизан. Выводили всё население на улицу Ленина – попробуй не выйди! Они плётками били, и не имело значения, старый ты или молодой – всех выгоняли смотреть на казнь партизан. Виселиц было много, почти на каждом столбе кто-то висел. Они стояли от Корпусного шоссе и до самого универсама. И хоронить не разрешали».

Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань ⁸¹:

«Были определённые команды со свирепым выражением лиц. Им ничего и говорить не надо было, одного выражения хватит, чтобы встать и пойти. Не соображаешь, куда тебя ведут, а иногда и не говорят. Иной раз люди, уходя, прощались. Мы сами ходили. Плакали люди, а немцы заставляли смотреть. Подставляли ящик, у приговорённых никакой истерики не было – они уже измучены были настолько, что сил не было».

Террор был повсеместным. Даже в самых глухих деревнях регулярно появлялись каратели, что уж говорить о более крупных населённых пунктах!

Назаров Борис Николаевич, 1929 г. р., г. Любань ⁷⁸:

«Видел повешенных на переходном мосту через железную дорогу, на телеграфных столбах с надписью: «Я убивал немцев». По Любани каждый день ходил полицейский с большой чёрной собакой».

Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно ³⁶:

«Несколько раз я видела, как немцы наказывали. Во-первых, немцы, когда вешают или наказывают, и ты в это время идёшь мимо, то тебя обязательно остановят и заставят смотреть. Был случай: парень украл колбасу – раз была бойня, тут же делали колбасу. Так вот, он украл, а ему немцы отрубили руку. Пацан, может, был лет 15-ти.

Потом ещё точно такого же пацана привели туда, где они обычно наказывали. Так вот, они его к скамейке привязали и хлыстом били. А того, кто шёл мимо, останавливали, мол, глядите.

86. Могила 13-ти казнённых мирных жителей на гражданском кладбище г. Тосно. 2016 г.

Однажды я иду на бойню с вёдрами, и меня тоже немцы останавливают. А раз немцы останавливают, значит что-то будет – какое-то наказание. Смотрю – ведут женщину. А я эту женщину хорошо знала. Она была уполномоченной. Уполномоченные во время войны собирали народ и заставляли копать противотанковые рвы. Немцы привели её к госбанку, дали ей лопату, и она стала копать яму. Она, конечно, догадалась, для чего эту яму копает. Ревела и просила, чтобы её не убивали, говорила, что у неё маленькие дети. Но немец на наших глазах в неё выстрелил. Потом позвали пленных, и они её закопали».

Киселёва Татьяна Фёдоровна, краевед, с. Шапки ¹³⁵:

«Сначала пришли обычные войсковые части, а потом пришли каратели. И вот, за октябрь и начало ноября повесили в Ерзуново 7 человек. Похоронили их на Тарасовой дороге.

Клавдия Квашнева хорошо знала братьев Фимбергов и мне про них рассказывала. Они были в партизанском отряде, но в тот год рано наступили морозы и им пришлось выйти из леса. И кто-то из наших их выдал. Их схватили 4 ноября 1941 года – всех организаторов партизанского отряда повесили – братьев Фимбергов, Гливенко, Алексеева, Цветкова.... Их повесили на дереве в разных местах. А Гливенко повесили прямо перед его домом. Его жена не выдержала, помешалась и умерла.

Потом привели откуда-то женщину и лётчика: она его укрывала раненного. Их распяли на соснах на Барской горе. Прибили перекладины и распяли мёртвых. Они висели больше недели.

87. Повешенные мирные жители

Расстреляли и нашего безобидного деревенского дурачка Перю.

Поймали и расстреляли несколько подростков. Цифры называют разные: от 5 до 10 человек. Шли ребята в форме ФЗУ-шной (чёрного цвета), видимо, из какого-то ФЗУ (училища) ленинградского пробирались домой. Отдельно расстреливали солдат – тех, кто отбился от своих частей. В общем, жертв было гораздо больше, нежели считается по официальным данным».

Главную опору террористического оккупационного режима составляли оккупационные части сухопутных войск, окончательно сформированные в конце января 1941 года. Из трёх кадровых пехотных дивизий были созданы 9 охранных и затем (после усиления их ещё и запасными бригадами) по 3 дивизии были приданы каждому из тыловых районов группы армий. Тыловой район группы армий «Север» получил 207, 281 и 285 охранные дивизии.²⁶³

Командиры охранных дивизий назначали полевых и местных комендантов в населённых пунктах. Вся оккупационная зона была покрыта сетью комендатур. Экономическая инспекция тылового района группы армий «Север» имела № 583 и состояла из 4-х полевых и 15 местных комендатур, в которые входило несколько гарнизонных комендатур. Например, 544-я полевая комендатура имела охват от Волосова, Вырицы, Чудово до Любани, а 305-я охватывала Красногвардейск, Красное Село, Тосно, Сиверскую.

К задачам комендатур относилось не только обеспечение управления и снабжение войск, но и обеспечение порядка (соответствующими методами) на вверенной им территории. Военная комендатура в г. Тосно располагалась в нынешнем здании Тосненского историко-краеведческого музея.

Протокол допроса свидетеля Грушкина Константина Ивановича, 1905 г. р., образование 1 класс, рабочий на железнодорожной станции Тосно:

88. Указатель на Шапки

«Когда немецко-фашистские захватчики оккупировали Тосно, я оставался проживать в Тосно. В Тосно оставалось советских граждан около 7000 человек, сколько во всём районе я не знаю. В Тосно находился немецкий гарнизон, комендантом которого был немец по фамилии Краус, а перед отступлением из Тосненского района немцев комендантом был Пинш» (1944 год, 27 декабря).²⁶⁴

А. Клейн: «Комендантом был майор эсэс Краузе. Его имя даже немцы произносили с боязнью. О жестокости Краузе только тихонько шептались. Если уж сами эсэсовцы боялись коменданта, то местные жители – подавно».²⁶⁵

Именно на совести этого человека лежит мученическая гибель тосненского часовщика Якова Цепнякова.

В документах «Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...» (ЧГК), в одном из списков немецких преступников, совершавших злодеяния на территории Ленинградской области, представлены обобщённые сведения из актов, протоколов допросов свидетелей и иных материалов. На основании документов Тосненской районной комиссии в список внесены следующие лица:

...16. Блюм, офицер, руководитель биржи труда Тосненского района. По его приказам мирные жители подвергались истязаниям и пыткам.

...17. Больш, начальник жандармерии в городе Любань. Ответственен за истребление мирных советских граждан.

...18. Бопов, комендант деревни Б. Луки. Избивал мирных жителей.

...87. Ельман, переводчик. Избивал мирных жителей.

...112. Краус, комендант города Тосно. По его приказам производилось истре-

89. Здание Тосненского историко-краеведческого музея. 2016 г.

90. Карл Гайно Гаузе (фото из личного дела)

бление мирных советских граждан и военнопленных, население угонялось в немецкое рабство.

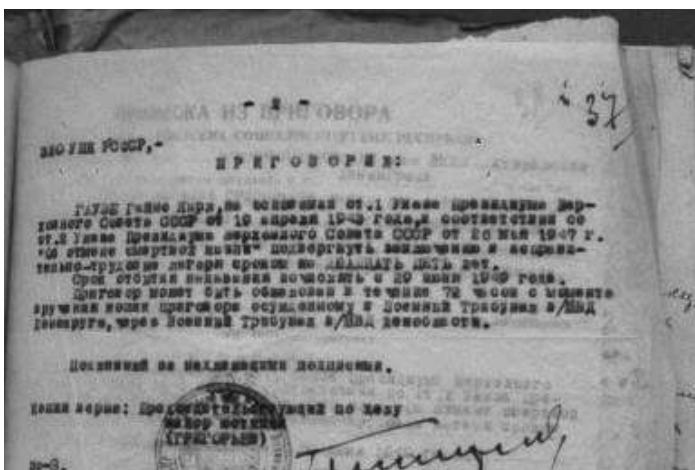
...156. Пинч (Пинг, Пинш), комендант гарнизона Тосно. По его приказам производились повешения и расстрелы мирных советских граждан и угон населения в немецкое рабство.

...188. Тейкман, лейтенант, заместитель коменданта в посёлке Ушаки. По его приказам мирные советские граждане подвергались арестам, пытались и расстреливались. Эксплуатировал труд колхозников, избивал население.

...196. Фальнейхт, майор, комендант посёлка Ушаки. По его приказам производились расстрелы и повешение мирных жителей; эксплуатировал труд колхозников, избивал население»²⁶⁶.

По посёлку Красный Бор известны следующие коменданты: Фосс (потом перешёл в СД в Саблино), затем комендант Мертенс, после – Лядвич.¹⁵⁹

С августа 1943 года по январь 1944 года комендантом Тосно был Карл Гайно Гаузе. (До этого с сентября 1941 года по август 1943 года он был комендантом Красно-

91. Личное дело Карла Гайно Гаузе

го Села). Этот человек, в отличие от Краузе, понёс заслуженное наказание за свои преступления. В 1945 году он попал в плен в городе Айзпуре Латвийской ССР в составе 18-й армии в чине подполковника, затем содержался в офицерском лагере ГУПВИ МВД СССР под Москвой (из личного дела).

Следствие для Гаузе началось 27 июня 1949 года, а 29 июня он посту-

пил в тюрьму № 3 УМВД. По мнению следователей, а потом и Военного Трибунала, подполковник «как в г. Красное Село, так и в посёлке Тосно производил массовые обыски и насильственным путём отбирал у советских граждан тёплые носильные вещи, скот и продукты питания».

Из приговора Военного Трибунала МВД Ленобласти. Совершенно секретно.

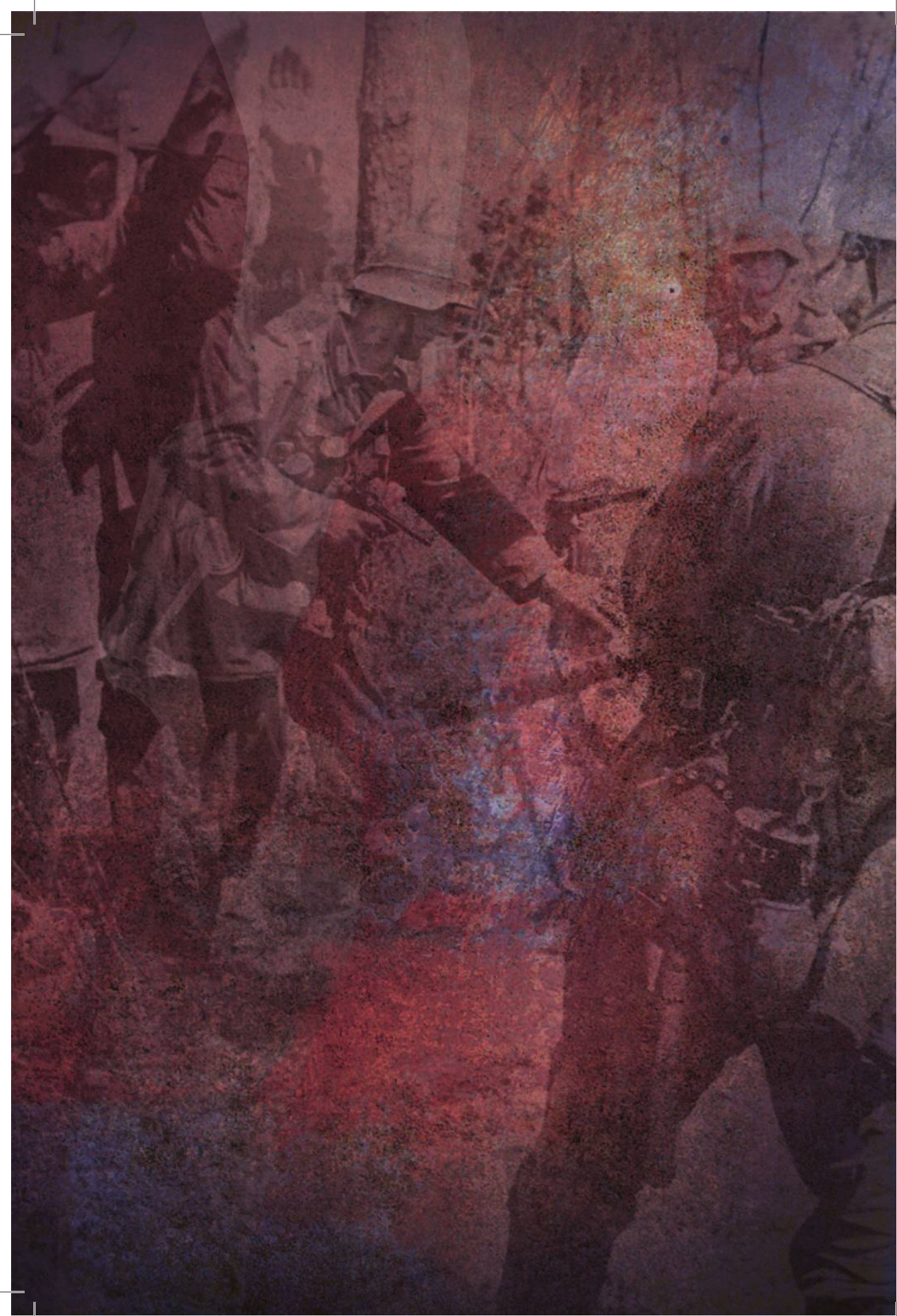
«Жандармский взвод комендатуры по указанию Гаузе систематически производил аресты советских граждан, которые содержались в лагерях, а затем отправлялись в рабство в Германию. В конце 1943 года Гаузе лично сам избил гражданина Смолина за то, что Смолин не поприветствовал Гаузе.

С ноября 1943 года по январь 1944 года согласно приказу и под руководством Гаузе комендатурой из посёлка Тосно насильственным путём было угнано в немецкое рабство до 6 тысяч мирных советских граждан, а в период 1943–1944 гг. по приказу Гаузе в г. Красное Село и в посёлке Тосно был разрушен ряд жилых домов, школ и других построек»²⁶⁷.

Приговором Военного Трибунала войск МВД Ленинградской области от 09.09.1949 г. на основании Указа ПВС СССР от 19.04 1943 Карл Гайно Гаузе был осуждён к 25 годам лишения свободы. Умер он 05.10.1949 г. в больнице тюрьмы № 1 г. Ленинграда²⁶⁸.

92. Личное дело Карла Гайно Гаузе

Противостояние

Безусловно, оккупационная политика влияла самым отрицательным образом на настроение населения. Презрительное отношение немцев к русским встречало ответную реакцию. «Русский иван» работал на оккупантов из-под палки, стиснув зубы.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

*«Население всё с нетерпением ждёт прихода Красной армии, крайне озлоблено на немцев, однако внешне это ничем не проявляет из боязни расстрела».*²⁶⁹

И всё же молчали далеко не все. Время от времени ненависть к врагу прорывалась, и тогда чувство самосохранения отступало на второй план.

Шитикова (Белиева) Г. А., 1931 г. р., дер. Новинка: 186

«Однажды решили протестовать: при такой тяжёлой работе хлеба мало. Тётя Таня Долгова из нашей деревни сказала за всех:

– Мы на работу не пойдём, пока не дадите больше хлеба!

Немец подбежал к ней и ударил плёткой. Моя мама проронила:

– Сейчас воля ваша, что нас бить...

Немец ударил и маму. Потом, как всегда, погнали на работу».

Лыскова Анна Алексеевна, 1933 г. р., дер. Коркино: 157

«Однажды после налёта нашей авиации повалило много больших деревьев. Немецкий комендант собрал всех взрослых и дал ровно 2 часа, чтобы разобрать образовавшийся вокруг деревни залом. Мама была очень смелой женщиной и в ответ сунула немцу под нос фигу. В наказание её жестоко избили плёткой».

Александрова (Евсеева) Ольга Ивановна, пос. Тосно: 126

«Жила на улице Ленина Настя Черняева, общественница. В подвале её дома было радио с наушниками. Боялись, но бегали слушать. Идём как-то, а на её огороде немец пасёт лошадь, большую такую. Мы её битюгом называли. А на огороде только что взошли овощи и разная зелень. Она ему говорит: «Что ты делаешь?! Я всю силу положила на эти грядки, а ты всё смял! Гнать вас отсюда надо до Берлина, да чтобы не оглядывались!»

Думали, не поймёт, а он схватил жердину с изгороди и побежал за ней. Я со страху спряталась в канаве под мостком. Но немец лошадь с огорода всё-таки увёл.

И ещё, на Колхозной, 67 жила семья моего брата Евсеева. Было у него трое ребят. На огороде поспела морковь. И в это время пришли к ним несколько немцев, и давай рвать эту морковь. Жена брата выскочила на дорогу и кричит: «Помогите!» А я жила напротив, прибежала – они жрут морковь, да ещё с собой набирают! Я говорю им: «Что вы делаете?! У неё дети!» А немец сунул мне под нос морковь и говорит: «Гут,

шмелый matka!» А я и брякни: «Будет гут, когда вас отсюда попрут!» А немец в ответ: «Я, я, matka, гут, попрут». Счастье было для меня, что они не понимали по-русски. Потом собирались, плакали и смеялись».

Соппротивление ненавистным оккупантам выражалось не только словами, но и действиями.

Родионова Галина Вениаминовна, 1928 г. р., дер. Тарасово ²⁷⁰:

«Однажды мы с маминой подругой, тётёй Верой, шли в амбулаторию, что в усадьбе Марьино была. Видим – около моста, справа под берёзой лежит солдат наш. Тётя Вера говорит: «Ты сделай вид, вроде что-то ищешь в траве, а я посмотрю, что с ним». Оказалось, ранен в живот. Мы три дня к нему ходили. Сестра моя работала в усадьбе, где разместились немцы, приносила лекарства, и мы пытались помочь раненому. Конечно, нас бы всех повесили за это дело, но страха не было. Берёза, под которой погиб тот солдат, и сейчас ещё растёт».

Бородулин Л., 1929 г. р., пос. Тосно ²⁷¹:

«Шло лето 1942 года. Наша компания из 8 человек тусовалась, как сказали бы сейчас, в будке, сооружённой нами из остатков фюзеляжа сбитого самолёта. Вовка Корчагин говорит: «Есть идея: в амбаре к Вовке Бородулину, который живёт на шоссе напротив пекарни, немцы, прибывшие в Тосно на постой, поставили штук 100 велосипедов и несколько мотоциклов. И эта рота наверняка скоро поедет дальше, воевать с нашими. Мы решили этому помешать. Операция началась. Охраны нет, один замок висит. Отогнули ворота и залезли в амбар. Сначала думали проколоть все шины, но после нескольких резов погнулся ножичек, да и руки дрожали. Тогда решили отвинтить все ниппели, что и сделали».

А когда вылезли наружу, «расстреляли» все эти ниппели по огородам. Потом пошли играть в то место, откуда был виден амбар. Немцы здорово суетились. Неожиданно к нам подошли два солдата и стали обыскивать наши карманы. И вот надо же! один ниппель закатился в какую-то прореху моих карманов. Солдат торжествующе показал его всем, схватил меня за шиворот и потащил в штаб, размещавшийся в нашем доме.

Меня должны были повесить за воровство. Но в доме из офицеров был один, который меня хорошо знал (я приходил топить в доме печку). Он сказал, что сам со мной разберётся. А «разбираться» стал так: схватил крепко за ухо и начал стегать чем-то тяжёлым. Я вырвался и вскочил на печку. Было высоко, офицер дотянуться до меня не мог, тогда он стал кидать туда поленья. Ну а там, к счастью, была подушка, которой я и защищался. Экзекуция кончилась вместе с поленьями. Но немцы двое суток так и не могли уехать».

Оккупанты требовали от побеждённых абсолютной покорности. Выживание в тех условиях заставляло человека вести себя как можно незаметней – ради спасения он не должен был ничем выделяться на общем фоне. Но именно это же и вело его к обезличиванию, потере себя, а значит – к превращению в послушного раба. Можно ли было что-то противопоставить этому? Казалось бы жернова, в которые попадал каждый, кто находился в оккупированной зоне, не оставляли шанса никому. «Новый порядок» был организован таким образом, чтобы люди лишились всякой надежды на изменение своего состояния. А лишённые надежды, они переставали сопротивляться и превращались либо в «добровольно умирающих», либо в покорных невольников. Вот почему единственным средством спасения в той ситуации являлась уста-

93. Немецкие солдаты на велосипедах

новка: не терять надежду. Именно на принципиальную важность данного момента указывают многие респонденты.

Блинова Евдокия Ивановна, с. Никольское ¹⁸⁸:

«Какое в лагере житьё? Как выживали при такой кормёжке – не знаю. Своими мыслями, надеждой, верно, подкармливались».

Григорьев П. Ф., 1929 г. р., дер. Васькины Нивы ²²⁵:

«Заявление немцев о том, что Ленинград будет взят, и что остались считанные дни до его падения, никем не принимались на веру, несмотря на то, что жизнь в оккупации была нелёгкой».

Петров Е. Г., врач Саблинской больницы для гражданского населения в 1941–1944 гг. ²²⁰:

«8 ноября 1943 г.

Сейчас, выйдя на улицу, я вдруг услышал человеческий голос со стороны Ленинграда, оттуда, где проходит линия фронта. Слов нельзя было разобрать, но, по-видимому, это говорят русские. Как хочется сейчас хоть 10 минут послушать радио с той стороны или прочесть советскую газету!»

Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно ¹¹⁸:

«Оккупация – тёмная ночь, вычеркнутые годы жизни. Нам помогала выживать только надежда.

– Не было ли у вас ощущения, что немцы пришли навсегда?

– Нет! Нет! Никогда. Родители гадали и ходили к гадалке. А та им: «Красный петух победит! Это обязательно». Каждый жил такой надеждой. Все верили. Это я знаю по своим родственникам. Верили, что победа будет наша. А ведь бои были какие страшные – Синявино, Поповка! Молотили, молотили... а мы всё надеялись, что вот-вот наши придут. Нет, не пришли...»

Какие внутренние резервы удерживали в людях уверенность в победе? А ведь именно благодаря этому, планы нацистов относительно их «онемечивания» рушились.

Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно ²⁶:

«Прошло 70 лет, и все эти годы, вспоминая войну, я буквально ощущаю то чувство ожидания, какое было у всех, попавших под вражескую оккупацию честных людей».

Громова (Мишихина) Евдокия Максимовна, 1929 г. р., г. Шлиссельбург ¹⁹⁶:

«Да, то был особый способ выживания – ждать своих. Наверное, благодаря ему и выжили».

Партизаны как боевая сила

Практически с первых дней оккупации на территории Ленинградской области начало разворачиваться партизанское движение. Но лишь очень небольшое число боевых групп возникло стихийно. В основном главную роль в организации вооружённого отпора врагу на захваченных территориях взяли на себя органы государственной власти и Коммунистическая партия. Уже на второй день войны (24 июня) вышло постановление Совнаркома «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Этот документ стал основой создания так называемых «истребительных батальонов НКВД». Их задача состояла в том, чтобы брать под свою охрану и наблюдение наиболее важные промышленные предприятия, транспортные узлы, мосты и другие объекты инфраструктуры. Каждым райкомом было сформировано не менее 1-2 истребительных батальона. Соответственно, в Ленинградской области их число составило порядка 100-130 ²⁷².

Однако по мере продвижения немецких войск вглубь страны задачи этих подразделений менялись. Сначала на первый план выступила необходимость оказания помощи обороняющимся частям Красной армии, затем – развёртывание в немецком тылу диверсионной деятельности, то есть переход к партизанской войне.

В июле 1941 года в Тосненском районе были созданы два истребительных батальона: Лисинский истребительный батальон и истребительный батальон № 93. Они полностью состояли из коммунистов и комсомольцев, не призванных в ряды РККА.

В Лисинский батальон входили: Н. А. Богданов, М. Гусев, Мурашов, Мина, Матвеев, Рожков и комсомольцы Кривошей, В. Горшенин, Н. Сергеев, Ю. Ефимов и девушка Валя Никкарь. (После захвата Лисина немцами батальон стал партизанским. Лисинские партизаны попали в отряд бывшего работника НКВД Н. С. Данилова, дислоцировавшегося в Большом Лисине. Вскоре отряд Данилова перебрался лесами в Радофинниково на соединение с другими отрядами под объединённым командованием С. А. Крючина). ²⁷³

Истребительный батальон № 93 состоял из нескольких рот. Известно, что в одну входили тосненцы, в другую – любанцы.

«Ленинское знамя» 13 июля 1941 г. (№ 163): А. Попов «Бойцы истребительного батальона»:

«Ученик 8-го класса Тосненской средней школы Леонид Дмитриев, как только узнал

о формировании истребительного батальона, вступил в него первым. Его старший брат Борис Дмитриев, тоже горя желанием с оружием в руках защищать свою родину (так в тексте. – Авт.). Он также вступил в истребительный батальон, чтобы уничтожить кровавых фашистских варваров. Оба брата образцово выполняют обязанности бойцов истребительного батальона, хорошо выполняют все поручения, не имеют ни одного замечания».

Покровская Клавдия Даниловна, г. Любань: 274

«В июле Тосненский райком партии организовал 2-ю роту истребительного батальона. В состав 2-й роты входили все работники Любанской милиции, мужчины непризывного возраста и мужчины, освобождённые от призыва в армию по болезни (списки личного состава 2-й роты 93-го истребительного батальона находятся в архиве института истории партии в Смольном). Во 2-ю роту 93-го истребительного батальона входило специальное санитарное отделение. Я была его командиром. В отделение входило 4-5 девушек-санитарок. Направлена я была в отряд из Любанской городской больницы, где я работала медсестрой. Командиром истребительного батальона был Григорьев Александр Дмитриевич – директор Любанской железнодорожной школы. Командиром взвода – Лешков Фёдор. Оба они в прошлом были участниками гражданской войны. Задачей отряда было наблюдение за воздухом и возможным появлением и высадкой немцами десанта с принятием должных мер по его ликвидации. В состав воинских частей Красной армии отряд не входил. Вооружён он был очень плохо – в основном учебными винтовками и учебным пулемётом. В боях с немцами отряд не участвовал».

А вот другая рота истребительного батальона № 93, дислоцировавшаяся в Поповке, приняла первое боевое крещение, когда в небе между Ульяновкой и Поповкой ею был подбит немецкий самолёт. При прочёсывании леса фашистские лётчики были обнаружены и взяты в плен.

Тартаковский Д., 1930 г. р., пос. Красный Бор (Поповка): 275

«Для борьбы со шпионами и диверсантами в Поповке был сформирован истребительный отряд. Он разместился в доме промкомбината на противоположной от нас стороне улицы. До войны там изготавливали детские игрушки. Директора комбината Семёна Филипповича Нагулина (мужа моей двоюродной сестры) назначили политруком отряда. На пригорке по соседству с нашей школой «истребители» вырыли окоп и соорудили зенитный пулемёт собственной конструкции: на бруствере окопа вкопан высокий столб, на торце которого горизонтально укреплено вращающееся тележное колесо. На колесе стоят два спаренных пулемёта «Максим» без щитов. Пулемёты могут ещё качаться в вертикальном направлении, чтобы стрелять вверх под углом.

Вскоре истребительный отряд понёс потери. Наверное, в середине или конце июля немецкий самолёт ночью бомбил станционные пути. Немец летел очень низко, была сильная стрельба, и вроде бы самолёт подбили бойцы истребительного отряда из своей самоделки. Днём Семён Филиппович подтвердил, что самолёт действительно подбили бойцы его отряда, и упал он где-то далеко в лесу. Их отряд отправился на поиски. Самолёт нашли. Немецкие лётчики оказались живы, отстреливались, убили одного из наших. Помню похороны этого бойца, устроенные ещё по довоенным меркам. У школы, где стоял гроб с телом убитого, собралось множество людей, и похо-

94. Мемориал в дер. Коркино. 2016 г.

ронная процессия двинулась по дороге к кладбищу. Впереди духовой оркестр, за ним повозка с гробом, накрытым красным полотнищем, за ней истребительный отряд в полном составе с оружием, а далее ещё жители посёлка».

Затем истребительный отряд № 93 (1-я его рота) 18 августа был переброшен в район деревни Апраксин Бор для оказания сопротивления первым прорывающимся частям немецких войск, двигавшихся в сторону Любани.

«18 августа по тревоге наш батальон на трёх грузовиках выехал за Любань к дер. Апраксин Бор, где были немцы. Пробираясь к деревне по лесу, мы встретили 15 военнослужащих. Это были танкисты, участники боёв под Ленинградом и Новгородом. Они подтвердили данные нашей разведки: в деревне немцы. Вместе с танкистами решили ночью выбить врагов из деревни, по нашим данным их было меньше, чем нас» (Лифанов П. М.)²⁷⁶.

Состоялся бой. Враг оказал сильное сопротивление. 20 августа батальон вынужден был переместиться к деревне Коркино, где сдерживал немецкие части до прихода подкрепления.

«Нам было приказано на два дня задержать продвижение фашистов в районе деревни Коркино. Наш отряд подошёл к Коркино со стороны реки Тигоды. Памятный это был бой, неравный: против двух-трёх десятков наших сотни гитлеровцев. Врач А. А. Конюкова вместе с девушками Валей Корниловой, Лидой Дементьевой, Женей Масловой, Марусей Токаревой и другими еле успевали перевязывать бойцов. Многие тогда были ранены. Но приказ мы выполнили – лишь к концу второго дня отступили к Авати» (Наумов В. В.)²⁷⁷

95. Мемориальная доска в Коркино. 2016 г.

22 августа 93-й истребительный батальон передислоцировался в Любань, где был реформирован и получил статус партизанского отряда.

Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань: ⁸¹

«Помню у нас учитель физкультуры Ревинский Андрей Васильевич, война началась, весь 10-й класс ушёл в партизаны, а он был командиром отряда. И они далеко от Любани не уходили, они рядом что-то делали. Сильно немцам мешали, и те никак не могли их поймать – они же все были местные! Потом их кто-то выдал. Командира повесили».

Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань: ²⁹

«Был такой Фёдор Лешков. Он был командиром партизанского отряда. Он в нашем районе очень активно действовал. Они и на штабы немецкие налетали, гранатами их забрасывали».

Из отчёта о деятельности Любанского партизанского отряда:

«Любанский партизанский отряд организовался из рабочих и служащих г. Любань, состоявших до этого в истребительном батальоне. Свою боевую деятельность он начал 20 августа под деревней Апраксин Бор, где совместно с 1-й ротой истребительного батальона и остатками 22-й танковой дивизии пытался выбить противника» ²⁷⁸.

Из отчёта командира отряда Е.Ф. Иванина:

«Отряд приступил к боевой деятельности с 20-го августа. Будучи в составе истребительного батальона № 93, принял участие в сдерживании сил противника под Апраксиным Бором, участвовал в бою под Коркино» (там же).

Одновременно с созданием истребительных батальонов НКВД на территории Ленинградской области началось формирование и, собственно, партизанских боевых частей. Официально этот процесс был запущен 25 июля 1941 года, когда на заседании областного и городского комитетов ВКП(б) было принято специальное постановление «О формировании партизанских отрядов». В Ленинграде предстояло сформировать 230 таких отрядов, в области – 70. Определяющей в данном случае стала директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, обращённая к партийным и советским организациям прифронтовых областей, предписывавшая принятие мер по развёртыванию сопротивления в тылу врага:

«В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»²⁷⁹.

Первоначально у руководителей Ленинграда и Ленинградской области не было чёткого представления о численности и структуре партизанских формирований. Было принято решение о создании сразу нескольких видов партизанских частей: местных партизанских отрядов (численностью 30-50 человек), разведывательно-диверсионных групп 20-30 человек), партизанских батальонов (200-250 человек) и партизанских полков (800-1200 человек). Выяснить же оптимальную численность предстояло в ходе боевой практики.²⁸⁰

В районах, находившихся под угрозой оккупации, планировалось организовать подпольные ячейки, заранее переводя часть коммунистов и комсомольцев на нелегальное положение. Эту работу взяли на себя органы НКВД. (В Тосненском районе было создано 9 ячеек, объединявших 22 коммуниста, 3 комсомольцев и 4 беспартийных).

Кроме того они же приступили и к формированию специальных разведывательно-диверсионных групп (численностью 2-15 человек), которые должны были совершать рейды по тылам противника. Можно назвать несколько таких групп, осуществлявших свою деятельность на территории Тосненского района:

1) 21 января 1942 года – группа «тосненцы» в составе 5 человек была заброшена в район станции Шапки;

2) 13 февраля 1942 года – группа А. Головенко. Район действия: деревни Ерзуново-Белоголово;

3) 20-28 февраля 1942 года – группа Лангина. Район действия: Шапки-Сиголово;

4) 28 сентября – 28 октября 1942 года – группа А. Д. Иванова. Вела разведку и контроль за коммуникациями противника в районе Тосно-Мга-Шапки-Любань²⁸¹.

Помимо диверсионно-разведывательных групп НКВД в прифронтовой зоне активно действовали также отряды армейской разведки штаба Ленфронта.

*Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно*¹¹⁸:

«У меня брат служил на Ленфронте. Он был в Колпино, так вот, он всё знал, что у нас делается. Он говорил потом, что их ребята (разведчики) приходили в Тосно и затем докладывали, что здесь происходит».

В одной из таких разведгрупп (разведгруппа лейтенанта В. Д. Лебедева) работа-

ла радисткой 18-тилетня ленинградская девушка Валентина Чеботарёва. Группа добывала чрезвычайно важные сведения о перемещениях немецких войск в Тосно, Ушаках, Рябово и Любани. И почти каждый день Чеботарёва выходила в эфир. Но в декабре 1941 года её и члена разведгруппы «Деда Васю» схватили гитлеровцы. Их подвергли жестоким пыткам, однако они упорно молчали. Во время истязаний один из офицеров СС, угрожавший им пистолетом, неосмотрительно оставил его на столе. Этим и воспользовалась Валя Чеботарёва. Завладев пистолетом, она в упор расстреляла двух эсэсовских офицеров.

В донесении шефа полиции безопасности и СД на имя Гимmlера указывалось, что 1 января 1942 года сотрудниками команды СД-2 в Тосно были казнены Валентина Устиновна Чеботарёва и лесник Дед Вася [ЦАМО: Ф. 217, Оп. 17367, Д. 10, Л. 173]. Обычно Гимmlеру предоставлялась обобщённые сведения об уничтожении десятков и сотен тысяч людей. И только в исключительных случаях докладывалось об отдельных жертвах.

Судя по всему, это и был тот самый «особый случай», когда высшему руководству СС сообщалось о ходе расследования смерти двух офицеров и об уничтожении двух советских разведчиков ²⁸².

Кондаков Леонид Николаевич, 1925 г. р., пос. Тосно ⁴⁵:

«Напротив нашего дома поставили виселицу. Повесили дедушку и мужчину. Этот дедушка был лесник. К нему прислали девушку, она оказалась диверсанткой. Он её приютил, она там жила и передавала информацию. Потом её обнаружили и поймали. Привели в гестапо, стали допрашивать. А когда перед ней положили пистолет, угрожали ей, она схватила этот пистолет и двоих кокнула. Её расстреляли».

И всё-таки «ядро» будущего партизанского движения составляли не эти боевые группы, а партизанские отряды иного типа. В самом общем виде их можно было бы классифицировать как городские (рейдовые) партизанские отряды и местные партизанские отряды.

Местные партизанские отряды состояли исключительно из коммунистов и комсомольцев. Руководили ими партийные или советские работники в лице секретарей райкомов и горкомов ВКП(б), заведующих отделами, инструкторов, председателей и работников исполкомов районных Советов депутатов.

28 июля 1941 года в Тосно были сформированы два первых партизанских отряда.

Вот выдержка из протокола заседания комиссии от 28 июля 1941 года:

«В партизанский отряд № 1 зачислены: командир отряда Попков Алексей Николаевич – 1914 г. р., член ВКП(б), работает председателем райсовета Осоавиахима, зам. командира отряда – Лукьянов Василий Алексеевич – 1896 г. р., член ВКП(б), работает директором Заготзерно, политрук – Бобылев Сергей Филиппович – 1907 г. р., член ВКП(б), работающий председателем артели «Труд».

96. Валентина Устиновна Чеботарева

97. В этом здании формировались тосненские партизанские отряды. 2016 г.

В партизанский отряд № 2 [зачислены] – командир Гладышев Григорий Фёдорович – 1900 г. р., работает зав. сектором учёта Тосненского РК ВКП(б); зам. командира – Афанасьев Василий Яковлевич – 1904 г. р., член ВКП(б), заврайфото Тосненского райсовета; политрук – Климов Михаил Васильевич – 1900 г. р., член ВКП(б), работает секретарём Тосненского райсовета»²⁸³.

(Впоследствии часть отряда Попкова влилась в Красную армию, а отряд Гладышева присоединился к другим партизанским соединениям).

Затем было создано ещё 8 местных партизанских отрядов. Их возглавили: 1) первый секретарь Тосненского райкома С. А. Крючин; 2) работник райкома Л. П. Бороусов; 3) управляющий Дубовицким леспрохозом М. Е. Евстафьев; 4) директор школы А. Д. Григорьев; 5) А. Н. Доронин; 6) С. Ф. Нагулин; 7) Е. Ф. Иванин; 8) начальник уголовного розыска Тосненского района Н. С. Данилов²⁸⁴. (В эти отряды влились и созданные до этого истребительные батальоны).

С целью концентрации сил и оперативного руководства действиями партизан 29 октября 1941 года все тосненские отряды объединились в один сводный отряд под руководством Сергея Андреевича Крючина (комиссар отряда Алексей Михайлович Ельчанинов). Отряд базировался в районе дер. Радофинниково («Глубочинская дача»).

Первым партизанам приходилось нелегко. Оружие для них доставали в местных организациях Осоавиахима (*Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – Авт.*), в отрядах военизированной охраны, у воинских частей и у населения. Они были плохо экипированы, продуктов питания также было недостаточно: в лесах района было заложено 5 баз с продовольствием, но часть из

них была разворована, что пагубно сказалось в дальнейшем на жизнеобеспечении партизанских отрядов. «Осенью 1941 – зимой 1942 года, на первом периоде своего становления, партизанское движение переживало глубокий кризис. Не было связи с другими отрядами, снаряжения, но самое главное – не было оружия и должного руководства, оперативного управления партизанским движением. Не было контрразведывательного прикрытия, из-за чего часто гибли наши люди. На пленуме обкома в 1944 году начальник Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД) М. Н. Никитин сказал о том, что первым партизанам, напрямую не связанным с Ленинградом, "пришлось есть почки с деревьев"» (Фрейдзон М. М.).²⁸⁵

О боевой деятельности тосненских партизан известно немного, так как весь их архив погиб. Тем не менее, по сохранившимся сведениям можно судить, что эта работа была достаточно эффективной:

«Особенно успешно вели боевые действия партизаны Тосненского, Маловишерского и Большевишерского районов. Тосненские партизанские отряды под командованием М. Е. Евстафьева и Л. П. Бороусова, узнав, что в дер. Тигода находятся пленные красноармейцы, которых гитлеровцы под конвоем водят на работы, уничтожили конвой и освободили из плена 45 советских воинов. На другой день эти отряды совершили налёт на важный узел связи врага в пос. Огорелье, связывавший Оредеж с Любанью и Новгородом [ЛПА: Ф. 116, Оп. 1, Д. 399, Л. 50] (ЛПА – Партийный архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС).

С августа по декабрь 1941 г. Между реками Тигодой и Тосной активно действовал отряд под руководством А. Д. Григорьева. Партизаны уничтожили 6 автомашин, взорвали склад с артиллерийскими снарядами, неоднократно нарушали линии связи врага [ЛПА: Ф. 116, Оп. 11, Д.1, Л. 18].

Партизанский отряд под командованием Н. С. Данилова активно действовал в прифронтовой полосе с 28 августа до половины декабря 1941 года. В отряде было 26 человек, из них 4 коммуниста и 22 комсомольца [ЛПА: Ф. 116, Оп. 11, Д. 1, Л. 15].

К началу декабря 1941 г. В Тосненском районе продолжали действовать отряды под руководством Бороусова, Григорьева, Черенкова и Крючина, которые вели активную борьбу с немецкими захватчиками до января 1942 г., до тех пор, пока все населённые пункты не оказались в руках противника [ЛПА: Ф. 116, Оп. 1, Д. 399, Л. 31]»²⁸⁶.

*Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно*¹¹⁸:

«О партизанских отрядах открыто

98. Мемориальная доска на здании бывшего райисполкома. 2016 г.

99. Слева направо: А. Н. Попков – командир партизанского отряда № 155; М. Е. Евстафьев – командир тосненских партизанских отрядов с августа по октябрь 1941 г.; А. Д. Григорьев – командир одного из партизанских отрядов

мы не говорили, но потихоньку все шептались, потому что к моей тётушке, которая жила на Балашовке, иногда приходили люди из леса – мужчины. Там, где сейчас банк, там было гестапо. Там расстреливали. Знаю, что моей двоюродной сестры крёстную расстреляли. Говорят, за связь с партизанами. И мужа её расстреляли. Партизаны в Тосно потихоньку приходили, и у них были свои явки, но мы этого не знали. К кому положено, к тому и приходили. К себе домой, к отцу, к матери они прийти не могли».

Чугунова Вера Ивановна, 1930 г. р., дер Еглизи ¹⁷⁴:

«У нас, в районе Лисино, партизаны были. Им местные помогали. В лесу участок лесника «Аренда» назывался. Туда приходили колпинские партизаны (так они себя называли). В Колпино они не вернулись – погибли. Мой дядя был лесником, поэтому знал».

Лазуткина Вера Александровна, дер. Тугода ²⁸⁷:

«Наша деревня была нейтральной. Наш дом стал пристанищем для партизан. В это время уже был партизанский отряд Кимова М. В. из райисполкома и отряд из Радофинниково Евстафьева Михаила Евграфовича. Однажды Михаил Евграфович пришёл к нам в дом. Его сопровождал молодой человек по имени Коля. До этого им пришлось долго лежать в укрытии под Ручьями. В укрытии они выжидали проезда по дороге немецкого генерала. В этой операции Михаил Евграфович

100. Мемориальная доска на здании бывшего райисполкома. 2016 г.

убил генерала, забрал документы и оружие. За содействие в поимке и выдаче партизана немцы назначили цену в 25 рублей. Но никто его не выдал».

Тосненские партизаны тесно сотрудничали с подпольем.

Максимова Мария Анисимовна, 1900 г. р., г. Любань ¹⁶⁴:

«В начальный период немецкой оккупации в Любани существовало подполье. Организаторами подполья были Бабкин и Матвеев Александр. В это подполье входил и мой брат – Соловьёв Дмитрий Анисимович. Когда местность уже была оккупирована, он скрытно, по лесным дорогам пришёл в Любань и стал членом группы подполья – он пешком пришёл из Ленинграда. Члены подполья были в основном работники железной дороги.

О том, что мой брат связан с подпольем, я не знала до последнего дня. А узнала только тогда, когда ему была вручена повестка прибыть в Чудово в определённый день. И тогда перед отъездом в Чудово брат об этом меня уведомил. В Чудово по немецким повесткам были призваны многие любанцы. О поводе вызова стало известно уже на месте – там требовалось всем призванным принять присягу на верность Великой Германии. Для дальнейшей службы в создаваемой власовской армии (*Русская освободительная армия генерала Власова. – Авт.*).

Мой брат от принятия присяги отказался. В одну из ночей в Любани произошли аресты. В эту ночь было арестовано 130 человек, в том числе и мой брат. Арестованные были доставлены в Чудово. На второй день я пыталась узнать о причине ареста брата у жены старосты Чернышёвой, которая жила рядом с нами. Она ответила, что забрали за дело. Из всей партии арестованных одного отпустили. Это был Климин Алексей Павлович. Он рассказал, что видел моего брата в Чудово. Его везли на тележке полумёртвого и раздетого. По предположению всех выдал немцам близкий товарищ руководителя группы Матвеева».

Настоящей героиней подполья стала любанская девушка Анна Федотова. Она активно помогала нашим военнопленным, а получив возможность работать на немецком артиллерийском складе, с помощью подруги Анны Чугаевой организовала диверсионную группу. На фронт подо Мгу и Синявино пошли машины с боеприпасами, непригодными к использованию. Контрразведка напала на след группы. Подруги были арестованы. После нескольких дней жестоких пыток Анна Федотова погибла, но так никого и не выдала своим мучителям.

Известен подвиг и комсомолки Жени Масловой. Сначала она была сандружинницей истребитель-

101. С. А. Крючин – командир сводного партизанского отряда

102. А. М. Ельчанинов – комиссар сводного партизанского отряда

ного батальона, затем – членом партизанского отряда Л. П. Бороусова. Девушка бесстрашно ходила в разведку, рассказывала колхозникам деревень Червино и Червинская Лука о текущем положении на фронте, распространяла листовки и срывала немецкие плакаты, участвовала в партизанских рейдах и засадах. Однажды, идя в разведку, она была схвачена фашистами. Её долго пытали, требовали выдать местоположение партизанского отряда. Ничего не добившись, её публично казнили.

103. У партизанского костра

104. Под Каменкой

105. Партизаны собираются в боевую разведку

Таким образом, ведение подпольной и партизанской борьбы было сопряжено с очень большими трудностями и риском: район был прифронтовым и охранялся с особой тщательностью.

С наступлением холодов положение тосненских партизан резко ухудшилось. Население в округе было обобрано немцами. Деревни и посёлки находились под контролем оккупационных властей. С осени здесь во всю действовали каратели.

Егоров Н., 1929 г. р., дер. Сустье-Конец ⁸⁷:

«Однажды о Поваренного ручья партизаны подорвали немецкую автомашину, были убитые и раненые. Нагрянул в деревню карательный отряд, всё население согнали в часовню. У дома Александра Егорова соорудили виселицу, затем всех повели в сторону Любани. Там двоих червинских мужиков расстреляли, остальным дали по 50 розог, затем отпустили».

Жители были запуганы и не решались оказывать партизанам помощь. А те в прямом смысле замерзали (не было подходящей обуви и одежды) и голодали (кончилось продовольствие). Некоторые умирали от истощения и обморожений.

По распоряжению Центра в ноябре началась отправка больных и ослабших партизан на Большую землю. Переход должен был проходить без заходов в населённые пункты, чтобы враг не мог узнать о

продвижении. Продуктов было мало, у многих была потрёпанная кожаная обувь да самодельные войлочные сапоги, которые быстро разваливались. Зима же стояла снежная и холодная.

10 ноября с Глубочинской дачи, где размещался штаб руководства партизанским движением, вышел отряд из 25 человек. Уже в первый день стало ясно, в каком тяжёлом состоянии находятся участники похода. Многие были сильно простужены, часто кашляли. Шею и рот завязывали платками и шарфами, чтобы предохраниться от морозного воздуха и заглушить звуки – кругом находился враг. На рассвете подошли к деревне Турово. Нашли у леса одинокий пустой сарай и остановились в нём на отдых до вечера. Разложить костёр было нельзя, приходилось согреваться собственным дыханием. К вечеру выяснилось, что двое – Виктор Горшенин и Женя Сытый идти не могут – они обморозили ноги. Медикаментов в отряде не было, а требовалось длительное лечение. У Горшенина в Турово жила родственница, к которой и было решено поместить ребят. Женю поместили в тёплой бане, Виктора – в доме. Однако на другой день Женя, не сказав никому о своём решении, на распухших ногах один ушёл из деревни. Через несколько дней, не желая подвергать опасности местных жителей, из Турово ушёл и Виктор. Когда он находился на полпути к Авати, его схватили каратели. Юношу привезли обратно в Турово, долго пытали. Ничего не добившись, его расстреляли. Комсомолец, партизан, разведчик, Виктор Горшенин погиб 17 ноября 1941 года. Судьба другого отважного партизана Жени Сытого так и осталась неизвестной ²⁸⁸.

109. Памятник Виктору Алексеичу Горшенину на его могиле в дер. Турово. Открыт в 1971 г. Фото 2016 г.

Вести эффективную боевую работу в таких условиях было невозможно. В связи с этим часть отрядов была выведена в Ленинград, часть – в более глубокие тылы

106. Евгения Яковлевна Маслова

противника для соединения с другими партизанскими частями.

К январю в Тосненском районе остался только один отряд Крючина в составе 30 человек. Место его дислокации – «Глубочинская дача» (14 км от Радофинниково). 12 февраля 1942 года отряд Крючина попытался выйти в советский тыл, но при переходе линии фронта у мгинской деревни Лодва он был почти полностью уничтожен. Погиб командир отряда С. А. Крючин и комиссар А. М. Ельчанинов.

И всё же, несмотря на тяжелейшие условия борьбы, тосненские партизаны нанесли гитлеровцам серьёзный урон: истребили около 300 немецких солдат и офицеров, сбили 3 самолёта, подорвали 20 грузовиков и 1 легковую машину, уничтожили 10 мостов, много раз нарушали работу линий связи и разрушали полотно железной

дороги. Было выведено из окружения 3500 советских бойцов ²⁸⁹.

Городские партизанские отряды представляли собой рейдовые отряды, которые формировались в Ленинграде из студенческой молодёжи, а также преподавателей ВУЗов и рабочих ленинградских заводов. Такие же отряды создавались и в незанятых врагом районах Ленинградской области. Они состояли в основном из рабочих промышленных предприятий. Эти отряды не имели собственных баз, и места их дислокации постоянно менялись.

107. Могила Жени Масловой на гражданском кладбище в дер. Апраксин Бор. 2016 г.

Первым 29 июня 1941 года за линию фронта ушёл партизанский отряд Ленинградского института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. Затем в тыл врага ушли студенты и преподаватели Горного института, Ленинградского университета и Академии художеств, отряды речников и железнодорожников.

Трофимова Ксения Алексеевна, 1915 г. р., дер. Большое Еглино ¹²:

«Стали в нашу глухую деревушку заглядывать немцы. Первыми пришли каратели – сытые, мордастые, в зелёных с разводами плащах и накидках. Громко топали, заглядывали в подвал, штыками протыкали сено во дворе. В соседней деревне застали врасплох партизан – студентов института им. Лесгафта. Несколько человек погибло. Остальные скрылись в лесу. Раненую девушку Марусю женщины спрятали в тёплой бане. Около неё всю ночь напролёт, пытаюсь чем-то помочь, просидел паренёк. К утру Маруся умерла, а паренёк ушёл в лес. Погибших ребят крестьяне схоронили на кладбище...».

Известно, что в районе Тосно-Шапки-Мга осенью 1941 года действовал отряд Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина (командир отряда С. Перельман). В районе Лезье-Шапки-Турышкино в это же время находился один из пяти отрядов, созданных в Тихвине. Это была группа из 18 активистов Киришского района под командованием Севостьянова ²⁹⁰.

Несколько таких же отрядов было отправлено из Волхова. Это – отряд № 157, насчитывавший 33 человека (командир А. В. Чернышёв). Отряд действовал осенью 1941 года в районе посёлка Шапки, деревни Новинка и др. В районе Любани осенью того же года находился отряд волховских алюминщиков № 158 (31 человек, командир Г. В. Иноземцев). Третий партизанский отряд из Волхова – № 170 под командой М. М. Вовка – был сформирован в августе 1941 года. Состоял он из 32 человек и вёл разведку в районе Шапки-Любань-Сологубовка, а также совершал диверсии и разрушал мосты ²⁹¹.

Наиболее известным по своей деятельности в Тосненском районе стал «городской» отряд № 70, В. И. Дорофеева, состоявший из 37 бойцов – студентов Ленинградского государственного университета. Этот отряд совершил три рейда по тылам врага в Тосненском районе.

1-й рейд начался 28 сентября 1941 года. Отряд не строил биваков, а всё время находился на марше. 15 октября им было организовано крушение поезда, двигавшегося из Любани в Тосно (на перегоне Рябово-Георгиевская). Под откос ушли 2 платформы с танками, 2 – с артиллерией и 26 вагонов боеприпасов. Но после этого отряд стали преследовать каратели, и он вынужден был вернуться в Ленинград.

2-й рейд начался 13 декабря, когда отряд Дорофеева в составе 19 человек перешёл линию фронта в районе Тосно-Шапки. Им была нарушена связь (2 кабеля) на дороге Шапки-Берёзовка, взорван мост через ручей на железной дороге Тосно-Шапки, произведено крушение поезда между станциями Тосно-Ушаки (10 платформ с артиллерией и вагоны с обслугой), сожжён немецкий госпиталь в бывшем доме отдыха «Озёрное» (дер. Пендиково). 26 декабря отряд в составе 12 бойцов вышел в тыл советских войск.

В январе 1942 года из Нази в тыл противника должны были отправиться 14 рейдовых партизанских отрядов. Все они формировались в Ленинграде. Среди них был и отряд Виктора Дорофеева. Ему предстояло прибыть в район Новолисино,

110. Партизанский батальон №70 В. И. Дорофеева

чтобы здесь вести боевые операции (3-й рейд). Но во время перехода линии фронта партизаны были обстреляны противником. Виктор Дорофеев получил в этом бою смертельное ранение.

На следующий день в посёлке Назия собрались командиры всех отрядов и приняли решение объединить свои боевые группы в один партизанский батальон № 230 под командованием капитана Е. Ф. Туваловича. В батальон вошёл и бывший партизанский отряд самого Туваловича (сводный – № 55 и № 56), который до этого, в октябре 1941 года действовал на шоссейной дороге Мга-Шапки-Любань, а также на железной дороге в районе посёлка Ушаки.

111. Виктор Иванович Дорофеев

17 февраля 1942 года батальон Туваловича (186 бойцов), хорошо обмундированный, поголовно вооружённый автоматами, обеспеченный средствами связи и продовольствием вошёл на территорию Тосненского района со стороны деревни Тигода. Батальон действовал в районе Тосно-Любань: взрывал железнодорожное полотно, мосты на Московском шоссе, вырезал линии связи, уничтожал автомашины и живую силу противника. Помимо активных боевых действий батальон оказывал содействие частям Красной армии в ходе Любанской наступательной операции.

Помогая выходить из окружения бойцам 2-й Ударной армии, батальон понёс значительные потери и был фактически разгромлен. В ходе этой операции погиб и

капитан Тувалович ²⁹².

Потери, которые несли партизанские отряды, заставили руководство партизанским движением начать искать новые подходы в вопросах организации борьбы с врагом. В результате стабилизации фронта в 1942 году Ленинградским штабом партизанского движения (ЛШПД) было решено изменить саму тактику действий партизанских формирований. Необходимо было отказаться от проведения рейдов в тыл противника, ввиду сложности перехода линии фронта. Главная ставка теперь делалась на крупные партизанские соединения, постоянно базирующиеся на территории противника. Основной боевой единицей становилась бригада. Она могла вести боевые действия не только в контексте решения ближайших тактических задач, но и для достижения стратегической цели – обеспечения контроля над коммуникациями и объектами в тылу действующей армии противника ²⁹³.

Всего в разное время и в разных районах Ленинградской области ЛШПД было создано 13 партизанских бригад (ЛПБ). Тосненский район являлся зоной действия 11 ЛПБ. Бригада была сформирована 14 марта 1943 года и получила наименование 11-й Волховской. Командиром бригады был назначен А. П. Лучин, затем – Н. А. Бредников, комиссаром – Ф. И. Сазонов.

В конце марта 11-я бригада была перебросена на границу Оредежского и Тосненского районов. Её личный состав имел уже довольно большой боевой опыт. Бригада объединяла 7 отрядов, всего – 427 человек. В партийной организации насчитывалось 83 коммуниста, 67 кандидатов в члены партии и 222 комсомолец.

Для переброски бригады использовались самолёты У-2 и Р-5. Они совершили посадку на озере Чёрном и произвели высадку партизан. Одновременно была организована выгрузка снаряжения, боеприпасов и продовольствия. Это был первый опыт успешного десантирования целой партизанской бригады в тыл врага в непосредственной близости от района боевых действий. Высадка явилась пол-

112. Е. Ф. Тувалович – командир партизанского батальона №230

113. Н. А. Бредников – командир 11-й Волховской партизанской бригады

114. Ф. И. Сазонов –
комиссар 11-й Волховской
партизанской бригады

ной неожиданностью для командования 18-й армии группы армий «Север». Вскоре Ленинградский штаб партизанского движения подчинил бригаде ещё находившиеся в этом районе отдельные партизанские отряды и группы. Теперь в 11-й бригаде насчитывалось 9 отрядов, 528 человек ²⁹⁴.

Удары бригада наносила по 3-м радиусам: на Мшинскую, на Оредеж и на Тосно-Чудово. «Рельсовая война», которую она в основном вела, была тяжёлой и смертельно опасной. Осуществлять боевую деятельность приходилось в узком и болотистом, насквозь простреливаемом створе между двумя стратегически важными для противника Варшавской и Витебской железными дорогами. Тем не менее, бригада со своей задачей справилась. А с 12-го на 13-е февраля 1944 года она участвовала во взятии Луги, соединившись с войсками Волховского фронта. Всего же за 11 месяцев боёв её бойцы пустили под откос 70 эшелонов,

взорвали 7970 рельсов, уничтожили 7070 немецких солдат и офицеров, спасли от угона в немецкое рабство 5535 мирных советских граждан ²⁹⁵.

Партизаны и население

При формировании партизанского движения возникли определённые трудности. Предполагалось, что местные жители станут активно поддерживать партизан, но этого не произошло – слишком уж по-разному они относились ко всему тому, что было связано с партизанской войной. Особенно это касалось первых недель оккупации.

А. Клейн: «В километрах пяти-шести от Кривино мы вышли к трём маленьким шалашам. Между ними, в ямке горел костёр. Вкусно пахло жареным мясом. Возле огня рядом с крестьянами сидели четверо красноармейцев команды службы ВНОС (воздушного наблюдения), располагавшейся до прихода немцев в Кривино. Их не предупредили об отступлении, и они остались во вражеском тылу. Не получая ниоткуда распоряжений, сержант, начальник поста ВНОС, чуть появились враги, спрятался вместе с председателем колхоза и членами правления в лесу. <...> О каких-либо активных действиях против оккупантов партизаны и не помышляли: не трогали бы их – и всё тут, хотя в нескольких километрах отсюда находился в Сенной Керести плохо охраня-

емый немецкий полевой аэродром и, по словам партизан, многие самолёты стояли так близко у кромки леса, что их можно было подорвать ручными гранатами.

Прошло три дня и, когда бабы из села принесли известие об амнистии, мои товарищи, оставив мне немного еды, вернулись в деревню»; «Партизан не встречалось. Жители неопределённо говорили, что, мол, первое время были, пока немцы не объявили, что кто выйдет из лесу, тех простят.

– И простили. Не тронули.

– А кто ж там прятался в лесу? – интересовался я.

– Председатель колхоза, из сельпо, даже коммунист один.

– И не тронули? – удивлялся я.

– Не. Только будто подписку взяли, что ничего супротив не предпримут.

Я только головой качал: не верил»²⁹⁶.

В памяти крестьян ещё слишком свежа была обида на Советскую власть. В своём большинстве они так и не приняли идею коллективизации. А немцы обещали упразднить колхозы и существенно снизить налоги. Вот почему в первое время, проводя сравнительно мягкую линию во взаимоотношениях с местным населением, оккупационные власти добивались определённой лояльности с его стороны.

Но если общий тренд общественных настроений был неблагоприятен для деятельности партизан, то тем значительнее на этом фоне выглядят поступки тех, кто не шёл за основной массой, а продолжал оставаться патриотом своей родины с самого начала оккупации.

*Макарова (Гусева) Нина Георгиевна, 1936 г. р., пос. Тосно*¹⁸⁴.

«А мама, знаете, что делала? – и как её вообще не расстреляли! Она варила чугуны картошки, малюсенький такой. Эту картошку она должна была выносить животным, корова же у нас была. Это было в начале войны. Когда немцы были в доме (они жили в нашем доме), мама выносила картошку как бы животным. А в это время приходили партизаны в хлев, и она эту картошку – партизанам. Они в лесу были. А чего, лес-то рядом! Вот этим партизанам она картошку и носила в хлев. Это она нам потом рассказывала».

*Соловьёва (Миронова) Лидия Степановна, 1938 г. р., с. Никольское*¹⁹⁰.

«Мама, видимо, была связана с партизанами. Чего замечала, всё записывала. А потом свернёт бумажку и бантик мне привяжет с этой бумажкой. Потом отправляет к сапожнику. Сапожник дядя Миша и немцам, и нашим чинил обувь. Приду к нему, а он скажет: «Сходи к тёте Мане, она тебе даст поеть». Я прихожу, а тётя Маня: «Ой, у тебя волосы что-то растрепались, надо перевязать тебе бантик!» А дядя Миша снимает сандалик и говорит: «Ой, да у тебя туфельки уже поизносились, надо починить!» Гвоздик один вобьёт или два. Но о том, что я ходила с секретными записками, мама мне уже после войны рассказала».

*Сычёва (Туганова) Надежда Ивановна, 1927 г. р., пос. Волосово*¹⁷⁰.

«В госпитале, где я работала санитаркой, нашёл меня сын папиного друга. Пришёл и говорит: «Надя, надо, чтобы ты из госпиталя кое-что доставала для раненых партизан». Я сначала, конечно, испугалась: немцы же меня могут расстрелять! А я ещё убирала в операционной и знала, где бинты лежат, вата и йод. И стала я потихоньку вместе с мусором выносить всё это за школу и в овраг скидывать. Немцы видят, что исчезает материал, а поймать никого не могут. Я же иду с корзинкой с мусором, меня не проверяли никогда. Я в овраг высыплю, а оттуда уже партизаны забирали».

Лыскова Анна Алексеевна, 1933 г. р., дер. Коркино ¹⁵⁷:

«Старостой в деревне был назначен дядя Миша. Был ли он связан с партизанами, неизвестно. Но то, что он дружил с обувщиком Анतिकом и Фёдором, знали все. Эти двое регулярно посылали свою собаку в лес с донесениями. Однажды Джека подстрелили и нашли в ошейнике записку. По ней вышли на Антика и дядю Федю. Обоих расстреляли».

В деревне Авати Наумов Николай Александрович остался в деревне в качестве связного партизан (партизанский отряд № 156, командир Г. Ф. Гладышев, комиссар – Климов М. В.). Он сообщал партизанам сведения и снабжал их продуктами.

Одним из отрядов, действовавших на территории Тосненского района и бывшего Мгинского района, был 152-й отряд. Ему помогало местное население. В деревне Залесье Червинолуцкого сельсовета жил Александр Афанасьев, член партии. Между деревнями Коровий Ручей и железной дорогой находился тайник, выполнявший роль почтового ящика. Сюда и носил тов. Афанасьев свои информации. О существовании тайника знал только он и командование отряда.

В деревне Червинская Лука систематически связь с партизанами держали комсомольцы Виктор Андреев, Николай Осипов, Виктор Зеленов, Евдокия Зеленова – мать Виктора и Евдокия Михеева. Женщины выпекали хлеб для партизан, а ребята его доставляли. Их выдал предатель из местных жителей – Василий Иванов. Немцы повесили патриотов, а партизаны рассчитались с предателем – расстреляли во дворе собственного дома ²⁹⁷.

В период оккупации активно помогали партизанам и бойцам Красной армии пионеры Маркс Кротов, Альберт Купша и Николай Рыжов: они выполняли задания по разведке военных объектов врага. 31 декабря 1941 года в ночь на Новый год с помощью фонаря «Летучая мышь» мальчики, сигнализировали советским самолётам о местонахождении вражеского аэродрома. Наши лётчики уничтожили аэродром, а подошед-

115. Хлеб для партизанского отряда

116. Могила жителей Червинской Луки, активно помогавших партизанам. Гражданское кладбище в дер. Апраксин Бор. 2016 г.

шие партизаны разгромили фашистский гарнизон.

Мальчиков выдал провокатор. Их немедленно арестовали и увезли в деревню Костуя, где находился гестаповский штаб. 7 февраля 1942 года Маркс Кротов и Альберт Купша были расстреляны недалеко от деревни Костуя на берегу Белого озера, а Николая Рыжова вместе со старостой деревни Смердыня Ивана Алексеевича Петрова, через которого ребята поддерживали связь с партизанами, гитлеровцы привезли в его родную деревню.

О гибели Н. Рыжова и старосты Смердыни вспоминала мать Маркса Кротова: «... на аркане вели их, как собак. Мальчонка весь синий был. Его в родную избу бросили

117. Альберт Купша

и били. Слышала – кричал: «Бейте, гады, наши придут – отомстят!» С этими словами и на виселицу шёл. Две недели висели трупы на устрашение всем жителям деревни. Дощечка наверху была: "Помощники партизан"»²⁹⁸.

8 октября 1942 года в поселке Рябово казнили семью Владимировых – Василия Михайловича, жену Ирину Ивановну, дочерей Аксидину

118. Макс Кротов

119. Могила юных патриотов на берегу озера Белого, недалеко от дер. Костуя. 2016 г.

и Анастасию и сына Геннадия. Старшему было 53 года, младшему – 14. Эти люди не числились в партизанском отряде, но каждый день, рискуя быть схваченными, они снабжали партизан продовольствием, предоставляли народным мстителям сведения о технике, живой силе врага, доставали необходимые документы.

Арестовали их после предательского доноса. Долго пытали, а потом устроили «показательную казнь». Сельчанам под страхом смертной казни запретили хоронить тела убитых. Удалось это сделать лишь весной следующего, 1943 года.²⁹⁹

Помогали партизанам и жители деревни Гуммоллово. Бывший лесник Бобков Никита Иванович укрывал партизан в своём доме, помогала им также Бобкова Александра Ивановна. А жительница деревни Глубочка Лапсина Евгения Ивановна спасла партизан от карателей: её дом находился на краю деревни. Увидев подходивших немцев (около 700 человек), она сумела предупредить партизан и те успели скрыться³⁰⁰.

В отчёте Дорофеевского отряда об отношении населения к партизанам сообщается, что оно в основном было положительным, однако боязнь преследований и прочих репрессий тормозило активную помощь в вопросах снабжения партизан (главным образом, продуктами питания). Но в то же время в отчёте упоминались жители деревни Макарьевская Пустынь и Пендиково, которые не побоялись поделиться с дорофеевцами продовольствием.

А между тем немцы любыми средствами старались заставить население перестать помогать партизанам.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду народному комиссару внутренних дел СССР о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 7 августа 1941 года:

«Развивающееся партизанское движение не даёт покоя немецким войскам и вынуждает принимать ряд специальных мер.

Насколько серьёзно немцы расценивают партизанское движение, говорит появившееся недавно обращение к населению за подписью командующего войсками. В обращении буквально сказано следующее:

1. Германские военные части нашли рапорт бригадного комиссара Рябтчи (Так в тексте. Возможно, имелся в виду Рябчий) об организации и задачах партизанских отрядов.

2. Каждый, принадлежащий к партизанским отрядам, будет расстрелян.

3. Каждый, оказавший посредственную или непосредственную помощь партизанам, будет расстрелян.

4. Каждый, кто знает, где находятся партизаны и какая их задача и сейчас же не заявит германским властям – будет расстрелян.

5. Каждый, способствующий своим доносом захвату партизан, получит награду деньгами и продовольствием». ³⁰¹

Сычёва (Туганова) Надежда Ивановна, 1927 г. р., пос. Волосово ¹⁷⁰:

«В гестапо, в Волосово, я сидела полгода. Каждый день – допрос, пытки, били. Пытались уличить меня в связях с партизанами. Издевались, как могли, проклятые фашисты!

А в час ночи меня повезли на расстрел, в лес за 8 километров от лагеря. Всю ночь они возили, расстреливали! На краю противотанковых рвов. Они всю тюрьму за одну ночь расстреляли!

120. Могила семьи Владимировых на старом гражданском кладбище в пос. Рябово. 2016 г.

Транспортер пришел, посадили первых туда мужиков, меня посадили, а потом Лидию Ивановну бросили, как мешок. Когда меня привели, там уже стояли люди связанные, а Лидию Ивановну уже сбросили в этот ров, она, наверное, уже была мертвая. На всякий случай в нее стрельнули. А потом за меня взялись. Слава Богу, что меня вторую по очереди расстреливали, я бы, наверное, рехнулась, если бы была последней!

Терехов – власовец – меня просветил, где мне встать, чтоб упасть туда, в яму. А у меня была коса, она ему мешала. Он дулом, когда откинул косу, задел мою шею. А оно же накалено от мороза, щиплет. Я вздрогнула и голову немножко налево дернула. Он выстрелил, и пуля пошла вскользь, попала не в затылок, а пробила щеку, задела челюсть. У меня после рота не открывался шесть месяцев. Конечно, я упала без сознания. Я ничего не помню, что там было дальше. И сколько я там лежала, тоже не помню. А когда уже дело было к концу, вспомнил Терехов, что у меня сапоги, в которых папу расстреляли. Я их подклеила немножко, подошвы уже были протоптаны, а голенища хорошие были. И я в них ходила. А он думал, что они все хорошие. Он раскидал трупы, меня вытащил, бросил сверху. Я была без сознания, ничего не чувствовала. А когда он меня бросил, видать, легкие встряхнул, я вздохнула полной грудью, воздуха хлебнула и ожила. Только не понимала, где нахожусь. Он это заметил и начал моими же сапогами меня добивать, нос в лепешку разбил. И бросил умирать. Я была не похожа сама на себя, когда потом увидела в зеркале, мне было очень страшно: глаз не видно, щеки синие, рот на боку. Это уже, наверное, была Божья воля, что он меня не застрелил! Он взял сапоги и ушел, меня оставил сверху умирать. Сколько времени прошло, сколько я там лежала, я не знаю. Но я была еще жива. Лежу. Руки подёргала – связаны. И вдруг опять машина, новую партию привезли, фары сверкнули. Я замерла, думаю, на морозе, когда кто-то дышит, видно. Дышать боялась. Носом тихонько воздух втягиваю и тихонько выпускаю, чтоб не заметили. Они мимо моего рва прошли, подальше людей ведут и расстреливают. Когда они шли обратно, я услышала, что рано утром машина приедет и зароет рвы. Они уехали, я немножко еще полежала, покрутилась, покрутилась и кое-как встала на колени. И вот тут я познала Бога! Я стала молиться: «Господи, я жива! Спаси меня! Они сейчас приедут, привезут машину и будут зарывать, а я тут живая! Господи, спаси!» И в одно мгновение мои руки развязались! Я даже не верила, что у меня руки развязаны. Но, думаю, чего медлить, они же приедут скоро! И я начала искать, есть живые или нет, стала звать, щупала: все теплые, но нет живых, все лица залиты кровью. Я тогда по трупам тихонько пробралась, зацепилась за корни, за проволоку и вылезла. Огляделась – никого нет, и я быстренько по следам транспортера вышла на дорогу...»

Феоктистова Нина Яковлевна, дер. Костуя ¹²⁷:

«Ну а когда начали действовать партизаны, фашисты совсем взбесились. В деревне повесили объявление, что если кто отойдет на 100 метров от деревни, тот партизан. Так ранили моего 11-летнего брата. Он где-то раздобыл кусок конины и нёс его домой. Тут фашист его и подстрелил».

«В деревне Кирково гитлеровцы установили комендантский час и более месяца населению не разрешали выходить из своих домов. От голода и болезней умерло 67 человек, из них 42 в возрасте до 18 лет» ³⁰².

«Однажды фашисты заподозрили группу жителей Тосно в сотрудничестве с партизанами и стали требовать от них их выдачи. Всех: женщин, стариков, подростков фашисты прикладами автоматов вытолкали в поле и приказали бежать. Как только

люди побежали, поверх их голов раздалась автоматная очередь. От ужаса и страха они бросились наземь, многие заплакали, а фашисты стояли и смеялись. Снова раздалась команда: «бежать!» Люди поднялись и побежали. И снова – автоматная очередь! Так повторялось несколько раз. Грязных, перепуганных людей снова пригнали к комендатуре. Из дверей комендатуры вышел офицер и, обращаясь к населению, сказал, что впредь они будут вешать каждого, кто будет замечен в связи с партизанами...» (Седых В. А.)³⁰³.

*Доронина Галина Михайловна, с. Шапки*³⁰⁴.

«Самые страшные дни моя бабушка, Мария Петровна Забойкина, и её родственники пережили в начале оккупации. По рассказам бабушки, в деревню пришёл отряд и повесил 12 человек, среди них был подросток, совсем ещё мальчик. Он просил немцев его не вешать. Говорил, что его семья ушла в лес от бомбёжки, и что они не были партизанами. Но каратели были неумолимы. Двух человек повесили на берёзах под окнами бабушкиного дома. Их тела провисели три дня. После того, как их сняли, мой дед, Александр Макарович Забойкин, спилил берёзы. Его вызвали в комендатуру к немцам. Как уж ему удалось выкрутиться, сказать трудно. По рассказам бабушки, он объяснил немцам, что берёзы ему пришлось спилить на дрова. Двенадцатым казнили старосельского жителя Ивана Савельева. Его, больного, парализованного человека, бывшего депутата Шапкинского сельсовета, сначала привязали к лошади и волоком протащили по деревне, а затем повесили».

Такая политика запугивания населения, безусловно, давала свои результаты, особенно в первый год оккупации. Согласно отчёту всё того же отряда В. Дорофеева, «встречаются факты крайне отрицательного отношения к партизанам. Например, партизаны одного из местных отрядов, зайдя в колхоз «Красный ландыш» («Красный Латыш»? – Авт.) Тосненского района, были встречены и окружены с целью поимки и передачи немецкому командованию отдельными членами колхоза, буквально с вилами в руках. И только благодаря тому, что отбросались гранатами, ушли живыми из деревни»³⁰⁵.

Есть очень большой соблазн обвинить партизан в том, что именно из-за них против мирного населения фашисты развернули террор. И действительно: если бы партизаны не вели столь беспощадную борьбу с оккупантами, население пострадало бы от действий карателей менее?

Сами немцы на этот счёт высказывались однозначно: геноцид против мирных жителей был развёрнут именно в ответ на действия партизан. Однако факты говорят о другом: ещё до нападения на СССР его граждане были приговорены в своём большинстве к смерти (быстрой или медленной). Третьему рейху нужна была территория, свободная от «неполноценных» людей. Генеральный план «Ост» и директива «О военной подсудности в районе «Барбаросса» узаконивали массовое уничтожение советских людей на захваченных территориях. Так что, говорить о терроре, как об ответной реакции на действие партизан является прямым искажением исторической правды.

Террор начался с того момента, как нога оккупанта ступила на советскую землю. Борьба же с партизанами становилась для гитлеровцев лишь формальным предлогом, оправдывающим их античеловеческие действия против «унтерменшен» как в глазах собственного народа, так и в глазах европейской общественности, на мнение которой нацистскому руководству так или иначе приходилось оглядываться. Подлинная же основа этой циничной лжи была озвучена самим Гитлером: «Эта партизанская война

имеет и свои преимущества: она даёт нам возможность истреблять всех, кто восстаёт против нас»³⁰⁶.

Да, действительно, поначалу крестьяне надеялись отсидеться в своих деревнях. Они были в какой-то степени согласны закрыть глаза на безжалостное отношение немцев к отступающим бойцам Красной армии, советским военнопленным, коммунистам, комсомольцам, советским работникам, евреям и т. д. – лишь бы самим уцелеть. В этом смысле, партизаны, как им казалось, провоцировали немцев к жестокому, «несправедливому» отношению к местным жителям.

Однако зимой 1941-1942 гг. стали намечаться новые тенденции в настроениях населения. Началось повсеместное разочарование немецкой политикой, особенно после проведённых реквизиций продовольствия и предметов первой необходимости. Голод и лишения побудили большинство изменить свою точку зрения на возможность какого-либо взаимодействия с захватчиками.

Кроме того, вдруг оказалось, что немецкая власть не так уж и сильна, если не может справиться с партизанами, которые, пусть и фрагментарно, но осуществляли советское присутствие в немецком тылу. Если в начале войны многие думали, что немцы – это всерьёз и надолго, то успехи советских войск под Москвой, а также продолжающаяся упорная оборона Ленинграда показали, что Красная армия оправилась от неудач, и исход войны теперь далеко не ясен.

Всё это вместе взятое привело к тому, что с осени 1942 года началась всё более активная поддержка партизан населением. Однако подлинно народной партизанская война становится только в 1943 году, когда поборы оккупационных властей поставили местных жителей на грань выживания, а их невероятная жестокость наконец-то стала абсолютно неприемлемой для всех групп населения.

Только после прорыва блокады Ленинграда и Сталинградской битвы партизанское движение, искусственно начатое «городскими» партизанами и местными партийными активистами, получило массовую поддержку народа и превратилось в общенациональное движение за свободу и независимость своей страны.

Партизаны и немцы

Германское военное командование крайне болезненно относилось к неприятелю, продолжавшему воевать в тылу его армий уже после того, как, казалось, его регулярные части были разгромлены. Немцы не могли понять логики подобного поведения. Они допускали возможность единичных актов мести со стороны гражданских лиц, но объединение этих лиц в партизанские группы вызывало у них неподдельное возмущение: «Конечно, поведение немецких оккупантов не заслуживает какой-либо похвалы. Нас не может оставить равнодушными образ простого русского гражданина, который решает в одиночку мстить из чувства гнева за причинённые мучения, рискуя быть повешенным как преступник, так как на нём нет формы и знаков принадлежности к регулярным частям. Но это описание требует

121. Немецкий плакат

дополнения. Мы знаем, что партизаны не стали дожидаться нападений со стороны оккупантов. Они начали взрывать, поджигать, стрелять, убивать из-за угла ещё тогда, когда маршировавшие мимо них немцы вовсе не знали, что их будут использовать в навязанной им роли господ и мстить им за мучения, причинённые в свою очередь партизанами»³⁰⁷.

Каждый раз, когда речь заходит о партизанах, немцы тут же начинают жаловаться на их «необыкновенную жестокость» и фанатизм. Себя же при этом они всегда позиционируют исключительно доверчивыми, простодушными людьми, не готовыми к тому «азиатскому» коварству, с которым им пришлось столкнуться в «варварской» России.

Об этом поголовно пишут в своих воспоминаниях как рядовые солдаты вермахта, так и матёрые эсэсовцы: «Может нас, тех, кто служил в СС, и считают бесчеловечными, но чем мы в этом смысле хуже партизан? Вряд ли у нас есть моральное право упрекать их в том, что они хотели защитить свою страну, но всё равно, наша задача состояла в том, чтобы уничтожить их... Так где же истинная справедливость, если таковая вообще существует?!».³⁰⁸

Безусловно, партизаны в борьбе с оккупантами не слишком стеснялись в средствах. Жестокость всегда порождает жестокость. Фашисты, раздув своей бесчеловечной политикой пламя народного гнева, взялись его тушить с помощью «бензина» – то есть усилением репрессий. Понятно, что результат мог быть только противоположным. Здесь уместно будет привести слова писателя-фронтовика Д. А. Гранина: «Не знаю, кто придумал лозунг «Смерть немецким оккупантам!», но он стал нашим знаменем. Не изгнать оккупантов, а убить. Когда гитлеровская программа уничтожения славян дошла до нас, война перешла на убиение»³⁰⁹ – «...не-

ненависть была нашим подспорьем, а иначе чем было ещё выстоять. Мы не могли позволить себе роскошь разделить немцев на фашистов и просто мобилизованных солдат, шинели у них были одинаковые и автоматы».³¹⁰

Чем грубее становился террор на оккупированных территориях, тем активнее становилась поддержка партизан населением. Постепенно концентрация ненависти вокруг немецких войск стала такой, что солдатам во имя самосохранения стали приказывать убивать любого кажущегося им подозрительным местного жителя. Иными словами, немецкое командование видело решение проблемы в продолжении истребительной политики против советских граждан. Проявляя ещё большую жестокость, оно полагало, что таким образом можно будет добиться либо достижения их полной покорности, либо их тотального уничтожения. И то, и другое его устраивало, ведь партизан тогда в тыловых районах просто некому будет поддерживать.

В основе такого отношения к жителям захваченных регионов лежала изначально убежденность нацистов в том, что они имеют право творить с этими жителями любой произвол, тогда как население оккупированной страны не имеет права сопротивляться. Именно по этой причине все партизаны воспринимались немцами исключительно в качестве «бандитов» – они приравнивались ими к некоему уголовному элементу, лишённому всякого правового статуса. Уместно задаться во-

122. Немецкий плакат

просом: действительно ли действия партизан были правомерны с точки зрения международного права или они действовали преимущественно на свой страх и риск, в соответствии со своими представлениями о справедливости?

Международное объявление агрессии, как внезапного акта, нашло свою первую международно-правовую фиксацию в пакте Бриана-Келлога. В этом соглашении, подписанном в 1939 году 63 государствами, в том числе и Германией, утверждалось, что любая агрессивная война есть грубое нарушение прав народа, а, следовательно, преступное действие. Отсюда следовало, что народ, в отношении которого совершён акт агрессии, имеет право на сопротивление, и

партизанская война является одним из возможных вариантов такой самообороны. Так что сама по себе такая (партизанская) война, с точки зрения международного права, являлась абсолютно законной формой самозащиты народа против грозившего ему порабощения и физического уничтожения.³¹¹

Кроме того, партизаны действовали в точном соответствии с условиями, определёнными Статьёй I к IV Приложению Гаагского соглашения 1907 года о законах и правилах ведения сухопутной войны. В Статье I говорилось, что «военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют нижеследующим требованиям:

1. Имеют во главе лицо, ответственное за своих подчинённых;
2. Имеют определённый и явственно видимый издали отличительный знак;
3. Открыто носят оружие;
4. Соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны».

Партизанские формирования отвечали всем указанным требованиям: они имели своих командиров, их члены открыто носили оружие и имели отличительный знак на головном уборе (красную полосу или звёздочку). Таким образом, эти формирования действительно получали юридический статус, то есть являлись в полной мере субъектами международного права, а не «бандитами», каковыми их считали немцы. По сути, они представляли собой нерегулярные вооружённые силы, которые в любом случае получали статус участников войны.

Международные же законы в данном случае были нарушены не партизанами, а самими немцами, так и не понявшими, что совершая агрессию против чужой страны, они превращались тем самым в международных преступников. А дальше вступали в действие директивы, которые они сами себе же и придумали, чтобы придать видимость законности своим незаконным действиям.

На этом фоне как-то странно звучат сетования немцев на «нечестные» (партизанские) методы ведения войны, как на неэтичные и нецивилизованные: «Я всегда боялся русских, поскольку они всегда казались мне диковатыми. Там, где мы, в силу своей цивилизованности оказывались бессильными, они реагировали точно дикое зверьё»³¹².

А способы борьбы в тылу немецко-фашистских войск были весьма многообразны: нападения на гарнизоны, опорные пункты, штабы; уничтожение всеми способами живой силы противника из засад; взрывы и поджоги складов и промышленных предприятий; захват техники и вооружения; крушение поездов, и подрывы автомашин; разрушение железных дорог, мостов, станций, путевого хозяйства; минирование дорог, устраивание завалов, нарушение проводной связи, нападение на аэродромы, уничтожение горючего. Партизанами собиралась разведывательная информация для Красной армии, уничтожались фуражирные команды, устраивались диверсии в мастерских и на производстве, освобождались мирные жители, угоняемые в Германию. Немцы нигде не чувствовали себя в безопасности: солдат вермахта не покидало чувство, что они всё время находятся во вражеском окружении.

Об этом состоянии красноречиво говорят письма немецких солдат, захваченные партизанами в конце 1943 года (Ленинградская область):

1. *Ефрейтор Эрне Трейнер*: «... Сейчас у нас много забот с этими партизанами. Становится всё хуже. Постоянно происходят взрывы и стрельба. Прошлой ночью

123. Разрушенная дорога на Радофинниково

мы все были на ногах. Наши начали сегодня поджигание деревень, чтобы истребить всех партизан, ибо большей частью это крестьяне. Наши считают здесь, что крайне необходимо принять очень крутые меры, а то они нам лезут на голову. Почту ты, должно быть, получаешь от меня нерегулярно, ибо партизаны во многих местах взрывают рельсы, так что иногда 2-3 дня нет железнодорожного сообщения».

2. *Старший ефрейтор К. Вебер*: «... С почтой теперь плохо клеится, так как железнодорожные пути постоянно взрываются. Партизаны опять крепко взялись за работу. У нас часто происходят тревоги...»

3. *Старший ефрейтор Куберт Код*: «...Вчера партизаны совершили нападение недалеко от нас. Они взорвали поезд с отпускниками, а потом завязался бой. Можешь себе представить, что осталось после этого. Не чувствуешь себя в безопасности даже тогда, когда идёшь в уборную. Нигде не проехать, не пройти. Эти партизаны орудуют совсем близко от нас. Их силы исчисляются тысячами. Можешь себе представить, что получится, если они ворвутся в наш лагерь, где только несколько человек...»

4. *Ефрейтор Мюллер*: «...Мне кажется, что поезда с отпускниками опять взорваны. У нас это стало обычным явлением. С тех пор, как я вернулся из отпуска, на этом участке партизаны стали невыносимыми. Надо иметь счастье, чтобы благополучно переехать границу. Что только не случается на этом маленьком участке в 80 км! Каждый день – новый сюрприз...».³¹³

За 32 месяца партизанской войны в Ленинградской области народными мстителями было сброшено с откосов 1106 немецких воинских эшелонов и уничтожено более 104-х тысяч немецких солдат и офицеров. Оттягивая на себя значительные силы немцев, партизаны реально содействовали осуществлению прорыва блокады

Ленинграда, а затем и полному изгнанию врага с территории Ленинградской области.³¹⁴

Ни в коей мере не умаляя значения боевых достижений партизан, хочется обратить внимание ещё и на следующий (принципиальный) момент: партизанская война, помимо чисто военной составляющей, несла в себе ещё и разрушительный для немцев психологический компонент. Хорошо известно, что никакая система, даже обладающая мощным энергетическим и материальным ресурсом, но с нарушенным внутренним взаимодействием, не в силах противостоять внешнему разрушающему воздействию. Искажение внутренних информационных процессов делает её беспомощной перед врагом. Активное внешнее вмешательство вводит её в ступор и способствует разрушению.

124. Подорванный эшелон. Ленинградская область

Именно это и происходило в ситуации столкновения немцев с партизанами.

Катастрофы на важнейших коммуникациях, следовавшие одна за другой, приводили в бешенство оккупационные власти. Немецкая военная культура тяготела к стандартным методам ведения войны, тогда как «нечестные» (партизанские) методы ставили под сомнение тактическое, организационное и техническое превосходство германской армии. Партизаны своими действиями расшатывали безупречно отлаженную немецкую военную машину, неспособную действовать эффективно в нестандартных условиях.

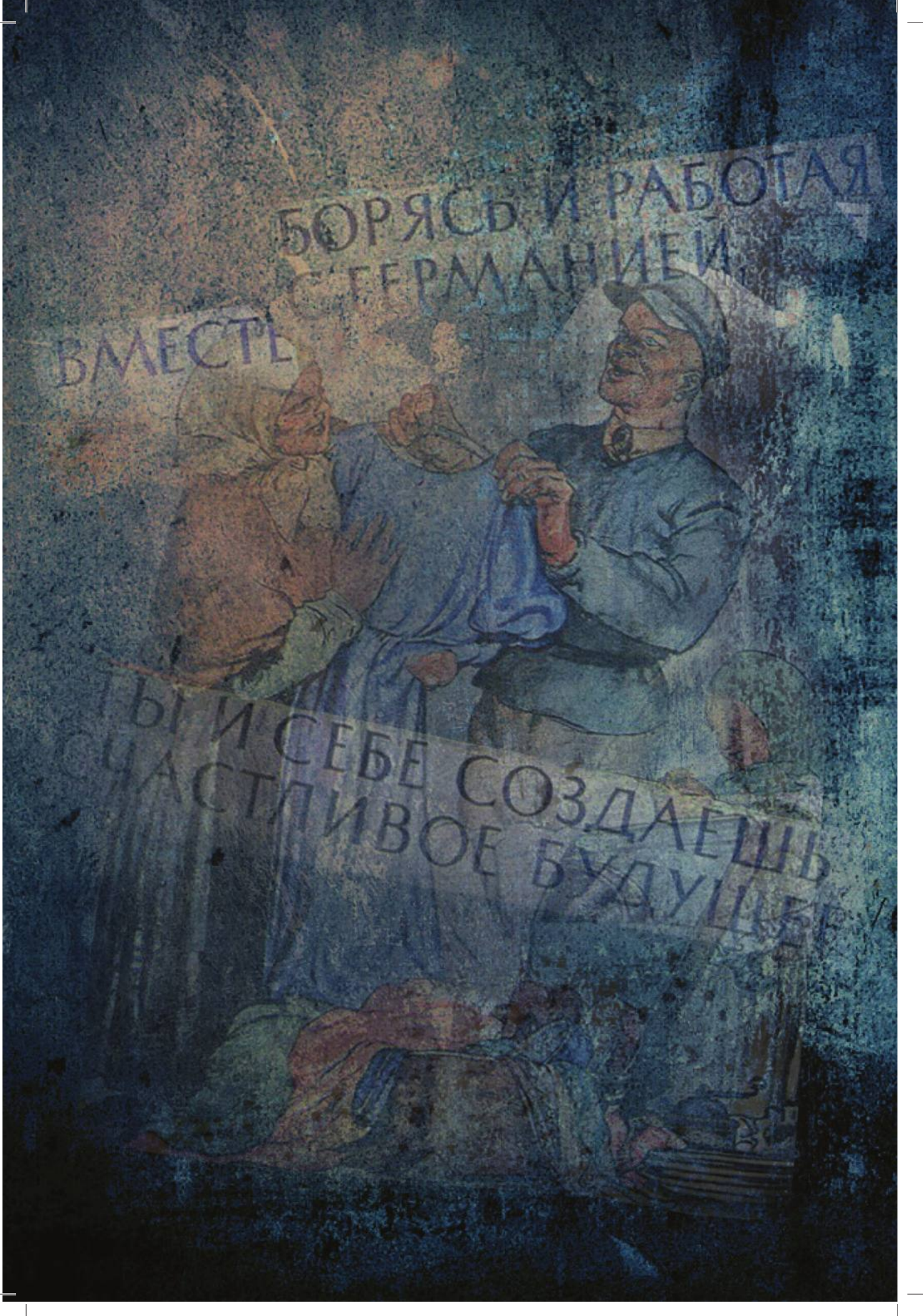
Всё это исподволь подтачивало боевой дух немецких солдат.

Здесь, под Ленинградом, сидя в болотной грязи, подвергаясь постоянным атакам, они всё чаще задумывались над мучительным вопросом: удастся ли им выжить в этой бойне? Страшным для них в данном случае было не просто погибнуть, выполняя солдатский долг, но погибнуть безымянно, исчезнуть бесследно в этих бесконечных глухих лесах и непроходимых болотах. Идеология грабежа и насилия оказалась слабее идеологии защиты Отечества. Психологическая война на этом участке фронта немцами была проиграна. Боеспособность армии падала, и этому в немалой степени способствовали именно партизаны.

БОРЯСЬ И РАБОТАЯ
С ГЕРМАНИЕЙ

ВМЕСТЕ

ТЫ И СЕБЕ СОЗДАЕШЬ
СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ

Предатели

Факты массового сотрудничества с немецкими властями на оккупированных территориях являются исторической реальностью, которая свидетельствует о расколе советского общества: часть его с радостью встретила приход немцев и добровольно пошла к ним в услужение. Причин для такого сотрудничества можно найти много, возможно, среди основных – ненависть к Советской власти и желание «отомстить большевикам».

Пунегова Нина Васильевна, 1936 г. р., пос. Тосно ³¹⁵:

«Мама пошла на кухню к немцам работать, а что делать? Но нашлись «доброхоты» из соседей и сообщили немцам: «Зачем Наталью держите у себя? У неё муж коммунистом был». Её увели в гестапо. Я сидела под окнами на клумбе и ждала маму. Весь день и всю ночь. Её кто-то, видно, пожалел, а, может, меня – на меня выходили смотреть – и её выпустили».

Шустрова Зоя Ивановна, 1931 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁶⁵:

«В Саблино фашисты ворвались в августе 1941 года и сразу начали расстреливать и вешать комсомольцев и коммунистов, сжигать их дома. Выдала их девица, жившая на нашей улице Юного Ленинца по фамилии Сапочинская».

Корчагина Вера Алексеевна, 1930 г. р., пос. Тосно ¹⁷³:

«Страшным было то, что среди наших людей находились доносчики: сообщали немцам: у кого муж в партизанах, у кого – коммунист. Так, одна из соседок донесла на нашу маму: мол, у неё муж партизан и коммунист. Маму забрали и две недели пытали – хотели выяснить, где папа. Но потом, к счастью, выпустили».

С первых месяцев оккупации власти начали проводить не беспорядочные репрессии против партизан и им сочувствующих, а предварительно организованные с помощью

125. Здание Русскобанка. В годы войны здесь располагалось гестапо. 2016 г.

местных информаторов. Не редкость, когда жители деревень с удовольствием сообщали немцам о тех коммунистах, которые остались в тылу, а также о тех, кто симпатизировал Советской власти.

Данилов Виктор Степанович, 1934 г. р., дер. Глубочка ²³²:

«В Тосненском районе было организовано партизанское движение. Одним из его партизанских отрядов командовал мой брат Николай (до войны – начальник уголовного розыска Тосненского района). Занимались они диверсионной работой, о чём тогда мне было неизвестно. Глубокой зимой с 1941 на 1942 год в нашу деревню пришёл карательный отряд из Тосно для уничтожения партизан. Не просто пришёл сам, а привёл его конкретный человек – житель нашей деревни Михаил (фамилию не помню). Он прямо указал, что мы и есть семья командира партизанского отряда.

Что за человек был этот Михаил? Ровесник моих старших братьев, но почему-то в армии не служил, оставался в деревне. Угрюмый, неприятный, обособленный, дружба ни с кем не водил. Моих отважных братьев люто ненавидел. Что им руководило, мы так и не узнали».

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Через нашу агентуру выявлено по районам области свыше 120 человек активных предателей и агентуры немецкой разведки из местного населения. Имеются махровые предатели из числа членов ВКП(б). Так, например, начальник станции Любань, чл. ВКП(б), фамилия не установлена, передал при приходе немцев списки коммунистов и советского актива станции. Узнав о наличии на перегоне Бабино-Любань нашего бронепоезда, сообщил об этом немцам. Бронепоезд был разбит с самолёта. В момент занятия станции немцами, дрезину, на которой находилось руководство Октябрьской железной дороги, направил в разрез стрелки <...>

Ряд коммунистов при приходе немцев остались на местах работы или немцами назначены на новые должности.

Максимов Иван, начальник мастерских 9-й дистанции Октябрьской ж. д. работает начальником автогаража немцев на ст. Любань.

Смирнов Виктор, бывший начальник депо ст. Любань работает машинистом на водокачке.

Печникова Евдокия, член ВКП(б) и депутат горсовета, стрелочница депо ст. Любань, работает на прежней работе.

Евграфов Константин Сергеевич, слесарь водокачки ст. Любань, член ВКП(б), женат на дочери жандарма, в момент эвакуации симулировал болезнь, с приходом немцев вернулся и приступил к работе.

Среди рабочих станции и города Любань имеется ряд лояльно настроенных к немцам. Их оставили на прежних местах работы, в том числе: Иванов Алексей (начальник электростанции), Михайлов Василий, Елизаров Василий, Елизаров Михаил и др.» ³¹⁶.

Источники подобного поведения определённой части населения кроются в довоенном прошлом страны. Глубокое возмущение репрессивной политикой сталинского режима, протест против коллективизации привели к росту антибольшевистских и антисоветских настроений. Долго сдерживаемые страхом, с приходом немцев они вырвались наружу, выразившись в потоке обвинений, отмщений и разоблачений. Не

случайно некоторые исследователи склонны определять возникшую ситуацию как подспудную, вяло текущую гражданскую войну, в которой средства (как и во всякой гражданской войне) не выбирают. Играя на указанных настроениях, немцы в целях борьбы с партизанским движением организовывали из предателей отряды так называемых «антипартизан», которые должны были посредством провокаций выявлять подлинных патриотов Родины.

Борисова (Егорова) Л. Е. 1915 г. р., дер. Финёв Луг (Новгородская обл.) ⁶⁶:

«В деревне стали появляться партизаны. Как-то заходит один ко мне: «Я – партизан, голодный...» Жаль его, да нет ничего, кроме лепёшек из лебеды. «Вот, возьми», – говорю. Он взял одну, ещё просит: «Меня товарищ во дворе ждёт» – «Ну, бери и ему...» Взял он две лепёшки, ушёл. А наутро меня в комендатуру вызвали. «Партизан кормишь?!» – спрашивают. Я отнекиваюсь, знать, мол, не знаю. «А это что?» – спрашивает немец через переводчицу и протягивает мои лепёшки. А из другой комнаты вчерашний «партизан» выходит – предателем из русских оказался. «Я ведь у вас был, не так?» Тут уж я не выдержала. «Ах ты, гад, – говорю, – бессовестный! Голодного обобрал, да ещё и настукал! Ну, уж попомнится тебе это – Господь не оставит такую подлость безнаказанной!» Совсем не думала тогда, как это мне аукнется. И не сдобровать бы мне, конечно, только переводчица местная была, из Рогавки, и всех моих слов не перевела. «Партизан» съёжился, как сморчок, и вышел. А меня отпустили.»

Респондентке очень повезло, потому что остаться в живых в описанной ситуации было практически невозможно. Об этом же повествует история Ульяны Финагиной из деревни Сологубовка (Лезье). Всё «преступление» Ульяны состояло только в том, что, несмотря на строгий приказ оккупационных властей не пускать в свой дом посторонних лиц, она предоставила свой кров незнакомому человеку. Дала ему одежду, устроила на ночлег, накормила. Наутро человек, оказавшийся провокатором, работавшим на гестапо, пошёл в комендатуру и доложил, что Ульяна Финагина не донесла на него и выпустила в дом. По его доносу Ульяну – мать троих детей (по другим данным – пятерых) – арестовали. На 4-й день её вывели к мосту. Это было осенью 1941 года. Деревня ещё не знала о жестокости оккупантов. Зачитали текст о том, что Ульяна нарушила приказ немецкого командования, и на глазах у всех жителей её расстреляли ³¹⁷.

Ленинградские партизаны регулярно общались в Штаб партизанского движения: «Оккупанты стремятся всеми средствами расколоть связь населения с партизанами. Они организывают шайки бандитов из числа эвакуированных жителей или «отрядчиков» (полиция, отряды самообороны и т.д.) по 10-15 человек, задачей которых является грабить мирное население под видом партизан и тем самым оправдывать название «пар-

126. Повешенный предатель

тизан – грабитель», чтобы восстановить таким образом население против советского сопротивления»³¹⁸.

*Егоров Н., 1929 г. р., дер. Сустье-Конец*⁸⁷:

«По ночам приходили партизаны, с ними делились, чем могли. Но часто под видом партизан приходили бандиты: грабили, отбирали всё подряд».

*Рубачёва (Михайлова) Е. М., дер. Евсеиха (Псковская обл.)*³¹⁹:

«Немцы приходили и брали яйца, масло, кур ловили. А партизаны брали всё! Их старшина по деревням ездил, хлеб собирал, скотину партизаны всю порезали. Приедут и остаются на сутки или двое. Сначала резали овец, телят, а потом и коров. Съели всё! И хлеб! Приходят и говорят: "Давай хлеб!" А какой тут хлеб? Мы даже не успевали намолоть и спечь его! Один – сегодня, другой – завтра. Назывались они "заготовители"».

В своей борьбе с партизанами немцы в значительной степени опирались на нерусское население: ингерманландских финнов, эстонцев, обрусевших немцев – «фольксдойче». Тому была своя причина: эти народы подверглись необоснованным массовым репрессиям по национальному признаку, которые имели место в Советском Союзе в 30-е годы. При этом, будучи весьма рачительными хозяевами (в силу особенностей своего менталитета), во время коллективизации они потеряли больше, чем их русские соседи. Это не могло не сказаться на их отношении к Советской власти.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

*«Были неудачные попытки создать карательные отряды по очистке леса от партизан из местного русского населения. Немцы для этой цели используют население из финнов и эстонцев, которые оказывают им в этом активное содействие. Партизанам появляться в деревне, где имеется хотя бы одна эстонская или финская семья рискованно, и русское население предупреждает об этом. Деревня Перелом Тосненского района в сентябре с. г. была оцеплена немецкими солдатами, жителей согнали (всех мужчин) и начали избивать, требуя выдачи партизан. Немцы приехали со списком, составленным эстонцами этой деревни, в который были включены местные жители, ушедшие в партизаны, и коммунисты. Жёны коммунистов – Калинина и Ильина – были живём сожжены в избах»*³²⁰.

Неприязнь к коммунистам нередко смешивалась с неприязнью к русским вообще, что могло проявляться и в отношении к гражданским лицам.

*Николаева (Шерстнева) Прасковья Михайловна, 1926 г. р., пос. Красный Бор (Поповка)*⁷⁹:

«И были ещё «русские немцы». Там, где мы жили, был стекольный завод в Поповке. И на этом заводе работали в основном немцы с 14-го года. Они уже были обрусевшие, разговаривали с акцентом, но речь свою помнили. Они были мастера, работали. Там была масса немцев. И вот, моя сестра с маленькой дочкой (полгодика), я ещё маленькая, худенькая – нас выгонял из дома один из этих обрусевших немцев. Уже холодно, снег. А настоящий немец заступился, оставил нас под крышей... Это было страшное время, жуткое... Этнических немцев, которые на заводе работали, не успели выслать из Ленинградской области³²¹. Когда пришли фашисты, они переписали все немецкие фамилии и дали этим людям солдатский паёк, как своим. Их отправили потом в Германию, но по хозяевам, а не в лагерь³²². К ним относились со вниманием. А русский есть русский: первый враг».

Воюя против партизан, гитлеровцы нуждались в активно действующих карательных отрядах. 25 августа 1941 года командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб официально разрешил принимать на службу в вермахт литовцев, латышей и эстонцев и создавать из них особые команды и добровольческие батальоны для антипартизанской борьбы³²³.

Прибалтийские националисты начали активно использоваться при осуществлении самых различных карательных акций, превосходя своей жестокостью даже команды СС (например, сожжение деревень вместе с их жителями в Волосовском районе Ленинградской области). Всего на оккупированной территории Ленинградской области действовало 8 прибалтийских полицейских батальонов: 16-й, 19-й, 21-й, 266-й, 267-й, 269-й и 273-й.³²⁴

И тем не менее сил для борьбы с партизанами немцам всё-таки не хватало. Так возникла идея привлечь к этой «грязной» работе ещё и русских. Срыв «блицкрига» заставил германское руководство обратить более пристальное внимание на тех, кто готов был активно сотрудничать с властями. Силам сопротивления должны были противостоять, помимо националистических частей, ещё и коллаборационистские подразделения из числа местных жителей. Их организацией занимались сотрудники нацистских спецслужб. Они же комплектовали полицейские и карательные отряды, разведывательные и пропагандистские школы, а также формировали Русскую Освободительную армию (РОА) генерала Власова.

Активнее всего вступать в РОА агитировали военнопленных. Некоторые соглашались. Но, зная о чудовищных условиях, в которых вынуждены были находиться наши военнослужащие, можно понять и их: немало людей пошло на службу к противнику от отчаяния, не выдержав жесточайших условий плена. А часть из них решилась на подобный шаг, надеясь, что таким образом появится возможность перейти к своим.

Сам же генерал Власов являлся в данном случае лишь марионеткой в руках опытных нацистских кукловодов. Акция «Власов», по задумке абвера, ставила целью оказать психологическое давление на советских граждан, склонить их к предательству, подорвать веру в победу советского оружия. Стремясь объединить вокруг себя всех недовольных политикой Сталина, Власов, по сути, подталкивал их к новой гражданской войне, абсолютно не понимая, что плодами её воспользуется враг. Именно по этой причине он не может быть оценен в истории России как положительный герой.

И всё же, сама ситуация с Власовым, с РОА, с русскими полицейскими отрядами, с фактами откровенного предательства тех, кто сочувствовал партизанам, имели под собой и более глубокие корни, нежели просто «обиду» на Советскую власть. Проблема заключалась в психологическом состоянии народа вообще. Это была та почва, из которой, собственно, всё и произрастало.

Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань⁸¹:

«Знаете, у нас были люди и хорошие, и плохие. Немцы пришли, а наши соседи начали им на нас наговаривать. Немцы говорили, что не так страшны немцы, как вы друг для друга делаете. Самое главное – наши сами же и выдавали. Очень плохая обстановка была: каждый хотел сохранить свою жизнь».

А. Клейн: «Жандармов поражала эпидемия предательства и угодничества среди населения и пленных.

– Случалось, не успеешь стать на квартиры, как приходят с улыбочкой, докладывают: а у вашей хозяйки сын в Красной армии, а у соседа жена еврейка и коммунистка. И

сколько при этом ложных доносов! Сведение личных счётов! – качал головой жандарм. – Мы бы мимо прошли, «не заметили», но ваши многие земляки стараются поскорее донести, так что и невинные страдают. Очевидно, это их ГПУ при Сталине научило»³²⁵.

*Белова Екатерина Константиновна, 1930 г. р., г. Любань*³²⁶:

«Ремонтировал немец свою машину, а плоскогубцы на дороге оставил. А братик мой шёл, увидел их и подобрал – раз на дороге лежат, любой ведь подберёт. А одна соседка видела, что Коля взял эти плоскогубцы. Немец отремонтировал всё, проверил, а плоскогубцев-то нет! Ищет плоскогубцы. А соседка ему и говорит: «А я знаю, кто у тебя взял плоскогубцы». А Коля пришёл, плоскогубцы на окно и положил. Он и не думал их скрывать, потому что он их не крал, а на дороге подобрал. Немец инструмент увидел и давай Колю бить. А потом пистолет схватил и хотел его застрелить. Мама на соседку кричит: «Проститутка ты немецкая!» Потом стала немца хватать за руку, обнимать его, умолять, чтобы пощадил, не убивал ребёнка. Так и отвела она его».

Конечно, были такие, кто вставал на путь предательства исключительно в силу собственной беспринципности, патологической жажды власти, подлости или корысти.

*Рядовская Антонина Николаевна, 1926 г. р., пос. Тосно*³²⁷:

«Когда немцы подошли к Тосно, нас папа отвёз на Рубеж, недели две мы просидели там, а потом пришлось вернуться в дом. С 10 на 11 сентября немцы арестовали отца, а на следующий день расстреляли. Сосед продал. Он-то очень радовался, что немцы подходили. Всё говорил мне: «Вот заживём, Тоська! Колбаса будет стоить восемь копеек фунт!» А, между прочим, был членом партии. Такой, вот, перевёртыш оказался. После войны его судили».

*Александрова (Евсеева) Ольга Ивановна, пос. Тосно*¹²⁶:

«Зима была холодная. У колодца Колупанова была очередь за водой. Но вот подь-

127. Эстонские добровольцы СС на улице горящей деревни в Псковской области во время операции против партизан. Декабрь. 1943 г.

ехал на санках с двумя бидонами местный учитель. Позднее узнали, что он помогал немецкой полиции. И когда женщина взялась за колодезный «ворот», он оттолкнул её и сказал: «Дай я наберу». А она ему тут же ответила: «Смотри, какая очередь. Все стоят, встань и ты». А он ей с угрозой: «Что тебе, ж... не драли?» Женщина не испугалась: «Сегодня мне ж... выдерут, а завтра придут наши и тебе шкуру снимут». Вся очередь так и ахнула. Он уехал от колодца, и все в один голос закричали: «Что ты наделала! Ведь вас всех перестреляют!»

Он, сволочь, пожаловался немцам. Её выдрали, но не расстреляли, поскольку все женщины подтвердили, что она сказала ему только, чтобы он встал в очередь. Это и меня спасло. Потом меня тоже прутком мокрым 5 минут били под адский хохот солдат. Словами не передать позора и боли. Люди жили и боялись друг друга».

Петров Е. Г., врач Саблинской больницы для гражданского населения в 1941–1944 гг. ²²⁰:

«7 ноября 1943 г.

Только что приходил Афанасьев Борис Андреевич играть в шахматы. Быстро выиграл у меня две партии. Играет он гораздо сильнее меня, но мне вообще не хотелось с ним быть. Он нечистоплотный морально человек, способный для своего благополучия продать отца и мать. Русских, и в особенности большевиков, ненавидит, обливая их помоями. Перед немцами всячески выслуживается в ущерб русскому населению, хотя именуется волостным старшиной. Если бывает нужно что-нибудь просить для больницы, то он хоть может, но не делает».

В сущности, то, что происходило в эти годы с народом, прямым образом было связано с общей атмосферой подозрительности и страха, сформировавшейся в советском обществе в предвоенное десятилетие. Советская «бдительность» в поисках «врагов народа» сыграла с самим народом злую шутку. «Бдительность», ставшая

128. Пропагандист РОА зачитывает советским военнопленным воззвание генерала Власова

привычным образом жизни для миллионов, переключилась в условиях оккупации с одного объекта на другой.

А. Клейн: «Была среди беженцев и огромная бой-баба Анна Алексева. Городская или сельская, она заметно отличалась от других. Билась в ней жилка той самой «бдительности» наших советских людей, которая во время оккупации так помогала гитлеровцам вылавливать бывших коммунистов, евреев и просто недоброжелателей... Не раз пыталась Анна и со мной заводить речь о моей похожести «на кавказского человека». Я старался избегать разговоров с ней»³²⁸.

*Чугунова Вера Ивановна, 1930 г. р., дер. Еглизи*¹⁷⁴:

«Однажды пошли наши копать картошку, да увидели раненого лётчика. Он полз от Лисино-Корпуса. Лётчик позвал наших, те хотели покормить его, но, видно, кто-то его выдал немцам, и немцы пришли к этому месту. А у него была одна гранатка, он себя ею и подорвал. Кто такой? – неизвестно. Документы немцы забрали».

*Шишкина Галина Антоновна, дер. Еглизи (передает рассказ Н. М. Сараева, жившего в дер. Еглизи во время войны)*³²⁹:

«Семья Сараевых укрывала и лечила раненого советского солдата – мать и две его старшие сестры. Когда солдат поправился, он ушёл в лес, но его схватили немцы. Чтобы выслужиться перед ними и спасти свою жизнь, он по своему почину выдал тех, кто его укрывал и лечил. Одну сестру соседи успели спрятать, а мать и другую сестру повесили. И, вот, эта сестра, что жива осталась, в 1973 году встретила этого человека на вокзале в Ленинграде! Они оба друг друга узнали, но он бегом заскочил в электричку и уехал. Больше она его не видела».

И даже предатели доносили на предателей! Вот кое-что о судьбе того самого начальника станции Любань, что передал немцам списки коммунистов и актива:

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в райо-

129. Генерал Власов и бойцы РОА

нах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

*«Немцами [он] был оставлен в занимаемой должности, но впоследствии был направлен в концлагерь в Чудово, в связи с поступившим на него заявлением от антисоветского элемента, в котором он характеризуется, как как активно проводивший в прошлом мероприятия Советского правительства»*³³⁰.

Повседневная практика, авторитарные способы управления, постоянный контроль, тяготы быта, непримиримость к инакомыслию, ожесточённость в борьбе с «классовыми» и политическими врагами не могли не сказаться на нравственном состоянии граждан страны Советов. Весь комплекс причин, вызванный эпохой революционных потрясений, спровоцировал не просто какие-то локальные моральные отклонения от нормы, но глобальное, массовое искажение общественного сознания. В тех или иных формах это искажение проявило себя и до войны, и во время войны (в форме поиска «неблагонадёжных лиц»), и после её окончания в отношении тех, кто имел «сомнительное прошлое» – бывших военнопленных и жителей оккупированных территорий.

*Свищева (Афанасьева) Нина Георгиевна, дер. Малое Переходное*³³¹:

(После возвращения домой из Германии): «У нас хоть худой, да отец! Рука у него всё болела, но он стал жестяные трубы да сковородки делать. Находил где-то остатки алюминевые от самолёта и делал. Сразу написали на него наши соседи деревенские, что он якобы работал на немцев (он был машинистом и в годы оккупации вынужден был работать на немцев, чтобы мы не умерли с голоду). И отца забрали в 1945 году. А мама в 1945 году опять родила. Тася, сестра моя старшая, поехала в «Кресты» – мама записку с ней передала, что сына родила. Тася поехала, а он уже отправлен из «Крестов». Через две недели он умер. Где его могила никто не знает. А потом отца реабилитировали за отсутствием состава преступления...»

Информационная война

Военные действия Германии против Советского Союза сопровождались массированным давлением гитлеровского пропагандистского аппарата на его граждан. Требовалось выиграть войну в головах и тогда задача покорения (и уничтожения) «русского ивана» становилась исключительно технической проблемой.

Ставка делалась на раздувание протестных настроений в отношении предвоенной политики Сталина и коммунистов.

Основные тезисы, на которых должна была базироваться немецко-фашистская пропаганда, разрабатывались ещё до начала военных действий против СССР. В инструкции Геббельса от 5 июня 1941 года были определены специфические особенности пропаганды на Россию: «...земля – крестьянам, но колхозы пока сохранить, чтобы спасти урожай. Резко обвинять большевиков, разоблачать их неудачи во всех областях. В остальном ориентироваться на ход событий...»³³²

Иными словами, фашистские органы стремились добиться политико-идеологического разложения советского народа под лозунгом освобождения его от большевизма.

Населению занятых территорий, а также бойцам Красной армии войну нужно было представить, как освободительную миссию Германии против жестокости антинародного советского режима.

Для осуществления поставленной задачи Отделом пропаганды было создано специальное подразделение («ВИНЕТА»), всецело ориентированное на Восток. Работа строилась многопланово. На первом этапе требовалось сломить сопротивление Красной армии, посеять ненависть к политработникам и вызвать у солдат недоверие к командирам и руководству страны. Для этой цели сотрудники ведомства Геббельса активно использовали печатную пропаганду. Территорию Ленинградской области наводнили тысячи листовок и воззваний. Защитников ленинградских рубежей всеми способами склоняли сдаваться в плен – сообщали о бездарном руководстве командования Красной армии боевыми операциями, обещали сдавшимся в плен землю и сытую жизнь, звали в «свободную семью европейских народов».

На следующем этапе особое внимание стало уделяться разлагающей пропаганде среди гражданского населения оккупированных территорий. Прикладывалась масса усилий, чтобы у него сформировалось искажённое представление о действительности. В ход шли любые подтасовки. Например, для придания достоверности печатным изданиям за ними сохранялись прежние («советские») названия. При этом ставка делалась на бывших сотрудников советских газет, которые согласились сотрудничать с оккупантами. В этом отношении коллаборационистская пресса по подаче материала очень напоминала довоенную советскую прессу, но с противоположной системой идеологических штампов.

Уже с августа 1941 года на северо-западе начали выходить газеты «Правда» (Рига) и «Псковский вестник», а в 1942 году появились «Северное Слово» (Таллин) и «За Родину» (Рига). Их изданием ведал Отдел пропаганды Северной группы германских войск. В этих газетах на русском языке публиковались приказы немецкого командования, сводки с фронтов, материалы о «счастливой» жизни «освобождённых» народов.

«Северное Слово» (Таллин) и «За Родину» (Рига). Их изданием ведал Отдел пропаганды Северной группы германских войск. В этих газетах на русском языке публиковались приказы немецкого командования, сводки с фронтов, материалы о «счастливой» жизни «освобождённых» народов.

«За Родину» от 14 ноября 1942 года, И. М. Вавилов: «Второй год без большевизма»:

«28 августа 1942 года исполнился год, как жители Тосно были освобождены от рабовладельческого советского строя. Отступая под ударами немецкой армии, большевики по приказу «отца народов», сожгли часть города, угнали скот, а часть его уничтожили на месте, сельскохозяйственные орудия испортили, вывезли все продукты. Население осталось без куска хлеба. Большевики не забыли даже опустошить больницы и аптеку, единственную в Тосно. От большевистского

130. Немецкая листовка

произвола местные жители разбегались по лесам. Вернулись они в город только с приходом немецкой армии. Народ был в отчаянии – наступала холодная и голодная зима. Но отчаяние быстро исчезло. С первых же дней население получило ощутимую поддержку со стороны германских властей. Во многом помогли жителям города сами солдаты, они делились с ними, чем могли, и народ понимал, что к ним пришли не враги, а друзья, освободители.

И вот, теперь идёт уже второй год, как в Тосно восстанавливается нормальная жизнь. В городе работают: сапожные, портняжные, часовые, три парикмахерских и ряд других мастерских.

Уже три месяца население получает по карточкам хлеб, имеет своя пекарня. Желающие заниматься сельским хозяйством получили для посева рожь на семена. Хозяйственная комендантура предоставила в распоряжение граждан племенного быка. Имеющийся в Тосно скот обеспечен ветеринарным обслуживанием.

В городе есть пункт, где население получает газеты и журналы.

Всюду, где живут германские солдаты, они окружены заботой хозяев дома. Не было ни одного случая, чтобы поступали жалобы от солдат на население. В лице германских солдат трудящиеся Тосно видят своих освободителей от прежней горькой, обездоленной жизни»³³³.

Газета «Северное слово» 1943 год № 1 (январь), В. Курский: «Там, где поезд дальше не идёт»¹⁵⁹:

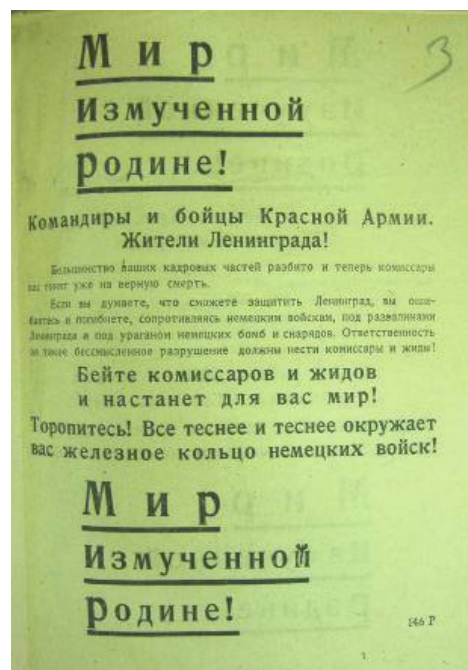
«Свою благодарность за освобождение и за новую жизнь крестьяне выражают на деле: они несут старостам пожертвования в качестве «зимней помощи» немецкому солдату: 157 домохозяйств деревни Шапки внесли 4500 рублей, а 80 семей посёлка Шапки передали более 2000 рублей.

Немецкая организация «О. Т.» (Организация Тодт) привезла для работающих у неё шапкинских крестьян большую партию мужских костюмов, детских джемперов, ботинок, дамского платья, чулок и т.п. За мужской костюм при Советах надо было заплатить, если удалось бы выстоять в очередях, до 1200 руб., а здесь он стоит всего 350-400 руб.

Крестьяне прифронтовой полосы говорят: – Теперь мы понимаем, что Адольф Гитлер

131. Немецкая листовка

132. Немецкая листовка

133. Коллаборационистская газета «Правда»

и Германия действительно заботятся о человеке, удовлетворяя все его нужды. Война, а о нас – русских – такая забота!.. Мы отдадим все силы, будем работать не покладая рук, чтобы заслужить новую светлую жизнь и быть достойными счастливых дней в Новой России!»

Для воздействия на сознание советских граждан использовались и праздники. Немцы не препятствовали населению отмечать Рождество и Пасху. Но главными являлись: 1 Мая «День освобождённого труда», 20 апреля «День рождения Гитлера» и 22 июня «День освобождения русского народа». Этот праздник в Ленинградской области немцы сумели организовать дважды – в 1942 году и в 1943-м. Вот что писала по этому поводу газета «Северное Слово» в 1943 году:

«22 июня, день второй годовщины начала Великой Освободительной войны, русское население в освобождённых областях отмечало как торжественный праздник – как День освобождения русского народа.

Не враг русского народа пришёл на русскую землю, а большой друг, который борется с действительным обцим врагом. И везде с первых дней прихода германских войск спадали цепи насилия, развеивался страх террора, открывалась уже и не мечтавшаяся жизнь.

День 22 июня для русских освобождённых областей будет неприсутственным днём – общенародным праздником. Во всех церквах будут совершены дневные торжественные богослужения с колокольным звоном.

Затем в 1 час дня, во всех крупных населённых центрах состоятся акты, на которых выступят с речами немецкие районные коменданты и русские начальники района.

Во время актов будет торжественно провозглашена декларация о передаче крестьянам земли в частную собственность.

Почётными гостями на торжествах будут соединения Русской освободительной ар-

мии, охранные батальоны и другие добровольческие части.

*Закончится день народными увеселениями. Театральные труппы и кружки самодеятельности организуют спектакли и концерты. Организуются также киносеансы, вход на которые будет бесплатный. В более крупных населённых пунктах устраиваются специальные площадки для танцев»*³³⁴.

Сами немцы искренне верили, что день 22 июня является радостным народным праздником для русских.

*Из письма немецкого доктора Йохана Хопте*²¹⁶:

«21 июня 1943 года.

Завтра 22 июня будет отмечаться как день освобождения русского народа. Все русские освобождены от работы, получают полную зарплату, будет музыка, танцы. У меня сложилось впечатление, что русские довольны нашим режимом».

Следует отметить, что в системе «пропаганды на Востоке» активно работал театральный отдел. Особенно заметной на территории Ленинградской области являлась деятельность театра города Гатчины, существовавшего под эгидой Отдела пропаганды штаба 18-й армии группы армий «Север». Организатором и куратором театра являлся зондер-фюрер СС Шмидт. Труппу набирали из военнопленных, тех, кто имел отношение к театральному искусству, а также из участников довоенной самодеятельности. Но «изюминкой» коллектива являлись двое – заслуженный артист РСФСР, солист Ленинградского государственного театра оперы и балета им. Кирова, бывший партнёр Галины Улановой М. А. Дудко и тесно сотрудничавший с театром один из самых популярных советских оперных певцов, народный артист РСФСР, кавалер ордена Ленина Н. К. Печковский. Всем ведущим артистам театра выплачивались приличные гонорары, а также устраивались гастрольные поездки по городам захваченной гитлеровцами Европы.

Большинство исполнявшихся театральных номеров не носило политического характера, однако дивиденды немецкой пропаганде артисты этих коллективов приносили существенные. Ведь выступая перед солдатами вермахта, они поднимали их боевой дух. А выступая перед населением оккупированных территорий, они формировали у него лояльные чувства к захватчикам («немцы не препятствуют развитию русского искусства!»), настраивали на принятие «нового порядка», а, значит, и на отказ от всех форм возможного сопротивления.

В ряде оккупированных городов и посёлков Ленинградской области работали так называемые «народные театры», выросшие из довоенных любительских театральных кружков. В этом смысле интересно ознакомиться со статьёй «Хорошее начало» из всё той же газеты «Северное Слово» от 7 июля 1943 года по поводу празднования Дня освобождения в Тосно:

«Некоторое время тому назад в Тосно (Ленинградская область) создалась концертно-драматическая группа в составе 45 человек. Удачным и многообещающим началом её деятельности было выступление части артистов группы на празднествах в День освобождения русского народа.

Большое впечатление произвело хоровое исполнение русской народной песни. Руководит группой артист ленинградской музыкальной комедии В. А. Шнейдер.

«Калинка» с солистом (И. Фельдман) и танцами, под аккомпанемент струнного оркестра (руководитель М. Шерешев). Хор исполнил также мощно прозвучавший марш Русской Освободительной Армии «Мы идём».

Удачно дебютировало акробатическое трио – М. Бугольц, Н. Шишлаков и Тамара

134. Редакция газеты (г. Дно) «За Родину»

Ануфриева. Понравился русский танец в исполнении П. Бармашева.

Артисты группы показали себя также умелыми затейниками народных игр, участие в которых приняла масса молодёжи.

В ближайшее время концертно-драматическая группа выступит с новой большой программой. Репетируют водевили «Петербургский ростовщик» Некрасова и «Простушка и воспитанная» Ленского»³³⁵.

В рамках созданной системы пропаганды работали и кинотеатры. Показы шли по отработанной схеме: сначала показывали хронику побед немецкого оружия, потом – о благополучной и сытой жизни в Германии и лишь затем – художественный фильм. При этом все немецкие художественные фильмы были до такой степени нашпигованы нацистской идеологией, что их художественный уровень, по сути, сводился «на нет».

Гусев Л. В., 1924 г. р., пос. Ульяновка (Саблино)⁵⁶:

«Два раза я смотрел немецкие кинофильмы, но не ожидал, что они такие плохие».

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«В отдалённых от передовой линии пунктах демонстрируют на кинопередвижках провокационные фильмы о взятии немецкими войсками Ленинграда и расположении в нём немецких частей. На просмотр кинофильмов население за исключением детей, не ходит»³³⁶.

Стремясь расколоть советское общество, фашисты не гнушались никакой ложью.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Среди населения и военнопленных немцы проводят «нацистскую» агитацию, выпускают провокационные слухи о восстаниях в Ленинграде, Красноярске и др. городах, распространяют листовки с призывом к свержению большевизма, восхваляют «всепобеждающую силу немецкого оружия». Развешивают плакаты со снимками Гитлера среди детей, снимками крестьянских домов в Германии с описанием «как хорошо живётся крестьянам в Германии». В большом количестве среди населения распространяют газету «Правда» на русском языке с описанием успехов немецкой армии против частей Красной армии и дезинформацией о положении на фронтах»³³⁷.

В первые месяцы оккупации информация, которую получали советские граждане из рук оккупантов, находила у них определённый отклик, ведь в газетах и листовках говорилось о массовых репрессиях, о бесправном положении советских рабочих и крестьян в СССР, о трагедии коллективизации, о предвоенном уничтожении высшего командного состава Красной армии. Эти информационные атаки били прямо в цель, и деморализованные люди буквально теряли почву под ногами. За всем этим стояло лишь одно – внушение населению мысли о том, что немецкая власть непоколебима, что «новый порядок» пришёл навсегда. Задача ставилась всеми способами парализовать в советских людях волю к борьбе с фашизмом.

Казалось бы, работа столь мощной и хорошо отлаженной пропагандистской машины неизбежно должна была бы привести к необходимому результату, однако этого не случилось. Причиной тому стало постепенно набравшее силу партизанское движение: партизаны (наряду с подпольщиками), помимо организации боевой работы, активно включились в ответную контрпропаганду. Но поначалу данный аспект их деятельности был не вполне удачным. Советское руководство недооценивало мощь немецкой пропаганды. Ему казалось, что население оккупированных территорий монолитно по своим идейным убеждениям, и поэтому не стоит реагировать всерьёз на нацистские «бредни».

Но очень скоро стало ясно, что информационная война – это тот же фронт. Сложность ситуации заключалась в том, что и партизаны, и население практически не имели доступа к советским источникам информации. Приёмники, способные принимать радиопередачи из Ленинграда и Москвы, были изъяты у населения органами власти ещё в конце июня 1941 года. У самих же партизан приёмников в первое время тоже не было, поэтому они не всегда имели оперативную и объективную информацию о текущем положении дел.

135. Вырезка из коллаборационистской газеты «Северное слово» о празднике в Тосно («Хорошее начало»).

Однако за короткое время на заводе им. Козицкого в Ленинграде была создана малогабаритная коротковолновая радиостанция «Север». В октябре 1941 года она уже была переправлена во все партизанские отряды Ленинградской области, а также на «Большую землю», что в корне поменяло ситуацию с получением сводок Совинформбюро.

И тут вскрылся принципиальный недостаток советской пропаганды: её абстрактность и неоперативность. У пропагандистов отсутствовал опыт ведения аргументированной дискуссии с идеологическим противником. Кроме того, они опасались допустить при самостоятельной работе политическую ошибку³³⁸.

Чтобы партизанская контрпропаганда начала давать результат, требовалось некоторое время. Тяжёлая зима 1941–1942 гг. стала поворотной точкой в настроениях населения оккупированных территорий, когда многим стало ясно, что все обещания немецких властей – ложь. С тем большей жадностью оно начало прислушиваться к словам тех, кто нёс правдивое слово. В лесах тайно работали партизанские типографии. Партизанские газеты имели небольшой тираж, маленький формат, да и выходили не часто, но с влиянием этих газет не могла сравниться никакая коллаборационистская пресса.

*Васильева Евгения Николаевна, дер. Червинская Лука*³³⁹:

«Каким-то путём иногда проникала в деревню газета «Правда». Радовались её появлению, читали тайно, укрывшись где-нибудь. Со слезами на глазах...»

(Партизаны отряда Л. П. Бороусова в течение короткого времени сумели распространить 750 листовок в деревнях Червино, Дубовое, Залесье, Червинская Лука, Корино и Апраксин Бор).

Осенью 1941 года на территории Тосненского района выходила газета «Ленинское знамя» в рукописном варианте. По воспоминаниям члена одного из тосенских партизанских отрядов А. Мельницыной:

«Редактор районной газеты "Ленинское знамя" П. А. Аристаров и сотрудник редакции Евгений Сытый организовали выпуск газеты в тылу врага. Газету писали на листе бумаги от руки чернилами, а иногда и химическим карандашом.

Партизаны очень любили свою газету. Она отражала борьбу советского народа за освобождение Родины от немецко-фашистских захватчиков, боевые действия и жизнь партизан. Помещала газета и сообщения Совинформбюро, принятые по радиции.

"Ленинское знамя" издавалось при штабе партизанского отряда в одном экземпляре и передавалось по отрядам. Всего на территории района действовало 7 партизанских отрядов, и все с нетерпением ждали газету и с жадностью её читали. В отдельных отрядах выпускали ещё стенные газеты, боевые листки, "молнии"³⁴⁰.

Впоследствии (с 1942 года) газета «Ленинское знамя» начала выходить в Малой Вишере, где была размещена её редакция. Вот одна из характерных заметок, помещённых в газете:

«Ленинское знамя» 1942 год, 18 апреля. «Сейте только для себя»:

«Помогайте партизанам уничтожать врага. Не хлеб врагу, а вилы в бок, топором или ломом по черепу, пулю в затылок. Так должен делать каждый советский гражданин...».

Обеспокоенные деятельностью народных мстителей, фашисты через свою газету обратились к тосненским партизанам с предложением выйти из леса. Им «гарантировали» сохранение жизни, кроме, конечно, комиссаров и евреев. Партизаны не заставили себя долго ждать и дали такой ответ:

«Мы, партизаны, газету за 4 сентября получили. Собачья ты, вражья душа. Ты считаешь партизан бандитами, требуешь выхода из леса, заруби себе на носу: лучше смерть,

чем выход из леса». И далее: «Партизаны будут эту войну продолжать и с каждым вашим шагом партизан будет всё больше и больше. У нас в отряде каких-нибудь особых коммунистов и евреев нет, мы просто русские люди, рабочие и крестьяне, мы не хотим воевать, но вы нас заставляете, и мы не сложим оружие, пока хоть один фашист останется на территории России»³⁴¹.

В 1943 году уже непосредственно в Тосненском районе стала выходить партизанская газета 11-й Волховской партизанской бригады «Патриот Родины». 11 апреля в нескольких километрах от посёлка Радофинниково (на бывшем хуторе Толстое) вышел её 1-й номер³⁴².

Помимо форм устной и печатной пропаганды партизаны стремились показать значимость элементов государственности, которую они призваны были олицетворять. В этих условиях особое значение приобретали государственные советские праздники, прежде всего 7 ноября и 1 мая. Однако в прифронтовых зонах эта работа была очень опасна и сопровождалась большим риском как для самих партизан, так и для местного населения. Тем не менее, тосненские партизаны 6 ноября 1941 года слушали выступление руководства страны на торжественном заседании, посвящённом 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Затем в ряде деревень ими были проведены собрания и митинги.

К сожалению, собрание в деревне Червинская Лука имело трагические последствия. Нашёлся предатель из местных, который сообщил фашистам, что в деревне находятся партизаны. Нагрянули каратели. Они пытались жителей, стремясь узнать, где скрываются партизаны и кто собрал их. Никто ничего не сказал. Тогда гитлеровцы учинили жестокую расправу – убивали детей на глазах у родителей, калечили и убивали взрослых. Всего было убито 63 человека (по другим данным – 73), деревня разграблена и сожжена³⁴³.

То, что сила информационного воздействия партизанской контрпропаганды возрастает, немецкие власти знали. Действовавшие в тыловых районах группы армий «Север» эйнзатцгруппы постоянно занимались изучением общественных настроений. Подробная политическая информация ежедневно передавалась немецкому командованию. В результате начальники оперативных тылов войск, ответственные за обеспечение порядка в своих тыловых районах, начали настаивать на изменении пропагандистской оккупационной политики.

Предполагалось, что местному населению необходимо дать такую политическую цель, которая бы привлекла его на сторону оккупантов. В качестве таких средств называлось восстановление частной собственности, участие населения в местном самоуправлении, общее улучшение качества жизни, а также приостановка насильственной депортации молодёжи в Германию. Но все предложения вязли в спорах и в конечном нежелании руководства даже частично поступиться принципом нацистской гегемонии над русскими. Итогом этих споров стало усиление позиции сторонников «кнута» (без «пряника»). В ответ народное сопротивление только росло, а партизанская пропаганда становилась всё более действенной и эффективной.

Во всех этих устремлениях фашистских органов власти проявлялась их в корне неправильная оценка характера борьбы, которую вело население. Немцы не понимали, что в данном случае борьба имеет уже не идеологический, а общенациональный характер, и что демагогическими (по сути «техническими») манипуляциями над сознанием людей достичь поставленных целей невозможно. Информационная война под Ленинградом закончилась для них полным поражением.

Почему не сдался Ленинград

Информационным контекстом борьбы с захватчиками на оккупированной территории Ленинградской области являлось существование такого крупного промышленного, административного и культурного центра, как Ленинград. В этом смысле, он оказывал определяющее влияние на устроение жителей оккупированного региона и особенно – прифронтовой полосы. Ленинград всё время оставался символом прочности советского режима и его стойкость являлась знаком того, что СССР способен продолжать войну.

Немцы понимали это, и стремились сломить волю горожан, призывали их объявить Ленинград открытым городом. Так могло ли это случиться на самом деле?

Тема обороны Ленинграда была и остаётся остро дискуссионной темой. Она включает в себе множество аспектов. Традиционно историография ленинградской блокады придерживалась так называемой «героической концепции», имевшей своим истоком чёрно-белый взгляд на историю военного противостояния СССР и Германии. Однако последнее время представление о блокаде нередко стало ассоциироваться с фактом нечеловеческих страданий, выпавших на долю ленинградцев. Именно этот аспект блокады всё чаще оказывается на переднем плане, когда речь заходит о том страшном времени, и выяснилось, что многим так до конца и не ясно, что же превалирует в данном случае – героическое или мученическое начало в судьбе Ленинграда?

Обратимся к истории. Мы привыкли оценивать Ленинград либо в политическом («город Ленина»), либо в культурологическом («город Великого Петра») ключе. Для немецкого же командования он был в первую очередь крупным промышленным центром с морским портом и военно-морской базой в Кронштадте. Исходя из этого положения и строились планы Гитлера и его ближайшего окружения относительно будущего, которое ожидало Ленинград.

Город необходимо было исключить как стратегический плацдарм для возможного контрнаступления советских войск во фланг и тыл немецких войск, наступавших в тот момент на Москву. Командование вермахта полагало, что наиболее целесообразно (после захвата Таллина) было бы «запереть» Балтийский флот в Кронштадте и таким образом нейтрализовать действие Ленинградской военно-морской базы. В данном случае вариант блокады был более выгоден, чем прямой штурм города, – происходила экономия людских и материальных ресурсов, которые могли бы быть использованы более эффективно в другом месте. Ленинград требовалось лишь окружить внешним кольцом и заставить сдаться.

Но сделать это оказалось не так просто. И если первую часть плана, пусть и с трудом, но удалось реализовать (хотя, строго говоря, кольцо сделать «глухим» не получилось), то со второй его частью вышла «осечка» – город сдаваться не пожелал, сковав тем самым почти 300-тысячную группировку группы армий «Север».

А между тем давление на него в этом плане было оказано беспрецедентное! От-

казавшись от «технического» захвата Ленинграда, нацисты развернули против его жителей, также как и против жителей Ленинградской области, настоящую информационную войну, целью которой было также сломить их волю к сопротивлению. И если поначалу (август-сентябрь) мишенью их пропаганды являлись в основном красноармейцы, защищавшие рубежи города, то в дальнейшем упор был сделан уже непосредственно на самих горожан. И главным союзником в деле достижения намеченной цели немцы избрали голод.

В связи с тем, что большая часть мужского населения Ленинграда была мобилизована, они направили острière своей информационной атаки на женщин-домохозяек. Враг призывал их скрывать своих мужей от мобилизации, требовать от властей хлеба, и главное – сдачи города или объявления его открытым.

В той или иной форме вражеской пропагандой ставился вопрос о смысле страданий, которые выпали на долю мирных жителей Ленинграда. В немецких листовках звучало сочувствие к горожанам и осуждение властей города, препятствующих его сдаче на фоне роста массовой смертности населения. Итогом такого информационного воздействия стали (перехваченные военной цензурой) письма ленинградских женщин на фронт, рефреном которых звучало следующее: «Защищая город, вы защищаете власть, неспособную нас защитить и накормить, а нас, своих жён, матерей и дочерей своим упорством обрекаете на голодную смерть»³⁴⁴.

Одновременно бойцам и командирам Ленфронта предлагалось прекратить сопротивление в связи с растущей смертностью горожан от голода. Именно в это время,

по мнению гитлеровцев, люди, как никогда были готовы воспринять идею «открытого города», ведь, по сути, они чувствовали себя в западне, не обладая никакой достоверной информацией о происходящих событиях. Немало было таких, кто искренне полагал, что «под немцем» положение с обеспечением продуктами питания могло бы кардинально улучшиться. На самом же деле, в планы немецкого руководства отнюдь не входило снабжение сдавшегося Ленинграда продовольствием: «Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться...» (Директива начальника штаба военноморских сил Германии об уничтожении г. Ленинграда). ...«В войсках

ЖИТЕЛИ ЛЕНИНГРАДА! КОМАНДИРЫ И БОЙЦЫ РККА!

Вы окружены со всех сторон. Все теснее и плотнее сжимается вокруг вас железное кольцо германских и финских войск. И водным путем вам не спастись. Ваше положение безнадежно. Всякое сопротивление бессмысленно. Зачем же вам еще проливать кровь?

Граждане Ленинграда, женщины, матери!

Появляйте на бойцов и командиров, чтобы они отказались от дальнейшего сопротивления. Если вы допустите, чтобы продолжалась оборона Ленинграда, то вы обречете себя и ваших детей на верную гибель. Вы погибнете под ураганом немецких снарядов и бомб.

Единственное спасение для вас это окончание борьбы.

Не верьте комиссарам! Их утверждения, что немцы ищут мирное население и убивают военнопленных — наглая ложь.

Германские бойцы хорошо обращаются, как с мирными жителями, так и с пленными

Советское Информбюро лжет и скрывает от вас, что Киев нами взят и что за последние десять дней на востоке от Киева было уничтожено пять советских армий.

ЧИСЛО ВЗЯТЫХ ТОЛЬКО В ЭТОМ РАЙОНЕ В ПЛЕН КРАСНОАРМЕЙЦЕВ, КОМАНДИРОВ И ПО- ЛИТРАВОТНИКОВ ПРЕВЫШАЕТ 665 000.

Украина уже почти вся освобождена от большевистского ига. Во всех занятых германцами областях население всюду с радостью встречает своих освободителей.

Долой войну!

Германцы борются не против народов Советского Союза, а против их угнетателей, против Сталина и его НКВД.

Требуйте немедленного окончания сопротивления, если вам дорога жизнь!

136. Немецкая листовка, адресованная жителям Ленинграда

присутствует полное понимание того, что мы не сможем прокормить миллионы людей, окружённых в Ленинграде. Так или иначе, но это негативно отразилось бы на продовольственном положении самой Германии. По этой причине необходимо препятствовать попыткам выхода из города» (Дневник командующего группой армий «Север» генерал-фельдмаршала В. Р. фон Лееба)³⁴⁵.

Чем сильнее становились муки голода, тем больше вопросов к властям возникало у ленинградцев. В этот период многие стали задумываться о том, только ли противник виновен в столь быстром разрушении системы снабжения? И почему в Смольном ситуация с продовольствием иная, нежели в целом по городу? Поползли (к сожалению, небеспочвенные) слухи о сытой жизни «верхов». Всё это играло лишь на руку противнику, вселяя в него надежду на скорейшее разрешение вопроса о сдаче города.

Однако, несмотря на все сложности блокадной жизни, руководители ленинградской партийной организации (А. А. Кузнецов и Я. Ф. Капустин) сумели сохранить контроль над ситуацией. Развития массового антисоветского движения в Ленинграде так и не произошло. Документы УНКВД свидетельствуют о том, что, хотя «пораженческие» настроения были распространены довольно широко, тем не менее, даже в период своего максимального подъёма (январь 1942 года) число лиц, подверженных им, никогда не превышало 20 % от общего числа горожан.³⁴⁶ Иными словами, основная часть ленинградцев по-прежнему молчаливо сносила лишения блокадной жизни и с отчаянием обречённых продолжала сопротивляться смерти исключительно «на внутрисемейном, внутриквартирном» уровне. При этом подавляющее большинство даже и мысли не допускало о возможности сдать город врагу.

Почему же нацистская пропаганда, несмотря на все свои усилия, так и не смогла преодолеть упорство горожан?

Обычно тому дают несколько различных объяснений: у ленинградцев, ослабленных голодом, не было сил активно протестовать против коммунистов; многие вели себя покорно просто по привычке; часть населения продолжала искренне поддерживать Советскую власть и поэтому признавала целесообразными все мероприятия, проводившиеся командованием города; в городе проводилась активная контрпропаганда, описывавшая зверства фашистов и настраивавшая его жителей на жертвенное поведение; энергично действовали органы НКВД. Однако думается, что, несмотря на возможную обоснованность подобных аргументов, основная причина кроется не в этом, а в ментальных особенностях характера русского человека.

В истории возникают страшные дилеммы, и Ленинград – одна из них. Если подходить к проблеме с позиций европейского гуманизма, во главу угла которого поставлено благополучие отдельного индивида (в противовес благополучию общества), то все города в ходе военных действий должны были бы объявляться открытыми. В Европе города мирно сдавались на милость победителя, что, в частности, привело к тому, что вся она подпала под власть нацистской Германии. По этой причине там не нашлось реальной силы, способной противостоять Гитлеру.

В русской же ментальности преобладает идея жертвенности части ради спасения Целого (часть *сама* готова пожертвовать собой ради спасения Целого). Это тоже можно назвать гуманизмом, хотя и совершенно иного типа. Однако именно такая стратегия позволила СССР выиграть войну.

Если рассматривать проблему более детально, то надо понимать, что советским

«открытым» городам не светила участь европейских открытых городов, как бы о том ни трубила гитлеровская пропаганда. В Европе шла война на порабощение с частичной ассимиляцией населения, здесь – на полное его уничтожение с частичным порабощением оставшихся в живых. Вот почему для русских пожертвовать частью

137. Ленинград в блокаде. 1942 г.

(самопожертвование части) означало в итоге спасение большинства (всей страны), и, значит, фактическое уменьшение числа потенциальных жертв.

В СССР без массового, преобладающего стремления людей отстоять своё Отечество (даже ценой своей жизни) победа в войне была бы невозможна. Реальной же сплачивавшей силой на тот момент выступала коммунистическая партия, владевшая мощным организационным и идеологическим ресурсом. При этом она отнюдь не являлась какой-то искусственной пристройкой, «наростом» на «теле» народа, как это иногда любят изображать, а действительно выражала именно его волю – пусть искажённо, но всё же волю большинства, живущих в этой стране. Вот почему нельзя механически вычёркивать из истории войны роль коммунистов и Советского государства, ибо такое вычёркивание ведёт к утере чувства историзма: одна полуправда заменится другой.

Именно Коммунистическая партия и Советская власть реализовывали на практике российскую ментальную идею принесения в жертву части ради спасения Целого. В случае с Ленинградом это означало: стоять до конца, не сдаваться ни при каких обстоятельствах. Стратегически это была правильная позиция, она вела к победе. Tактически же – всё было осуществлено крайне неудовлетворительно, что и привело к огромным, недопустимым жертвам среди мирного населения. Проще говоря, жертвы в тех условиях были неизбежны, но они не должны были иметь такие чудовищные масштабы, ибо всякой цели должны соответствовать адекватные средства. Чрезмерной, а иногда и неоправданной эксплуатацией жертвенного поведения населения власти города нередко пытались прикрыть свои собственные просчёты (а зачастую и преступную халатность) в вопросах его снабжения и обороны, и подобная

138. Проводы бойцов Ленинградского народного ополчения на фронт 10 июля 1941 г. (1-я Кировская дивизия народного ополчения). Фото А. Михайлова

позиция вела лишь к усилению общего «градуса» страданий горожан. При этом всё же нельзя отрицать и то, что та же самая власть делала всё возможное и невозможное, чтобы город продолжал жить и работать в нормальном режиме.

В целом же, рассматривая вопрос об «открытом городе», можно сказать, что если бы Ленинград всё-таки сдался врагу, то его участь была бы гораздо хуже, чем та, что досталась ему в итоге. К голоду, нищете и разрухе добавился бы ещё и дикий террор сначала против еврейской части населения, партийных и советских работников, а затем уже против и всех остальных жителей. Но главное, оставшиеся в живых испытывали бы на себе весь ужас бесконечного унижения и полного бесправия перед лицом вражеского солдата.

С военной же точки зрения сдача Ленинграда означала бы и сдачу Москвы, потому что в её захвате было предусмотрено участие войск группы армий «Север», а сил удержать столицу на тот момент у нас фактически не было. Вот тогда-то бы и реализовался в полной мере гитлеровский план «Барбаросса», конечной целью которого являлось создание заградительного барьера против Азиатской России по линии А-А (Архангельск-Астрахань) ³⁴⁷.

В то же время нельзя забывать, что ленинградцы, рядовые жители города, оказались заложниками ситуации. Ситуация была отчасти обусловлена объективной необходимостью, отчасти – создана искусственно непродуманными действиями руководства. Проблема соотношения «героического» и «страдальческого» аспектов блокады остаётся по-прежнему актуальной. Единственный способ как-то её разрешить – это подняться над ней.

В случае с блокадным страданием важно ведь не само страдание, как таковое, а то, как его преодолевали ленинградцы: чем жили, что делали, чтобы остаться людьми – а не превратиться в опустившихся, обезумевших от голода животных. Если это только страдание, то что же тогда есть подвиг? Думается, в данном случае, «героическая» и «страдальческая» страницы ленинградской блокады суть одно.

Исчезнувшие деревни

Война тяжёлым колесом прокатилась по территории Тосненского района. До сих пор на карте о ней напоминают названия урочищ – бывших уничтоженных деревень: урочище Красная Горка, урочище Кривино, урочище Глубочка... И сколько таких топографических точек! Только в районе Любани их насчитывается. ⁵⁷ Но список далеко не полный. Поражает, что сами немцы оценивали происходящее как некое стихийное бедствие, к которому они не имеют никакого отношения! Наоборот, они ощущали себя спасителями, как будто сочувствующими русскому населению – «смотрите, что сделали с народом большевики!»

Да, русские люди в сороковом году жили небогато. Тому было множество причин, но при всей бытовой неустроенности они были по-своему счастливы, потому что жили на своей земле в соответствии со своим традиционным укладом. Конечно, в отдалённых деревушках порой не было электричества, быт строился по старинке, но и там

жизнь постепенно налаживалась: появлялись магазины, строились школы, амбулатории, приезжали кинопередвижки, организовывались дома культуры и библиотеки.

Теперь, по прошествии многих лет, те, кто жил в этих «убогих», на взгляд оккупантов деревнях, вспоминают с любовью и грустью о своей «малой родине», так безжалостно разрушенной «цивилизованными варварами» XX-го века.

Улинцев Иван Матвеевич, 1929 г. р., дер. Макарьева Пустынь ²⁵⁹:

«В селе насчитывалось около 100 дворов. Были большие совхозные дома, состоявшие из нескольких квартир и обычные избы. Совхоз «Макарьевский» жил весело, имел большой Дом культуры и кинотеатр. Школы сначала не было. Учиться ребятишек возили в Костюю, позже – в Пельгору».

Егоров Николай Михайлович, г. Любань ³⁴⁸:

«Я родился в деревне Сустье, что недалеко от Коркино. До войны здесь большая деревня была, речка Тигода шире казалась. Клуб стоял, молодёжи много было. Как в праздник высыпет народ на улицу – шум, веселье, не хуже, чем на городской площади. Праздновали и 7 Ноября, и 1 Мая. Но главными в нашей деревне были Никола да Иванов день. Были и две часовни. А главный приход – в Коровьем Ручье. Стоял там мраморный храм неопикуемой красоты. Его война унесла вместе с деревней. На месте Коровьего Ручья теперь мёртвая зона».

Андреев Александр Васильевич, 1928 г. р., дер. Коркино ³⁴⁹:

«До войны деревня Коркино была не то, что теперь. Сельсовет, ФАП, пекарня, магазин, детсад и даже две школы – начальная и средняя – всё находилось поблизости. По утрам босоногая ребятня из соседних деревень – Заволожья, Ямка, Хоченья, Русской Волжи – бежала в школу. Учеников – туча. В деревне был колхоз, и назывался он так же – «Коркино».

Бисиков Анатолий Александрович, 1930 г. р., дер. Степановка ³²:

«В Степановке было около сотни дворов; часовенка, переделанная под магазин; клуб, где показывали фильмы с помощью динамо: элек-тричества ещё не было. Как и все деревенские, мы трудились от малого до старого. Держали корову, огород».

Афанасьев Николай Иванович, 1928 г. р., дер. Веретье ³¹:

«Отец, Афанасьев Иван Афанасьевич, работал на железной дороге стрелочником. Ездил на работу в Ленинград. Мама, Анна Ивановна, вела домашнее хозяйство. Двор был большой: коровы, куры, овцы и другая живность. Деревня наша состояла из 130 дворов, была часовня. В школу до 4-го класса ходили в своей деревне, а с 5-го класса пошёл уже в Любань».

Данилов Виктор Степанович, 1934 г. р., дер. Глубочка ²³²:

«Моя семья на 22 июня 1941 года состояла из 10 человек: родители (отец, Степан Михайлович, работал лесником), четыре сестры и четверо братьев. Старший брат, Николай, работал начальником уголовного розыска Тосненского района. Я восьмой ребёнок в семье. Мать, Татьяна Васильевна, была награждена орденом «Материнская слава 3-й степени». Она получала от государства пособие, как многодетная мать.

Проживали мы в деревне Глубочка Тосненского района. Это в 40 км от Тосно по направлению к Великому Новгороду. Теперь такой деревни нет, она была разрушена и практически сожжена немцами.

До войны люди работали в колхозе, жизнь шла своим чередом. Наше личное хозяйство тоже было большое – лошадь, две коровы, много овец, поросят, куры, гуси и т. д. Работали все дружно, и меня тоже приучали к труду. Вспоминаются весёлые праздники, когда приезжало много родственников».

Фёдоров М. И., 1930 г. р., дер. Крутик ¹⁰:

«Моя родная деревня на реке Ровань известна с давних времён. В деревне была шко-

ла, часовня, хлебозапасный магазин. Жители занимались сплавом леса, заготовкой коры для кожевенной промышленности, выпойкой телят.

Накануне Великой Отечественной войны у нас было 45 домохозяйств, объединённых в колхоз. Работа в колхозе считалась делом обязательным. На трудодни в конце года выдавалось зерно и другие продукты. Но основой жизни были личные хозяйства, трудиться в которых приходилось в неурочное время. Сажали картошку, овощи, держали коров и овец».

Мирную трудовую жизнь крестьян нарушила война. Фактически, каждая из упомянутых деревень, пережила свою трагедию, и когда в 1944 году войска Красной армии освобождали Ленинградскую область, перед ними открылась страшная картина: повсюду – разорённые сёла с выгоревшими домами и одиноко торчащими печными трубами... Но самым ужасным было то, что освобождаемая территория (прежде всего в прифронтовой зоне) была совершенно безлюдна!

Не было ни одной, даже самой маленькой, «забытой Богом» в лесной глухомани деревушки, куда бы не заглянул гитлеровский солдат, и где не оставил бы он свой страшный след.

Судьбы всех деревень в чём-то были схожими, но об одной из них – Червинской Луке сохранилось уникальное сообщение времён войны.

«Ленинское знамя» от 18 апреля 1942 года, «Зверства в Червинской Луке»:

«Выбитые из Червинской Луки немецкие оккупанты сожгли деревню дотла. Взрослое трудоспособное население уведено в тыл в качестве военнопленных на трудовые работы, а женщины, дети и старики, не способные к труду, убиты или повешены. Вступившие в деревню после изгнания фашистов части Красной армии на улицах и пепелищах сгоревших построек увидели ужасающую картину. Везде валялись трупы обожжённых и замученных. 72 трупа женщин и детей свидетельствовали о бесчеловечных зверствах фашистов. На месте благоустроенной деревни – ни одной постройки, ни одного существа.

Красная армия и советский народ отомстят за всё, убитые и замученные советские люди, сожжённые и разграбленные сёла зовут к возмездию!»

139. Памятник погибшим деревням. Любань, сквер 30-летия Победы

Список не возрождённых после войны
населённых пунктов Тосненского района

1. Березовик
2. Будково
3. Басино
4. Большие Дубровы
5. Больше-Лисино
6. Белово
7. пос. Бадаева
8. Большая Горка
9. Виняглово
10. Веретье русское
11. Веретье финское
12. Введенское
13. Верховье
14. Витка (Вальянка)
15. Воскресенское
16. Глубочка
17. Грустыня
18. Гладкий Мох
19. Гумолово
20. Гертово
21. Доброе Село
22. Дрогино
23. Дидвино
24. Дритовно
25. Дубровы
26. Дубовое (Дубки)
27. Дубровка
28. Егорьевка
29. Замостье
30. Зенино
31. Залесье
32. Затишье
33. Захожье
(ныне дачный массив)
34. Кондуя
35. Кородыня
36. Каменное Веретье
37. Кипино
38. Коровий Ручей
39. Красная Горка
40. Крапивно
41. Крутик
42. Кривино
43. Кантули
44. Каттелево
45. Красное Дрогатино
46. Корделево
47. Кирицелово
48. Кунесть Большая и Малая
49. Кудиновка
50. Колчино
51. Кудрово
52. Квасово (Стасово)
53. Кюльвия
(ныне дачный массив)
54. Кукково (Кукколово)
55. Липовик
56. Ляды
57. Лупполь
58. Лангелово

59. Лорвилово
60. Малиновка
61. Милаевка
62. Мякиши
63. Молоди
64. Макарьево
(Макарьева Пустынь)
65. Малая Бронница
66. Мазалово
67. Мондолово
68. Мокколово
69. Манкошево
70. Мазиловка
71. Новая Деревня
(Трубниковская волость)
72. Никитинская усадьба
73. Никитинская ИТК
74. Новая Деревня
(Тарасовская волость)
75. Нечепертъ
76. Нетужилово (Тушиловка)
77. Неникюль
(ныне Лисино-Корпус)
78. Новая Деревня
(Никольская волость)
79. Островок
80. Пятница
81. Пузырёво
82. Пери
83. Поддолово
84. Путролово
85. Песчанка
86. Пенво
87. Пендиково
88. Полесье
89. Подобедовка
(ныне Красный Бор)
90. Петровщина
91. Пабузи
92. Подсосонье
93. Перелом
94. Равань
95. Рубеж
(ныне дачный массив)
96. Райколово
97. Рождественно
98. Смердыня
99. Самылино
100. Сустье-Поляна
101. пос. Сердце
102. Самсоновка
103. Старая Мыза
104. Скородумовка
105. Степановка
106. Самопомощь
(ныне Красный Бор)
107. Тигода Курляндия
108. Тигода
109. пос. Троицкий (Шрётер)
110. Госкобщина
111. Толстое
112. Тухань Большая
и Тухань Малая
113. пос. Усть-Госненские
торфоразработки
114. Феклистово
115. Федосино
116. Хоченье
117. Халоково
118. Червино
119. Червинская Лука
120. Чёрная Речка
121. Чёрнышёво
122. Шаллы
123. Шандурово
124. Ятанцы

Религия и церковь в годы оккупации

В СССР церковь была не в почёте. С 20-х годов в стране активно велось наступление на религию, при этом политика тотальной атеизации населения проводилась самыми грубыми и варварскими методами. В стране физическим способом уничтожались религиозные памятники, а служители церкви подвергались всевозможным репрессиям.

В Ленинградской области, как и везде, закрылись сотни церквей и соборов, были ликвидированы монастыри. Не исключение в этом плане составлял и Тосненский район. В 1929 году была закрыта церковь в Лисино-Корпусе: «Поступило ли в Лисинский сельсовет какое-то предписание сверху о закрытии церкви или председатель сельсовета действовал по собственной инициативе, желая выслужиться перед вышестоящими, этого я не знаю, и судить об этом не берусь. Но в любом случае позор падает на голову этого варвара и погромщика. Председатель собрал ораву подручных парней и мужиков и объяснил задачу: искореним, братцы, опиум для народа! Некоторые братцы заколебались – уж очень кошунственным делом казался погром храма. Тогда председатель организовал предварительную пьянку. Воодушевленные алкоголем погромщики разожгли на поляне перед церковью большой костер и пошли крушить ломами и кувалдами иконостас, амвон, ризницу. В огонь полетели образа, резные украшения иконостаса, хоругви, аналой, ризы. Среди уничтожаемых икон, вероятно, находились работы видных мастеров русской живописи, обычно украшавших дворцовые церкви. В жутком оцепенении следила толпа за происходившим.

Всхлипывали женщины. Кто-то забился в истерике. Одна старушка попыталась было вытащить из огня еще не охваченную пламенем икону. Председатель самолично вырвал икону из рук старушки и бросил в пламя. "Прочь, старая! В Соловки отправлю! В тюрьме сгною, контра!" – рычал он. Ретивый администратор умел нагонять на людей страх. Все же на следующий день, когда на церковной поляне еще зловеще дымилась черная зола, а в церкви уже ничего не осталось от ее прежнего богатого убранства, верующие выбрали делегацию из наиболее смелых и направили ее в сельсовет для переговоров с председателем.

– Оставь нам хоть часовенку. Народ просит.

– Ах, у вас еще и часовенка! А я, было, и запомятовал, — взревел председатель. — Я вам покажу часовенку, контрики!

И он собрал ту же самую компанию погромщиков и направился с ней к кладбищенской часовне. Там повторилась такая же варварская сцена. Часовню разрушили до основания, и сейчас не найдешь и следа ее» (Л. Дёмин) ³⁵⁰.

Чуть позже стала клубом церковь в Ульяновке, однако здесь службу удалось перенести в часовню на кладбище.

По личному указанию С. М. Кирова в 1932 году было принято решение о закрытии Макарьевского монастыря. (В нём сначала было устроено отделение Свирля-

140. Лисино-Корпус. Церковь во имя происхождения честных древ честного и животворящего креста Господня, 1862 г., Арх. Н.Л. Бенуа. 2012 г.

га, а затем – больница для душевнобольных).

В 1939 году была закрыта церковь Петра и Павла в Любани. Помещение храма стало использоваться под склад. Оба служивших в Петропавловском соборе протоирея были арестованы и расстреляны.

В 1936 году был закрыт старинный каменный храм Казанской иконы Божией Матери в Тосно. Освободившееся здание было приспособлено под Дом культуры. Именно здесь на костюмированном вечере тосненцы встречали Новый 1941 год ³⁵¹.

Савельева (Ружечка) Вера Иосифовна, 1933 г. р., пос. Тосно ³⁵²:

«Власти решили в церкви сделать Дом культуры, и нужно было разрушить купол. Я видела в окно, как разрушался этот храм. Вначале на работу пригласили тосненских парней, но они отказались, их за это исключили из комсомола. Тогда набрали других людей. Позже говорили, что эти люди пропали, так как совершили страшный грех. Большим каменным шаром били по куполу, а он никак не разбивался. Это продолжалось несколько дней. В церкви было 6 проходов, в каждом находились иконы из металла, их разбивали тяжёлыми предметами, а утром они выпрямлялись и как бы оживали. Я туда ходила смотреть. Множество икон бросали в Тосну, и они плавали – тяжело это было видеть. Одну мозаичную икону какая-то женщина увезла на лошади в церковь, которая построена на кладбище, где она находится до сих пор».

После закрытия тосненского храма церковная жизнь в Тосно переместилась в небольшую деревянную часовню, расположенную на окраине городского кладби-

ща. В часовне был устроен алтарь и иконостас. Соответственно, к возникшей кладбищенской церкви перешло и имя бывшего храма. (Перед войной эту загородную церквушку ненадолго закрывали, но во время войны она была вновь открыта, и затем все богослужения в Тосно совершались именно здесь).³⁵³

Несмотря на усиленную атеистическую пропаганду, потребность в религиозной жизни у русских людей оставалась высокой. По Всесоюзной переписи населения 1937 года две трети сельского населения страны продолжали верить в Бога. А начавшаяся война лишь обострила религиозные чувства людей, превращая их в один из значимых факторов укрепления душевного равновесия.

Как утверждали те, кто прошёл огонь войны, на передовой атеистов не было: «Самолёты выли, бомбы, падая, завывали ещё истошнее. Их вопль ввинчивался в мозг, проникал в грудь, в живот, разворачивал внутренности. Комья земли сыпались на голову. Новый заход. Звук пикирующего самолёта расплющивал меня. Последний миг моей жизни близился с этим воем. Я молился. Я не знал ни одной молитвы. Я никогда не верил в Бога, зная всем своим новеньким высшим образованием, всей астрономией, дивными законами физики, что Бога нет, и тем не менее я молился. Небо предало меня, никакие дипломы и знания не могли помочь мне. Я остался один на один с этой летящей ко мне со всех сторон смертью. Запёкшиеся губы мои шептали: «Господи, помилуй! Спаси меня, не дай погибнуть, прошу Тебя, чтобы мимо, чтобы не попала, Господи, помилуй!» Мне вдруг открылся смысл этих двух слов, издавна известных – Господи...помилуй! В неведомой мне глубине что-то приоткрылось, и оттуда горячо хлынули слова, которых я никогда не знал, не произносил – Господи, защити меня, молю Тебя, ради всего святого...» (Д. Гранин)³⁵⁴.

141 Тосно. Церковь Казанской иконы Божией Матери. 1904 г.

Эти чувства, так хорошо переданные фронтовиком Д. А. Граниным, были не понаслышке знакомы и мирным жителям, находившимся в прифронтовой зоне.

Белугина (Калинина) Нина Владимировна, 1932 г. р., пос. Тосно ¹¹⁶:

«Тосно постоянно бомбили. Когда была бомбёжка, мы ложились на пол или в землянку и молились: «Пронеси тучу грозную!»

Кузьмина (Катышева) Лидия Николаевна, 1937 г. р., с. Шапки ²⁸:

«В Шапках было большое скопление немецкой техники, и наши лётчики постоянно бомбили деревню. Мы прятались от бомбёжек на окраине села за Воскресенской площадью, где поле за домом Сени Яковлева – там был bunker. А лесничий Николай Дмитриевич Комолов заставлял ребятшек читать молитву «Отче наш», наверное, он считал, что детская молитва скорее дойдёт до Бога.»

Макарова (Гусева) Нина Георгиевна, 1936 г. р., пос. Тосно ¹⁸⁴:

«Первые воспоминания остались у меня во время войны, когда начались бомбёжки. Как-то мы были дома (я и брат) и началась бомбёжка. А мама учила меня молитву читать. Она говорила: «Когда начнётся бомбёжка, читай молитву!» Брат говорит: «Давай, сестра, спускайся в подвал!» Бомбы свистят. Мы забрались в подвал, сидим, а я молитву читаю: «Ой, Боженька, спаси, спаси нас!!!» Это пятилетний ребёнок шепчет! И вдруг – свист, разрывается бомба, наш дом приподняло над землёй. Мы смотрим из подвала, а нам все дома видны и наша дорога – Корпусное шоссе видно. Это так подняло наш дом. И потом так: «Бух!!!» – дом обратно упал.

А я всё молитву читаю. И потом, когда бомбёжка закончилась, мы вылезли из подвала, так у нас – ни окон, ни дверей, на комоде комья глины, на кровати глина, на полу... А когда из дома вышли – воронка у угла такая большая, что мы после войны её четыре года засыпали. А мама после бомбёжки прибежала и говорит: «Я чувствую, что в нашем районе бомбят. Бегу и думаю: как там мои ребяташки?..»

В ситуации, когда опереться было не на кого, надежда могла возлагаться только на Бога. Молились, как умели, вспоминали забытые молитвы, надеясь на Божью милость – что муж вернётся с войны живым, что немцы не погубят семью, что дети останутся живы и не умрут от голода и болезни.

Из дневника унтер-офицера Вольфганга Буффа ²¹³:

«20 ноября 1941 года.

142. Тосно. Кладбищенская часовня

До этого я был лишь в нескольких русских домах. Всюду в углу висела икона, чаще всего с горящей лампадой».

Люди нуждались в духовном укреплении и утешении. Этот момент и был учтён германским командованием, стремившимся расположить к себе местное население. С приходом немцев в оккупированных областях вновь стали открываться храмы и появляться священники.

15 августа 1941 года на Северо-Западе России была создана так называемая «Православная Миссия в освобождённых районах России» (Псковская Миссия). Возглавил её митрополит Сергей (Воскресенский) – глава Прибалтийского экзархата. Он сразу же направил в оккупированные районы 14 священников. Прибывшие на место назначения обнаружили, что обширная территория от Ленинграда до Опочки была превращена Советской властью в «церковную пустыню». Во всём районе действия Миссии оказалось лишь 8 действующих храмов – по одному во Пскове, Гдове и Новгороде и 5 – в окрестностях. (До революции в одном только Пскове их было 44).

Миссионеры сразу же приступили к активной деятельности. Каков же был объём проделанной работы? Существуют очень отрывочные статистические сведения о числе священнослужителей Миссии и открытых ими приходов. По данным церковных историков число священников составляло 175 человек, а действующих храмов – 390 (это относится ко всей территории Ленинградской, Псковской и Новгородской областей, за исключением тех районов, которые были присоединены к СССР в 1940 году. С учётом и этих районов – Принаровье, Пыталовский и Печорский – их насчитывалось уже 450).³⁵⁵

Но фактической проверкой после освобождения оккупированной территории зимой 1944 года было установлено действующими лишь 168 церквей. При имевшейся острой нехватке священников в Миссии, многие из них одновременно обслуживали по несколько приходов. По всей видимости, число священников (175) сильно завышено. Так, в 1942 году (по некоторым данным – в январе 1943 года³⁵⁵) их было только 84 человека.³⁵⁶

Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань ⁸¹:

«До войны церковь любанская была закрыта, там склад какой-то был. Немцы же религиознее были, чем наши в то время. Они быстренько очистили эту церковь от хлама. Моя мама с детства пела на клиросе. Когда родители поженились – а папа был коммунистом – он запретил ей петь. Ну, мама теперь и стала ходить в церковь снова. Так и пела там, пока нас не вывезли. Туда много народу ходило. Заманивать не надо было».

Полякова (Квашнина) Любовь Александровна, 1930 г. р., с. Шапки ¹⁹:

«У колодца была церковь, где Карловы жили. Они же были верующие, и они решили открыть церковь. Вот в половине их дома и была церковь. Службы шли на русском языке».

Миссия охватывала самые разные сферы деятельности: восстанавливались храмы, устраивались крестные ходы, совершались требы, возобновлялось религиозное обучение населения, повсеместно проводилось его крещение. Была организована и благотворительная деятельность (при обязательном распространении при этом религиозной литературы). В школах начал преподаваться Закон Божий.

Активно возрождалась церковная жизнь. Вот как писала об этой работе колла-

борационистская пресса в Тосно:

Газета «Северное Слово» 1943 год, январь (№1):

«Праздник Рождества Христова население города Тосно встретит с особым подъёмом. Благодаря исключительным заботам церковного старосты Корнилова и участием бургомистра Тосно Вавилова, к часовне, в которой вмещалось 100 человек, пристроен придел, полностью оборудованный в течение последних 2-х месяцев. На днях состоялось освящение придела. Человек 300 прихожан с благоговением молились в новом храме. С увлечением работает любительский церковный хор под управлением псаломщика Моторина. На Рождестве духовенство будет совершать молебствия и по домам, о чём настоятельно просят сами тосненские жители.

Церковь в Тосно имеет достаточно икон и хороший алтарь, но само здание даже по расширению его ещё не может вместить всех молящихся, так как в большие праздники количество их превышает полторы тысячи. На днях решается вопрос о предоставлении для нужд церкви специального церковного каменного здания, в котором смогут поместиться все молящиеся. Церковь посещают все жители города – от старого до малого»³⁵⁷.

Вновь организовывались приходы.

*Приходы Псковской Миссии Санкт-Петербургской епархии на территории Тосненского района:*³⁵⁸

Царскосельский уезд

1. Поповка. Св. Троицкая церковь. Действовала до 1938 г. Действовала в войну. Священник Иоанн Пиркин.

2. Ям-Ижора. Никольская церковь. Возвращена и действовала в годы войны.

3. Красный Бор. (пос. Самопомощь). Св. Троицкая церковь. Закрыта в 1941 г. Открылась в 1941 г. Действовала 1941-1942 (?) г. Протоиерей Димитрий Осьминский.

4. Саблино. Никольская церковь (кладбищенская), быв. часовня. Действовала с 1942 г. по настоящее время. Иеромонах Кирилл (Смирнов), диакон Михаил Яковлев.

5. Лисино. Крестовоздвиженская церковь. Священник Николай Багрянский. *(Церковь во имя Происхождения Честных Древ Честного и Животворящего Креста Господня. Во время войны в ней располагался лагерь для советских военнопленных, а потом – немецкая конюшня. О том, что в этом храме во время войны проводились службы, воспоминаний респондентов не сохранилось – Авт.).*

Новгородский уезд

1. Тосно. Казанская церковь (1941-1944 гг.)

2. Чудской Бор. Воскресенская церковь. (1941-1944 гг.).

3. Пельгора. Никольская церковь. Иеромонах Кирилл (Смирнов).

4. Ильинский Погост. Ильинская церковь. Иеромонах Кирилл (Смирнов).

5. Ушаки. Николо-Александринская церковь. (1941-1943 гг.). Протоирей Пётр Жарков, свящ. Иоанн Амосов.

6. Любань. Петропавловская церковь (1941-1943 гг.). Иеромонах Афиноген (Агапов), иеромонах Кирилл (Смирнов), протоирей Пётр Жарков, прот. Иоанн Медведский, свящ. Алексей Азиатский, диакон Михаил Яковлев, протоирей Кирилл Зайц.

143. Любань. Храм во имя Святых апостолов Петра и Павла (1867 г., арх. К. А. Тон).
Единственный в России железнодорожный храм-памятник
первым строителям железной дороги Москва-Санкт-Петербург. 1942 год

7. Коровий ручей. (1941-1942 гг.). Священник Алексей Азиатский.
8. Макарьевская Пустынь. Действ. В 1941 г. (?) *(не действовала. – Авт.)*. Схиэпископ Макарий (Васильев).
9. Сустье-Поляны (Сустье-Конец). Иеромонах Кирилл (Смирнов).
10. Хоченье. Иеромонах Кирилл (Смирнов).

Священники Миссии, если предоставлялась возможность, посещали концлагеря для советских военнопленных. Однако, по имеющимся данным, богослужения в них были редки, проводились всего лишь несколько раз и только на территории Прибалтики. А уже в конце октября 1941 года они вообще оказались под запретом. Но есть свидетельство Александра Клейна о том, что такое богослужение однажды было проведено в концлагере совхоза «Коммунар» г. Чудово, где, по общим подсчётам, от невыносимых условий содержания погибло около 50 000 военнопленных и мирных советских граждан.

А. Клейн: «Кто-то из раненых во время обхода в лазарете вспомнил, что близится Пасха (1942 год. – Авт.), и хотелось отметить её. Я перевёл слова раненого врачу и стоявшему рядом Кольцу. Последний заинтересовался: разве не все русские безбожники?

Ещё один пожилой пленный присоединился к просьбе первого, попросил пригласить в лагерь священника. Кольц закивал головой. Затея показалась ему отнюдь не бессмысленной.

На следующее утро Кольц, придя с двумя конвоирами, приказал мне отправиться с ними в церковь (они знают, где она) и попросить священника посетить раненых и вообще пленных в день Пасхи.

Я вошёл в церквушку, сняв пилотку, перекрестился. Ко мне подошёл маленький старичок с длинными серебряными волосами вокруг румяного ясноглазого лица. Отец Александр с первого взгляда располагал к себе. Ему было 84 года. (*По-видимому, речь идёт о протоирее Александре Сытине. – Авт.*). Он многое перенёс. Я передал ему просьбу пленных, и старик согласился.

Когда я передал раненым, что их желание будет исполнено, к моему удивлению, некоторые очень взволновались: они не умели креститься...

В день Пасхи отец Александр приехал в дровнях с дьячком в лагерь. Обязанности дьячка выполнял один из пожилых прихожан. Службу служил священник в лазарете. Мы вслушивались в непривычные для нас выражения «Богородица-Дева радуйся», «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...» Затем началось целование креста. Запомнился отец Александр. Ни одного слова не сказал он о даровании победы «супостату». В его речах сквозило доброе и упрямое убеждение, что страдания кончатся и восторжествует любовь.

Раздав принесённые с собой просфоры (нас в то время в лагере было немного – всего человек сто пятьдесят вместе с ранеными) и, дав отведать «Крови Христовой» – одну бутылочку красного вина разбавили на ведро, а одна просфора пришлась примерно на шесть человек, отец Александр присел отдохнуть. Нет, не напрасно он к нам приехал: в наше жестокое бытие он принёс смягчающее душу утешение, отсвет своей доброты»³⁵⁹.

Безусловно, Миссия в определённых пределах могла помочь получить нашим людям духовную поддержку в непростых условиях оккупации. Сами миссионеры неоднократно указывали на то, что церковные богослужения происходят при массовом скоплении народа. Однако существовало и иное видение ситуации:

Документ № 42

Начальник полиции безопасности
И СД

Берлин, 8 апреля 1942 г.

Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 190

Информация Айнзатцгрупп и команд.

Настроение и положение населения перед 18-й армией

(под г. Ленинградом)

*«В церковной сфере не было никаких существенных перемен. Количество богослужений, а также количество тех, кто в них принимал участие, оставалось таким же. В общем можно сказать, что интерес к религиозной жизни, ограниченный крайне жёстким продовольственным положением и голодом, был очень мал. Состав посетителей церкви в отношении возраста и пола остался тем же».*³⁶⁰

В то же время, немецкое командование было заинтересовано в деятельности православных миссионеров, ведь в мировоззренческом плане православие, по мнению немцев, являлось «религией покорности». Но главное всё же было не в этом. Ор-

ганизационно Псковская Миссия получила «добро» на своё существование только потому, что находилась под патронатом немецкого отдела пропаганды. А это означало, что позиция Миссии в отношении оккупантов не могла быть нейтральной по определению.

Зная, что священнослужители и верующие подвергались гонениям со стороны советской власти, СД и абвер рассчитывали, что те будут оказывать посильную помощь в борьбе с «неблагонадёжными элементами» и партизанами. Главная задача, которую стремились осуществить нацисты – это расколоть советское общество на сторонников советской власти и её противников. Плодами же новой гражданской войны Третий рейх собирался воспользоваться самолично.

К сожалению, представители Псковской Миссии, увлечённые реализацией своих миссионерских планов, не поняли, в какую страшную авантюру втянул их коварный враг. Умело играя на чувствах обиды, «специалисты» отдела пропаганды упорно толкали руководство Миссии на путь коллаборационизма. В результате уже в первых проповедях, обращённых к верующим, зазвучал призыв «Возрадоваться своему освобождению»; часто говорилось о надругательстве большевиков над Церковью; о несправедливостях коммунистического режима; о том, что теперь, то есть при немцах, русский народ наконец-то сможет спокойно жить, работать и молиться Богу.

В декабре 1942 года журнал «Православный христианин» (издание Псковской Миссии) опубликовал слова экзарха – митрополита Сергия (Воскресенского) о чувстве благодарности к «освободителям от советского ига»: «Это чувство побуждает вновь и вновь молиться о поражении большевиков и честно, усердно, жертвенно помогать германцам». Здесь же сообщалось и о циркулярах Псковской Миссии, предписывавших духовенству служить молебны «о даровании Господом сил и крепости германской армии и её вождю, о «провозглашении многолетия вождю германского народа».³⁶¹

Активная и сознательная антисоветская пропагандистская деятельность руководства Миссии, находилась под контролем спецслужб и выражалась самым различным образом: читались соответствующие проповеди, проводились богослужения, направленные на поддержку оккупационного режима и войны против СССР, организовывались крестные ходы в поддержку политики оккупантов.

В 1943 году Миссия официально поддержала деятельность Русской освободительной армии (РОА). В частности, настоятель Псково-Печерского монастыря П. М. Горшков (отец Павел) не только служил молебны «великому вождю Адольфу Гитлеру» и его «победоносной армии», но и благословил на борьбу с «безбожным коммунизмом» генерала Власова³⁶².

Более того, посещая лагеря советских военнопленных, миссионеры обязаны были «духовно окормлять» пленных исключительно с целью их вербовки в ряды РОА. Сохранился ряд прошений военнопленных из концлагерей города Рига на имя митрополита Сергия (Воскресенского). Чтобы ясно представить, какого рода просьбы получал Экзарх (что, безусловно, характеризует высший Прибалтийский епископат вполне определённым образом), приведём типичное прошение от военнопленного 36 роты 1 взвода Филиппова Якова Павловича № 028907:

«<...> В душе я не считаю себя военнопленным. Я и моя семья ждали этой войны как освобождения. Я верю, что увижу тот день, когда я буду жить в Новой Свободной России под Благостью Святой Церкви.

Братья и сестры просьба моя скромна, я прошу вашего содействия и ходотайства перед Германским командованием предоставить мне возможность трудиться. Я способен к любой чёрной работе к крестьянскому труду или работая по специальности электромеханика, авто-электромонтёра, шофёра. Труд облегчит моё положение военнопленного, сохранит мне силы и жизнь, которые я с великой радостью отдам для Новой России. Аминь».³⁶³

Помимо проповедей определённой идеологической направленности, священники также обязаны были регулярно сообщать немецким властям обо всех посторонних и подозрительных лицах в своём приходе, о политических настроениях на местах и об экономическом положении прихожан – об урожае зерна и овощей (оккупационные власти стремились как можно точнее рассчитать размер налогов, которые должно было выплатить население).

Только незначительная часть доходов Миссии состояла из пожертвований. Основное финансирование осуществлялось немецкой стороной. Причём, деньги за свою деятельность миссионеры получали весьма немаленькие.

Ведомость № 8

На получение заработной платы штатным работником Миссии за январь месяца 1944 года:

1. Протопр. Кирилл Зайц – Нач. Миссии – 3500 руб.
2. Константин Кравченко – Пом. Нач. Стола – 2000 руб.
3. Евгения Ефимова – Переводчица – 2000 руб.
4. Андрей Перминов – Секретарь – 3000 руб.

(Для сравнения средняя зарплата полицейского могла составлять 100 рублей, учителя – 500 рублей).

Помимо высоких окладов сотрудникам Миссии выплачивались ещё и премиальные, обычно в связи с большими церковными праздниками. Например, наградные по случаю Рождества Христова (январь 1943 года) составляли в среднем 500 рублей, хотя некоторые получили от 1000 до 3000 рублей.³⁶⁴

Такие деньги надо было отрабатывать. По указанию митрополита Сергия отдельные политические события отмечались специальными молебнами, призывавшими верующих молиться за победу гитлеровской Германии и поражение большевиков. Так, например, в циркуляре управления православной миссии от 4 марта 1942 года говорилось:

«8 марта с. г. по всей стране будет опубликован закон об отмене колхозной системы и новый порядок землепользования. В связи с этим вам надлежит отслужить в воскресенье благодарственный молебен с провозглашением многолетия вождю народа германского и с оглашением прилагаемого воззвания управления миссии. В тех приходах, где имеются отделения германских хозяйственных комендатур, этот молебен предполагается соединить с гражданским актом.

Вам надлежит всячески разъяснять населению о великом историческом значении этой аграрной реформы, призывать население к труду и исполнению предписаний власти»³⁶⁵.

Ясно, что за церковной жизнью зорко наблюдали сотрудники абвера. Не только священники обязаны были давать необходимую информацию в соответствующие службы, но и церковные старосты, псаломщики, певчие. Они следили и за прихожа-

нами, и за самим священником. Таким образом, вся религиозная жизнь на оккупированных территориях охватывалась агентурной сетью.

«Правильная» идеологическая позиция Миссии непременно отмечалась в соответствующих сводках:

Документ № 42

Начальник полиции безопасности
И СД

Берлин, 8 апреля 1942 г.
Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 190

Информация Айнзатцгрупп и команд.
Настроение и положение населения перед 18-й армией
(под г. Ленинградом)

*«При текущем контроле богослужений органами полиции безопасности и службы безопасности (СД) можно сказать, что попы преднамеренно делали поводом своих проповедей упразднение колхозов, дабы таким образом выразить свою благодарность немецкому руководству и победоносной немецкой армии».*³⁶⁰

Странная ситуация, сложившаяся в церковной жизни оккупированных районов, не могла не вносить сумятицу в умы простых прихожан.

*Полякова (Квашина) Любовь Александровна, 1930 г. р., с. Шапки*¹⁹:

«Немцы разрешили для народа церковь открыть. И был такой поставлен стол, и батюшка наш немцев благословлял».

144. Митрополит Сергей (Воскресенский) и монахи Псково-Печерского монастыря с германским командованием. 1941 г.

145. Настоятель Псково-Печерского монастыря о. Павел Горшков с представителем немецкой комендатуры

Артемяева (Круглова) А. Н., 1927 г. р., с. Пельгора ⁶⁴:

«В Пельгоре была прекрасная церковь. Немцы привезли откуда-то православного священника, и все стали ходить молиться. Приходили и немцы. Когда священник провозглашал: «Многие лета Гитлеру», – мы должны были креститься. Немцы строго следили за нами, и мы крестились, в уме прося у Бога нашей победы и чтобы нам выжить».

Ясно, что и советское руководство, и высшие церковные власти в Москве весьма отрицательно отнеслись к созданию Псковской Миссии. В своём послании, датированном 14 октября 1941 года Московский митрополит Сергей (Старгородский) – Патриарший Местоблюститель – писал с болью и гневом о сотрудничестве русского духовенства на оккупированной территории с немцами и грозил подобным отступникам церковным судом ³⁶⁶. А позже, в сентябре 1942 года, он составил специальное обращение к верующим, в котором дал оценку действиям православных епископов Прибалтики и, прежде всего, митрополита Сергея (Воскресенского). В послании говорилось не только о недопустимости посылавшихся Сергием телеграмм Гитлеру, но и указывалось, что Патриаршая Церковь, «начиная с покойного святейшего патриарха Тихона и доселе, неизменно признаёт Советскую власть Богоустановленной в СССР» ³⁶⁷.

Иными словами, Местоблюститель ясно дал понять, что он сделает всё от него зависящее, чтобы в пору тяжелейших испытаний советское общество не раскололось на две враждующие части. Думается, подобное заявление было вызвано не столько каким-либо давлением или политическим нажимом на Предстоятеля РПЦ, сколько являлось его осознанной и ответственной гражданской позицией.

Но среди духовенства Миссии слова Сергея не нашли должного отклика. Более того, после избрания его в 1943 году Патриархом Всея Руси в Берлине прошло «Ар-

хиерейское совещание иерархов Православной Русской Церкви», на котором была принята следующая резолюция: «Советская власть подвергла Православную Церковь неслыханному гонению. Ныне на эту власть обрушилась кара Божия. Желая отворотить неотвратимую гибель и угодить своим лицемерным союзникам, большевики притворяются, будто бы изменили своё отношение к Православной Церкви, вернув ей свободу. Но этому обману никто не поверит. Он опровергается явными фактами. За подписью патриаршего местоблюстителя блаженнейшего Сергия, митрополита Московского и Коломенского, большевики распространяют нелепое воззвание, призывающее русский народ сопротивляться германским освободителям. Мы знаем, что блаженнейший Сергий, муж великой учёности и ревностной веры, не мог составить столь безграмотное и столь бессовестное воззвание. Либо он вовсе его не подписывал, либо подписал под страшными угрозами...».³⁶⁸

Однако внутри рядовых членов Миссии (в отличие от её руководителей) единства насчёт служения немцам «освободителям» не было. Существовали разные мнения. Многие, безусловно, враждебно относились к советскому строю, что и обеспечивало их активную помощь немцам.

В то же время ряд священников вообще старался не выполнять навязанные им предписания, а некоторые из них к тому же ещё и активно помогали партизанам. Известна история священника Ф. А. Пузанова, служившего сначала в Чудово, а затем – в Порховском уезде Псковской епархии. В годы войны отважный батюшка стал разведчиком 5-й партизанской бригады, действовавшей в том районе. За боевые заслуги он был награждён медалью «Партизану Отечественной войны».

Были и другие примеры – священник Александр Михайлович Петров (г. Гатчина)

146. Награждение священника Фёдора Андреевича Пузанова медалью «Партизану Отечественной войны». 1944 г. .Фото В. И. Капустина

147. Оперуполномоченный Н. И. Захаров (6-я ЛПБ)
беседует с помощником партизан – дьяконом местной церкви

и священник Иоанн Суслин (с. Орлино) отказались провозглашать «Многие лета» Гитлеру, за что оба батюшки в 1942 году были расстреляны немецкими властями. Был расстрелян за связь с партизанами священник Заозерской церкви Лужского района Николай Петрович Воробьёв. Оказывали помощь партизанам священники Илья Богданов и о. Кирилл из деревни Дубовичи.

Но большинство священнослужителей всё же не имело внутренней нравственной силы занять чёткую гражданскую позицию, и поэтому оно было вынуждено идти на компромисс не только с немцами, но и с собственной совестью.

Главным действующим лицом Миссии с 1 декабря 1941 года был отец Кирилл (Зайц). Он являлся её официальным начальником. Именно отец Кирилл составлял циркуляры для членов Миссии, которые должны были включать в себя все необходимые для оккупационных властей сведения о прихожанах. Имея встречу с представителями СД и германской военной разведки, он дал следующую расписку: «Я, Зайц Кирилл Иванович, обязуюсь оказывать всяческое содействие СД и немецкой армии в их борьбе с большевиками. Я обязуюсь строго выполнять все указания и задания СД, а также хранить в тайне связь с СД» [Архив УФСБ СПб и ЛО: П-88727. Л. 28].³⁶⁹

С некоторых священников о. Кирилл Зайц лично взял подписку о сотрудничестве с СД. В результате предательской деятельности Православной Миссии и подчинённого ей духовенства, по далеко не полным данным, было выявлено и передано в руки СД 144 советских патриота, проводивших активную работу против немцев.³⁷⁰

Именно отец Кирилл назначил благочинным Ушаковского (а затем Гатчинского) округа самосвята И. В. Амозова.³⁷¹ Лишь спустя годы была подтверждена его предательская деятельность по отношению ко многим священникам Миссии. С раннего

детства, обученный молитвам и зная богослужебное правило, в 1941-1944 гг. он выдавал себя за священника, хотя таковым не являлся (не был рукоположен). В действительности этот человек был членом ВКП(б), находился на различных партийных должностях, в июне 1936 года был арестован и осуждён на 5 лет за различные махинации и мошенничество. Возвращаясь в 1941 году к семье в Ленинград после отбытия срока, он попал в плен к немцам. Здесь он выдал себя за священника, пребывавшего в заключении за веру. Сначала он служил священником в Шлиссельбурге, Мге, Лезье и Шапках (с его слов), затем был направлен в село Ушаки Тосненского района. Не раз Амосов оговаривал других священников перед церковным руководством и перед немецкими властями. По его доносу были расстреляны И. Суслин и А. Петров. С лета 1942 года он был отстранён от служения, но затем вновь допущен. С 1943 года по май 1944 года он служил в разных церквях, в том числе и в посёлке Тосно. Будучи благочинным, он продолжал по своему усмотрению назначать или устранять тех священников, которые по каким-либо причинам были ему неудобны.

Вот список священнослужителей ³⁷¹, служивших в храмах Тосненского района в годы войны под началом Амосова:

1. Протоирей Жарков Пётр Иванович (1891-1979).

С конца 1941 г. служил в Никольской кладбищенской церкви пос. Саблино, одновременно работая фельдшером в железнодорожной большице. Позже служил в храмах Любани и с. Ушаки. По доносу Амосова был арестован СД, но затем выпущен. Далее служил во Пскове.

2. Протоирей Медведский Иоанн.

До 1937 года настоятель церкви в с. Хоченье Тосненского района. В 1941-1942 гг. служил в Петропавловской церкви г. Любань. Скончался в декабре 1942 года.

3. Протоирей Осьминский Дмитрий Николаевич (1878-1952).

Служил до войны в с. Доброе Тосненского района. Затем – в Троицкой церкви на ст. Поповка (пос. Самопомощь), где служил до ноября 1941 года. (Свято-Троицкая церковь была закрыта весной 1941 года, вновь открыта в сентябре 1941 года). После выселения из прифронтовой полосы бежал в Оредежский район. С 6 декабря 1945 года назначен настоятелем Саблинской Никольской церкви.

4. Священник Азиатский Алексей Семёнович (1877-1953).

С конца 1941 года приглашён служить в церковь села Коровий Ручей. По разрушении церкви и села в ходе боевых действий (1942 г.) удалился в дер. Апраксин Бор того же прихода, где пробыл до 1943 года. 1 января 1943 года был приглашён в Любань для погребения настоятеля Петропавловской церкви протоирея Иоанна Медведского. Занял его место. С 1 января 1943 года по 15 октября 1943 года служил в церкви г. Любань. Вместе со всем населением был депортирован 15 октября 1943 года в Латвию. 30 апреля 1945 года вернулся в Любань.

5. Священник Багрянский Николай Тимофеевич (род. в 1895 г.).

К лету 1941 года работал чернорабочим в Любани. В декабре 1942 года вступил в РОА. Рукоположен в июле 1943 года. Предполагается, что служил в пос. Лисино-Корпус (?).

6. Священник Маров Пётр, служил в Саблино.

7. Иеромонах Афиноген (Агапов Василий Кузьмич 1881-1979) – 2-й священник в Тосно.

Постриженник Макарьевской Пустыни, впоследствии знаменитый духовник

Псково-Печерского монастыря (архимандрит). С конца 1941 года по 1 апреля 1942 года служил в Любани, в Тосно – с 1 апреля 1942 года по 26 октября 1943 года.

8. Диакон Яковлев Михаил Николаевич (1889-1980).

К 1942 году служил в пос. Саблино, с мая по ноябрь 1943 года – в Петропавловской церкви в Любани. Депортирован в Латвию.

9. Протоирей Мартынов Василий .

Служил Покровской церкви села Будково. (*точнее – в церкви села Замостье, расположенном в 500 м от деревни Будково. – Авт.*) Церковь действовала с 1941 по 1942 годы.

10. Особняком в этом ряду стоит иеромонах Кирилл (Смирнов), впоследствии схиархимандрит Косма (1885-1968).

Судьба этого человека уникальна. В годы войны он осуществлял служение самостоятельно – то есть вне юрисдикции Псковской Миссии, так как уже до войны носил священнический сан. Служил в пос. Саблино в Никольской кладбищенской церкви. В ноябре 1942 года священник И. Амосов (будучи благочинным) запретил ему служить и сдал органам СД как самозванца и пособника партизан. Отца Кирилла немедленно приговорили к расстрелу. Два вооружённых немецких солдата увезли его в лес. Вот, что вспоминал о. Кирилл об этом эпизоде своей жизни: «Я перекрестился, закрыл глаза, сложил руки на груди. Слышу три выстрела. Это моя смерть. Глаза не открываю. После выстрелов не падаю. Почему? Потом подходят немцы, ищут дырки от пуль на моей телогрейке. Нет ни одной. Тогда говорят по-русски: «Ты нас не подведёшь?» Я открыл глаза и вздрогнул: «В чём?» – «Мы тебя убивать не будем, если ты будешь скрываться от нашей комендатуры. Не показывайся, пока она не переедет. Если покажешься, нас расстреляют». Я им дал слово, что не буду показываться. Они завели машину и уехали. Добирался ночами до Саблино. Брату и многим людям было уже известно, что меня расстреляли. Я ночью пришёл к брату и постучал. Он открыл по голосу. Не верил, что перед ним я. Открыл, мы обнялись и заплакали».

Близкие держали в тайне место, где скрывался о. Кирилл. Только в мае 1943 года в Псковской Миссии ему дали «добро» на служение. Он проводил богослужения в Любани, в Пельгоре, Ильинском Погосте, в сёлах Хоченье и Сустье-Поляны. Осенью 1943 года был депортирован вместе с паствой в Латвию, где и оставался затем вплоть до своей кончины». ³⁷²

Находясь внутри несправедливой ситуации, честные и добросовестные священники старались, как могли, поправить дело. Но даже и они оказывались в двусмысленном положении, что уж говорить об остальных! Это происходило потому, что каждый, кто вынужден был работать под крылом Миссии, желал он того или нет, в любом случае становился проводником немецкой оккупационной политики.

Утешая паству, совершая требы и не участвуя, казалось бы, в политике (не читая нацистских проповедей), такие священники одним фактом причастности к Миссии были включены в систему гитлеровской пропаганды. Не подозревая, что работают на врага, они создавали ему своими действиями прекрасный пиар, своего рода ширму, прикрывающую с одной стороны виселицы и концлагеря, а с другой стороны – способствовали формированию у населения убеждения, что «новый порядок» установился навечно, при этом напрочь забывая о том, что сказано в Священном Писании: «Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые.

Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» (Мф. 7 : 16 – 19). И ещё: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам узнаете их» (Мф. 7: 15).

А ведь в данном случае, так же, как и в истории с РОА, когда генералу Власову, словно какой-то «манок» нацисты бросили идею Свободной России (правда, ничего конкретно не обещая), Православной Миссии была обещана возможность свободного отправления религиозного культа. На деле же это был лишь хитроумный тактический ход германских властей. Истинные же планы относительно будущего Русской Церкви были высказаны Гитлером в застольных беседах со своим сподвижниками: «В наших интересах лучше всего было бы, если бы в каждой русской деревне была своя собственная секта со своим собственным представлением о Боге. Если у них там начнут возникать всякие колдовские или сатанинские культы, как у негров или индейцев, то это будет заслуживать всяческой поддержки. Чем больше моментов, разрывающих на части СССР, тем лучше».³⁷³

То, что ни просто честные батюшки, ни высшие иерархи Миссии не разглядели «волка в овечьей шкуре», стало возможным только по одной причине: они, несмотря на всю их видимую любовь к народу, оказались внутренне ему чужды. Никто из них не смог бы повторить вслед за Анной Ахматовой:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я тогда была с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

И об этом можно только сожалеть.

Дети в оккупации

Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись, ребёнок –
Последний гражданин села.
Испуганный котёнок белый,
Обломки печки и трубы –
И это всё, что уцелело
От прежней жизни и избы.
Стоит белоголовый Петя
И плачет, как старик, без слёз,
Три года прожил он на свете,
А что узнал и перенёс!
При нём избу его спалили,
Угнали маму со двора,
И в наспах вырытой могиле
Лежит убитая сестра.
Не выпускай, боец, винтовки,
Пока не отомстишь врагу
За кровь, пролитую в Поповке,
И за ребёнка на снегу.

Самуил Маршак
1943

Пожалуй, наиболее пострадавшими в результате немецко-фашистской агрессии на оккупированной территории оказались дети. Именно на них пришёлся основной удар, нацеленный на подрыв биологической силы русского народа. С приходом немцев у детей кончилось детство, и наступила пора выживания. Всё, что до войны казалось нормальным и естественным в их жизни, с определённого момента стало вдруг сложным, полным всевозможных трудностей и неожиданных опасностей.

Панкратов Виктор Михайлович, 1930 г. р., дер. Новинка ³⁷⁴:

«Немцы считали себя хозяевами, думали, что пришли сюда навсегда. На Новолинском ручье были сделаны для них бункеры. Один из бункеров был штабной. Мальчишки помладше нас – среди них был и мой брат Николай, играли: на прутья надевали пустую гильзу от патрона и бросали. Однажды швырнули так, что разбили стекло в штабном бункере. Коля Худяков, Толя Панкратьев и я оказались в виноватых. Писарь пришёл за нами с огромной овчаркой. В бункере заставил лечь на табуретку и «угощал» плёткой. Мы громко плакали и говорили, что это сделали не мы. Но он нам не поверил и приказал каждому принести по стеклу. Толька и Коля принесли стёкла из дома. В на-

148. Такими куклами-пеленашками играли дети в годы оккупации (реконструкция). 2017 г.

тельность.

*Чугунова Вера Ивановна, 1930 г. р., дер. Еглизи*¹⁷⁴:

«Во время войны мы ни в какие игры не играли – сидели дома за шкафом. В лес немцы тоже не пускали, да и боязно было. Но по деревне мы иногда находили и собирали немецкие коробочки из-под сигарет. Немцы бросали, а мы найдём и глядим. Вроде игрушек».

В то же время нельзя однозначно утверждать, что дети в оккупации вообще перестали играть. Да, игрушек в современном их виде, действительно, не было, но были игрушки самодельные. Именно в этот (военный) период появляются куклы не этнографические, привычно существовавшие до этого в крестьянских семьях в качестве символических «кукол-оберегов», но физические «куклы-обереги»: они реально помогали детям пережить ужас войны.

Усанова (Солодова) Вера Ивановна, 1933 г.р., пос. Тосно:³⁷⁵

«Мы и спать ложились с куклами, чтобы не было так страшно, ведь ночью бомбили, а днём – обстреливали. Куколка как бы снимала тяжесть, и казалось, что становится легче».

Куклы делали из подручного материала: из тряпок, материнских платков, из ложек, из травы и соломы, вырезали из бумаги.

Часто детям в этом помогали матери или бабушки. Но нередко за дело брались и сами дети:

Тамара Дубовая (Федюнова):³⁷⁵

«Когда началась война мне было 5 лет. Мама и бабушка кукол не шили – они были слишком заняты. Мы сами, девочки, смотрели, у кого какие куклы были, и такие мастерили себе. Чаще всего брали лоскуток ткани – примерно 10 на 15 см (иногда даже меньше). Вообще-то старались маленьких куколок делать. Делали нетугую скатку, сгибали, перевязывали ниткой. Химическим карандашом рисовали глаза, нос и рот. Затем одевали куклу в платье. Грубоватые были куклы. Мне нравились маленькие куколки, которые можно было положить в маленькую картонную коробочку или мешочек со всеми нарядами. Для нарядов требовались и лоскуточки маленькие».

шем доме стекла не было. Тогда я решил снять стекло с иконы – она была спрятана на чердаке. Маме я признался сразу, она меня не ругала...»

*Назаров Борис Николаевич, 1929 г. р., г. Любань*⁷⁸:

«Однажды пришёл на станцию Любань состав с танками «Тигр». Я стал переползать под вагонами на другую сторону и не увидел охраны. Получил сильный пинок в задницу кованым сапогом и целый месяц проболел».

Дети по-разному воспринимали окружающую действительность.

Сашилина (Данилова) Елена Георгиевна, 1939 г.р., пос. Тосно.³⁷⁵

«Во время войны мы делали бумажные куклы, так как часто трудно было найти тряпочку».

Горячева (Данилова) Лидия Георгиевна, 1935 г.р., пос. Тосно.³⁷⁵

«Мы брали обыкновенное полено (примерно 30 см), и окутывали его как бы платьем. Это могла быть мешковина или рукав телогрейки. Голова – тряпичный мешочек, набитый травой или паклей. Лицо разрисовывалось карандашом. Голову кукле повязывали платком».

Куколки были неказистые на вид. У них не было яркой одежды, так они изготовлялись из подручного (зачастую очень скромного) материала. Однако именно эти невзрачные куколки помогали детям сохранять представление о нормальной человеческой жизни, о добре, о дружбе, о человечности. Они не давала им опуститься, уподобиться маленьким «зверёнышам».

Основные игры с куклами были «в семью» и «в дочки-матери». Делались тележки с колёсами из пустых катушек от ниток, домики с постельками. А ещё куклам устраивались праздники:

Усанова (Солодова) Вера Ивановна, 1933 г.р., пос. Тосно.³⁷⁵

«Приближался Новый Год. Немцам присылали из Германии посылки. А в них были сладко пахнущие бисквиты. И были там ещё такие коробочки с маленькими ёлочками, в которых эти бисквиты лежали. Немцы бросали коробочки, а мы подбирали – они так вкусно пахли! Мы были очень голодные, и даже хотели их попробовать (взять в рот). Ёлочки мы тоже подбирали, чтобы ими играть. Однажды мы собрали эти ёлочки, принесли своих кукол и устроили им праздник – Новый Год! До войны я ходила в детский сад, и по-этому знала, как надо делать. Мы рассадили кукол. Потом они водили у нас хоровод и пели: «В лесу родилась ёлочка...»

И всё же в куклы играли в основном младшие дети, как правило, до 7-8 лет. Тех же, кто был постарше, голод вынуждал не столько думать о куклах, сколько искать еду. Причём многим из них приходилось добывать пропитание не только для себя, но и для других членов своей семьи. Делалось это различными способами: от вполне допустимых (в тех условиях), до

149. Куклы из подручного материала (реконструкция). 2017 г.

150. Маленькие игровые куклы (реконструкция). 2017 г.

предельно рискованных. Так, в частности, старшие дети, в силу своей возрастной активности и притуплённого чувства опасности, сознательно организовывались в группы с целью тащить у немцев всё, что плохо лежит. Но такие затеи, как правило, были смертельно рискованными.

Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань.⁸¹

«Однажды подростки с немецкой машины украли продукты и их за воровство немцы повесили. Немцы сами не воруют и думали, что и мы не станем. Ну и машины не закрывали. А мы ведь голодные! Ребята видят – охраны нет, ну и взяли, утащили. Виселица была на шоссе Москва-Ленинград. Там раньше стоял памятник Ленину. Немцы памятник убрали и поставили виселицу».

Планин Леонид Михайлович, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵²:

«Да, расстреляли ещё на Октябрьской улице пацанов. Как это было? Немцам послали посылки, а наши что придумали: дорога там из брёвен, она трещала, немцы, видимо, остановились и стали её ремонтировать. Пока они дорогой занимались, ребята в кузов забрались и посылки оттуда повыбрасывали. Вот их так и поймали. Им по 15-16 лет было, тем пацанам...»

«На станции (*Саблино. – Авт.*) группа подростков вскрыла неохраняемый вагон и набрала столько всего, сколько могли унести. Мальчишки в основном брали продукты, а Маше (*ей было 12 лет. – Авт.*) достались восковые свечи. Принесла домой, но отец обрадовался, а, наоборот, очень рассердился. Спрятал свечи в навозную кучу, чтоб собаки-ищейки не унюхали. По этой же причине следы Маши к дому присыпал табаком. А мальчишек поймали и публично казнили. Было им по 15-16 лет».³⁷⁶

151. Немецкий солдат и группа подростков

А вот рассказ непосредственного участника подобных рейдов:

Кондаков Леонид Николаевич, 1925 г. р., пос. Тосно: ⁴⁵

«А ещё, бывало, стоишь на перекрёстке, где сейчас музей, немцы едут на грузовой машине. А ты зацепишься крючком и едешь на коньках до конца улицы Ленина в сторону Ленинграда. До переезда доезжаешь, – это где сейчас мост, там раньше был просто переезд, – машина немножко притормаживает, а ты отцепляешься. Или забираешься вовнутрь, а там – ящики. Коньком ящик взломаешь – колбаса. Где сейчас баня, там был бункер, куда мы всё переносили. Ребята выбрасывали из машины в канаву – тушёнку, колбасу. Они упадут в снег – их не видно.

Выбросили как-то мешок с посылками. Пришли в бункер и давай посылки раскрывать: письма выбрасываем, а что съестное – себе. А немцы заметили, что один идёт и ест, второй идёт, тоже ест. Они пошли, посмотрели, а там набросаны письма немецкие. Одного парня подождали, поймали, стукнули разок – он всех и выдал. Всё рассказал: кто, где, что. Хорошо, что он не знал, где я живу. А тех, кого знал, тех повели. На ручей вывели и расстреляли. Я обратно иду – полицейские одежду их несут, их же раздевали перед расстрелом...»

Но чаще всего дети воровали просто от голода, не в силах совладать с собой при виде куска хлеба. И за это их также жестоко наказывали.

Бисиков Анатолий Александрович, 1930 г. р., дер. Степановка ^{32:}

«Помню, как Колю Абросимова повесили за то, что он забрался в рабочую столовую за хлебом. Есть-то пацанам всё время хотелось. И, вот, его немцы поймали. Было ему тогда 11 лет. Его сначала трое суток продержали в подвале. А потом вывели на площадь возле земской школы. наших рабочих заставили вкопать два столба и сделать поперечину. Там, на площади, уже стояли его отец, мать и сестра. Вывели его, поставили на табуретку, петлю ему надели, он только крикнуть успел: «Я не комсомолец, но умираю комсомольцем!» А тут подошёл маленький немецкий офицер и табуретку эту выбил из-под ног. Он сразу в петле и закрутился. Трое суток не давали его убрать, так и висел...»

Орлова (Рубачёва) Вера Васильевна, 1937 г. р., пос. Тосно ^{61:}

«Однажды пошёл мой младший братик и увидел у немцев, что жили у нас в доме, на столе хлеб с колбасой – у нас такой круглый большой стол был в доме. Он схватил и откусил. Так они его так били, так били! Чуть не убили! Мама потом жаловаться на них пошла к коменданту. Говорит: «Что вы так ребёнка изуродовали?» А он в ответ: «Что хотим, то и делаем! Вас коммунисты здесь оставили...» Ну, правильно! Все убежали, а мы-то кому нужны?.. Всем в блокаду хоть по чуть-чуть хлеба давали, а нам никто не давал! Выпросим, дай Бог, кусочек какой-нибудь заплесневелый, так и тому рады были».

«В феврале 1942 года в деревне Кирково из столовой фашистских солдат пропала буханка хлеба. По подозрению в краже в деревне были схвачены два подростка – Ваня Григорьев и Толя Пухтеев. Три дня их пытали. Избитых и окровавленных детей водили для устрашения по деревне. Мальчишки, поддерживая друг друга, босыми ногами шли по снегу. На их лицах слёз уже не было. Не добившись признания, фашисты казнили ребят» ³⁷⁷.

Андреева М., 1932 г. р., дер. Дритовно ^{205:}

«До сих пор перед глазами этот ужас, как немцы мучили и избивали мальчика – у них он украл буханку хлеба. Избивали плёткой, потом бросили в сарай, облили хо-

лодной водой из колодца. Были сильные морозы, он сбежал и пришёл домой. Немцы утром видят, а его нет. Пришли домой, взяли и гнали раздетого и босого по снегу. Расстреляли и распяли, как Иисуса Христа. Повесили посреди деревни и выгоняли всех из домов, чтобы смотреть. Помню, я стояла и очень плакала. Их было пятеро детей, отец у них был на фронте, а мать умерла. Вот что я видела в своём детстве».

Война никому не давала скидок. Поиск пропитания всегда таил в себе серьёзную опасность.

152. Маленький мальчик на скамейке возле дома

Шитикова (Белиева) Г. А., 1931 г.р., дер. Новинка:¹³²

«В Тосно находилась бойня. Отбросы вместе с навозом выбрасывали в большой ящик. Ребята сделали длинные крючки и вылавливали кишки и куски кожи. Наши мамы чистили всё это и варили: какая-никакая добавка к пустой баланде. Однажды Симу (сестру) чуть не утопили в этом ящике. Немец столкнул её с подмостков, она упала вниз и едва не захлебнулась в дерьме. Немцы стояли рядом и хохотали. Двоюродный брат Шурик вытащил Симу своим крючком».

Серова (Рогова) Елизавета Ивановна, 1937 г.р., дер. Буреги (Новгородская область):¹³²

«Везде стояли немецкие кухни, всюду готовилась еда. И я с бидончиком ходила туда. А однажды меня облили кипятком. Немец это специально сделал. Надоели ему

русские – всё клячат, клячат еду. Надоело ему всё это, вот и ошпарил маленькую девочку, чтобы не надоедала».

*Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г.р., пос. Тосно:*³⁶

«Я чистила им сапоги. Бывало, так чистишь, что свою рожу было видеть. Один раз я немцу плохо вычистила сапоги, так он меня голенищами по роже-то и отходил».

Нельзя сказать, что оккупационные власти ничего не предпринимали, чтобы как-то организовать детей. И делать это предполагалось руками школьных учителей. Дети обязаны были посещать школу. К работе привлекалась также и Церковь: в школах обязательным становился Закон Божьего. Перед началом занятий читалась молитва «Царю Небесный», а после занятий – «Достойно есть»³⁷⁸. Однако школы в прифронтовых районах не могли функционировать нормально, ведь общая обстановка не способствовала организации эффективной учебной работы.

*Андреева (Чернякова) Нина Ивановна, 1934 г. р., пос. Тосно*¹⁷¹:

«В школу я при немцах пошла. Утром приходишь: там поп, он читал молитву, и мы молились. А потом начинались занятия. Я даже не помню, как мы занимались, что мы писали, на русском или на немецком. Были такие тетрадки, не такие, как сейчас. До холодов ходили в школу – месяц или два. Если бомбёжка, то под парту лезли, потом в подвал бегали, а потом вообще мать не пустила. Сказала: «Нечего там делать. Кончится война, если останемся живы, то будем ходить в школу».

*Белугина (Калинина) Нина Владимировна, 1932 г. р., пос. Тосно*¹¹⁶:

«Немцы открыли школу. Я до войны окончила 2 класса. Они открыли школу за Балашовкой: там стоял 2-х этажный деревянный дом. Я пошла в 3-й класс. Они ввели там Закон Божий, что для нас было в новинку. Но учились мы недолго из-за бомбёжек. Помню, что немцы заходили, проверяли, как идёт работа».

*Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань*⁸¹:

«Во время войны в школе учились только начальные классы. Школа была на Советском, где монастырское подворье. Мой брат пошёл, а я уже обучена была. Он сходил день или два и говорит: «Мама, не пойду больше!» Она ему: «Иди, сыночек, ведь там паёк дают» – а детям давали паёк какой-то, – «Почему ты не хочешь идти?» А он отвечает: «Там поп». То есть, там преподавали Закон Божий. Больше его мама не уговорила. Не стал он ходить».

*Слатина Онега Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно*⁵⁹:

«Я во 2-й класс в школу пошла, когда немцы школу открыли. А почему я пошла? Потому что в школе давали вот такой маленький кусочек хлеба и чуть-чуть песочку сверху посыпали».

Для голодных детей кусочек хлеба был серьезной мотивацией. А к родителям, которые отказывались посылать своих детей в школу, могли применяться и санкции в виде штрафов, ведь вся политика оккупантов в сфере народного образования находилась в ведении (и во многом курировалась) Министерством пропаганды, которым руководил Геббельс. И, так как одной из главных задач этого учреждения была «дебольшевизация» населения оккупированных территорий, то основной упор здесь делался именно на подрастающее поколение. Отсюда следовало, что «новая русская школа» должна была воспитывать заведомо пронемецки настроенных людей.

В такой школе планировалось прививать ученикам навыки немецкой культуры. Дети должны были приходиться на занятия за 15 минут до их начала аккуратно и чисто одетыми: мальчики со стрижками, девочки – с косичками. На переменах они не могли

153. Мальчик чистит сапоги немецкому солдату

шуметь, бегать или создавать беспорядок. Урок должен был длиться 45 минут, а перемена – 10. Согласно немецким педагогическим установкам, оновная задача русской школы заключалась не столько в обучении школьников, сколько в воспитании у них послушания, дисциплины и прилежания.

Первый учебный год во многом был «пробным», ведь немцы даже не предполагали, что война не закончится к зиме 1941-42 года. Поэтому дети учились, как придётся, по старым учебникам (если они были), не имея нужных пособий и школьных принадлежностей.

Мыльцева Зоя Михайловна, 1933 г. р., пос. Тосно ³⁷⁹.

«В сентябре 1941 года начались уроки в школе на улице Октябрьской. Учились дети разного возраста в одной комнате, писали на обрывках бумаги и на обоях. Учебников не было. Помню, учительницу звали Румянцева Екатерина Ивановна. Эта школа существовала недолго – месяца полтора, так как находилась рядом с железной дорогой, которую часто бомбили. После одной из бомбёжек от школы остались развалины».

Неудачу своей образовательной политики признавали и сами немцы.

Документ № 42

Начальник полиции безопасности   Берлин, 8 апреля 1942 г.
И СД   Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 190

Информация Айнзатцгрупп и команд.
Настроение и положение населения перед 18-й армией
(под г. Ленинградом)

*«В отношении состояния школьной системы также нельзя сказать ничего нового. Жалкие попытки изменить что-либо в сфере школьного образования были задушены всё теми же проблемами: крайне тяжёлое продовольственное положение и холод. Также сказывался и недостаток преподавательского состава. Из-за опасности бродяжничества школьников население выражало пожелание, чтобы со стороны немецкого штаба особое внимание уделялось школьной системе».*³⁸⁰

Целенаправленная школьная политика оккупантов началась с весны 1942 года, когда план «молниеносной войны» был окончательно сорван Красной армией. Особенно актуальной в этих условиях становилась задача обеспечения порядка в тыловых районах вермахта, и, следовательно, необходимости контроля за умонастроениями местной молодёжи. Следовало всеми способами ослаблять на неё влияние со стороны представителей антифашистского сопротивления. Школы должны были превратиться в, своего рода, пропагандистские учреждения. Но это касалось, в основном, школ среднего звена. Начальные же школы должны были давать только азы грамотности, и по этой причине они были в меньшей степени идеологизированы.

В прифронтовой зоне располагались главным образом начальные школы. Это положение относится и к Тосненскому району.

В сложившейся ситуации внимание администрации обратилось на более тщательную организацию учебного процесса. Начальная школа являлась бесплатной (на что постоянно указывала нацистская пропаганда). В 1-м и 2-м классах изучался русский язык, а начиная с 3-го – немецкий. Появились и новые учебники. На Северо-Западе России для учеников 1–4 классов за основу брались учебные пособия, изданные в Риге на русском языке в начале 1930-х годов. А те, в свою очередь, являлись перепечатками с дореволюционных изданий, особенно «Родное слово» для первого класса.³⁸¹ В этих учебниках помимо прочего, уделялось большое внимание творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и др. Но содержанием занятий по-прежнему оставались установки на труд и прилежание, а также – на антисемитизм. У детей исподволь должно было сложиться впечатление, что все великие русские писатели преклонялись перед немецкой культурой и были юдофобами.

В большинстве школ занятия возобновились с октября 1942 года.

«Гитлеровцы надеялись и даже были уверены, что захватывают нашу страну навсегда. Они даже учебники для русских детей заранее отпечатали, да ещё на русском языке. Были в этих учебниках и стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, но только те, которые отвечали немецким замыслам о воспитании. На дом учебники не выдавались. Школа начала работать 1-го сентября в двухэтажном поповском доме возле церкви. Она была начальной одноклассной, то есть во всех 4-х классах занятия проходили одновременно и проводились одной учительницей Марией Ивановной (фамилия не известна). Но с третьего класса обязательным предметом был немецкий язык, и его преподавал немецкий холуй Коновалов. Обязательным было изучение Закона Божьего. Некоторые дети посещали школу только потому, что там 1 раз в день кормили. Эта школа просуществовала 1 учебный год, и то не полный (только до весны. В здании же бывшей советской школы в первом этаже немцы устроили гараж» (Иванов М. Ф., пос. Лисино-Корпус).³⁸²

В Тосно в 1942 году продолжила свою работу начальная школа, размещавшаяся в одном из помещений бывшей каменной церкви Казанской иконы Божией Матери (в

самой церкви с 27 октября 1942 года располагался немецкий лазарет на 100 коек.³⁸³ Остальные госненские школы, работавшие до войны, также были приспособлены под немецкие госпитали). О том, какие предметы преподавались в этой школе, можно узнать из Табеля успеваемости за 1942 – 1943 год ученика 2-го класса Юрия Астафьева:

1. Чтение
2. Письмо
3. Чистописание
4. Арифметика
5. Краеведение
6. Рисование
7. Рукоделие
8. Поведение
9. Прилежание

О работе школ в Тосненском районе коллаборационистская пресса писала: Газета «Северное слово» 1943 год № 1 (январь), В. Курский: «Там, где поезд дальше не идёт»¹⁵⁹:

«В Шапках к первому января приурочивается открытие школы на 120 человек. В школе будут работать 4 учителя».

Газета «За Родину» 1943 год 22 июля (№ 168) «На каникулы. Жизнь в новой России. (Тосно)»³⁸⁴:

«Учащиеся обеих школ закончили свой учебный год. Зима не прошла даром. По-

154. Урок закона Божьего в одной из школ Ленинградской области

старались и ученики, и учителя. Из 309 школьников – 36 окончили школу, 225 переведены в следующие классы, 25-ти ученикам даны переэкзаменовки. Они будут два раза в неделю заниматься под руководством своих учителей.

Началась подготовка к следующему учебному году. Дел много. В будущем году будут обслужены школами все без исключения дети в возрасте от 8 до 12 лет – а таких 550 человек. Потребуется оборудовать ещё два класса, подобрать четырёх новых учителей, отремонтировать помещения и заготовит учебные пособия».

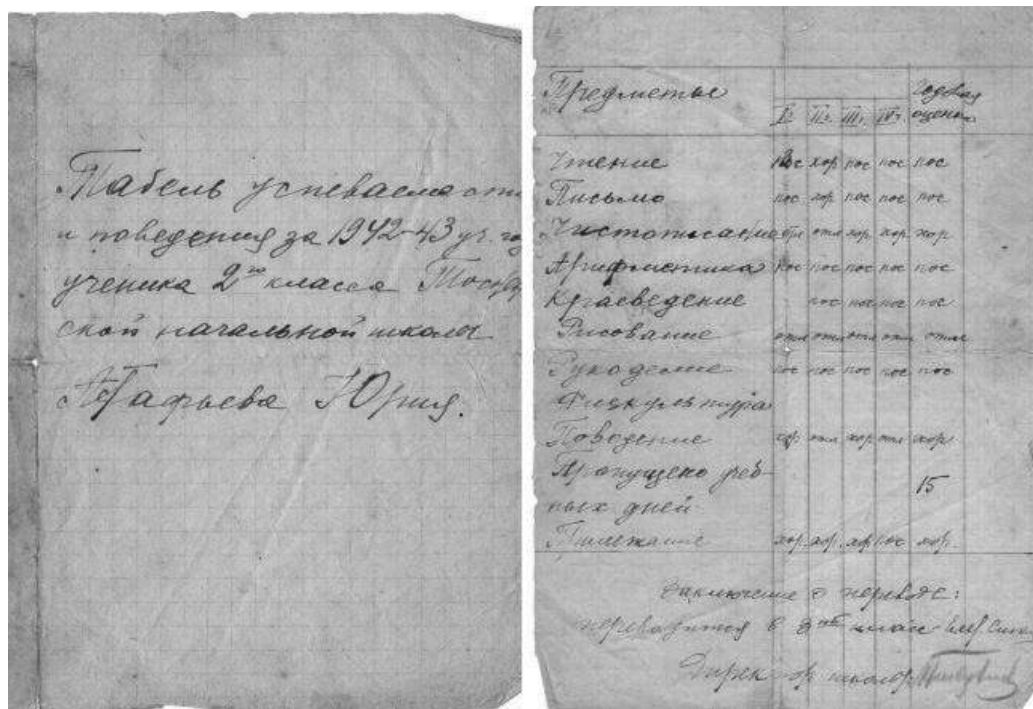
Однако подобная информация не соответствовала действительности. Учеников было существенно меньше. Большинство детей вообще не могло посещать школу по разным причинам. Подростки же, находившиеся в прифронтовой зоне, уже с 14 (а то и с 12 лет) обязаны были нести трудовую повинность.

Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно ¹¹⁸:

«Помню, к школе, к 1 сентября 41-го года я готовилась: сумка у меня была уже собрана – новенькие учебники, тетрадки. Всё лежало. А когда пришли немцы, и стала я работать на них, тогда-то меня и осенило: ведь я бы сейчас училась! Сидела бы в школе, портфель, вот, лежит, всё собрано хорошо, а я... работаю!.. И такая тоска у меня стала, такая тоска! Тогда-то я только и поняла, что такое Советская власть, и тогда-то я поняла, что такое немцы».

Максимова (Медведева) Валентина Николаевна, 1929 г. р., с. Никольское ⁵⁷:

«Мы работали все. И подростки работали, и я. Где школа двухэтажная в Никольском, там немцы нас собирали, ставили в шеренгу и распределяли, кого куда надо брать на работу. Вот, например, приходят немцы и ведут нас или в комнате убирать, или что-то другое делать, постирать, например. Ну, мы были рабы, сами понимаете... Или, вот, например, у завода «Сокол» взрослые спиливали высокие

155. Табель успеваемости за 1942-43 учебный год ученика 2-го класса Юрия Астафьева

деревья, а мы обрубали сучья и прокладывали немцам дорогу от "Сокола" до Мги. Там она до сих пор сохранилась. У нас был обычный рабочий день. Мы работали по 8 часов в день».

Забойкин Николай Петрович, 1926 г. р., дер. Староселье ⁷¹:

«Нам, мальчишкам, надо было, когда выпал снег, дорогу чистить от Староселья до Шапок. Нас было человек 40 – беженцев да деревенских. Однажды – мы же пацаны – чистим, и Шурик Афанасьев "хлесь" в меня снежок, я тоже – "хлесь" в него. А старший немец как даст мне подзатыльник, у меня шапка далеко улетела, я споткнулся, но, ничего, не упал. Это чтобы работали. А работай так: греби лопатой, никто не скажет: "Бери больше!" Если просто ковыряешь, то тоже ничего не скажет. Но если сядешь отдохнуть, то заорёт на тебя: "Иди, работай!"»

Ещё одна сторона жизни детей в оккупации – это факты использования их нацистскими спецслужбами для ведения разведывательной и диверсионной деятельности. В процессе вербовки немцы обращали внимание в первую очередь на беспризорных детей, скитающихся по прифронтовой зоне. Ленинградские чекисты сообщали:

«Германские разведывательные органы широко использовали подростков, забрасывали их в наши тылы, в частности в г. Ленинград, с задачами сигнализации ракетами в районах расположения частей Красной армии, военных заводов, мостов и т.д.

Так, например, 1) задержанный 10.10.41 г. при переходе зоны заграждения подросток Захаров Н.И. показал, что он завербован немецким офицером и переброшен через линию фронта для подачи сигналов ракетами во время налётов немецкой авиации на Ленинград в районах мостов, Кировского завода, стоянок кораблей Балтийского флота. При задержании у Захарова было обнаружено и изъято 38 ракет и одна ракетница; 2) задержанный 15.11.41 г. при переходе линии зоны заграждения подросток Фёдоров В.С. показал, что он завербован немецким капитаном и переброшен для подачи сигналов ракетами немецким самолётам в районах расположения воинских частей» ³⁸⁵.

Детей и подростков немцы использовали также в антипартизанской борьбе.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Для поимки партизан немцы мобилизуют свою агентуру из местного населения, предателей, а иногда для этих целей вербуют даже детей.

В Тосненском районе 8.X. с. г. в лесах, где скрываются партизаны, появилась группа в 12 человек детей, одетых в форму ремесленного училища, 2 женщины и 2 мужчины. Последние снабжены документами штаба Северо-Западного фронта за подписью некоего Фёдорова о том, что они являются участниками партизанского отряда. Группа устанавливает связь с партизанами, а вслед за нею идут карательные отряды из немцев» ³⁸⁶.

После поражения гитлеровцев под Москвой для германского командования стало ясно, что быстро закончить войну не удастся. Восточный фронт требовал всё больше и больше солдат. Лучшие представители нации гибли в жестоких

боях, а после Сталинграда перед руководством рейха вообще встал прямой вопрос: кем заселять оккупированные территории? Арийцев катастрофически не хватало. Необходимо было сделать послабления в расовом законодательстве. До этого СС своеобразно заботилось о чистоте немецкой расы – уничтожало «расово неполноценных». Теперь предстояло заняться детьми, расово пригодными для жизни в Германии. Была провозглашена политика сбора «немецкой крови» за рубежом.

По нацистской теории, германская кровь есть в каждом народе, который так или иначе в своей истории соприкасался с немцами. Процент таких людей в русском народе «специалистами» рейха оценивался в 1-2%. На оккупированной территории, в каждом населённом пункте, где до войны жили этнические немцы или имелось старое немецкое кладбище, теперь появлялись уполномоченные СС, которые должны были по специально разработанной шкале расовых признаков определять, не является ли тот или иной ребёнок дальним родственником какого-нибудь немца. Если эти дети, с точки зрения антропологии выглядели как чистокровные немцы, их могли усыновить в рейхе.

Громова (Мишихина) Евдокия Максимовна, 1929 г. р., г. Шлиссельбург ¹⁹⁶:

«Весна 1943 года, Тосно. Однажды набрела я на помойку возле немецкого госпиталя на пр. Ленина. Увидела что-то съедобное и вдруг слышу: "Девочка, подойди!". Я обернулась. На крыльце стоял немецкий офицер и манил меня пальцем. Я подошла. Он взял меня за руку и привёл в кухню, где русская женщина мыла посуду. Мне велели ей помогать. Работы на кухне хватало. Я всё время думала о том, с какой целью меня сюда взяли? Иногда подходил шеф – начальник госпиталя. Возьмёт за подбородок, осмотрит лицо, заглянет в рот (будто лошадь покупает).

Как-то в конце июня я, как всегда, мыла посуду и увидела, что ко мне направляются немцы: тот, что меня сюда привёл, сам шеф и ещё несколько человек. Один из них говорил по-русски. И вот что он мне сказал: "Господин шеф хочет увезти тебя в Германию на свою виллу. Ты начисто забудешь русский язык, будешь научена немецкому и воспитана по-немецки". Я сначала молчала, а потом заплакала. Сквозь слёзы выкрикнула: "Нет, нет, никогда!" Куда и страх делся... Шеф изрёк: "Три дня думай. Если "нет" – пойдёшь работать на дорогу".

В эти три дня у меня ни на минуту не возникало сомнений соглашаться или нет. И вот солнечным днём я оказалась на железной дороге возле депо. Здесь местные жители и заключённые немецких лагерей разгружали вагоны с гравием. Меня поставили на платформу одну и не давали разогнуться. Чуть остановлюсь – в меня летит камень. Недалеко работал с электрическими проводами наш пленный. Не выдержав, он со словами: "Сколько можно издеваться над ребёнком?!!" – бросился на охранника. Подбежали другие немцы и увели моего защитника...

Мой отказ ехать в Германию не прошёл бесследно, ко мне относились хуже, чем к остальным. Во время бомбёжки все бежали в укрытие, а меня конвоиры не отпускали. Я могла только прятаться под вагоном, дрожа от страха».

Но, может быть, одним из самых чудовищных преступлений, совершённых нацистами над детьми, это помещение их в концлагеря («трудовые лагеря»). Здесь они наравне со взрослыми испытали весь ужас фашистской неволи: жестоко голодали, замерзали, болели, подвергались физическому насилию и надруга-

156. Дети за колючей проволокой – величайшее преступление нацистов

тельству над личностью. (Те, кто прошёл через этот ад, спустя несколько десятилетий были признаны жертвами войны и получили статус «Малолетних узников фашистских концлагерей»).

В контексте этого нельзя не упомянуть о Вырицком детском концлагере, находившемся у границы Тосненского района в посёлке Вырица. Здесь на базе пионерского лагеря фабрики им. Володарского фашисты устроили лагерь принудительного труда для советских детей. Лагерь открылся 7 июля 1942 года и просуществовал до конца 1943 года, когда под натиском Красной армии немцы спешно покидали территорию Ленинградской области.

Открывая лагерь, немцы, как всегда, преподносили это событие как акт благотворительности: ими, якобы, двигало желание избавить русских детей от беспризорничества, вызванного военными невзгодами. На самом же деле, детей насильственно свозили из зоны ожесточённых боёв – из-под Шлиссельбурга и из-под Мги не с целью помощи, а с тем, чтобы они «не шатались праздно», а приносили пользу Германии.

Лагерь не считался по документам концентрационным, а назывался «детским домом», однако в этом «учреждении» дети не получали никакого ухода. В любом возрасте (за исключением грудничков) они обязаны были работать на сельскохозяйственном участке и в поле: заниматься прополкой, уборкой овощей и другим посильным трудом. Работа длилась с утра до вечера под присмотром надзирателей. А те, в свою очередь, не расставались с плётками. За малейшее нарушение правил детей (даже очень маленьких) сажали в карцер. Спали они на бумажных матрасах, набитых соломой, ели баланду из турнепса. Причём, на «первое» была жидкость, на «второе» – турнепс, на «третье» – кусочек хлеба. Немудрено, что

на территории лагеря была съедена вся трава. Дети всё время были голодными и завшивленными.

Результатом такого содержания стали болезни. Болели тифом, дизентерией, дистрофией, фурункулёзом и др. Соответственно, вне должной медицинской помощи много детей умирало. Есть свидетельства о том, что в этом лагере у них даже брали кровь для переливания раненым немецким солдатам. Но прямых подтверждений этому нет, так как, отступая, администрация лагеря уничтожила всю медицинскую документацию.

К сожалению, выжившие узники Вырицкого детского концлагеря не имеют статуса малолетних узников, так как по немецким данным такого концлагеря просто не существовало (был «детский дом»). Единственным свидетельством его реальности сегодня остаётся людская память, остатки фундаментов зданий, где содержались дети, да детские могилы.

Медицина и здравоохранение

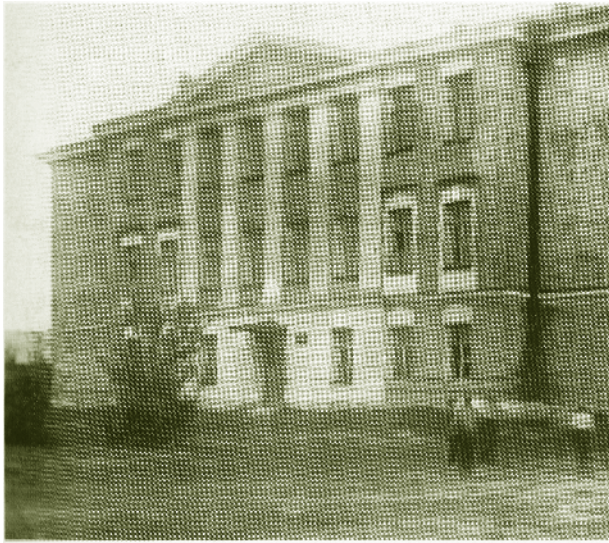
Уничтожение «лишних людей» на оккупированной территории предполагало разные методы, в том числе и оставление населения без должного медицинского обслуживания. Запрещалось оказывать педиатрическую помощь, делать прививки, проводить какие-либо оздоровительные мероприятия. С приходом немцев население на фоне непрекращающихся бомбёжек, артобстрелов, голода и крайне неблагоприятных бытовых условий должно было полагаться исключительно на свои силы, да ещё на милость оккупантов.

Кузьмина (Катъишева) Лидия Николаевна, 1937 г. р., с. Шапки ²⁸:

«Помню, что один немецкий солдат на нашем участке что-то со своим мотоциклом делал, а ребятишки прибежали смотреть. А немец тот взял банку с бензином горящим и разбил, специально или нет – не знаю. А потом бросил банку и попал в Серёжку. Тот и вспыхнул весь. Чулки и всё, что на нём было – всё вспыхнуло. А в это время другой немец мимо проходил, он Серёжку на землю повалил и огонь с него сбил. Мама бросилась в немецкий лазарет – он был в парке, напротив школы. Она на руках несла обгоревшего Серёжку, просила о помощи, а немцы её выгнали.

Но в посёлке нашем стояла часть танкистов, и Серёже потом перевязки всё-таки делал их врач – то ли его попросили, то ли он пожалел мальчика. Врач какой-то смолы принёс и попросил наложить. А потом уже гноилось всё, и кожа была очень тонкая, а ещё у Серёжи там грязь в ране была и уже началось заражение. Он так кричал во время этих перевязок! Приходил этот врач делать перевязки несколько раз и всё-таки выходил его! А так бы брат умер. И среди немцев тоже были люди...»

Так как Тосненский район входил в прифронтовую зону, то здесь постоянно велись боевые действия. Вот почему на его территории располагалось довольно много немецких полевых лазаретов и госпиталей. Их задача заключалась в обслуживании только солдат вермахта, но никак не мирных жителей. Основные немецкие лечебные учреж-

Здание земской школы, в котором во время Гражданской войны был устроен лазарет

157. Тосно. «Красная школа»

дителя которого был назначен врач-нейрохирург Йохан Хоппе. Этот лазарет был оборудован на базе барачков в районе современных улиц Гоголя, Полины Осипенко и Ани Алексеевой (бывшей Лётной), где до войны размещалась Школа подготовки лётного состава. Подробности жизни и работы данного госпиталя приводятся в письмах Хоппе к своей невесте и опубликованы в книге «... Счастливы быть рядом с тобой...»³⁸⁷.

Умерших в немецких госпиталях хоронили на кладбищах в Тосно, которых было много (около каждого госпиталя находилось кладбище). Ухаживали за ранеными за еду местные девушки и женщины, прошедшие перед этим предварительную подготовку.

*Евсеева (Гагарина) Екатерина Васильевна, 1923 г. р., пос. Тосно*¹⁴.

«Обслуга лазарета питалась на месте. Ей готовили попутно в той же столовой – баланду, редко, когда оставались остатки пищи от больных. Сначала можно было принимать пищу в помещении столовой, но вскоре запретили и приходилось прятаться с тарелками по углам.

Из состава лечащих врачей запомнился полный, пожилой немец, он выполнял функции главного, и молодой, худощавый с большим носом – хирург Эккерт (вежливый, культурный немец). Эккерт был человечный доктор. Был у нас такой случай. Мы должны были разносить обед. Это наше дело. Во время обхода врача мы шли рядом и знали, кому что надо. И со мной была девочка, с которой мы вместе учились в институте. Она хорошо знала немецкий язык. Она говорит санитару, который нами командовал: «Этому больному нельзя это кушать!» Он сказал ей: «Не суйся не в своё дело!» Она стала с ним спорить. Он дал ей пощёчину. Она бросила всё и убежала. Врачи жили в построенных бараках. Она дождалась врача и всё ему рассказала. Врач ничего не ответил, но утром у нас уже был другой санитар.

Когда бомбили лазарет («Красную школу») советские самолёты, то пострадало левое крыло здания, но из людей никто не пострадал. После этого лазарет перевели в типографию и бараки».

дения располагались в каменных зданиях:

1) в новой средней школе («Белая школа» на Коллективной – ныне ул. Боярова, «Дом юного техника»);

2) в железнодорожной школе № 26 («Красная школа» – ныне отель «Тосно»);

3) в здании бывшей церкви Казанской иконы Божией Матери.

В 1942 году на Ленинградском и Волховском фронтах усилилась работа снайперов. Соответственно, среди немецких солдат возросло число раненых в голову, и появилась необходимость в специализированном нейрохирургическом отделении. В Тосно был открыт ещё один лазарет, руко-

Несмотря на изначальное решение гитлеровского командования оставить всё население оккупированных территорий без врачебной помощи, оно всё-таки понимало, что пока на ней находятся части вермахта, солдаты будут подвержены опасности оказаться в очаге различных опасных инфекций. Вот почему какие-то меры по санитарной обработке данной территории оккупационными властями всё-таки предпринимались.

Документ № 32

Белая школа. 1930-е гг.

Начальник полиции безопасности
Берлин, 21 ноября 1941 г.
И СД

158. Тосно. «Белая» школа

Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 136

Деятельность Айнзатцгруппы А.

«Дабы предотвратить возможную вспышку эпидемии грядущей весной, заблаговременно стали приниматься меры по очистке помещений от трупов. Их складывают в определённом месте, чтобы после таяния снега похоронить».³⁸⁸

Документ № 42

Начальник полиции безопасности
И СД

Берлин, 8 апреля 1942 г.
Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 190

Информация Айнзатцгрупп и команд.
Настроение и положение населения перед 18-й армией
(под г. Ленинградом)

«Говоря о здравоохранении, стоит упомянуть, что штабы вермахта уже предприняли меры, направленные на предотвращение эпидемий с наступлением тёплой погоды. В Пушкине местный комендант был занят формированием рабочей колонны для уборки домов, улиц и канализации.

Состояние домов престарелых, больниц и детских домов (если таковые ещё имелись) было ужасным. Их скорее можно рассматривать как рассадник заразы, а не как

санитарные учреждения. Это обстоятельство было известно в штабах вермахта и, соответственно, принимались какие-то меры для исправления этой ситуации. Для гражданского населения сооружались бани и заведения для избавления от вшей. Аптек было очень мало. В существовавших ещё аптеках и больницах отсутствовали самые необходимые медикаменты. В большинстве же населённых пунктов вообще не было ни аптек, ни больниц»³⁸⁹.

Ясно, что назвать такого рода деятельность врачебной помощью населению нельзя. Если такая помощь и оказывалась, то sporadически и исключительно по гуманным соображениям врачей, верных не столько расистской идее своего фюрера, сколько клятве Гиппократа.

*Савельева (Ружечка) Вера Иосифовна, 1933 г. р., пос. Тосно*³⁵²:

«Мне было 9 лет в 1942 году. Поздней осенью у меня заболел зуб и, хотя временами боль проходила, но я застудила его, гуляя по улице. На щеке образовалась гнойная опухоль. Щёку раздуло, кругом немцы, врачей нет. Мать испугалась и повела меня в немецкий госпиталь, который находился на территории бывшего аэродрома и Лётной улицы в кирпичных помещениях. Нас встретил врач. В госпиталь меня не пустили, а приняли в палатке рядом. Врач-хирург осмотрел щёку, разрешил её без наркоза (было не больно), рану обработал, наложил пластырь, и я ушла домой. Щека не болела, опухоли не было, но рана не заживала... Надо было удалить зуб, но врач в этом случае был не специалист, а первую помощь он мне оказал. Зуб удалили только после войны в Ленинграде. Рана зажила, но шрам остался до сих пор.

Прошло много лет, и вот в 2007 году в Тосненский музей приехал сын этого врача Рональд Хоппе. Меня пригласили на встречу, так как в музее знали историю с моим зубом. По рассказам сына этого врача, его отца Йохана Хоппе после ранения в 1943 году отправили в Германию, где он женился в 1944 году и у них родился сын – гость музея. На основании писем, которые писал отец девушке Инге в Германию, сын издал книгу «... Счастливы быть рядом с тобой...».

*Планин Леонид Михайлович, 1929 г. р., пос. Тосно*⁵²:

«Я помню, мне зуб лечил немец один. Да, заболел у меня зуб. И вытащил немец мне этот зуб».

*Громова (Мишихина) Евдокия Максимовна, 1929 г. р., г. Шлиссельбург*¹⁹⁶:

«Я как-то (в лагере) оцарапала ржавой проволокой ногу, она распухла и сильно болела. Одна женщина, бывшая медсестра, показала меня немецкому врачу. Он промыл мне рану, и я, хоть и медленно, стала поправляться».

*Ткаченко Е. А. (рассказ двоюродной сестры, 1936 г. р., дер. Сологубовка-Лезье)*³⁹⁰

«В апреле 1942 года я перебежала дорогу, завязла в грязи и на меня наехала немецкая машина. Из машины вышел солдат, вытащил меня, посадил на обочину дороги, и они уехали. Машина повредила мне правую ногу – открытый перелом. От боли и от страха плачу и вижу сквозь слёзы, как в тумане, что бежит ко мне моя мама, падает, поднимается, бежит, снова падает. Мама отнесла меня в госпиталь. Там врач сложил мне ногу, на всю её длину наложил гипс и потом на гипс что-то написал. Больше четырёх месяцев проходила я в гипсе. Кость, конечно, срослась, но под гипсом на коже появились нарывы, и я очень мучилась. Обратились опять в немецкий госпиталь. Врач был другой. Он пытался найти на гипсе надпись, но не найдя её, нас поругал и гипс снять отказался. Я ведь не знала, что эта запись такая важная и не берегла её, а за 4 месяца гипс весь потёр-

ся и загрязнился. Но однажды случилось чудо: к нашим землянкам подъехал мотоцикл с коляской, из коляски вышел тот врач, который накладывал мне гипс 4 месяца назад, он и спас меня второй раз, сняв этот опостылевший и замучивший меня гипс».

Васильев Илья Васильевич, 1937 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁶⁰:

«Моё воспоминание о немцах положительное, хотя многих шокируют такие вещи. Даже врача одного нашего шокировало. Я пошёл года два назад к нашему ЛОРу – что-то ухо заболело. Посмотрел: «У Вас ухо плохое». Я говорю: «С детства плохое, мне его ещё немцы лечили». Он говорит: «Как? Немцы лечили?» А я говорю: «А что, и зубы лечили» Это неприятно его поразило. Но так было на самом деле».

Из письма немецкого доктора Йохана Хоппе ³⁹¹:

«28 июня 1943 года.

Сегодня утром пришла русская женщина, которая работает в лазарете уборщицей, и передала мне 8 яиц. Они от одной благодарной пациентки, которую я оперировал 14 дней тому назад. Во время обстрела русской артиллерии она была тяжело ранена. Снаряд попал в её дом, убил 8 человек, а её доставили с тяжёлыми ранениями обеих ног в лазарет. Я оперировал её ночью, а потом её перевели в маленькую местную больницу, где один русский врач, который лечил гражданских лиц, но оперировать не мог».

И всё же систематической помощи мирным жителям немецкие врачи оказывать не могли. С другой стороны, оккупационные власти в какой-то степени шли на то, чтобы для гражданского («цивильного», как они называли) населения работали какие-то медицинские учреждения. Вот как об этом «благодеении» писала коллаборационистская пресса:

Газета «За Родину» от 14 ноября 1942 года: «Второй год без большевизма»:

«В скором времени в Тосно открывается хирургическое отделение больницы; до настоящего времени работает инфекционный барак. Сейчас действуют две амбулатории для гражданского населения, одна из них работает уже год» ³³³.

Газета «Северное Слово» январь, 1943 год, «Там, где поезд дальше не идёт»:

«В Шапках есть медицинская амбулатория, где работает врач, фельдшер, медсестра. Амбулатория хорошо снабжается медикаментами» ¹⁵⁹.

Но на самом деле всё обстояло совсем иначе.

Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно ³⁹²:

«Почти два года, с ноября 1941 по 1943 годы, я работала в лесу под Строением. Ноги у всех наших, в том числе и у таких, как я, девчонок-подростков, были искусаны мошкаррой до кровавых болячек. Обращаться в медпункт, где, к слову, мы не видели никаких немецких врачей, оказывалось бесполезно: кроме бумажных бинтов, там ничего не было. В январе 1943 года во время бомбёжки я была ранена, и вместе с мамой и немецким переводчиком увезли меня в Тосно в русский лазарет, который находился в «Резани» на проспекте Ленина в доме Гагариных. Хозяев угнали в Германию, вот в пустом доме и был этот лазарет. Одновременно со мной туда же привезли и нашего соседа дядю Лёшу Опарина с огромной раной в бедре. Работали там наши – военнопленный врач и военнопленная медсестра. Врач нам сказал: «Милые мои, мало чем я могу вам помочь, ведь у меня кроме риванола (*средство для промывания ран.* – Авт.) и бумажных бинтов, ничего нет». Так и остался во мне осколок снаряда на всю жизнь. А сам лазарет недолго просуществовал, и врач этот вместе с медсестрой через несколько дней пропали. Как выяснилось позже, расстреляли их немцы».

Слатина Онега Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно ⁵⁹:

«Помню, мне чуть ногу не отрезали. Мы ведь постоянно голодные были. Я вся в чирьях была, по всему телу, и сильно заболела нога. Больных русских принимал немецкий врач в одном из домов – просто в обычном доме. Мы ходили к нему на другую сторону дороги, домов пять от нас (а мы жили на ул. Ленина, № 283). Я помню, что в том доме было высокое крыльцо. Мать пошла на работу пилить дрова, а мне говорит: «Иди к врачу». Я пришла, а там сидело человек 10. Немец-врач говорит, что если дальше заражение пойдёт, то ногу надо будет отрезать. Он привязал там что-то, и я домой «поплясала» на одной ноге. А медсестра у немца русская была, мать её встретила и спрашивает: «Ну как, моя была?» А медсестра говорит: «Была. Немец сказал, если лучше не будет, мы её в Саблино отвезём на операцию. Ногу отнимать будут». Мать со слезами побежала, не знает, что со мной делать. А мне уже, знаете, лучше. Немец же намазал чем-то, немного подлечил. Помню, что я ещё несколько раз к нему ходила, он мне перевязку делал. Врач – такой здоровый, большой мужик был. Он, видимо, не каждый день принимал. Но потом вообще куда-то исчез, и всё прекратилось».

Вознесенская Татьяна Владимировна, с. Шапки ²²¹:

«Тётя Маруся, когда открыли больницу для местного населения, стала работать санитаркой. Врачом был наш военнопленный врач Виктор Михайлович, и с ним работал санитар, на редкость злой и вредный мужик. Врач был толковый, только лечить нас было нечем...»

*Чиркова Лидия Михайловна, с. Шапки.*³⁹³

«Для русских немцы открыли фельдшерский пункт. Лекарств там почти не было, бинты, и те были бумажные, они быстро размокали и не держались на ранах».

Петров Е. Г., врач Саблинской больницы для гражданского населения в 1941–1944 гг. ²²⁰:

«Работаем мы сейчас в двух зданиях. Больница помещается на Колпинской, 12 в старом 2-х этажном здании, а поликлиника – через дорогу по Кирпичной, 21. Помещения очень холодные».

Покровская Клавдия Даниловна, г. Любань ²⁷⁴:

«В период немецкой оккупации были и местные врачи: Поварель, Фёдоров И. Т., акушерка Вишневская А. Н., Краснобаева А. И. и медицинские сёстры. Немцы разрешили открыть больницу и для русского населения. Это было уже в 1942 году. Любанская городская больница в этот период была занята под госпиталь для немцев. Железнодорожная амбулатория использовалась как госпиталь для русских военнопленных, там же находились жители, больные тифом.

Больницу для русского населения отвели в железнодорожном доме, где одна квартира использовалась как стационар, а другая служила амбулаторией (*оба здания находились около железной дороги, примерно за современным Домом культуры в г. Любань. – Авт.*). Старшей по использованию стационара была Вишневская А. Н. Условия содержания больных в стационаре были ужасные. Кровати, которые предназначались для больных, собирались в разрушенных домах и на пожарищах. Больничного белья не было, на помощь приходили местные жители и делились тем, чем могли.

Раненые военнопленные и больные сыпным тифом находились в одном помещении. Медикаментов не было. Немцы нам давали небольшое количество перевязочного материала и сердечных средств. Выжить в этих условиях было очень сложно, но благодаря вниманию медицинского персонала и внимательному уходу за больными многие пациенты поправлялись.

В конце 1942 года немецкий госпиталь из помещения городской больницы перебазировался в дер. Красный Латыш. Это было связано с тем, что на Любань в этот период совершались частые налёты нашей авиации. Больница для русского населения перенеслась в помещение городской больницы. В новых условиях стало работать легче, да и тиф отступил.

В госпитале для русских военнопленных работал пленный хирург, ленинградец Годунов Сергей Фёдорович. В плен он попал в районе военных действий 2-й Ударной армии. Он всячески старался помогать мирным жителям. Его из госпиталя для русских военнопленных под конвоем немцы приводили в больницу, где он делал операции больным по показаниям. Во время операции немецкий конвоир находился за дверью операционной».

Безусловно, такие «больнички» ни в коей мере не удовлетворяли потребностям в медицинской помощи жителей района. То, что произошло с районным здравоохранением в годы оккупации иначе, как катастрофой назвать просто невозможно. Например, перед войной в Тосно работала своя поселковая амбулатория. Размещалась она на ул. Ленина в доме № 223. А в 1938 году открылась Тосненская больница, рассчитанная на 42 койки. В ней было 8 врачей, 10 медсестёр, 5 акушерок.³⁹⁴ В 40-м году в Тосненском районе медицинскую помощь оказывали 6 больниц на 470 коек (не считая психиатрической), 18 врачебных учреждений амбулаторно-поликлинической помощи, 23 фельдшерско-акушерских пункта, в которых работали 85 врачей, фельдшеров и акушерок. В отдалённых деревнях было развёрнуто 8 родильных коек, а в одном из колхозов работал родильный дом на 2 койки. Лекарства населению отпускали 5 хозрасчётных аптек.³⁹⁵

С приходом же оккупантов практически вся лечебная сеть была разрушена. По сути, медицина в нормальном её значении существовать на этой территории перестала.

Моменты жизни

Характерной чертой значительной части нарративов является неодинаковый опыт оккупации. Такая пестрота в рассказах респондентов объясняется с одной стороны, несхожестью жизненных ситуаций, в которых они находились, а с другой стороны, – избирательностью их памяти. Интересно проследить, как воспринимали окружающую действительность жители Тосненского района, и каким видели Тосно немцы? Если не касаться темы террора, голода, рабского труда и других лишений, то вырисовывается ряд «неучтённых» моментов той жизни.

Первое, что запомнилось всем, от мала до велика – это постоянные бомбёжки. Причём, оккупированные фашистами территории обстреливали и бомбили именно наши самолёты, от которых гибли вместе с немцами и мирные жители.

Мина Зоя Семёновна, 1934 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁰⁴:

«Мы ещё жили в Поповке. Наш дом стоял прямо возле немцев. Мама лежала после родов, не вставала. Бабушка затопила печь, и мы были в кухне. В Колпино

159. Железнодорожный транспортёр ведёт огонь по Ленинграду из района Саблино.
Июль 1942 г. Коллекция Б. Иринчеева

были наши, и оттуда произвели выстрел прямо по нашей избе: думали, что раз дым из трубы пошёл, значит там немецкая кухня. Снаряд пролетел – срезал бабушке голову и разорвался в избе. Всё это было на наших глазах. Я очень долго не могла есть: мне виделась изуродованная бабушка и помнился запах пороха и крови».

Соловьёва (Миронова) Лидия Степановна, 1938 г. р., с. Никольское ¹⁹⁰:

«Мы жили в Никольском. У нас была передовая. Здесь, в Никольском – немцы, а за рекою – наши. И каждый день – обстрел».

Кузьмин Виктор Иванович, 1936 г. р., с. Шапки ⁴⁶:

«Много испытаний приходилось переживать и от наших советских самолётов. Конечно, они бомбили немцев, а заодно и нас. Причём бомбёжки в основном проводились по ночам, поэтому спать мы ложились, не раздеваясь, или вообще не ложились, пока не закончится бомбёжка. Положение усугублялось ещё и тем, что немцы пригнали на станцию огромную дальнбойную пушку, установленную на железнодорожной платформе. Пушка стреляла по Ленинграду 2-3 раза в день в вечернее время. От выстрелов дрожали стёкла в окнах не только нашего посёлка, но и соседних деревень. За пушкой стала охотиться советская авиация, и её налёты существенно усилились. Эта гром-пушка простояла в Шапках не более 1 недели, после чего немцы были вынуждены перегнать её в другое место».

Бородулин В., 1930 г. р., пос. Тосно. ³⁹⁶

«Тосно было ближним тылом фашистских войск и поэтому регулярно подвергалось обстрелу и бомбёжкам. Существовал какой-то распорядок – ночью бомбили, а с утра начинался артобстрел. Разумеется, попадало и по фашистским скоплениям, и по мирному населению. Много запомнилось ужасных случаев – смерть, разорванные тела людей, матери, ищущие в развалинах своих детей...»

Из письма немецкого доктора Йохана Хоппе ²¹⁶:

«5 октября 1942 г.

В настоящее время нам здесь несколько неуютно, так как русские достаточно

часто обстреливают наш населённый пункт дальнбойной артиллерией, а по ночам бросают бомбы с самолётов».

А вот воспоминания А. Клейна, находившегося в немецком плену в Тосно:

«Каждую ночь Тосно бомбили. Старались попасть в товарные поезда, склады, станционные постройки. Они располагались недалеко от шоссе, потому что грохот разрывов оглушал, и ветхие дома, и промороженная земля вздрагивали». ³⁹⁷

Но был один случай, который запомнился в Тосно многим.

А. Клейн: «Бомбёжки продолжались. В одну из ночей грохот раздался совсем близко. Наш дом так тряхнуло, что зазвенели стёкла и засов соскочил с моей двери. Наш самолёт сбросил бомбы на эшелон с боеприпасами. Один за другим стали рваться вагоны со снарядами. На несколько мгновений окрестности озарились ослепительным красным светом, вздымался огненный столб. Гремел взрыв, и с воем и свистом пронеслись бесчисленные осколки». ³⁹⁸

Планина (Карасёва) Людмила Валерьяновна, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵⁵:

«Страшное воспоминание: по железной дороге ехал состав, и там были снаряды. Их старались отвезти подальше от Тосно, а снаряды рвались... Было очень страшно».

Планин Леонид Михайлович, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵²:

«Помню, бомбили станцию и подожгли на станции вагоны. А вагоны те были со снарядами. Всё загорелось, состав потащили подальше от моста, ближе к Ушкам. И как взрыв – вагона нет, как взрыв – вагона нет. Разметались очень быстро. Три вагона сгорели – все разлетелись. А вот потом наших военнопленных заставили эти осколки собирать. Разбросало эти снаряды кругом. Какие взорвались, какие – нет. И вот те, которые не взорвались, нужно было собирать. Много солдат тогда наших подорвалось».

160. Разбитые вагоны на железнодорожной станции под Ленинградом

А. Клейн: «Взрыв поезда с боеприпасами на следующее же утро и во все последующие дни привлёк основную массу немцев к железнодорожной части посёлка, где срочно ремонтировали станцию, пакгаузы, убирали завалы, что-то строили вновь. Даже эсэсовцев грозный Краузе заставил участвовать в разных работах.

Больше половины состава поезда с боеприпасами спасли. Взорвалось 4 или 6 вагонов. Остальные под страшным огнём, рискуя жизнью, отцепил и оттащил подальше, подчиняясь приказу коменданта станции, спрятавшегося в бункер, русский машинист, житель Тосно. Комендант станции вскоре получил крест за героизм».³⁹⁹

Закончилась же эта история следующим образом:

А. Клейн: (переезд военнопленных из Чудовского лагеря в Гатчину) «Вбежал полицаи и заорал, чтобы скорее всех больных выводили во двор, «к отправке». Поддерживая друг друга, мы вышли из ворот. Нас затолкали в грязные грузовики и через несколько минут уже погружали на станции в теплушки. Поезд тронулся. В приоткрытые двери мы видели медленно проплывавшие развалины станций. Померания. Любань. В Тосно поезд остановился. Из вагонов выкинули несколько скончавшихся за эти полтора-два часа пути. От подошедшего близко к дверям железнодорожника я узнал, что машиниста, который спас добрую половину немецкого поезда с боеприпасами, расстреляли».⁴⁰⁰

Живя рядом, бок о бок с немцами, местные жители по-разному строили свои отношения с ними. Особенности немецкой политики, основанной на убеждении в превосходстве немецкой расы над другими, были более заметны в городах и крупных посёлках, чем в деревнях. Солдаты вермахта, расквартированные в деревнях,

161. Вокзал в Любани. 1941-1942 гг., зима

162. В Чудово

чаще соприкасались с местным населением, и, прежде всего, по бытовым вопросам: стирка белья, ремонт одежды, обеспечение дровами, ремонт печки, организация бани и т. п.

Забойкин Николай Петрович, 1926 г. р., дер. Староселье:⁴⁰¹

«Со временем мирные жители привыкли к немцам. Отношения стали как у соседей. Тем не менее, они всё же старались не досаждать немцам. Возраст у солдат был от 20 до 50 лет. На станции Шапки у них была своя продуктовая база, свои повара. Жили немцы по 30-45 человек в доме, спали на 2-х ярусных нарах с матрасами. Оружие у немецких солдат – автоматы, у офицеров – револьверы. Транспорта у них было много: и машины, и конная тяга. Немцы часто пьянствовали. Полиция ходила по вечерам и смотрела, чтобы в домах, где располагались немцы, не было женщин. Магазин в Староселье был закрыт. Собак немцы перестреляли, а вот кошки были. В школу дети ходили всего несколько месяцев, а затем прекратили – надо было помогать семье. В 1943 году разрешили танцы. Приходил русский пленный и играл на гармонии. Немцам нравилась русская музыка, слушали, а иногда танцевали. Танцевали на дороге».

А. Клейн: «В деревне собак не осталось, кроме старостиной дворняги. Но возле каждого дома стояли будки, напоминая о своих погибших хозяевах: немцы везде, приходя, истребили собак».⁴⁰²

Максимова Мария Анисимовна, 1900 г. р., г. Любань^{164:}

«Вокруг моего дома не было забора. Немцы его сломали и использовали на дрова. Это же происходило и в других домах. Всё делалось без разрешения хозяев домов. Хозяевами чувствовали себя немцы. Отсутствие деревянных заборов у домов в Любани было характерным явлением в годы оккупации».

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской

области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 20 января 1942 г.:

*«Немецкие власти установили особый порядок приветствия советскими гражданами проходящих мимо немцев... Власти обязывают население при встрече с немцами останавливаться, поворачиваться лицом к идущему немцу, снимать головной убор и кланяться. Этот порядок обязателен как для мужчин, так и для женщин».*⁴⁰³

*Елизарова М., г. Любань :*⁴⁰⁴

«Я каждую неделю должна была отмечаться в комендатуре. Шла туда с детьми, старалась их одеть как можно лучше. Было известно, что если человек появлялся в комендатуре в неряшливом виде, на него показывали пальцами и говорили презрительно: "Schwein!" (свинья)».

А между тем жизнь была достаточно непростой во всех отношениях, и следить за порядком и чистой означало борьбу за сохранение чувства собственного достоинства перед лицом оккупантов. С другой стороны, немцы всё-таки пытались организовать более-менее приемлемые условия существования, в первую очередь, конечно, для себя, и уж, как следствие – для населения. Но принципы, согласно которым они обустроивались на подвластной им территории, были таковы, что результатом могло быть только разрушение того, что могло бы ещё хоть как-то функционировать. Это отмечали и сами немцы, объясняя, впрочем, данное положение сугубо военными причинами.

Документ № 42

Начальник полиции безопасности
И СД

Берлин, 8 апреля 1942 г.
Секретно!

Сводка о событиях в СССР № 190

Информация Айнзатцгрупп и команд.

Настроение и положение населения перед 18-й армией
(под г. Ленинградом)

«Вследствие близости фронта торговля и ремесло пришли в абсолютный упадок. По-прежнему практиковался товарообмен и постоянно предлагались несоизмеримо завышенные цены на предметы первой необходимости обихода и в особенности продукты. В этих сделках напрямую участвовали и немецкие солдаты. Местом, где происходит оживлённый обмен товаров, являются рынки. Чтобы пресечь столь отрицательно сказывающиеся на настроении русского населения разбойничьи сделки, в ходе которых немецкие солдаты, используя бедственное положение народа, меняли продовольственные товары на ценные вещи, отдельными комендатурами было запрещено солдатам вермахта посещать рынки.

Среди местных ремёсел отдельные комендатуры оборудовали для солдат вермахта парикмахерские, пошивочные и сапожные мастерские.

*Мелкие действующие предприятия до своего закрытия также работали на вермахт; зачастую в них работал всего один человек».*³⁷⁴

Респонденты свидетельствуют, что не только немецкие войска находились на тер-

ритории Тосненского района в период его оккупации. Здесь были также представители подвластных Германии стран и стран-сателлитов.

Смолина (Мыльцева) Зоя Михайловна, 1933 г. р., пос. Тосно ¹⁰³:

«У нас, кроме немцев, были ещё испанцы. Весёлый народ».

Ежова (Дмитриева) Анна Михайловна, 1921 г. р., дер. Новолисино ⁴⁰⁵:

«Весной 1942 года на станцию Новолисино прибыли испанцы. Жили они в палатках в Куньголово и Новолисино».

Бисиков Анатолий Александрович, 1930 г. р., дер. Степановка (пос. Красный Бор) ³²:

«Зимой прибыли австрийцы. Паёк у них был скудный. Убьёт лошадь снарядом или миной – мясо разберут австрийцы, а нам – что останется. На передовую они уезжали на велосипедах и лошадях. Возвращались замёрзшие, злые, вшивые. Нас перегоняли в другой квартал, а сами занимали обжитые помещения».

Весной в наш район прибыла «голубая» (*прозванная так за цвет рубашек. – Авт.*) испанская дивизия. Тут нам стало полегче. Они питались получше, были не злы, и не возражали, чтобы мы из Поповки уходили по выходным в Тосно. Там была

163. Рынок во Пскове

164. Испанцы 250-й пехотной дивизии во время заготовки дров. Зима 1941–1942 гг.

бойня: забивали скот на мясо и можно было, хоть и с трудом, но раздобыть отходы».

Практически все респонденты с относительной теплотой отзываются об испанцах. Это можно объяснить тем, что те, фактически не были «накачаны» идеологией превосходства, столь характерной для немецких солдат. Свою задачу испанцы видели исключительно в «освобождении» русского народа от «власти большевиков», и поэтому к самому народу их отношение было вполне лояльным. По этой же причине они не участвовали и в репрессивно-карательных мероприятиях. Немцы презирали испанцев за их «недисциплинированность» и «безответственность». Между солдатами вермахта и военнослужащими «голубой дивизии» постоянно возникали конфликты.

Имеются воспоминания о представителях покорённых Германией славянских государств.

Вознесенская Татьяна Владимировна, с. Шапки ²²¹:

«У немцев было много обслуги из поляков, артиллеристы были из Чехии, один раз даже маршем прошла испанская «голубая дивизия» со своими мулами. У немцев же были бельгийские лошади-першероны, они плохо переносили наш климат. Артиллерия почти вся была на конной тяге, на этих першеронах».

Бисиков Анатолий Александрович, 1930 г. р., дер. Степановка (пос. Красный Бор) ³²:

«Стояли у нас и поляки, и чехи, когда немцы уходили на передовые рубежи. Эти испытывали к фашистам злость и ненависть за истребление своего народа и находились у немцев в нелюбезности».

А. Клейн: «Внезапно дверь распахнулась, и часовые втокнули в сарай несколько человек в потрёпанных немецких шинелях, в ботинках и обмотках. Часовой крик-

нул, что «гости» будут ночевать с нами. Пришельцы сразу потянулись к огню, вытаскивали сигареты и стали угощать нас, тараторя на каком-то явно славянском языке. Они оказались сербами или чехами, насильно мобилизованными оккупантами в обоз. Они уже месяца два зябли в России. Они получали немецкое «ферпфлегунг» (довольствие, паёк), но, в общем, их кормили хуже, чем немцев.

Между нами сразу установились дружеские отношения. Это были простые крестьяне и рабочие. Гитлеровцы оскорбляли их в глаза, открыто презирали. Вот и сейчас: не пустили погреться в дома, а посадили вместе с пленными в холодный сарай под охрану.

Наши гости платили оккупантам той же ненавистью. Рассказывая о своих мытарствах и издевательствах «господ», пришедшие клялись при первом удобном случае отомстить им. С нами обозники были откровенными и тут же поделились кое-чем из продуктов, табаком и сигаретами – всем, чем могли. Утром немцы с руганью разбудили и выгнали из сарая «союзников», наших гостей, а потом погнали нас, кого пилить, кого колоть, а меня – опять возить воду». ⁴⁰⁶

Вспоминались и курьёзы.

Вознесенская Татьяна Владимировна, с. Шапки: 221

«Общались, по мере необходимости, мы с оккупантами и они с нами, на дикой смеси языков. Как-то вечером солдат из чехов попросил бабушку зажечь в доме лампаду: «Матушка, зажги светило». Конюх из немцев дал бабушке постирать его пилотку. Ночью их часть срочно стали куда-то переводить, он стучал к нам в окно и без конца повторял, требуя свою пилотку: «Мадам, шляпа! Мадам, шляпа!» Их часть до этого была во Франции. У немцев ещё сохранились бутылки с французским вином и шоколад. Дети, во множестве побиравшиеся по деревням, просили у немцев: «Пан, подай брод!» Поляк, который выдавал нашим односельчанам за работу паёк, когда к куску хлеба выдавал какой-нибудь эрзац, говорил: «Ещё будет помазание»».

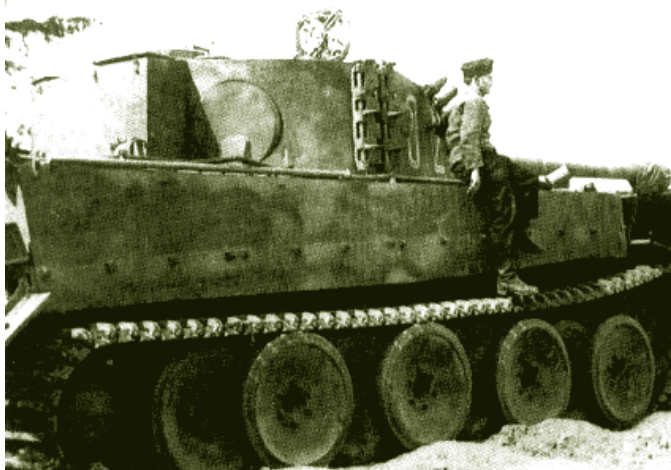
В воспоминаниях свидетелей есть упоминания о местах дислокации немцев в Тосненском районе, о том, где и как стояла немецкая техника.

Кузьмин Виктор Иванович, 1936 г. р., с. Шапки 46:

«Танков много в посёлке стояло. Я помню, около бывшего сельсовета, в низине «Тигры» стояли. У кладбища много было этих немецких танков. А где повыше – там зенитки стояли».

В воспоминаниях респондентов нет рассказов о том, как выглядели их родные места. Вероятно, это была настолько привычная картина, что на этом они просто не заостряли внимание. Тем интереснее воспоминания как бы «со стороны»:

А. Клейн: (выход из окружения): «Сколько нас шло через эти русские деревни,

165. «Тигр» 502-го тяжёлого танкового батальона.
Тосно. 1943 г.

убогие до невероятности!» (Речь идёт о небольших деревеньках, расположенных по берегам торфяных речек в глухих заболоченных лесах Ленинградской области. Практически все эти деревни были уничтожены и больше не возродились).

(Уже в плену): «Наконец мы вошли в Любань. Неподалёку от первых полуразрушенных домов возле шоссе стояли две наши трёхдвоймовки, третья валялась колёсами вверх. Возле неё зияла широкая воронка от бомбы. Жители навстречу не попадались, а посёлок тянулся и тянулся. Наконец, возле одноэтажных домиков стали изредка попадаться бедно одетые женщины. Почему-то все пожилые...»

(В Тосно): «Мы находились в огромном посёлке, перерезанном двумя дорогами, шоссе и железнодорожной. Соответственно и посёлок как бы делился на две части, железнодорожную и... не железнодорожную. Возле шоссе стояли дома, избы, где расположились жандармы. По обеим сторонам шоссе дома в основном были одноэтажные и почти все деревянные. Справ чуть впереди на пути к центральному перекрёстку белела, отступавшая немного от шоссе каменная церковь. В ней, по-видимому, располагался эсэсовский госпиталь. Перед церковью вся площадь рябила берёзовыми крестами с касками на немецких могилах. «Фюр фюрер унд фатерлянд гефаллен» – красовалась надпись (пал за фюрера и отчизну).

По узким обочинам дороги, скользя на плотно утоптанном снегу, проходили подтянутые бодрые эсэсовцы с серебряными «эсэс» на чёрных петлицах и маленькими изображениями мёртвой головы на чёрных пилотках. Эсэсовцы в знак приветствия резко выбрасывали правую руку вперёд. От них не слышалось «гутен таг» или «гутен морген» при встрече, а только «хайль Гитлер» Весь посёлок был густо начинён этой гитлеровской гвардией». «Это было Тосно. На указателе у перекрёстка стояло: «Ленинград, 51 километр». Тут же были и другие указатели: «Шапки», «Любань», «Ушаки», а перпендикулярно шоссе – стрелы с надписями «Мга», «банхоф» (вокзал), «Ортскомендатур» (местная комендатура).

«У перекрёстка, рядом с огромной воронкой от бомбы, стоял двухэтажный дере-

166. Немцы на железнодорожной станции в Любани

167. Старые (довоенные) дома в Тосно. 1950-е гг. (пр. Ленина)

вянный дом. На верхнем этаже жила семья местного рабочего железнодорожника – жена, тётя Мария, как я её называл, девочка лет 15-ти и двое малышей. Квартира находилась в невыгодном месте: днём и ночью сюда без спросу заходили погреться немцы из проходящих или проезжающих частей и все, кому только вдумается». ⁴⁰⁷ (В этом доме жила семья Иллариона Бакулина с детьми – Марией, Анной и Ниной. – Авт.)

Но есть воспоминания о Тосно и немцев.

168. Указатели в Тосно. 1942 г.

169. Один из немногих сохранившихся двухэтажных домов старой постройки в Тосно (пр. Ленина, 190). 2016 г.

Из письма немецкого доктора Йохана Хоппе: ³⁹¹

«26 сентября 1942 года.

В 3 часа ночи я сошёл с поезда в Тосно. Ничто не напоминало город. В желтоватом свете луны угадывались несколько стоящих на отдалении друг от друга деревянных домов барачного типа. Света, разумеется, нигде не было. Я отдал свой багаж в камеру хранения на вокзале и двинулся пешком по дороге. Вдали уже несколько часов слышен был гул фронта, который всё же был достаточно далеко от нас. Думаю, до ближайших боевых позиций порядка 25 километров. Слышались раскаты тяжёлой артиллерии, выстрелы и разрывы. Вскоре я подошёл к магистрали, которая тянется в основном вдоль железнодорожной линии, ведущей от Ленинграда к Москве. Здесь я, наконец, обнаружил табличку с указанием моего полевого госпиталя.

27 сентября 1942 года.

Кроме шоссе Ленинград–Москва здесь нет ни единой дороги с твёрдым покрытием. На машинах здесь проехать невозможно. Лишь бронированная вездеходная техника может помочь, но её почти нет. Приходится черепашью темпом добираться на повозках с лошадьми, моторных или надувных лодках.

30 сентября 1942 года.

Через эти огромные, почти не используемые человеком леса проходят лишь две дороги: железная и автомобильная. По сторонам лес вырублен на сто метров, и ещё там, где расположены населённые пункты. Деревни и небольшие городки

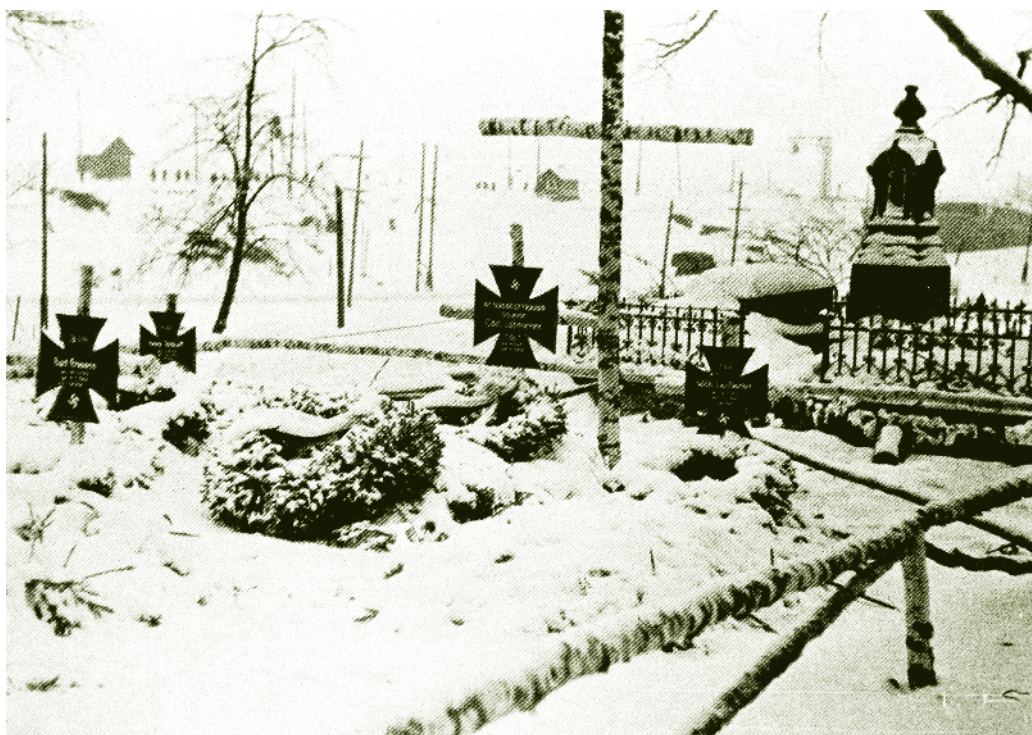
170. Центральный перекресток в Тосно. 1930-е гг.

выглядят как лужайки в этом лесном массиве. Сельское хозяйство здесь не практикуется. Люди едут в Ленинград на работу, а здесь у них лишь убогие, запущенные огороды, где они выращивают капусту и картошку.

2 октября 1942 года.

171. Центральный перекресток в Тосно. 2014 г.

172. Немецкое кладбище в Тосно. 1942 г.

173. Немцы в оккупированной деревне

Наше место размещения – это не город по немецким понятиям, хотя в нём насчитывается (в мирное время) 17 000 жителей. Это, скорее, вытянутая по обеим сторонам шоссе деревня. Здесь сплошные деревянные дома. Несколько минут назад я вернулся с нашего военного кладбища. На этом кладбище покоится уже 800 немецких солдат. Большинство кладбищ, которые я до этого видел, имеют ухоженный вид. С большой любовью и старанием они спланированы и оформлены. Это кладбище находится среди берёз и украшено цветами.

26-27 октября 1942 года.

После осмотра все пошли в концертный зал, оборудованный в старой русской церкви. Во времена большевиков она уже не использовалась как церковь, в ней показывали фильмы и танцевали. Скоро год, как она используется для лечения легкораненых и больных, которые задерживаются в ней лишь на несколько дней.

7 июля 1943 года.

Я совершил прекрасную прогулку по огромному лугу, который раньше был временным русским аэродромом (*район парка в Тосно. – Авт.*). Я гулял вдоль реки, которая носит то же название, что и наша деревня».

И всё же, как бы ни воспринимали немцы видимое ими на захваченной территории, как бы местные жители не пытались «привыкнуть», «притерпеться» к незванным гостям, общее впечатление от их присутствия на этой земле оставалось сугубо отрицательным.

Трофимова Ксения Алексеевна, 1915 г. р., дер. Большое Еглино: ¹²

«Увидешь утром родную, с детства знакомую картину: струйки дыма из труб, вьющаяся в снегу тропинку, «журавль» над колодцем... И вдруг появляется нечеловеческая, чёрная фигура немца. Зачем он здесь? Что ему надо?»

«Война несчастного человека»

В июне 1941 года немцы, как никогда, чувствовали себя уверенно. Их боевой дух был на подъёме. Блицкриг в Западной Европе и Скандинавии продлился полтора месяца. Польшей овладели за 28 дней, Балканами – за 24, а Крит стал немецким уже через 10 дней. Такая война была комфортной и безопасной. Нечто подобное ожидалось и в России. И всё как будто складывалось как надо, но... что-то при этом настораживало: отчаянное сопротивление противника не вязалось с триумфальной военной доктриной вермахта, и это невольно внушало немецким солдатам тревожные мысли: «Поведение русских даже в первом бою разительно отличалось от поведения поляков и союзников, потерпевших поражение на Западном фронте. Даже оказавшись в кольце окружения, русские стойко оборонялись»⁴⁰⁸ – «По моему мнению, нам противостоял противник, который принадлежал к какой-то другой, ужасной породе людей. Жестокие бои начались буквально с первых дней нашего наступления»⁴⁰⁹.

174. Командующий группы армий «Север» генерал-фельдмаршал Риттер фон Лееб

В первый же день войны командующий группы армий «Север» генерал-фельдмаршал Риттер фон Лееб отметил для себя наиболее важное и особенное, чего не наблюдалось в покорённой Европе – «плохие дороги» и «сопротивление противника». Причём, «сопротивление противника постепенно стало доминирующим в этой связке: «В истории того мучительного стыдного лета, первого лета войны, движение немецких колонн наткнулось на непредвиденное. Не имеющие танков, авиации, тяжёлой артиллерии солдаты, казалось бы, устрашённые, раздавленные немецким превосходством, вдруг поднимались из земли, рушили блестяще продуманный ход бронированных колонн вермахта» (Д. Гранин) ⁴¹⁰.

В штабе главного командования сухопутных войск (ОКХ) скоро начали понимать, что план «Барбаросса» находится под угрозой срыва. Проблема заключалась в том, что вопреки всем законам военной науки, немцы

выбрали для наступления на СССР не одно, а сразу три главных направления: Север, Центр и Юг. Но по мере продвижения войск вглубь страны, «молниеносная война» становилась всё более проблематичным предприятием по причине возраставшего упорства обороняющейся стороны.

Чтобы не распылять далее свои силы, вермахту требовалось пожертвовать какими-то двумя направлениями в пользу третьего, ударного. Таким ударным направлением ставкой был выбран «Север». Именно сюда были переброшены дополнительные военные части с московского направления.

Фельдмаршал фон Лееб вовсе не планировал брать Ленинград сходу. Сначала он собирался его окружить, так как прекрасно отдавал себе отчёт в том, что в сложившихся обстоятельствах русские будут защищать его со всё большим и большим ожесточением, фактически превращая город в крепость. Собственно, так и произошло. 10 июля считается официальной датой начала битвы за Ленинград. В этот день немецкие войска нанесли удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях. Финны перешли в наступление на Карельском перешейке и в Восточной Карелии.

Но в то же самое время многократно усилилось и сопротивление советских войск. По этой причине темп наступления немцев начал резко снижаться. Немецкие войска буквально «вгрызались» в советскую оборону, и если вначале компании скорость их продвижения соответствовала планам (в среднем около 25 км в сутки), то на завершающем этапе похода на Ленинград она упала до 2-х км в день, а затем и вовсе до не-

скольких сотен метров. К концу августа фон Лееб записал в своём дневнике: «войска уже не те», то есть налицо была физическая и моральная усталость солдат, два месяца участвовавших в упорных и непрерывных боях.

А между тем, захватив военно-морскую базу в Таллине, Гитлер потерял интерес к Ленинграду. Штурм города становился нежелательным ввиду возможных значительных потерь для наступающей стороны. Балтийский же флот легко можно было запереть в Финском заливе. Теперь достаточно было только продолжить окружение Ленинграда, но не с целью его прямого захвата, а с тем, чтобы, охватив его кольцом, вынудить добровольно сдаться.

О том, что город по планам Гитлера должен подвергнуться измору, в подчинённых фон Леебу войсках не догадывались, уповая на скорую победу посредством штурма. Вот почему информацию о планах блокирования Ленинграда фельдмаршал держал в секрете от своих подчинённых, надеясь, таким образом сохранить наступательный порыв войск. При этом, вопреки воле руководства, он всячески старался сделать так, чтобы захват Ленинграда всё-таки состоялся: обе его армии (16-я и 18-я) должны были испытать военный триумф, как итог удачно завершённой компании.

Смирнова (Гурьева) Раиса Сергеевна, 1925 г. р., г. Любань ²³:

«Немецкие солдаты чувствовали себя полными хозяевами: играли на губных гармошках, распевали немецкие марши, пили шнапс и были уверены, что в сентябре будут отмечать блицкриг в ленинградских ресторанах».

Гитлер же уже дал указание на переброску части войск с Северного направления на Центральное (Московское): директивой № 35 от 6 сентября 1941 года Ленинград объявлялся «второстепенным театром военных действий». Но бои здесь не только не

175. Первые месяцы наступления

стихали, – наоборот, усиливались! Фон Лееб до последнего момента всячески старался оттянуть передислокацию своих войск, втайне от командования противясь принятому решению. Будучи опытным боевым генералом, он понимал, что войскам нужны зримые плоды победы, иначе боевой дух армии может пошатнуться. Именно по этой причине наступление на Ленинград продолжалось.

Упорство и самоотверженность бойцов Красной армии всё же вынудило немецкую военную машину наконец остановиться. Её возможности для продолжения наступления на город оказались исчерпаны: «Немцы были слишком слабыми, чтобы одерживать победы, но ещё достаточно сильными, чтобы удерживать захваченные позиции» (Хассо Стахов)⁴¹¹.

16 сентября Гитлер отдал приказ на отход передвижных соединений. 17 сентября начался последовательный отвод «ударного кулака» – более 50 тыс. солдат, 300 танков, сотни единиц другой техники – на Московское направление. Но вплоть до 24 сентября Лееб всё ещё предпринимал попытки захватить Ленинград с юго-запада. И лишь после 24 сентября немецкая армия перешла к обороне. Безусловно, радости это у Лееба не вызывало. Осада города, а не штурм, рушила все его планы. Именно тогда-то он и делает в своём дневнике примечательную запись о том, что на данном участке фронта придётся вести «войну несчастного человека»⁴¹¹. Отныне «не только враг держал город в блокаде, но и голодные, малочисленные армии Ленинградского фронта лютой хваткой держали гитлеровские армии у стен Ленинграда» (Д. Гранин).

Для немцев здесь складывалась тупиковая ситуация: захватить город им было не под силу, но и оставлять его в виде осаждённой крепости было проблематично, так как он не только не думал сдаваться, но и постоянно наносил урон войскам. И теперь для них наступила пора неприятных открытий: в этих густых, непроходимых лесах, за-

176. В глухих новгородских лесах

болоченных низинах, в непролазной грязи, холоде, отсутствии какого-либо комфорта, под ударами регулярных войск и партизанских групп немецким солдатам предстояло всеми силами удерживать осадное кольцо. Вместо тёплых зимних квартир им предстояла холодная зима в условиях, к которым они не были ни физически, ни морально готовы. Всё это, безусловно, должно было негативно отразиться на психологическом состоянии вверенных фон Леебу войск.

Немецкий солдат, привыкший в Германии к удобной, чистой казарме, по мере того, как компания затягивалась, начинал впадать в уныние.

Из дневника унтер-офицера Вольфганга Буффа ²¹³:

«7 декабря 1941 года.

Уже 8 недель мы сидим в наших землянках. Теснота, темнота и холод истощают нас духовно и физически. Иногда я думаю, что разум покидает меня. Я становлюсь возбуждённым и нервным. В этом повинны также плохое освещение и затхлый воздух, дым и копоть в блиндаже. Мы стараемся радоваться тому, что имеем хотя бы такое убежище. И меня утешает, что всё это временно».

А. Клейн: «Конвоиры, подобрев оттого, что я говорю по-немецки, чтобы разогнать ночную скуку, завязывают со мной беседу. Они поминутно оглядываются по сторонам: нет ли дежурного проверяющего? Убедившись, что всё спокойно, угощают сигаретой. Через каждые три-пять минут они вспоминают Францию.

– Какие города! Какие дороги! Какие бордели! Какие женщины! Еда! Вина! Мы купались в шампанском. Продуктов кругом полно.

– В Первую мировую, – вставил пожилой, – наши солдаты стремились на русский фронт: тут всегда была еда. А теперь... – и он мотнул головой, всё у вас съели большевики с их колхозами».⁴¹²

177. Условия ведения боевых действий под Ленинградом

Нищета местного населения повергала привыкших к бытовому комфорту немцев в шок.

*Из дневника генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба*⁴¹³:
«12 июля 1941 года.

Постепенно всё ближе сталкиваешься с русским бытом. Нет умывальников, нет полотенец. Каким-то образом удалось найти для меня постельные принадлежности».

«Ещё вчера мы ночевали в удобных казармах, а теперь валяемся в какой-то собачьей конуре. В жизни не видел такой грязищи» – «Это вам не Франция. Это там мы получали всё, что пожелаем, а здесь искать нечего» (из писем немецких солдат).⁴¹⁴

Сама природа этой страны казалась немцам враждебной:

«Эти бесконечные равнины, дремучие леса, тут и там ветхие хибары – жуткая картина» (из письма немецкого солдата).⁴¹⁵

*Из дневника унтер-офицера Вольфганга Буффа*²¹³:
«2 ноября 1941 года.

Две вещи удручающе воздействуют на наши чувства: холодный зимний лес и широкая заснеженная русская равнина. Лишь иногда видны окутанные снегом крыши домов и верхушка церкви в Синявино. И всё это на фоне безжизненной зимней природы...».

Здесь всё было так непохоже на уютный и обустроенный, милый сердцу европейский домашний мирок. Здесь, в «коричневых джунглях», их одолевала тоска от одной мысли, что придётся погибнуть в этой неприветливой, чужой стране – погибнуть безымянно, раствориться в океане статистики безвозвратных потерь. Это страшно и неотвратимо давило на психику солдата.

*Планина (Карасёва) Людмила Валерьяновна, 1929 г. р., пос. Тосно*⁵⁵:

«В нашем доме поселили немцев. Они все уезжали на фронт, видимо, их со-

178. Красный Бор, 1942 г.

бирали в нашем доме предварительно, а потом отправляли на фронт. Это всё были молодые ребята. Перед отправкой они много пили и пели свои песни. Им, видимо, было тяжело, бутылка вина у них передавалась из рук в руки. А потом других солдат привозили».

*Смолина (Мыльцева) Зоя Михайловна, 1933 г. р., пос. Тосно*¹⁰³:

«Немцы в нашем доме жили, отдыхали после боёв. Те, кто отдохнул, шли на фронт, под Красный Бор, а потом менялись. Тосно было местом отдыха».

*Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань*⁸¹:

«В Любани был Дом отдыха для немцев – он недалеко от нашего дома находился. С фронта пришлют их, вот они отдохнут несколько деньков – и обратно. Немцы на отдых приезжали злые все, хмурые. Взрослые говорили: «Значит, у них что-то случилось». И когда они срок-то доотдыхают, так им не хотелось обратно идти!»

*Белова Екатерина Константиновна, 1930 г. р., г. Любань*³²⁶:

«А когда наш постоялец стал уезжать, плакал – молодой, видно, был: «Я не хочу воевать, мне не надо ни земли, ничего. Я не хочу!..»

179. В лесном лагере под Помераньем

Популярной у немцев была своя «Волховская песня»⁴¹⁶:

Где мир заколочен досками,
Где вместо дорог ты видишь только гати,
Где падаешь брюхом в болото и грязь,
Вот мы где, это задница мира!
Где утром и вечером вокруг тебя жужжат комары,
Где ты весело, но с большим трудом бьёшь вшей,
Где твоя шкура зудит так, что еле терпишь,
Вот мы где, это задница мира!

В конце песни звучали слова: «Камрад, убирайся целым из этой болотной дыры!»

180. Зима в оккупированной деревне

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 20 января 1942 г.:

«Из бесед нашей агентуры с местным населением установлено, что политико-моральное состояние частей немецкой армии, находящейся на этом участке фронта, ещё более ухудшилось. Находившиеся в декабре месяце на отдыхе немецкие солдаты в дер. Семейская жаловались местным жителям на тяжёлое положение, заявляли, что война им надоела, и они хотят скорее вернуться в Германию. Некоторые солдаты при отправке на фронт, не веря в возможность вернуться обратно невредимыми, буквально плакали»⁴⁰³.

Кузьмин Виктор Иванович, 1936 г. р., с. Шапки⁴⁶:

«Общения с немцами я не помню. Помню поляков и румын, скорее всего – поляков. Они как-то могли говорить по-русски. Разговор был такой путаный, но я не говорил – говорили взрослые: обсуждали войну, что всё плохо, надоела война, не нравилось, но что делать – все воевали».

Несмотря на рост депрессивных настроений, войска по-прежнему выполняли свою задачу – удерживали оборону и обеспечивали порядок в тыловой зоне группы армий «Север». При этом им невольно приходилось контактировать с мирным населением. Однако вид этих голодающих людей действовал на многих солдат удручающе. Так же удручающе действовал на них и вид беженцев.

Из дневника генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба ⁴¹⁷:
«24 октября 1941 года.

Тыловой район, прилегающий к линии фронта, очищается в настоящее время от проживающего там гражданского населения. Эвакуация проводится поэтапно с учётом того, что гражданское население отправляется в более глубокие тыловые районы и распределяется по деревням. Независимо от этого большая часть населения самостоятельно отправляется в дорогу в южном направлении. Вдоль шоссе Красногвардейск – Павловск в настоящее время идёт большой поток беженцев – несколько тысяч человек, в основном женщины, дети и старики. Куда они направляются, как и чем они питаются, установить не удалось. Складывается впечатление, что эти люди рано или поздно станут жертвами голодной смерти. Эта картина также негативно воздействует на немецких солдат, задействованных в дорожных работах».

Однако со временем немецкие солдаты худо-бедно начали привыкать к особенностям такой жизни, в которой вещи ненормальные становились нормой. Правда, психическое здоровье их при этом продолжало разрушаться.

Петрова (Феиценко) Надежда Сергеевна, 1937 г. р., дер. Жары. ⁴¹⁸

«В доме большую комнату занимали немцы, а мы все ютились в 9-ти метровой комнатке (5 человек). Когда немцы гуляли, то обычно устраивали стрельбу прямо в доме. Ставили табуретку на табуретку, сверху бутылки и палили. В избе всё было в дырках. Мы же прижимались друг к другу на одной кровати, не зная, удастся ли в очередной раз остаться в живых».

Убийство на войне в состоянии прогрессирующей моральной опустошённости многим уже не казалось чем-то из ряда вон выходящим.

А. Клейн: «Когда я, случалось, один шёл по центральному шоссе (в Тосно. – Авт.), никто меня не задерживал, не обращал внимания: пленный не был сенсацией. Как-то с грузом белья я возвращался по одной из улиц. Вдруг возле чиркнула пуля, грохнул выстрел, за ним – другой. Понимая, что могут стрелять только немцы, я громко выругался на чистейшем "солдатском диалекте". И тотчас услышал: "Химмель, арш унд волькенбрух!" (Буквально: Небо, жопа и разрыв туч!). "Ком хэр ланцер!" (Подойди сюда, земляк!).

Кричали вблизи (как они меня не подстрелили?!). В шагах сорока от меня стояла кучка подвыпивших солдат.

Я подошёл.

– Ты почему так странно одет?

– Потому что я русский.

– Хо! Русскис!?! Но ты отлично ругаешься по-нашему. У тебя роскошный выговор. Ты при какой части?

– При полевой жандармерии АОК-16.

– Вот комедия! – засмеялись немцы. – А мы смотрим – идёт русский. Дай-ка проверим, кто лучше стреляет, кто первый в него попадёт. Но мы же не думали, что ты так хорошо говоришь по-немецки!

Один из солдат вытащил из кармана бутылку: "Пей!"

Это были санитарные ефрейторы из госпиталя, потому-то они и не попали. Служители гуманизма оказались плохими стрелками, не то, что солдаты полевых частей вермахта» ⁴¹⁹.

Специфика «непонятной страны» тяжёлым грузом давила на солдат. Они тосковали по дому, по родным и близким.

*Качук (Булдакова) А. М., 1912 г. р., с. Ушаки*⁵³:

«Разные были люди... Женя (5 лет) плачет: "Мам, а мам, дай кусочек хлеба..." А мне дать ей нечего. Один из постояльцев – Петером звали – покачает головой: "Шура, Женни плачет..." – и вынет ей горбушку хлеба. У этого Петера дома остались жена и дети. Он часто их вспоминал и показывал фотографию».

Как отблеск далёкой и счастливой жизни для многих в тех условиях стал праздник Рождества. Может быть, именно поэтому у немцев наблюдалось столь трепетное отношение ко всему, что было с ним связано. Ясно, что в тех условиях местным жителям (хотя бы их детям) места на таком празднике не предусматривалось.

*Макарова (Гусева) Нина Георгиевна, 1936 г. р., пос. Тосно*¹⁸⁴:

«Ещё помню, как немцы Рождество справляли у нас дома. Они ставили ёлку. Приличная была ёлка, живая. Брели наши игрушки и украшали её. Они собирались, пили шнапс. А мы на кухне в это время сидели на кровати...».

*Из дневника унтер-офицера Вольфганга Буффа*²¹³:

«24 декабря 1941 года.

... И всё же оказалось, что здесь радость Рождества всеильна и способна устранить самые сильные чувства депрессии. Не знаю, как это случилось, но в полдень все вдруг увидели, как за полевой кухней следовал тяжело нагруженный автомобиль. И оказалось там то, о чём мы уже и не решались мечтать. С военной пунктуальностью прибыли рождественские подарки от командования сухопутных войск для солдат-фронтовиков. Они оказались исключительно обильными.

Мы проходили мимо раздатчика, держа в руках ящик из-под боеприпасов. А затем разливалось всеобщее блаженство. Каждому выдавалось: 1 бутылка красного вина, 1 бутылка коньяка, 1/3 бутылки шампанского, 1 банка консервированных фруктов, 2 яблока, 60 сигарет, в том числе – 40 немецких, табак, сигары, пачка бритвенных лезвий, 27 плиток шоколада, кекс, 4 пакетика с леденцами и почти фунт рождественских кондитерских изделий.

Кроме того, пришли два больших мешка с почтой. Когда их развязали, посыпались посылки и письма.

В лесу были найдены небольшие деревца, которым затем нашлось место в тесных блиндажах. Украшения послужили обнаруженные в посылках рождественские свечи и ёлочные игрушки. Затем были разложены рождественские подарки, и вскоре Рождество было в полном разгаре. Было всё, что сопутствует этому празднику: рождественское умиротворение, рождественский мир, рождественская радость. И всё это на ледяном фронте России. Из блиндажей, находившихся глубоко под землёй, стали пробиваться наружу рождественские песнопения. В полночь сквозь морозную ясную ночь далеко были слышны таинственные мелодии. Где-то в сопровождении трубы хор пел: «Тихая ночь, святая ночь»...».

*Из письма немецкого доктора Йохана Хоппе*²¹⁶:

«25 декабря 1942 года.

В 15 часов мы пошли праздновать Рождество в нашем хирургическом отделении. В каждой из палат была установлена ёлка. В коридорах несколько наших сотрудников стали исполнять старые, прекрасные рождественские песни. Заместитель начальника госпиталя и я останавливались у каждой кровати, пожимали раненому

181. Рождественский вечер 25.12.1941 г. Тосно. Коллекция Д. Жукова

руку, желали скорейшего выздоровления, радостного Рождества и вручали подарки. Каждый получил тарелку с орехами, шоколадом, леденцами и сигареты, а также по бутылке шампанского, красного вина и ликёра. У многих солдат слёзы текли по щекам, а некоторые всхлипывали, как маленькие дети.

В половине седьмого вечера начался общий праздник. Заместитель начальника госпиталя вновь произнёс приветственные слова, хауптфельдфебель вручил каждому письма, пришедшие в сочельник. Затем нас угостили бутербродами с колбасой и сыром, а к ним в придачу дали чаю и рому. Помимо этого каждый получил, как ранее все наши раненые, по тарелке с лакомствами и напитки. Вместо ликёра нам полагалось по бутылке коньяка Хенесси. Как всегда бывает на солдатских вечеринках, вскоре всё наполнилось шумом и гамом. В 20 часов мы перешли в казино. В казино мы провели ещё несколько часов у зажжённой ёлки, разговаривали и пили французское шампанское. В 23 часа появился фельдфебель с небольшим оркестром, состоящим из наших сотрудников. Оркестр включал скрипку, губную гармошку, гитару и лютню. Была очень приятная и весёлая музыка, уже без рождественских песен. Каждый мог заказать себе песню по выбору».

Рождество стало счастливой возможностью отключиться от страшных и монотонных будней. Немецкая армия, ориентированная на блицкриг, оказалась не готова к суровой зиме под Ленинградом. Немцы замерзали в прямом смысле слова: «Все кругом только и думали, где отхватить себе что-нибудь потеплее. У русских

отбирали простыни и постельное бельё, чтобы пошить из них хоть какое-то подобие маскхалатов» (солдат Ганс Мауэрман) ⁴²⁰.

Брошенные на произвол судьбы военным руководством Германии, солдаты в ледяной России вынуждены были обеспечивать себя тёплой одеждой сами (конечно, за счёт мирных жителей). Из близлежащих домов они тащили всё: шубы, женские платки, тулупы, валенки. Сапоги обвязывали соломой, руки обматывали любым, попадавшим под руку тряпьём.

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«(Плачевный) вид имеют немецкие солдаты, расположенные на передовых позициях под Ленинградом и в тылу. Одеты все по-разному, многие в изъятую у населения и военнопленных одежду и обувь. В связи с наступившими холодами появились одетые в ватники или шерстяные и бумажные джемпера, иногда даже женские, изъятые у населения. На некоторых имеются тёплые шапки, какие носят наши красноармейцы. Многие из немецких солдат одеты по-летнему, не имеют даже шинели. Бельё также летнее, если кто имеет тёплое бельё, то это от населения. Те, кто не имеет шапок, ходят в пилотках, повязывают голову женскими платками, шарфами. Немецкие солдаты заявляют о том, что командование их всё время кормит «завтраками», заявляя, что обмундирование уже направлено, и скоро они должны получить тёплые вещи. Всё это длится уже в течение месяца». ⁴²¹

Не лучше дело обстояло и с продовольственным обеспечением. Рацион немецких солдат под Ленинградом становился всё более скудным.

Из дневника унтер-офицера Вольфганга Буффа ²¹³:

«22 ноября 1941 года.

Солидная прибавка к еде за счёт конины. Две бесхозные лошади неделю бродили на нашем участке, не даваясь в руки. Мы их пристрелили. Одна досталась нам, другая – соседней батарее. Сегодня вечером во всех блиндажах был суп и жаркое из конины».

(В оккупированной Европе у немцев даже мысли не возникало забивать лошадей для пропитания).

Из дневника генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба ⁴²²:

«19 декабря 1941 года.

Положение со снабжением принимает катастрофические формы. Вчера в каждую из армий поступило лишь по одному эшелону с предметами снабжения вместо положенных семнадцати. Если не удастся добиться кардинального поворота, то создастся очень тяжёлая ситуация».

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

«Питание на каждого солдата и офицера, находящегося на передовой линии, выделяется: 500 г хлеба, 25 г масла, 25 г сыра, 25 г пастилы и кофе, который заменяет солдатам чай и горячую пищу. Горячей пищи на передовых позициях не выдают. Солдаты заявляли, что и в тылу им выдают такой же паёк» ³⁸⁶.

Фронтовые солдаты связывали ухудшение продовольственного снабжения с наступившими холодами.

Из дневника унтер-офицера Вольфганга Буффа ²¹³:
«19 декабря 1941 года.

Мороз парализовал всё движение, даже железную дорогу. Говорят, не хватает паровозов».

Однако дело было не в немецких паровозах, которые из-за холодов выходили из строя. Всё активнее действовали партизаны, устраивавшие диверсии на железных дорогах: «Немецкие солдаты в переполненных вагонах уже давно перестали удивляться опорным пунктам на железнодорожных насыпях, сплошным заборами, в которых оставлено лишь место для амбразур, наблюдательным вышкам и проволочным ограждениям. Они, правда, ругались, когда ночью и в снежную метель им приходилось спрыгивать при остановке поезда на рельсы и осматривать пространство под ним. Но кому же хотелось взлетать на воздух от взрывчатки, напиханной под переполненный вагон» (*Хассо Стахов*) ⁴²³.

Партизаны были адским проклятием солдат вермахта.
Из дневника немецкого офицера Фр. Бишеле ⁴²⁴:

«В деревне, которую мы заняли, в глубокой тишине стоят дома с пустыми чёрными окнами... Мои солдаты, располагаясь на отдых, молчат. Я знаю, они не спят, каждый прислушивается к малейшему звуку... Кругом ни одного человека, но повсюду и везде – в лесах, болотах – носятся тени мстителей. Неожиданно, точно из-под земли, они нападают на нас и исчезают. Мстители преследуют нас на каждом шагу. Проклятье! Никогда и нигде на войне не приходилось переживать ничего подобного... Наступает ночь, чувствую, как из темноты неслышно ползут, подкрадываются тени, и меня охватывает леденящий ужас...».

От одной мысли о партизанах нервы у захватчиков сдавали.

Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно:³⁶

«Мы жили ещё дома, был Новый Год. Папка мне принёс ёлочку небольшую. Я стояла и вешала игрушки. Тут пришёл пьяный немец, а я в руках держала шарик серебряный с красной звездой. Он как звезду увидел, сразу заорал: "Ты партизан! Тебя надо вешать!" Немцы говорили на ломаном русском почти все. Поэтому мы понимали друг друга. И вот, он меня схватил и орёт. Потом снимает автомат, а чтобы меня застрелить, ему нужно было поставить меня и отойти маленько в сторону. Вот он, помню, меня ведёт, а папа с мамой – сразу за печку: куда соваться-то? – у них ещё трое детей. Вот он хотел вывести меня с крыльца, идёт, бубнит, а у соседского дома стоят два немца, курят. Они через забор прыгнули, у этого дурака автомат отняли и отругали. А не было бы их – не было бы и меня».

Баранова Нина Павловна, 1935 г. р., дер. Ям-Ижора ⁴²⁵:

«Разместились немцы в домах местных жителей. У нас, в бабушкином доме, тоже жили немцы. Помню такую мелочь: клоп ползёт по стене, а они кричат: "Партизан! Партизан!" А я смотрела на них удивлёнными глазами, не понимая их юмора».

Немцы устали от войны. Она не была ни удобной, ни безопасной, какой представлялась вначале. Их наглая самоуверенность сменилась сомнением и страхом. Все только и мечтали, чтобы этот ужас поскорее закончился.

Из дневника ефрейтора Зена Зингера ⁴²⁶:
«21 октября 1943 года.

День и ночь земля дрожит от залпов тяжёлой артиллерии. Фонтанами взматается сверху земля, метательные аппараты изрыгают снаряды, несущие смерть. Господи, когда же всё это кончится? Неужели все мы только дети и слуги войны?».

182. Солдат полицейской дивизии СС под Ленинградом. Зима 1941-1942 гг.

Но желание поскорее завершить компанию наталкивалось на «упорно-бессмысленное» сопротивление «упрямых русских». Сама же мысль о том, что война может закончиться как-то иначе, а не победой Германии, солдатам вермахта даже не приходила в голову.

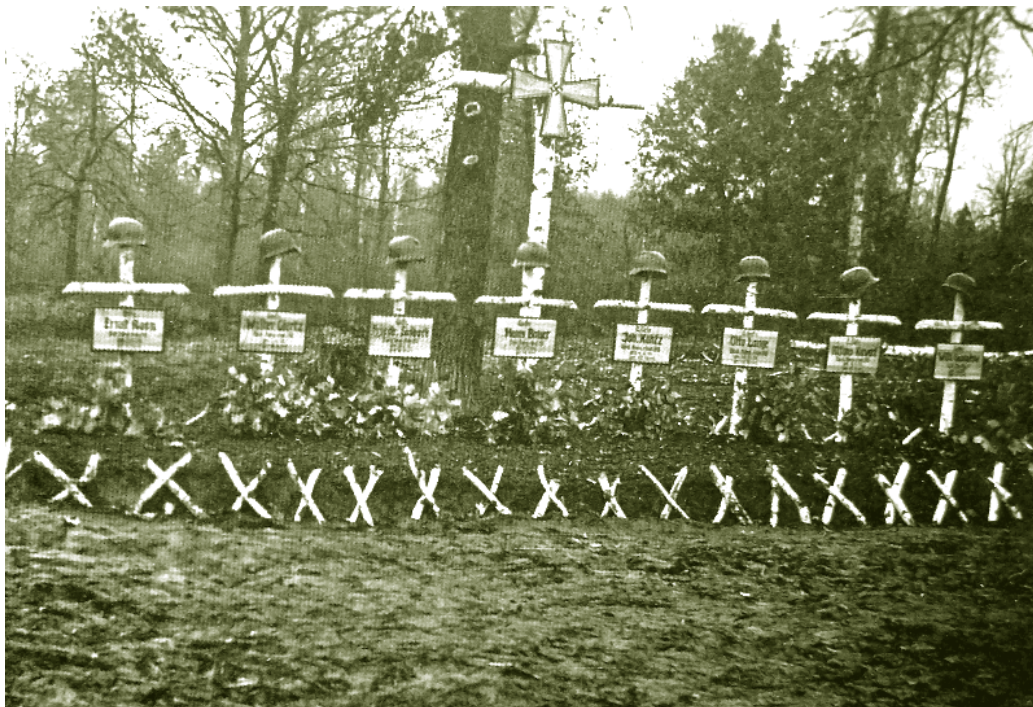
Из письма немецкого доктора Йохана Хоппе ³⁹¹:

«26 января 1943 года.

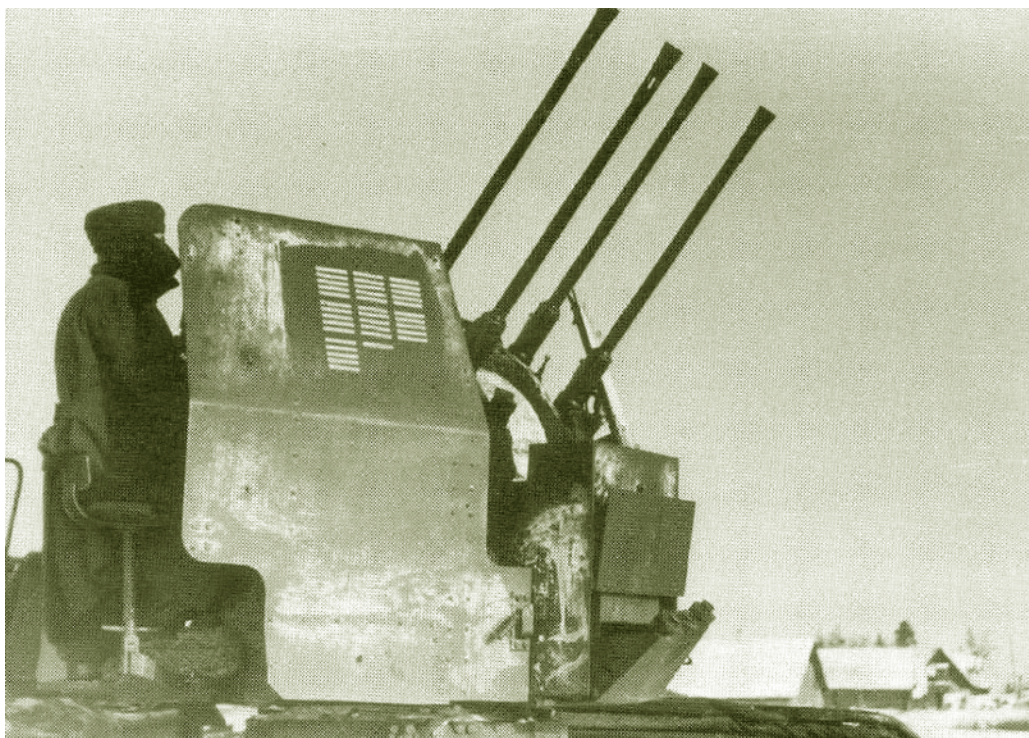
Ужасно то, что русские этой зимой нам вновь противостояли, причём на всех участках громадного фронта. Самое печальное в том, что вовсе не видно этому конца и то, что вся эта борьба стоит нам большого кровопролития...».

18 февраля 1943 года.

Сегодня вечером передавали речь Геббельса из берлинского Дворца спорта. На многих тяжёлое впечатление произвели слова о тотальной войне. Но ничего не поделаешь. Ведь

183. Немецкое кладбище в Шапках. Коллекция Б. Иринчеева

184. Война в зимних условиях под Ленинградом

без этого мы не выиграем войну, а это нам необходимо».

Из дневника ефрейтора Зена Зингера ⁴²⁶:

«13 мая 1943 года.

Спрашиваю одного-другого: верят ли они в наступление победы, которая будет решающей для будущего нашего народа, – и слышу со всех сторон о безнадежности этой борьбы. Не верят уже больше в победу. Это тяжело, тяжелее, чем сама борьба. Господь, ответь мне: разве дело нашего народа неправое?»

И всё же подобные вопросы начали возникать у немцев уже после их поражения под Москвой и Сталинградом. А до того, летом-осенью 1941 года, они как раз не сомневались, что дело их правое. На бляшках их ремней было выбито: «С нами Бог».

Из дневника унтер-офицера Вольфганга Буффа ²¹³:

21 ноября 1941 года.

Да, этот город должен пасть и падёт, и освобождённый от мрака безбожия Санкт-Петербург вновь станет для всей страны местом благословения и проявления милосердия» ²¹³.

Даже имея, как будто, благие намерения – «освобождение русских от безбожного ига» – благочестивый солдат Буфф оправдывает варварский средневековый метод «огнём и мечом» насаждать «правильный» распорядок жизни. Что уж говорить о тех, кто без всяких идеологических «загибов» стремился уничтожить чужую жизнь только из ненависти к ней!

Из спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду начальнику штаба Ленинградского фронта о положении в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.:

185. Советские солдаты в атаке под Ленинградом. Январь 1943 г. Фото В. Тарасевича

*«При разговоре о войне с местным населением немецкие солдаты обычно заявляют, что война будет скоро закончена. Конец её связывают со взятием Москвы. В отношении Ленинграда немцы заявляют населению: "Ленинград находится в кольце и должен капитулировать"»*³⁸⁶.

Фашисты надеялись, что окружённый, замученный бомбёжками, голодом и артиллерией, город бросится им в ноги с предложениями о заключении мира. Но чем больше они надеялись, тем безнадежнее становилось их положение: он словно высасывал силы из своих мучителей: «Было что-то сверхъестественное в том, что непосредственно за линией фронта находится миллионный город...» (из показаний фон Лееба на Нюрнбергском процессе) – «... здесь, при несмолкающей канонаде фронта и зареве пожаров в очень большом городе, видя кровавые вечерние сумерки, явственно осознаёшь величину этого ужаса» (В. Буфф, 19 октября 1941 года) – «Город горел днём и ночью. Мы сами видели это. От планов овладения этим городом мы не могли просто так отказаться – он стал для нас символом...» (из воспоминаний бывшего немецкого солдата).

И это был воистину страшный символ. Признание того факта, что Ленинград взять невозможно, означало для немцев, по большому счёту, крах всей системы нацистских мифов о сверхчеловеке и мессианской роли Германии. В конечном же итоге это вело к разрушению (пусть и искажённого) их чувства национальной самоидентичности. Этого они допустить никак не могли. Вот почему с маниакальным упорством, несмотря на возраставшие трудности, они продолжали мёртвой хваткой держать Ленинград в блокадном кольце.

Но точно таким же символом (только с обратным знаком) был Ленинград для советских воинов: «Мы, защитники, имели наш город всего лишь в нескольких шагах своей спиной. Его дворцы, мосты, аллеи. Узор его чугунных решёток, а над ним безлунный свет белых ночей, когда Пушкин сидел за своими книгами, и который он с таким

волшебством описывал. Мы имели историю нашего города, имели его традиции. Всё это помогло нам выстоять против немцев...» – «Теперь, спустя столько лет, непонятным кажется то, почему, каким образом в декабре, в самое тяжкое время, нашим солдатам стало ясно, что немцам в Ленинград не пробиться, не прорваться» (Д. Гранин).

Казалось, город возвращал своим защитникам то, что отнимал у врага. «В разные периоды сражения за город, Ленинград сдерживал от 15 до 25% вражеских войск, брошенных на Восточный фронт. Он приковал 56 дивизий, 3 бригады, более 95 000 солдат и офицеров, более 7500 орудий, около 2000 танков, свыше 6000 миномётов и 1700 самолётов врага»⁴²⁷. В итоге, 18 января 1943 года блокада Ленинграда была прорвана, а 27 января 1944 года Ленинград был полностью от неё освобождён.

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мёрзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробивался болотами
Горло ломая врагу⁴¹⁶.

186. Самое большое немецкое военное кладбище в Европе.
Ленинградская область, д. Сологубовка. 2016 г.

«Добрые немцы»

Жестокость и безнаказанность по отношению к советским людям являлась нормой поведения оккупантов. Гитлеровское правительство официально призывало свои войска нарушать на советской территории законы международного права: «Германские солдаты, виновные в отношении международного права, не будут наказываться»⁴²⁸.

Тем заметнее и ярче на этом фоне выглядят поступки тех немногочисленных солдат вермахта, которые были дружелюбно настроены к мирному населению (хотя они при этом и не вступали в открытый конфликт с нацистской политикой). Многие из тех, кто пережил оккупацию, отмечают, что среди немецких солдат были такие, кто милосердно относился к бедствующим жителям – делился с ними продовольствием, лекарствами, защищал от грубого обращения сослуживцев. Конечно, на фоне вопиющего произвола всё это были единичные случаи, не менявшие общей картины. Но зачастую они были столь существенны в плане выживания, что те, кто столкнулся с такими проявлениями человечности в отношении себя или своих близких, сохранили об этом добрую память на всю жизнь.

*Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань*⁸¹:

«В нашем доме была аптека. В одной половине жили мы, а вторую половину занимал склад аптечный. И такой хороший был кладовщик, не злой! Маме он давал сахарину. У них вообще не было сахара. А сахарин – это таблеточки такие».

*Борисова (Егорова) Л. Е. 1915 г. р., дер. Финёв Луг (Новгородская обл.)*⁶⁶:

«Поначалу нам хоть с конвоем повезло – пожилой немец оказался добрым человеком. Видит, что мы едва идём, всегда скажет: "Сядьте, отдохните". Перерыв на обед объявит, а у иных с собой ничего нет. Свой кусок отдаст. Хороший был, дай Бог ему здоровья, если живой ещё».

*Белова Екатерина Константиновна, 1930 г. р., г. Любань*³²⁶:

«Немцы тоже разные были. Однажды в наш домик один немец пришёл. Домик наш невзрачный, мазанка такая, крыша незнамо чем крытая. Пришёл этот немец, встал у порога и уснул стоя. Представьте, пришёл мужик, встал, облокотился и спит. Лелька – та уже в пятом классе училась и немножко по-немецки умела говорить – сказала: "Комрад, комрад!". Тот не реагирует ни на что, а меня смех разбирает. Мама говорит: "А не умер ли он? Нас ещё повесят за него". Лелька подошла к нему, растрясла и говорит: "Что тебе надо-то? Ты же спишь!". А он стоит, не знает, что говорить. "Что ты хочешь? Квартиру?". Он: "Ja, ja!". Мама говорит: "Пусть идёт в большую комнату, хоть нам топить будет". Так он и стал у нас жить».

Где он доставал еды или воровал – не знаю, но паёк нам всегда лишний приносил и хлеба. Посылки он получал, и всегда печенье у него было. И как только посылка приходила, он кричал: "Мама, Лиля, все давайте!". Он эту посылку высыпал на стол, хоть за раз всё съедай – вот такой был добрый немец. Мы его спрашивали: "А почему ты добрый такой?". А он отвечал: "Я рабочий. Я батраком работал". Так что он знал плохую жизнь».

Мой брат Коля – мальчишка есть мальчишка, где-то стащил махорку (уже курить стал) и украл фонарики немецкие. Они были интересные: с красным, зелёным

и синим огоньком, если переключаешь стёкла, то он горит разным светом. А мы даже и не знали, что у него целый склад был устроен. И кто-то донёс на Колю. Полицаи пришли и давай доставать этот табак и эти фонарики. Они бы его за это точно расстреляли. Хорошо Джорж (немец) говорит им: "А это я ему дал". Что бы они ни вытащили, он говорил им: "Это я дал". А те, мол, что такое? Почему всё ты? А он говорит: "Фронт. Я с фронта приехал, и я всё дал". Так он и прикрыл моего братика, спас его».

Николаева (Шерстнева) Прасковья Михайловна, 1926 г. р., пос. Красный Бор (Поповка) ⁷⁹:

«Был наверху у нас немец, он чинил обувь своим сослуживцам. Подъезжала полевая кухня (огромный чугунный котёл), и солдаты немецкие подбегали получать паёк. Им давали в котелки макароны, кашу и полхлебушка. Скучный паёк, конечно, для солдата. И вот, этот Ганс, который чинил обувь, ему лет 40 тогда было, не больше, нас подкармливал. У нас маленькая девочка была, Женечка, а он показывал нам фотографии, что у него трое детей в Германии. Он оставлял в котелке 2 ложечки макарон или каши и звал меня, чтобы я пришла котелок мыть. Он жалел меня. У меня это останется на всю жизнь. Когда он шёл получать паёк, то я прилипла к стенке и смотрела в щёлку, когда он получит, когда пройдёт, когда крикнет! Больше пищи никакой не было. Он специально оставлял! И, вот, мы этим жили, пока его не убило. В феврале он пошёл получать паёк, и наши его снарядами заделали. Он упал, и руки раскинул... Всё-таки не все немцы фашистами были».

Пожилые немецкие солдаты, воспитанные в эпоху Веймарской республики, а не в нацистском рейхе, жалели русских детей.

Слатина Онега Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно ⁵⁹:

«Помню, у нас жили три немца: один был часовых дел мастер, у него полмешка часов было. Так он меня всегда подкармливал, старенький был, добрый. Он мне из столовой приносил в обед кусочек хлеба, намазанный сверху картошкой».

Андреева (Чернякова) Нина Ивановна, 1934 г. р., пос. Тосно ¹⁷¹:

«Рядом была пекарня. Немцы работали на пекарне. Там был один молодой, очень хороший парень – не все немцы были плохими – так он всегда маме приносил муки. Они в белых штанах работали. Придёт, развяжет штанину, вытрясет муку и говорит, чтобы никому об этом не говорили. Бывало, идут немцы из пекарни, то шоколадку кинут, то конфетку. Мама рассказывала – придёт немец, показывает фотографии: "Вот моя жена и трое детей, такие же маленькие, как и ваши"».

Барабанов Евгений Яковлевич, 1936 г. р., дер. Староселье ⁶³:

«Я не помню, кто у нас жил – офицер или солдат. Помню, как мать принесла тубетейку, и я пошёл к бабушке. Выхожу во двор, а там стоит машина. Один немец рядом стоит, а другой в ней сидит. Он меня к себе позвал, я подошёл, а он тубетейку с меня снял, в машину бросил и давай в неё складывать конфеты, печенье, пряники! А потом меня на руки взял и в дом понёс...».

Карцева (Ефимова) Р. Н., 1930 г. р., пос. Тосно ²³⁹:

«Продукты в доме скоро кончились, мы начали голодать. В том месте, где сейчас музей, стояла немецкая кухня. Мы, дети, ходили к ней просить: "Onkel, gibe in Brot!" (Дядя, дай хлеба!). Но хлеб нам перепалал редко, а супом угощали. Солдат съедал половину порции, остальное потихоньку отдавал нам: "Только молчи!"

Еду раздавал молоденький солдат Карл Кнауус. Я напоминала ему младшую се-

187. Немецкий солдат угощает русского ребёнка хлебом

стрёнку. Он звал меня Реей, а за чёрные кудрявые волосы – "моя маленькая цыганочка". Я приходила за супом с небольшой баночкой. Карл был добрый и говорил, широко разводя руки: "Приноси в-о-от такой котёл!". Однажды он спросил: "Можно, твоя мама постирает мне бельё?". Мама согласилась, и я отнесла домой узел, удивляясь, что бельё такое тяжёлое. Оказалось, что в один рукав рубахи Карл насыпал рис, а в другой – сахарный песок...»

В опыте оккупации у респондентов отразился не только ужас террора, но и практика взаимодействия с оккупантами, опыт межкультурных контактов, имевший истоком те или иные стратегии выживания. Здесь всё решал случай.

Хуже дело обстояло с военнопленными. Тем вообще не на что было рассчитывать: в глазах немецких солдат они однозначно являлись врагами, заражёнными «иудо-большевистской идеологией». Истощённые, одетые в рваньё, советские военнопленные для основной массы немцев являли собой наглядное доказательство славянского типа «недочеловеков».

А. Клейн: «Не стеснясь моим присутствием, Гофман, Турехт, Рёр и ещё два жандарма завели речь о русских и русских пленных. Их поражала "тупость" русских: они не понимали простейших указаний. Жандармы забывали, что для понимания нужно знать язык.

– Пока русского не толкнёшь несколько раз, он не поймёт, не сделает, что требуется, – поражался Турехт.

– Раса рабов, – брезгливо констатировал Гофман и, обернувшись ко мне, добавил: "Трудно представить, до чего доходят русские пленные! Когда им кидают падаль, они, как звери, набрасываются на неё, вырывают друг у друга куски конины и заталкивают в рот. Мы (он кивнул на Рёра и Турехта) не раз наблюдали эту кар-

тину. Они потеряли человеческий облик. Как их считать людьми? Это свиньи"»⁴²⁹.

И всё же, были такие, кто нашим пленным искренне сочувствовал.

А. Клейн: «Каждый немец может взять пленного, увести его куда угодно и заставить делать что угодно. Никто не спросит. Если же не приведёт обратно в лагерь, просто надо объяснить, куда девал русского – пристрелил или пристроил при своей части дрова пилить или полы мыть. А этот обер-ефрейтор, взял меня и повёл вдоль шоссе (в Любани. – Авт.), желая облегчить мою участь. Йозеф, видя, какой я истощённый, попытался подкормить меня бутербродами из своего пайка, дал курить, и так как был с велосипедом, предложил, чтобы я держался за руль с одной стороны, он – с другой, чтобы мне легче было идти по шоссе»⁴³⁰.

А между тем, подобная доброта могла стоить Йозефу жизни.

Дмитриева Мария Сергеевна, 1929 г. р., пос. Ульяновка (Саблино)⁴³¹:

«Помню, в конце улицы Карла Маркса расстреляли двух немцев. Они были караульщиками (солдатами караула. – Авт.) в концлагере для наших военнопленных (Саблино, Дулаг-134. – Авт.) и не были злыми. За жалость к пленным, видно, их и расстреляли. Свои же! Нас, местное население, привели смотреть. Солдаты были раздеты – они сняли свою форму и остались только в нижнем белом исподнем. Их заставили рыть себе могилу, поставили на край ямы и расстреляли. Я всегда, всю жизнь их помню, и в церкви за них молюсь и записку подаю об упокое их души».

Очень долго в массовом сознании образ немецкого солдата однозначно ассоциировался с образом фашистского преступника. И только в последние годы, благодаря собранной значительной базе рассказов очевидцев, переживших оккупацию, стало ясно, что война порождала самые разные ситуации и самые разные сценарии взаимоотношений мирных жителей и немецких солдат. Собственно, увидеть в нём человека, а не безликого монстра – задача важная и благородная. Она оправдана тем, что позволяет, отрешась от эмоциональных перекосов и идеологических штампов оценить бывшего противника в контексте его ментально-психологических и общественно-коллективистских качеств.

С другой стороны, подобная двойственность в восприятии реалий того времени, безусловно, требует какого-то осмысления, ибо, будучи неотрефлексированной, она порождает довольно странную ситуацию, связанную с прямыми попытками искажения и разрушения исторической памяти народа в контексте либерально понимаемой парадигмы исторического процесса.

Следует заметить, что не всё в рассказах респондентов о «добрых немцах» заслуживает безоговорочного доверия. Встречаются рассказы, вызывающие у исследователей явное недоумение общим тоном лояльности к оккупантам. Казалось бы, всячески подчёркивая добрые, доверительные отношения с немцами, такие рассказы должны были бы открывать путь к послевоенному примирению обеих наций. Однако настораживает их абсолютная некритичность. Респонденты делают акцент (по вполне понятным психологическим причинам) исключительно на моментах помощи и «человеческих» отношений с солдатами вермахта, и при этом как будто не замечают, что данный аспект их жизни являлся результатом общего ненормального положения вещей.

В предыдущие годы о «добрых немцах» вообще не принято было упоминать. Но с 90-х годов ситуация круто поменялась. В исторической науке начала набирать обороты либеральная парадигма в освещении событий Великой Отечественной

188. Немецкие солдаты и русские женщины. 1942 г.

войны. И теперь востребованными оказались именно рассказы о «добрых немцах», ориентированные в своей основе на терпимое отношение мирного населения к жизни в оккупации (благодаря, конечно, помощи этих «добрых немцев»). К сожалению, безоглядное доверие к подобным свидетельствам и определённое игнорирование противоположных сообщений делает работу таких исследователей необъективной.

С точки зрения современной практической психологии, в отношении многих, имевших опыт положительного общения с немцами, можно предположить, что в иных случаях (не во всех!) у них наблюдался так называемый «стокгольмский синдром», сутью которого является защитно-бессознательная связь жертвы с агрессором, возникающая в ситуации прямой угрозы применения в отношении неё насилия (например, в как случае оккупации).

В сущности, «стокгольмский синдром» – это реакция человека на сильно травмирующие психику события, проявляющаяся в виде некой симпатии жертвы к захватчику. Во время войны он был характерен для узников нацистских концлагерей.

Катализатором формирования и развития «стокгольмского синдрома» является относительно мягкое отношение агрессора к жертве на фоне общего негуманного его обращения с ней. В ситуации абсолютной неопределённости и произвола единственной защитой для жертвы становится её попытка выстроить добрые отношения с захватчиком, расположить его к себе. И в этом смысле необходимость увидеть во враге человека являлась для многих в период оккупации залогом выживания.

На оккупированных территориях «добрые фронтовые солдаты» (даже не догадываясь об этом) становились подобными катализаторами «стокгольмского синдрома» для значительной части местных жителей.

Пытаясь нарисовать как можно более объективную картину жизни насе-

ления в оккупации, добросовестный исследователь обязан учитывать в своей работе и этот момент тоже.

Сегодня в Германии, когда речь заходит о Второй мировой войне, её всё чаще ассоциируют не столько с Гитлером или фашизмом, сколько с трагедией немецкого народа, ставшего заложником нацистской политики. В первую очередь говорят о трагедии людей, вынужденных надеть солдатскую форму и идти на захватническую войну. Теперь солдат, воевавших в России, прежде всего воспринимают, как жертв войны – честных и достойных солдат, которых просто вынудили воевать.

Наверное, какая-то доля правды в подобных утверждениях есть, но только доля, и при этом чрезвычайно малая, касающаяся ничтожного количества отдельных солдат, проявлявших порядочность исключительно на личном уровне. Основная же масса военнослужащих вермахта не испытывала особых угрызений совести или душевных колебаний, когда проводила в действие нацистскую политику «обезлюживания» советских территорий.

Каждому немецкому солдату был обещан земельный надел на отвоёванных землях и бесплатная рабочая сила. Многим это нравилось. О цене – гибели миллионов ни в чём не повинных людей – они тогда не думали: «Чтобы мы жили, русские должны умереть!». Задумываться стали только тогда, когда получили отпор под Москвой и под Сталинградом, да ещё – попадая в плен.

Можно, конечно, говорить о том, что солдаты вермахта просто выполняли долг, приказ, слепо верили своему фюреру, были «одурманены» расистской идеологией, но это ничего не объясняет и не доказывает, потому что немецкая нация не просто предалась нацистской пропаганде, а с упоением отдалась ей. И каждый из солдат так или иначе был заражён идеологией расизма. Каждый готов был гордиться своей нацией и, если даже при этом он не испытывал враждебных чувств к русским, то всегда мог сказать: «Слава Богу, я не еврей!»⁴³².

Да, действительно, не все солдаты вермахта имели ясное понимание происходящего. Но то, что на завоёванных территориях совершаются ужасные вещи, они хорошо знали и в своей массе довольно спокойно относились к этому. Об этом свидетельствуют многочисленные любительские фотоснимки, сделанные немецкими солдатами в оккупированных районах СССР.

Эти фотографии часто показывают события в ином ракурсе, нежели устные рассказы или воспоминания. Данный источник обладает большей степенью достоверности – в отличие, например, от воспоминаний бывших солдат вермахта, которые, как правило, либо подвергались самоцензуре, либо редактировались издателем в соответствии с политической конъюнктурой послевоенного времени⁴³³.

Анализ массива любительских фотографий показывает, что фотографирование часто являлось актом демонстрации доминирования и власти над местным населением и военнопленными, демонстрацией победы и правильности нацистской оккупационной политики. Во многих случаях можно говорить о насильственном фотографировании: оно происходило в унижительных для мирных жителей и военнопленных ситуациях, нередко созданных специально для снимка⁴³³.

190. Группа оборванных детей

Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно ³⁶:

«А ещё немцы любили нас подразнить. У них конфеты такие были трубочками. Они развернут горсть и бросают, а потом фотоаппаратами снимают, как мы эти конфеты собираем».

Очевидно, что многие снимки делались с целью подтверждения штампов официальной нацистской пропаганды в отношении «советского рая» («грязь», «нищета», «дикость» и т. п.). Подчёркиваемые на многих фотографиях, эти мотивы обычно представлялись авторами как некие местные традиции или «советские традиции», а не следствие войны и оккупации. В этом отношении любительские снимки могут рассматриваться как «низовое», «солдатское» развитие тезисов нацистской идеологии о «неправильности», «варварстве» советской цивилизации, логично подлежащей разрушению ⁴³³.

Постепенно обычный рядовой солдат привыкал к беззаконию и насилию над советскими гражданами. Нравственные ценности смещались и искажались. Осознание размаха творимых преступлений пришло намного позже. Но даже и после этого большинство продолжало утверждать, что нигде и ни в чём таком не участвовало. Но ведь и не участвовать можно по-разному. Из такого «неучастия», как из почвы, накачанной питательным субстратом, выросли такие чудовищные структуры как гестапо, СС и СД. Немногие, как немецкий солдат Роланд Кимиг, готовы были признать: «Но если кто-то станет утверждать, что большинство немцев ни в чём не виноваты, то он сообщник преступления. И я, будучи солдатом, – тоже "сообщник"» ⁴³⁴.

Однако подобная позиция непопулярна среди немцев. По-прежнему в немецком обществе сильны идеи «чистого», то есть неполитизированного вер-

махта, когда немецкая военная машина как бы делится на две части – «фронтowych солдат» и тех, кто шёл следом за войсками и устанавливал на захваченных территориях «новый порядок». В результате вся вина за совершённые преступления перекладывается на карательные структуры, Гитлера и его ближайших сподвижников, но никак не затрагивает самих солдат вермахта.

Подобных представлений, хотя и несколько в закомфлированной форме, придерживаются и сторонники либерального направления в трактовке событий Великой Отечественной войны. Делая упор в истории оккупации на «добрых фронтowych солдат», они постепенно смещают акцент на то, что и те, и другие, и вообще все солдаты вермахта являлись всего лишь подневольными людьми, не желавшими воевать и действовавшими исключительно по принуждению (солдат на то и солдат, что обязан подчиняться командиру). Иными словами, это были ничего не подозревавшие «жертвы» бесчеловечной «тоталитарной машины». А с жертв и взятки гладки. Так на одну доску незаметно встают агрессоры и их жертвы, что, собственно, и приводит исподволь к фальсификации истории.

Уже после войны, когда ужасы оккупации и блокады несколько отступили, советские люди, непосредственно общаясь с бывшими солдатами вражеской армии, а теперь – пленными, перестали испытывать к ним негативные чувства. Их жалели, и это было нормально. Их перестали воспринимать как врагов и не вспоминали о причинённом ими зле. Об отношении к ним хорошо сказала мать В. В. Путина Мария Ивановна – блокадница, потерявшая в войну сына: «Ну какая к этим солдатам может быть ненависть? Они простые люди и

189. Немецкие солдаты около бункера на реке Тигоде в районе Любани

im brodelnden Wolchow-Kessel angetroffene Frau berichtet vom **K**
Leid u. Elend u. Hunger, Juni 1942 **22**

Женщина, пришедшая в «кипящий Волховский котёл» рассказывает о страданиях, нищете и о голоде, июнь 1942 г.

191. «Сочувственная» надпись на фотографии

тоже погибали на войне. Ну что с них взять? Они такие же работяги, как и мы. Просто их гнали на фронт» (журнал «Русский пионер» № 55. 2015 г.).

Такие чувства к противнику возникали даже на фронте, когда солдаты обеих армий вынужденно контактировали друг с другом не в боевой обстановке. Несмотря на всю бесчеловечность войны, люди оставались людьми. Тем не менее, добрые чувства к противнику, возникавшие при личном контакте, не могут являться аргументом в ситуации «войны на уничтожение». Об этом на основе собственного опыта поведал А. Клейн : «Эти люди, ей-ей, показались мне не хуже остальных. Ненавидя, я в душе признавал, что, если откинуть принадлежность к враждебной стороне, среди них много глубоко порядочных, в силу принуждения служащих в армии Гитлера. Но... криг ист криг (война есть война), а враг есть враг, и даже самое ласковое обращение не могло заставить меня доверять или сочувствовать им, хотя внешне свою враждебность я никогда не высказывал» ⁴³⁵.

На самом деле, «добрый немецкий солдат» – это человек, вынужденный сидеть как бы на двух стульях сразу: с одной стороны, он пытался оставаться порядочным в заведомо неправой ситуации, а с другой стороны, – он отказывался осмысливать происходящее, давать ему подобающую нравственную

eine Gruppe russischer Buben, die auch wochenlang gehungert haben-
Группа русских, голодавших неделями, мальчиков... *BN 49*

192. «Сочувственная» надпись на фотографии

оценку. Участвуя в неправом деле или выполняя преступные приказы в силу «воинского долга», он, тем не менее, внутренне соглашался с необходимостью это делать, то есть шёл на заведомый компромисс со своей совестью. В итоге, «добрый солдат» превращался в послушный инструмент («автомат») чужой преступной воли. И как бы он ни пытался смягчить её проявления, он всё равно (объективно!) оставался проводником зла и разрушения. В этом-то и заключалась трагедия «добрых немцев».

Безусловно, многие фронтовые солдаты испытывали смятение от увиденного на оккупированных территориях, ведь они не только находились на передовой, но и регулярно перемещались в тыл на отдых, лечение или просто во время передислокаций своей воинской части. Вид страдающего, терпящего невероятные лишения мирного гражданского населения будил у них истинно человеческие чувства – сострадание, милосердие, сочувствие. Однако причину несчастья простые солдаты – как, впрочем, и их командиры, – отказывались анализировать. Самое большое, на что их хватало, это перекладывание вины за происходящее на «упрямого русского ивана», не желающего сдаться и тем самым прекратить «бессмысленное» кровопролитие.

В этом смысле, любопытен следующий момент: часть авторов фотогра-

фий, настроенных, судя по всему, достаточно дружелюбно к русским, пытались представить оккупацию более «чистой», чем она была на самом деле. При этом свои снимки они сопровождали «самооправдательными» надписями, в которых звучит достаточно своеобразный отголосок сочувствия к объекту фотосъёмки: трагичность запечатлённых событий подаётся исключительно с точки зрения осуждения «нелепого упорства» обороняющейся стороны, приводящего к «неоправданным страданиям» мирных жителей.

Сегодня почему-то некоторые историки воспринимают подобные комментарии как акт пацифизма со стороны авторов фотографий, хотя на самом деле, здесь в закомуфлированной форме выражается их внутренняя убежденность в правильности нацистской политики по отношению к «варварской» России. И если такая политика и отвергалась ими в деталях, то в целом она одобрялась ими по существу.

Указанное внутреннее противоречие хорошо иллюстрирует дневник унтер-офицера Вольфганга Буффа ²¹³, воевавшего в районе Синявино.

Со страниц дневника на нас глядит человек образованный, набожный, сентиментальный. Это отнюдь не фашист-человеконенавистник. Это – добропорядочный и даже в чём-то симпатичный немец. Но, странно, при всём своём прекраснородушии, Буфф выказывает какую-то непередаваемую нравственную дремучесть.

Задавшись целью выучить по разговорнику русский язык (что зримо свидетельствует о том, что он не испытывает вражды или презрения к русским людям), он пишет:

«10 ноября 1941 года.

Я уже кое-что могу сказать по-русски и определённо мог бы и дальше совершенствоваться. Но с кем здесь говорить? С деревьями в лесу, которые меня окружают со всех сторон? И всё же я встретил светлоглазого мальчика с широкими скулами, который стоял у входа в деревенскую баню. Я вытащил разговорник и спросил его по-русски: "Как вы поживаете?". На что получил ответ: "Спасибо, хорошо".

Ответив подобным образом, мальчик оказался умнее и глубже «добротного немецкого солдата», абсолютно не понявшего бестактности своего вопроса в подобной обстановке.

А вот его рассказ о советских военнопленных (зима 1941-1942 гг., когда наши военнопленные массово умирали в лагерях от страшного голода, тифа и лютых морозов):

«17 декабря 1941 года.

К нам на позицию приходят работать из лагерного сборного пункта трое русских военнопленных. Они услужливые, смыслённые и ловкие, хотя очень медлительные в работе. От них мы научились разводить костёр прямо на снегу из сухих веток и клочка папиросной бумаги. Они с жадностью варят на таком костре конину, которую где-то раздобыли. Они совсем голодные. Из-за кусочка хлеба впадают в экстаз, обнажают голову и истово крестятся».

Равнодушный, любопытствующий взгляд со стороны на чужую трагедию. И дальше – сентиментальные сентенции о своей оставленной родине и дорогих близких. И ещё – о необходимости вспоминать в ежедневных молитвах о... немецких военнопленных.

Да, действительно, сегодня нередко немецких солдат пытаются представить людьми заблудшими, не желавшими воевать, мечтавшими, как и все нормальные люди, о мире. Их жалобы на трудности ведения войны в России некоторыми историками воспринимаются как знак их миролюбия, тогда как на самом деле подобные сетования вызваны обидой и досадой на «нехороших» русских, не позволивших себя завоевать. Между тем, «пацифистские» настроения, звучащие в их письмах и дневниках, многих сбивают с толку:

*Из дневника ефрейтора Зена Зингера*⁴²⁶:

«25 апреля 1943 года.

Когда, ах, когда настанет весна для нашего народа? Когда умолкнут все виды оружия, и когда прекратится эта бойня?

13 июля 1943 года.

О, демон-война! Сколько горя ты приносишь народу».

*Из дневника унтер-офицера Вольфганга Буффа*²¹³:

«24 октября 1941 года.

Должен же наступить когда-то конец этому смертоубийству? Свою главную задачу я вижу в том, чтобы это скорее осуществилось».

Каким же образом?

«3 мая 1942 года.

На Ладоге пошёл лёд, и Нева гонит ледяные глыбы. Теперь Петербург полностью блокирован и 3 миллиона людей, проживающих там, отрезаны от всех поставок. Найдут ли эти люди мужество сдаться или же и дальше с глупым упрямством будут оказывать сопротивление? (выделено мной. – Авт.). Мы

193. Голодный русский пленный гложет лошадиную кость. Зима 1941-1942 г.

должны и дальше нести дежурную службу у стен этого несчастного города. Сегодня вообще не стреляли. Я читал Евангелие и псалмы».

Трагическое непонимание Буффом и другими «фронтовыми солдатами» ситуации, в которой они оказались, заставило их искать ответ на вопрос о причинах наблюдаемых бедствий вовсе не там, где они находились:

«Ах, если бы вскоре наступил мир для этой бедной измученной страны после ужасной цепи войн, революций, произвола и испытаний всяческого рода, которым так безжалостно подвергается этот народ...» – «Скорее бы пришёл час, когда эта несчастная страна будет освобождена от проклятия и ужаса, которые держат её в своей власти!»

Конечно, такой взгляд на ситуацию был следствием геббельсовской пропаганды, согласно которой немецкие солдаты шли не завоёвывать Россию, а спасать её от власти «большевиков и евреев». Но, даже находясь в её (пропаганды) плену, тем не менее, они могли бы сообразить, что в действительности «всяк живёт по своему разумению», и что если на их взгляд люди в этой стране живут не так, как им следовало бы жить, то это вовсе не означает, что немецкая армия должна эту чужую жизнь насильно перестраивать. И тем более

такими способами!

Вот почему никакие рассказы о «добрых фронтовых солдатах» не могут стать надёжной базой для процесса примирения двух, некогда воевавших народов. Потому что эти «добрые» и «милосердные» солдаты вермахта всё равно являлись (пусть и невольным) орудием уничтожения и порабощения советских граждан; потому что они всё равно шли сюда устраивать свои правила жизни – в «варварскую» страну своё понимание цивилизации.

Тем не менее, память о «добрых солдатах» должна оставаться именно в качестве благодарной памяти об отдельных представителях немецкого народа. Принципиальным же моментом истории эта память становится в первую очередь именно для немецкой нации (не для русских). Именно

194. Немецкие артиллеристы позируют у снарядов, предназначенных для Ленинграда.
7 Февраля 1942 г. Коллекция Б. Иринчеева

благодаря этим людям открывался путь для её нравственного очищения – путь к раскаянию в содеянном, к возрождению Германии, ибо сказано: «Не стоит село без праведника».

Проблема «добрых немцев» высветила ещё один важный аспект в понимании обществом истории блокады Ленинграда и истории оккупации Ленинградской области – принципиальную разделённость представлений о геноциде для того и другого региона. Наиболее чётко эта проблема была озвучена писателем-фронтовиком Д. А. Граниным:

1) «На самом деле... трагедия Ленинграда происходила на глазах немецкого солдата и офицера. Они знали про ужасы голода, про людоедство. На самом деле, военные сознательно следовали политике национал-социалистов об уничтожении советского народа. Бедный немецкий солдат у немецких историков выглядит жертвой. **Он** жертва, а не блокадник»⁴³⁶.

2) «Да, немцы вели себя очень жестоко на оккупированных территориях, но основная часть вермахта не причастна к этим преступлениям. Не надо путать нацистов, гестапо и солдат регулярной армии»⁴³⁷.

Иными словами, в случае с Ленинградом солдаты вермахта оказались в стане виновных, а в случае Ленинградской области – нет. В первом случае они – преступники, во втором – жертвы.

К сожалению, буквально на бессознательном уровне происходит разделение (вероятно, идущее ещё с советских времён) на подлинных героев (и страдальцев) – блокадников, и неподлинных – жителей оккупированных территорий Ленинградской области. Думается, надо наконец чётко понять, что в основе нацистской политики в отношении граждан СССР изначально лежала политика геноцида (быстрого или медленного). В этом смысле (*только в этом смысле!*) положение города и области было одинаковым: и тех, и других планомерно истребляли (одних – голодом, других – «онемечиванием»). Вот почему, признавая преступления вермахта перед городом, следует признавать и его преступления перед областью. Разделение здесь абсолютно недопустимо.

Депортация. Остарбайтеры.

Стремясь ослабить рост партизанского движения, немецкое командование решило прибегнуть к наиболее радикальному способу борьбы с ним – изолировать его от народа путём тотального выселения жителей оккупированных территорий Ленинградской области от линии фронта до оборонных позиций предприятия «Пантера». При этом предполагалось все дома на данной территории сжечь, а имущество жителей – конфисковать. Тем самым, по мысли гитлеровцев, партизаны лишались своей базы, а Германия получала новую даровую рабочую силу. Следовательно, массовый угон населения тыловых районов группы армий «Север» рассматривался как важнейшее средство укрепления боеспособности немецких войск под Ленинградом. Предполагалось также, что если «эксперимент» под Ленинградом пройдёт удачно, то можно будет применить данный метод и в других оккупированных регионах СССР.

17 сентября 1943 года командующий группой армий «Север» Кюхлер (в 1942 году он сменил на этом посту фон Лееба) приказал «очистить» от гражданского населения весь указанный район. Это означало, что депортации должны были подвергнуться несколько сотен тысяч человек. Проведение «эвакуации» населения Кюхлер возложил на командующего охранными войсками и начальника тылового района Бота, который 21 сентября 1943 года издал приказ, где говорилось: «Эвакуация должна быть проведена немедленно и с использованием всех средств и возможностей... Эвакуированные используются частично на работах предприятия «Пантера», частично в оккупированных областях и на территории рейха. Считается, что 50% людей в каждой колонне работоспособны. Дети в возрасте от 10 лет считаются рабочими»⁴³⁸.

Операция по угону населения Ленинградской области была тщательно проработана: командование заблаговременно стянуло воинские части, были выделены специальные конвойные команды, созданы в пути следования транзитные лагеря, подготовлен транспорт. Весь тыловой район группы армий «Север» был поделён на зоны, каждая из которых имела свои сроки выселения. В деревнях и посёлках были вывешены объявления о предстоящей «эвакуации», причём власти прибегали к прямой демагогии, мотивируя свои действия «заботой» о мирных жителях, которые якобы могут пострадать в ходе боевых операций.

Газета «Северное Слово» от 8 августа 1943 года:

«Германское командование, руководствуясь принципами человеколюбия и избегая ненужного кровопролития, спасает русское население, эвакуируя его из ближайшей прифронтовой полосы в дальний тыл. Большевики также проводят эвакуацию местного населения, однако не ради спасения его, а исключительно в целях не допустить русского человека до свободной жизни в освобождённых областях»³⁵⁷.

Чтобы привлечь население к добровольному выезду в Германию, коллаборационистская пресса печатала статьи о благополучной жизни переселенцев на новом месте – «Благодарность эвакуированных»:

«2 июня из местечка Саблино эвакуирована группа в 497 человек. 4 июня она доставлена в Эстонию в деревню Пылкюлла для отбывания карантина. Администрация карантина приняла сердечное участие в приёме, размещении по баракам и распределении на работу новоприбывших. Всем эвакуированным предоставляется питание, причём детям дополнительно отпускается молоко и пряники. Отношение самое благожелательное, полное сочувственного внимания, вежливости, желания оказать посильную помощь.

В связи с этим эвакуированное население Саблино выражает глубокую признательность властям, организовавшим эвакуацию прифронтового участка, и в частности коменданту карантина Антону Пуура, начальнику района Х. Сепп и военному персоналу карантина, а также администрации в лице Е. Нетто и майора (неразб.)

Уполномоченные от населения Саблино: Г. Д. Селиванов, П. В. Лаврентьев, В. Буданов и др.»³⁵⁷.

Однако подобные «благодарности» отнюдь не развеивали опасений жителей, уже имевших горький опыт общения с оккупантами:

Петров Е. Г., врач Саблинской больницы для гражданского населения в 1941–1944 гг.²²⁰:
«5 ноября 1943 года.

В душе пустота и беспокойство о будущем, т. к. с недели на неделю ждём выселения из Саблино, или, как это официально называют, "добровольной эвакуации от зверств большевиков"».

195. Газета «Северное слово» со статьёй «У беженцев»

Чтобы снять сомнения, официальная пресса рассказывала об условиях транспортировки:

«Германское командование, спасая русских людей от обстрела большевиками, предоставляет для переселения поездные составы, грузовые автомобили, вывозя не только само население, но и его имущество, скот, зерно и пр. Кроме того, германское командование организует питание беженцев в пути, отводит им нужное помещение, выделяет обслуживающий персонал и т. д.»

И действительно, в иных случаях оккупационные власти предоставляли «эвакуируемым» возможность захватить с собой имущество и даже скот (корову или козу).

Слатина Онега Павловна, 1932 г. р., пос. Тосно⁵⁹:

«Потом, когда нас немцы вывезли, мы нашу козу с собой взяли, нам немцы разрешили, и она

196. Фотография «счастливых эвакуированных» из пос. Саблино в газете «Северное слово».

с нами прожила всю войну».

Но это были единичные случаи. Чаще всего такие преференции распространялись на тех, кто добровольно (то есть ещё до начала тотальной «эвакуации») соглашался ехать в Германию, а также на тех, кто так или иначе сотрудничал с властями. В более-менее благополучном положении оказались «русские немцы», эстонцы и финны. Русское же население в своём подавляющем большинстве испытало на себе все «прелести» подобного переселения. В ситуации с ним захватчики особенно не церемонились: часто силой оружия они выгоняли жителей из домов, практически не оставляя времени на сборы в дорогу. Отбираемое имущество немедленно грузилось в автомашины, в эшелоны и отправлялось в глубокий тыл. Дома жителей повсеместно сжигались.

Полякова (Квашнина) Любовь Александровна, 1930 г. р., с. Шапки ⁴³⁹:

«В самом конце 1943 года почти всех жителей Шапок заставили взять самое необходимое и собраться у церкви. Мама сложила наше немудрёное имущество в чехол от набивного матраса, и мы пошли к церкви. Тогда мы не знали, что видим свою деревню и церковь целыми в последний раз. Нас погрузили в машины и отправили на сборный пункт в Любанскую школу. Через несколько дней в товарных вагонах отправили в Прибалтику. Уже в Любани мы узнали, что горят наши Шапки...»

Свищева (Афанасьева) Нина Георгиевна, дер. Малое Переходное ³³¹:

«А потом, когда стали угонять всю деревню, то немцы наши крепкие дома стали на машинах вывозить. Один дом в прицеп грузят, другой – в машину. А остальные дома они просто подожгли. У нас двое стариков убежали в лес и их дома не сгорели. Когда немцы ушли, они из леса прибежали и свои дома погасили. А так наша деревня вся была сожжена».

Семёнов Михаил Николаевич, 1934 г. р., дер. Пятница ⁴⁴⁰:

«Стало известно, что всех жителей деревни увозят. Оккупанты торопили всех криками: «schnell» и поджигали деревянные дома из огнёмётов. Второпях население собирало кое-что из вещей, в основном одежду и документы».

Уезжая в неизвестность, люди брали с собой только то ценное, что могли унести в руках.

Добровольская Ирина Михайловна, пос. Тосно ⁴⁴¹:

«Моя бабушка, Александра Петровна Прокопенко, уезжала с двумя детьми 36-го и 39-го года рождения из Любани. С собой, как самое ценное, она взяла перину и икону Николая-чудотворца».

Васильева Лилия Михайловна, 1932 г. р., дер. Костуя ²¹:

«Брали с собой что-то из одежды, какую-нибудь еду, бидон или ведро, кружки, ложки – сколько можно было унести. Даже у детей на спине висели маленькие мешочки».

Полякова (Квашина) Любовь Александровна, 1930 г. р., с. Шатки ⁴³⁹:

«Мама взяла самую ценную вещь в доме – патефон».

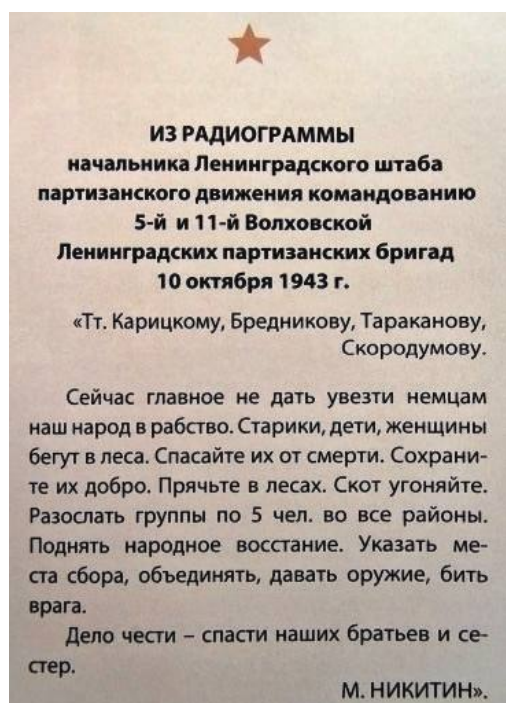
В основном людей гнали в пеших колоннах. Колонны составлялись по 1000-1200 человек. Их путь лежал в так называемые «приёмные лагеря», расположенные в 100 км западнее линии «Пантера», выгибавшейся дугой от Ленинграда к озеру Ильмень. Там узники ожидали уполномоченных Заукеля или хозяйственной инспекции «Север», которые отбирали всех трудоспособных на принудительные работы.

Мирные жители всеми силами противились депортации. Из колонн совершались побег, кто-то пополнял ряды партизан, а те, в свою очередь, устраивали засады и освобождали пленников. Некоторые деревни снимались с насиженных мест и целиком подавались в лес. Этот факт побудил генерала Бота издать приказ, в котором он требовал в каждом оставляемом районе перед началом «эвакуации» «создавать назидательные примеры», чтобы население поняло, что «уход в леса ничего, кроме вреда, ему не принесёт».

Пчёлкина Вера Алексеевна, 1936 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁵⁰:

«В сентябре 1943 года мы всей деревней (дер. Коровий Ручей. – Авт.) ушли в лес. Помню, у кого-то даже корова была. Жили под открытым небом. Однажды утром сестра Тоня побежала "за кустик" и закричала. Оказалось, что мы окружены. Остались живы только потому, что окруживший нас отряд возглавлял румынский офицер. Он так и сказал: "Если бы это был немец, все вы остались бы лежать в этом лесу". Нас привели в Любань, посадили в грузовой вагон и повезли в сторону Луги, а оттуда – в Литву».

Жители Тосненского района не высеялись в сторону оборонного рубежа «Пантера», а угонялись в Прибалтику. Причём, только небольшая их часть шла в колонне, то есть пешим порядком

197. Приказ командованию ЛПБ

(главным образом – в Эстонию, а там – в «трудовой лагерь» Клоога, который находился в 38 км от Таллина).

Мина Зоя Семёновна, 1934 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁰⁴:

«Из Новолисино нас гнали в Эстонию пешей колонной. Много было трупов на дороге. Очень кричали дети – просили есть. Наш маленький братик был просто синим – так похудел. В дороге нам есть не давали, а жители не всегда пускали в дом, ссылаясь на карантин».

Но всё же основная масса людей из Тосненского района перемещалась в немецкий тыл по железной дороге в товарных вагонах.

Сергеева Валентина Ильинична, с. Шапки ⁴⁴²:

«Осенью 1943 года немцы обошли дома в Нурме и велели всем собираться. Отправили нас в Тосно на железнодорожный вокзал. Погрузили в эшелоны. По дороге попали под бомбёжку, выскочили из вагонов и спрятались в канаве. Осколком снаряда оторвало каблук на одном ботинке. После налёта всех опять стали загонять в вагоны. По дороге мама нашла на земле икону, с которой мы больше никогда не расставались».

Бибиков Василий Павлович ⁴⁴³:

«Это был товарный поезд, спали кто на полу, кто на вещах, которыми всё было забито под самую крышу. Поездка растянулась на две недели, так как пропускали военные составы, к тому же часто ремонтировали дорогу после того, как её взрывали партизаны. Во время остановок разводили костры, а когда поезд трогался, догоняли бегом».

Васильева Лилия Михайловна, 1932 г. р., дер. Костуя ²¹:

«На грузовых машинах нас доставили на железнодорожную станцию Любань и разместили в вагонах для перевозки скота. Из-за бомбёжек поезд отправился в путь только через неделю. Всё это время мы жили в вагонах. Затем тронулись в путь. Сидели на своих котомках или просто на полу в битком набитом вагоне, под постоянными бомбардировками и с вынужденными остановками. Никто не знал, куда мы едем и что будет дальше. Люди болели, мучились от голода и холода, грязи и вшей. Многие умирали. На остановках нас охраняли полицаи с собаками, из вагонов выходить запрещалось – только за водой и по нужде».

Романова (Траскина) Юлия Николаевна, 1938 г. р., с. Никольское ⁴⁴⁴:

«Для того, чтобы партизаны не подорвали эшелон с людьми, мы все вагоны обвешали санками, чтобы они видели, что в вагонах не немцы, а мирные люди».

Сашилина (Данилова) Елена Георгиевна, 1939 г. р., пос. Тосно ²¹⁰:

«Везли нас в товарных вагонах, где не было ни полок, ни сидений. Каждая семья сидела своей кучкой на своих вещах. Как только захлопнули двери вагона, поднялся плач и вой: люди не знали, куда их везут».

Газета «Северное Слово» от 8 августа 1943 года:

«С целью полного освещения вопроса об эвакуации русского населения из ближайшей прифронтовой полосы, редакция газеты «Северное Слово» командировало своего сотрудника в два находящихся на территории генерал-комиссариата Эстонии лагеря для русских беженцев, в которых эвакуированные проходят предварительный карантин. Начальник лагеря – эстонский офицер г. Аби. С чувством неподдельного участия говорит он о русских беженцах, нашедших временный приют в его лагере-карантине.

Нас пригласили в столовую, где мы получили хороший обед: суп с лапшой, жареную колбасу с картофелем. Мы посетили жилища беженцев: они живут в чистых комнатах, частью только по 2-3 человека.

– Как обстоит дело с питанием? – обратился я к беженке по фамилии Арчая.

– Я вполне довольна, – живо ответила она. – Получаем густой питательный суп, хлеб, сахар и даже мармелад. Работающие получают дополнительное питание. А вот мои питомцы, – она указала на двух малолетних детей, – они и молоко получают.

– Я очень благодарна всем за их заботу, – говорит, поднимаясь с кровати, пожилая женщина. – Внимание к беженцам так велико, что я, пожилая, нигде не работающая женщина, получаю дополнительное питание.

Начальник второго лагеря А. Пуур даёт нам сведения о населении. Эвакуировано сюда 1270 человек, в том числе 580 человек детей до 15 летнего возраста. С большой тревогой ехали сюда беженцы. «Не выезжайте. Заморят вас голодом» – говорили «доброжелатели»-шептуны. Но, прибыв на место, беженцы с первого дня убедились в полной необоснованности своих опасений. Все они исправно получают питание и имеют медицинскую помощь. В лагере оборудован даже лазарет»³⁵⁷.

А вот как было на самом деле:

*Сергеева Валентина Ильинична, с. Шапки*⁴⁴²:

«Довезли нас до Нарвы, а оттуда – в Лиепая. Там нас разместили в лагере. Туда приходили латыши и отбирали работников в хозяйство. Они выкупали для работы подростков и женщин. Так попала я на хутор в работницы. Началась моя новая несладкая жизнь. Я должна была доить 5 коров, носить им корм, собирать водоросли для свиней и промывать их в воде. Ездил на мельницу молоть зерно. Много было тяжёлой работы. Хозяева были неплохие, но старший сын хозяина был инвалидом и злобным человеком. Обзывал меня "русской свиньёй" и норовил ударить костью. Мама с братом жили у другого хозяина по соседству».

*Григорьева (Гончарова) Елена Михайловна, 1937 г. р., пос. Тосно*³³:

«Привезли сначала в Латвию, в город Либава (Лиепая). На работы нас выбрал какой-то хозяин, мама трудилась у него в поле, а папу гоняли на вагоноремонтный завод».

*Васильева Лилия Михайловна, 1932 г. р., дер. Костуя:*²¹

«Примерно через месяц нашего путешествия мы прибыли на станцию латвийского города Митау (Митава, Елагва). Ночевали на вокзале под открытым небом, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замёрзнуть. Затем всех построили в шеренги и повели в "вошебойку" (баню) на санобработку. А после этого приехавшие латыши выбирали работников в свои хозяйства. Нашу семью из восьми человек долго не брали. Потом нас разделили – двух сестёр забрали на другой хутор. Долгое время о них мы ничего не знали. Так мы переехали жить к зажиточному хозяину на хутор. Помещик вёл хозяйство, имел несколько гектаров земли, стадо лошадей, ферму с коровами, много свиней и всякой птицы».

*Подольская Валентина Николаевна, 1937 г. р., пос. Тосно*⁴⁴⁵:

«В октябре 1943 года нас насильно погрузили в товарные вагоны и повезли на запад. Так мы оказались в Латвии, в Тукумсе (65 км от Риги). Нас высадили на платформу и приказали ждать хозяев. Нашу семью выбрал богатый хозяин. У него был большой хутор, работало 40 человек. Мать варила патоку из сахарной свёклы, помещая её в большие чаны. Вначале хозяин хотел, чтобы мы с бабушкой пасли свиней, но свиньи были большие, злобные, а мы – дети. Животные могли нас сожрать – было опасно. Мать со слезами на глазах, стоя на коленях, выпросила другую работу – пасти коров. Хозяин согласился».

И всё же жизнь в Латвии в качестве работников на хуторах (а трудились даже очень маленькие дети: пасли гусей или убирали двор) – было не самое плохое в жизни депор-

тированных. Здесь они, по крайней мере, были сыты. Однако к лету 1944 года германское руководство решило их вновь «эвакуировать», но теперь уже непосредственно в Германию с тем, чтобы использовать в качестве «остарбайтеров» («восточных рабочих»): «Предпочтительно занимать русских в дорожном и железнодорожном строительстве, на расчистках развалин, разминировании, при строительстве аэродромов. Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности, копать вручную и таскать камни – не их работа. Для этого есть русские. Русские довольствуются малым и поэтому их легко прокормить, не нарушая продовольственный баланс...».⁴⁴⁶

*Мыльцева Зоя Михайловна, 1933 г. р., пос. Тосно:*³⁷⁹

«В 1944 году, когда подходили наши войска, всех перевезли в город-порт Лиепая, чтобы отправить в Германию. Мы жили в лагере за колючей проволокой, под охраной солдат с собаками. Там тоже много работали. Мы, дети, убрали берег моря от мусора. Голодали. Старшая сестра работала санитаркой в госпитале, оттуда приносила картофельные очистки, мы и этому были рады».

*Сергеева Валентина Ильинична, с. Шапки*⁴⁴²:

«Весной 1944 года нас обратно собрали в лагерь. Рыли окопы. Стали ожидать парохода, который должен был нас отвезти в Германию. Там работали на торфоразработках в Плоце. Жили за колючей проволокой. Среди узников были в основном ленинградцы и новгородцы».

*Максимова Валентина Петровна, 1932 г. р., дер. Оредеж:*⁴⁴⁷

«Привезли в Германию, в небольшой городок Торгау, расположенный на берегу реки Эльбы. Там встречали немцы, которым нужны были работники в хозяйстве. Но женщин с детьми они не хотели брать, и их отправили в «трудовой лагерь» за колючую проволоку. Здесь были люди разных национальностей, много военнопленных французов. Взрослых гоняли на завод, а дети сидели за колючей проволокой. Те, кто постарше, присматривали за малышами. Ходили в деревянных колодках и полосатых халатах с номерами».

*Романова (Траскина) Юлия Николаевна, 1938 г. р., с. Никольское*⁴⁴⁴:

«Взрослых строем гоняли в депо чистить паровозы. Приходили они уже никакие».

*Колесов Борис Васильевич, 1936 г. р., дер. Зарембинка (Псковская область)*⁴⁴⁸:

«Лагерь – он находился в Западной Германии – предназначался для проживания заключённых, занятых на работах по добыче и переработке торфа. Недалеко от лагеря находилась торфоперерабатывающая фабрика. Была устроена узкоколейка от фабрики к месту заготовки торфа. Нас, подростков, ещё не окрепших (8-ми с половиной лет) привлекали к разгрузке вагонов или вагонеток с торфом. Одни ребята выбрасывали торф из вагона, а другие, что находились внизу, откидывали его в сторону. В память врезался эпизод, как во время разгрузки торфа я засмотрелся на колонну пленных солдат, проходивших мимо. Я встал на рельсы, чтобы быть повыше и рассмотреть, кого ведут по дороге, надеясь увидеть отца. Неожиданно надзиратель сзади отвесил мне такую оплеуху, что я стукнулся головой о буфер вагона и от боли потерял сознание. Подзатыльники и пинки были обычным делом...»

Положение остарбайтеров было тяжёлым. Они являлись постоянной мишенью для проявления жестокости со стороны хозяев и гестапо. Они могли подвергаться побоям и издевательствам, или даже быть убиты с минимальными последствиями для совершивших это немцев. Невольникам и невольницам в обязательном порядке необходимо было носить на правой стороне груди нашивку «OST». Она означала, что узник – человек с востока, пригнанный из СССР, достойный только унижения и презрения: «Остарбай-

198. Семья тосненцев в Латвии

теры должны всегда носить на правой стороне груди каждого предмета верхней одежды знак, который всегда должен быть прочно закреплён... Остарбайтерам не разрешается покидать место работы... Запрещается выход за пределы места жительства и нахождение за его пределами... Пользоваться общественным транспортом запрещается. В больницах их помещать отдельно от немцев... Детям остарбайтеров запрещается посещать немецкие школы...»⁴⁴⁹.

Романова (Траскина) Юлия Николаевна, 1938 г. р., с. Никольское⁴⁴⁴:

«В выходной день нас пускали в город гулять. Но для этого маме обязательно нужно было прицепить знак "OST", что означало, что она – "восточный рабочий"».

Важным элементом унижения людей была нумерация с полным отказом от имён. Номера пришивались на одежду вместе со специальным значком, указывавшим на национальность.

Савельева Вера Иосифовна, 1933 г. р., пос. Тосно³⁵²:

«После Эстонии была Германия – город Дюссельдорф. Мы жили в рабочих лагерях за колючей проволокой, на воротах стояли полицаи. Рядом находился завод, виднелась одна труба, остальное было под землёй, так как кругом были горы. Вот туда гоняли родителей, сестру, даже бабушку, которой было 60 лет, на работу под конвоем, с номерами на одежде. Детей не трогали. Мы находились в лагере. Раз в день давали похлёбку – кормовую капусту с горячей водой. Раз в неделю – 2 буханки хлеба на 5 человек, и всё. Очень хотелось есть. Да, в насмешку платили родителям за труд настоящими советскими деньгами, видимо, немало банков немцы разграбили. Мать их не выбрасывала, а складывала в чемоданчик, в котором хранились старые фотографии».

Рабочий день остарбайтеров длился от 12 до 14 часов, часто им приходилось выходить на работу в воскресенье. Да и сам род выполняемых работ превышал возможности остарбайтеров, ведь это была, как правило, тяжёлая физическая работа. Низкокалорийная еда, отсутствие витаминов, неприемлемые условия жизни, непосильный труд – всё это разрушало их здоровье. Уровень смертности среди угнанных в Германию советских людей был очень высоким.

В обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по делу главных нацистских преступников указывалось, что из Советского Союза германские оккупацион-

ные власти принудительно вывезли 5,3 млн человек гражданского населения ⁴⁵⁰.

Катастрофическими оказались демографические потери Ленинградской области: было уничтожено или угнано в Германию более 70% её населения. Предполагается, что число жертв нацистской оккупации на территории Ленинградской области в её границах 1944 года (Ленинградская, Новгородская и Псковская области) составило почти 1 млн 196 тыс. человек ⁴⁵¹.

Из Акта расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков по Тосненскому району:

«На 1.01. 1941 г. численность населения района составляла 104 385 человек. Угнано немцами 70 605 человек. При освобождении в районе находились 110 человек». (ГА РФ. Р – 7021. Оп. 30. Д. 252. Книга Ленинград 1944).

Опустошение целых регионов при отходе фашистских войск – угон населения, совмещённый с тактикой «выжженной земли» – было не просто частью военной стратегии и тактики, а являлось составной частью всей нацистской политики, нацеленной на истребление как можно большего числа советских граждан. И эта задача решалась всеми возможными методами в течении всего периода оккупации.

Опросные листы возвратившихся на родину из германской неволи.

(ГА РФ: Ф. Р – 7021, Оп. 30. Д. 1673).

Опрос проводился 30 ноября 1944 года

Опросный лист № 1

Фамилия, имя, отчество: Голубева Татьяна Ильинична.

Год рождения: 1896 г.

Место рождения: дер. Рябово.

Домашний адрес: Ленинградская область, Тосненский район,

дер. Рябово, ст. Рябово, дом 35.

Где и кем работал до угона в герман-

199. Савушкины Нина и Маня в Германии

200. Такими самодельными куклами играли дети, находившиеся в Германии в лагерях для перемещённых лиц (реконструкция)

скую неволю: работала в колхозе «Осоавиахим».

Когда был угнан (год, месяц), из какого города, района, села: 14 октября 1943 г. из деревни Рябово Тосненского района.

Кто из немцев (венгров, румын и др.) руководил насильственным угоном, кто им помогал: насильственным угоном руководила местная комендатура во главе с комендантом.

Куда был направлен (страна, город, район): Эстония, г. Гунгенбург.

Краткое изложение условий и обстоятельств в пути на германскую каторгу: были привезены на ст. Ушаки, где пробыли под открытым небом 2 дня. Подали вагоны, и мы погрузились. В таких тяжёлых условиях мы ехали четыре дня. До угона в Германию проживала 2 г. 4 месяца в Рябово.

Как происходило на месте направление на работу (купля-продажа, осмотр на бирже, направление под конвоем, заключение в концентрационный лагерь и т.д.): прибыли в г. Нарву. Из вагонов все были выведены на платформу. Здесь немецкие офицеры произвели осмотр и нас направили в г. Гунгенбург в рабочий лагерь. Здесь мы работали 4 месяца, а потом были направлены к крестьянам в работники.

Где работал (подробное название предприятия и имя владельца, хозяина, их приметы): работала у крестьянина в пастухах. Хозяин – Херберт Казик, высокого роста, худощав, цвет волос – тёмный. Хозяйка – Эдви Казик, средних лет, блондинка, имеет двух детей (имена сыновей Илья и Рейн).

Адрес предприятия (страна, город, район, улица, номер дома): г. Тарту, Кудина волость, деревня Ухмарду, усадьба (неразб.)

Адрес местожительства (город, район, улица, номер дома): г. Тарту, Кудина волость, деревня Ухмарду, усадьба (неразб.), Казик Херберт.

Краткое изложение условий работы и жизни в неволе (род работы, число часов работы, оплата, жилище, снабжение необходимыми предметами – обувью, одеждой и др., охрана и т.д.): работала в качестве пастуха. Работала 12 часов, жила в отдельной комнате. Обувью и одеждой не снабжалась. Питание было плохое, продуктов для питания не получала. За работу ничего не получала, но после изгнания немецких варваров под действием наших войск мой труд был оплачен.

Краткое изложение фактов издевательств, насилий, истязаний, побоев и других преступлений владельцев предприятий, их служащих, хозяев и других лиц по отношению к угнанным в германскую неволю: работала в тяжёлых условиях, хотела перейти к другому хозяину, но за это меня хозяин с полицаем избил, и я осталась в этом хозяйстве опять работать.

Перечисление лиц администрации предприятия, общежития и других чиновников, виновных в эксплуатации и истязаниях советских граждан (фамилии, имена, должности, по возможности адреса, их приметы), а также членов семьи с характеристиками отношения: Казик Херберт, хозяин, у которого работала, а полицейского фамилию я не знаю.

Подпись опрашиваемого: Голубева

Опросный лист № 2

Фамилия, имя, отчество: Гусев Павел Константинович

Год рождения: 1929 г.

201. Русские рабочие во время перерыва. 1943 г.

Место рождения: Московская обл., гор. Мал. Ярославец

Домашний адрес: дер. Жары, Рябовский с/с, Тосненский район Ленинградской области.

Где и кем работал до угона в германскую неволю: учился в Жаровской начальной школе.

Когда был угнан (год, месяц), из какого города, района, села: 14 октября 1943 года из дер. Жары Тосненского района.

202. Угнанные в Германию

Кто из немцев (венгров, румын и др.) руководил насильственным угоном, кто им помогал: комендант немец и староста дер. Жары Андреев Борис Дмитриевич.

Куда был направлен (страна, город, район): Латвия, г. Гульбино-лагери и жили до освобождения Красной Армией этой местности 14 сентября 1944 г.

Краткое изложение условий и обстоятельств в пути на германскую каторгу: ехали в товарном вагоне скопом, в количестве, около 40 человек с детьми. Продовольствием снабжались в пути очень ограниченно, выдали норму продуктов в Ушаках и с этим про-

203. Советские дети из немецкого лагеря для перемещённых лиц едят хлеб и баланду.
Германия, 1945 г. Авт. Уильям Вандиверт

довольствием доехали до Латвии. Ехали 9 суток.

Как происходило на месте направление на работу (купля-продажа, осмотр на бирже, направление под конвоем, заключение в концентрационный лагерь и т.д.): когда приехали в г. Гульбино, нас отправили в лагерь на различные работы.

Где работал (подробное название предприятия и имя владельца, хозяина, их приметы): в лагере выполняли все чёрные работы (земляные, на дороге, на огороде).

Адрес предприятия (страна, город, район, улица, номер дома): г. Гульбино.

Краткое изложение условий работы и жизни в неволе (род работы, число часов работы, оплата, жилище, снабжение необходимыми предметами – обувью, одеждой и др., охрана и т.д.): выполняли все чернорабочие работы с 6 час. утра до 7 час. вечера, за что платили 1 кг хлеба на 4 дня и (неразб.) масла, больше ничего. Спецодежду не давали. Жили в маленьком (неразб.) бараке 11 человек.

Краткое изложение фактов издевательств, насилий, истязаний, побоев и других преступлений владельцев предприятий, их служащих, хозяев и других лиц по отношению к угнанным в германскую неволю: на работе часто надсмотрщики-немцы били палками. Нас сажали в карцер. Начальник лагеря Дюрлик очень издевался над нами.

Перечисление лиц администрации предприятия, общежития и других чиновников, виновных в эксплуатации и истязаниях советских граждан (фамилии, имена, должности, по возможности адреса, их приметы), а также членов семьи с характеристиками отношения: таковых нет.

Подпись опрашиваемого: П. Гусев.

Опросный лист № 3

Фамилия, имя отчество: Друц Евдокия Яковлевна

Год рождения: 1893 года

Место рождения: Витебская губерния, Лепильский уезд, дер. Иконки

Домашний адрес: Совхозная улица, дом 13, г. Любань Ленинградской обл.

Где и кем работал до угона в германскую неволю: г. Любань в мочальной мастерской портнихой.

Когда был угнан (год, месяц), из какого города, района, села: 8 ноября 1943 г., г. Любань Ленинградской области.

Кто из немцев (венгров, румын и др.) руководил насильственным угоном, кто им помогал: уличный староста Герасимович.

Куда был направлен (страна, город, район): доехала до г. Псков, где высадили и направили в концлагерь, который всё время находился на линии фронта.

Краткое изложение условий и обстоятельств в пути на германскую каторгу: везли поездом в товарных вагонах. Плотность очень большая в вагонах. Из продуктов на дорогу ничего не давали.

Как происходило на месте направление на работу (купля-продажа, осмотр на бирже, направление под конвоем, заключение в концентра-ционный лагерь и т.д.): в г. Псков высадили из вагонов, отобрали бездетных женщин и девушек и заключили в концлагерь.

Где работал (подробное название предприятия и имя владельца, хозяина, их приметы): в концлагере г. Псков, Идрица и др. местах. Лагерь всё время передвигался, находился на передовой линии, км 2 от фронта. Рыли окопы, делали бункера, убирали хлеб. Имя и фамилии начальников не знает. Они были из (неразб.).

Адрес предприятия (страна, город, район, улица, номер дома): адрес не определён в виду передвижения концлагеря.

Краткое изложение условий работы и жизни в неволе (род работы, число часов работы, оплата, жилище, снабжение необходимыми предметами – обувью, одеждой и др., охрана и т.д.): рыли окопы, строили блиндажи, убирали урожай и выполняли др. работы, что заставят. Работать приходилось по 12 часов в сутки. Платили 10

марок (50 руб.) в месяц. Кормили один раз в сутки жидким супом, и давали кофе утром и вечером и 200 гр. хлеба в день, 5 гр. жиру. Жили в конюшне вместе со скотом, а летом в сараях. Ни одеждой, ни обувью не снабжали.

Краткое изложение фактов издевательств, насилий, истязаний, побоев и других преступлений владельцев предприятий, их служащих, хозяев и других лиц по отношению к угнанным в германскую неволю: заставляли работать, никто не смел отказаться. Истязаниям и побоям не подвергалась.

Перечисление лиц администрации предприятия, общежития и других чиновников, виновных в эксплуатации и истязаниях советских граждан (фамилии, имена, должности, по возможности адреса, их приметы), а также членов семьи с характеристиками отношения: не было.

Особые замечания: два сына Лев рожд. 1922 г. и Владимир 1925 г. насильственным образом угнаны в Германию в 1941 г.

Подпись опрашиваемого: неграмотная.

Освобождение. Возвращение на Родину

23 апреля 1944 года, уже после освобождения Тосно, в одном из домов была найдена бутылка, а в ней три письма от неизвестной Ольги.

«2/VIII – 43 г.

Итак, всё кончено. Нас хотят эвакуировать. Это – всё. Это – смерть. Боже великий, два года таких жутких переживаний, но в надежде, что вот будем спасены, увидим своих.

Нам говорят дни и ночи, что если вернётся Красная Армия, то всех расстреляют, как изменников родины, но я не верю. Какие мы изменники, – нас тысячи, не успевших уехать. Я говорю и думаю: пусть немцы убивают, но всё же на родине!

Милые, родные Коля, Иван, Клавдия, Надя, прощайте! Если бы вы знали, но вы никогда не узнаете, сколько рабского унижения, сколько скотского отношения к себе переживаем мы.

Всё прежнее кажется сном. Может быть, эта весточка дойдёт до кого-нибудь и через много лет. Прятать-то некуда. Везде могут найти, разорвать. Решила положить в бутылку и бросить в уборную, – может когда кто-нибудь найдёт.

Милые мои близкие, родные! Ничем не описать пережитого. Вы знаете, что мама больна, Женя тоже и двое ребят. Измоталась я совсем. Если будем живы, хотя и сомнительно, ради Бога, как-нибудь разыщите нас и вызволите, ничего не жалейте. Боюсь говорить матери и жить, скоро нам конец.

Ольга».

«Милые, нас увозят насильно, с ружьями, ограбляя нас. Говорят, везут в Латвию. Спасите нас, спасите!

Мама, Женя и ребята пока живы, но в лагерях, куда везут, все умрём. Первыми умрут

мама и Женя, после – ребята и я. Увозят только из Тосно 9 тысяч людей. Спасите нас, спасите!

Ольга».

«30 / IX – 1943 г.

Прощайте, мужья, братья и сёстры, и знайте, что верны мы были вам и нашей любимой Родине до последнего дыхания. Наша совесть, душа и тела чисты и до конца вам преданы. Прощайте!

Ольга».

Эти письма были напечатаны в районной газете «Ленинское знамя» от 4 мая 1944 года. Публикацию предваряли слова:

«Товарищ! Прочти эти письма. Они адресованы тебе. Прочти и представь: сколько слёз и мук переживают наши родные русские люди в фашистском плену!»

В ответ в газету полетели письма с фронта:

«Ольга! Мы отомстим за тебя и освободим из лап фашистских извергов!»

По мере того, как Красная армия с боями продвигалась на запад, германское руководство перемещало угнанных советских людей всё глубже в тыл. Но часть из них при этом всё же продолжала оставаться в Прибалтике, по-прежнему подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны местных хозяев. В донесении политпросветотдела Управления уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации Ф. И. Голикова говорилось:

«В Литве много советских граждан из Ленинградской области, насильно вывезенных немцами, работали у кулаков. "Хозяева" более года не оплачивали труд и сейчас платить отказываются» [ГА РФ. Оп. 1, Д. 4, Л. 18]⁴⁵².

В Литве, Латвии и Эстонии было учтено 283 407 внутренних перемещённых лиц (то есть депортированных на территории, присоединённые к Советскому Союзу уже после 1939 года), при этом гражданских – 227 044 человека [ГА РФ. Оп. 3, Д. 53, Л. 270-271].⁴⁵²

Среди них были и жители Тосненского района. Они первыми получили возможность вернуться домой осенью 1944 года. Остальным, то есть тем, кто в это время находился в Германии, ждать оставалось ещё целый год. Только летом-осенью 1945 года они начали возвращаться на Родину.

По-разному происходило освобождение пленников.

*Бибиков Василий Павлович*⁴⁴³:

«Мы спали на полу в амбаре. Ночью дверь распахнули «лесные братья» с автоматами в руках. Было страшно – кто знает, что у них в голове: дадут очередь – и всё, нас никого уже нет. Но всё обошлось. А на утро просыпаемся, смотрим – на хуторе уже целое отделение наших. Так мы узнали о Победе».

*Максимова Валентина Петровна, 1932 г. р., дер. Оредеж*⁴⁴⁷:

«Освободили заключённых русские и американские войска. На территории лагеря устроили митинг в честь победы. Дали всем хороший продовольственный паёк, провели медицинский осмотр, помыли как следует. Помнится, что ходили к русским солдатам есть суп».

*Паэгле (Лабутина) Серафима Михайловна, 1932 г. р., пос. Тосно*⁴⁵³:

«Но вот настал день, когда немцы просто исчезли. Не осталось ни одного. Это был невероятно счастливый день. Люди плакали и бежали навстречу советским солдатам».

Однако было немало случаев, когда освобождению узников предшествовали трагические обстоятельства: уходя, немцы зачастую стремились уничтожить свидетелей своих преступлений. В иных случаях это им удавалось, и тогда перед освободителями разворачивалась картина чудовищных злодеяний.

Григорьева (Гончарова) Елена Михайловна, 1937 г. р., пос. Тосно ⁴⁵⁴.

«Перед наступление наших войск нас заперли в бараки, положили перед входом соломы, видимо, собирались поджечь, но прорвались наши танки. Запомнилось, как все радовались, обнимались и плакали, а папа сидел с танкистами, они пили из толстых стеклянных белых кружек и пели: «Выпьем за Родину, Выпьем за Сталина!»

205. Советские женщины, освобождённые из немецкого трудового лагеря в Германии. Германия, 1945 г. Фото А. Устинова

Фадеева Людмила Леонидовна, 1938 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁴⁵⁵:

«И вот, как-то проснувшись августовским утром 44-го года, все мы в бараках и местные эстонцы обнаружили, что немцев нет! Пустившись в разведку, осмотрели пустой хозяйский дом, за садом – свежевырытый вместительный ров... С ужасом поняли, что это – наша общая могила, и пустой она осталась лишь потому, что очень быстро наступали наши...»

Множество маленьких детей, оказавшихся в оккупации, а затем, угнанные с родителями на чужбину, не имели никакого представления о нормальном детстве. У них не было опыта мирной жизни, поэтому освобождение для них стало наиболее ярким впечатлением на фоне всех последующих событий.

Фадеева Людмила Леонидовна, 1938 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ⁴⁵⁵:

«В нашу комнату в бараке набилось много военных. Эти военные не спускали с рук нас, детей. И все плакали от счастья. Все обнимались и целовались. Слезы были в глазах военных. Они задавали нам, детям, простые вопросы и не слушали ответов, совали нам в руки что-то съестное. Мне было непривычно хорошо, без обычной глухой тревоги. Вот тогда, один из бойцов подарил мне яркую игрушку, которая была похожа на куклу. Но это была не кукла, это был смешной мальчик в разноцветных штанах и красном колпачке. Он весь блестел от новизны. Он улыбался. Я спросила у мамы: "Кто это?" – "Это клоун", – ответила мама с грустью понимая, что этим ничего мне не сказала. В свои почти 6 лет я не знала, кто же такой клоун...»

Борис Алмазов ⁴⁵⁶:

«Для нашего поколения кто такой "дяденька-солдат"? Да это – второй после Бога! Потому что вот появляется дяденька-солдат – накормит, защитит, согреет, ну, спасёт ... Вот это – спаситель. Была огромная шинель: если хлястик расстегнуть, она превращалась в палатку; была разляпанная пилотка; были штаны широченные... Ну, и в эти, значит, штаны залезала рука – оттуда доставалась газетка, газетка разворачивалась ... В газетке был кусочек колотого сахара, с него обдувалась махорка, махринки ... и это давалось дитю. Я ни разу не видел, чтобы солдат ел сахар! Гимнастёрки залатанные и с заштопанными дырками, потому что это были гимнастёрки от раненных и с убитых. Всё это был лён, это всё была холстина настоящая. А как солдаты пахли! Вот этого запаха нету, вот это – родной запах! Это запах махорки, хлеба, щей с тушёнкой и крепкого мужского здорового пота. Вот это – запах русского солдата!»

204. Русский солдат и дети

холстина настоящая. А как солдаты пахли! Вот этого запаха нету, вот это – родной запах! Это запах махорки, хлеба, щей с тушёнкой и крепкого мужского здорового пота. Вот это – запах русского солдата!»

Солдатова (Корчагина) Галина Николаевна, 1927 г. р., пос. Тосно ¹¹⁸:

«Вообще, для меня освободители – святые люди. День Победы – это что-то необыкновенное. Плакали, смеялись, танцевали. Это навсегда!»

Ведомство, которое возглавлял Ф. И. Голиков, установило, что к концу войны в живых осталось около 5 млн советских граждан (мирное население и военнопленные), оказавшихся за пределами Родины. Из них примерно 3 млн человек – в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и менее 2 млн человек – в зоне действия Красной армии (Восточная Германия, Чехословакия, Польша и др.)⁴⁵².

Советское правительство было заинтересовано в возвращении перемещённых лиц: стране, разорённой войной, требовались рабочие руки; кроме того, этого требовали и политические (идеологические) соображения. И вот, согласно Ялтинским соглашениям, союзники весной-летом 1945 года начали осуществлять массовую передачу советских граждан в СССР. Однако при этом они стремились соблюсти и свои интересы: планировалось принять у себя часть перемещённых лиц в качестве политических эмигрантов, а также в качестве квалифицированной рабочей силы. Вот почему в это время в лагерях для перемещённых лиц со стороны американских и английских служб разведки развернулась настоящая «охота за умами» – грамотными специалистами. С ними они вели работу с целью склонить их к отказу возвращаться в Советский Союз.

*Смолина (Мыльцева) Зоя Михайловна, 1933 г. р., пос. Тосно*¹⁰³:

«Нам предлагали остаться за границей, поскольку отец был специалист по электричеству. Но старшая сестра сказала: "Нет, поедem домой!", и он отказался».

*Кудрявцева (Горделева) Лидия Львовна, 1930 г. р., пос. Ульяновка (Саблино)*⁴¹:

«Мы были в западной зоне оккупации, нас освобождали англичане и американцы... Маму вызывали в комендатуру чуть ли не каждый день и предлагали Англию, Америку на выбор. Знали по документам, что она бухгалтер, а не крестьянка. Придёт и говорит: "Вот так и так. Предлагают хоть в Англию, хоть в Америку. Колледж будет у детей. Всё будет ей предоставлено". Мы ей ответили, что пускай в Ленинграде – одни кирпичи, но только бы домой. Освободили нас 8 мая, а русским передали 18 августа».

Америка – страна эмигрантов и пассионариев. Она нуждалась в притоке «новой крови», и советские граждане – активные и выносливые, способные и смекалистые – вполне годились для решения этой задачи.

*Якименко Владимир Иванович, 1936 г. р., пос. Красный Бор (Поповка)*⁴⁵⁷:

«Пришёл 1945 год. Нас освободили американские войска. Некоторое время нас держали в лагере для перемещённых лиц. Часто в лагерь приезжали какие-то гражданские и уговаривали выехать в Америку. Особенно обращали внимание на семьи с малолетними детьми. Но мы хотели домой, в Россию, не представляя, что нас ждёт на родине».

*Забойкин Николай Петрович, 1926 г. р., дер. Староселье*²²⁴:

«Я подорвался на mine (лишился обеих ног выше колена, – Авт.). Немцы отвезли нас в медчасть, потом – на пароходе в Германию. Я лежал не в госпитале, а в полуразрушенной церкви в Нюрнберге. Американцы пришли и освободили – в Америку жить звали. Наши раненые пленные (из военных) многие тогда уехали в Америку. Меня уговаривали ехать, но я сказал: "Что я там забыл? Поеду домой!" (К середине 1947 года по репатриации было возвращено в СССР из числа военнопленных примерно 90% и около 10% осталось за границей⁴⁵⁸).

*Седыx Вера Алексеевна*⁴⁵⁹:

«Когда в 1945 году встал вопрос о возвращении на Родину, то людей стали опрашивать. Был лист бумаги и на нём красным карандашом записывали тех, кто хотел вернуться домой. Для других – синий карандаш. Но мама говорила: "Даже в мыслях не было остаться на чужбине!"»

И начался для бывших депортированных советских граждан нелёгкий путь домой.

Дубровская (Лукина) Л. Ф., 1933 г. р., дер. Остров ⁴⁶⁰:

«В июне 1945 года мы возвращались на Родину. Американцы посадили нас в вагоны, дали с собой пакеты с провизией, столовые приборы. Мама скопила мешок сухарей, которыми часто угощали негры.

Едем через Германию, а на обочине стоят немки с детьми и так же, как мы когда-то, просят подаяние. Мама набирала полный фартук сухарей и выносила им на остановках. Я, помнится, сказала: "Зачем ты всё раздаёшь?". Мама заругала: "А ты забыла, как сама голодала, и люди тебе подавали?"».

Колесов Борис Васильевич, 1936 г. р., дер. Заревинка (Псковская обл.) ⁴⁴⁸:

«Из Германии уезжали организованно. Нас погрузили на машины "студебеккер" без тента, так что, уезжая, мы с интересом наблюдали за тем, что было вокруг... Нас привезли в большой город, видимо, Берлин. Американцы сопровождали нас и помогали, а в нашей зоне мы были брошены на произвол судьбы и добирались до дома, кто как мог».

Ехали в товарных вагонах, на телегах, шли пешком. Дорога была небезопасной во всех отношениях. Но наблюдались и совершенно вопиющие случаи.

Качук (Булдакова) А. М., 1912 г. р., с. Ушаки ⁵³:

«По освобождении из лагеря мужа сразу взяли в армию, а мы (я с восьмилетней дочкой) пошли пешком к границе, не зная толком дороги. Ушаковские держались вместе. Набрели на какую-то воинскую часть. "И куда же вы идёте?" – спрашивают военные. – "Надо на сборный пункт!". Солдаты накормили нас, дали двух лошадей и телегу. Две недели мы ехали по Германии. Хорошие дороги, по обеим сторонам обсажены фруктовыми деревьями. Цвели яблони, вишни, каштаны. Красота!

Доехали до Одера. Всюду наши военные. Лошадей у нас отобрали. Один лейтенант схватил меня за руку: "Часы!". А я отвечаю: "Милый, я же с лагеря, откуда у меня часы?". Ночевали в сарае – 20 женщин с ребятами, но спать не пришлось. Вошли солдаты с фонариками, легли рядом. Женщины молят: "Ребята, нас немцы не тронули, помилуйте...". Я взяла Женю на руки – не помогает. Закричала. Услышал патруль, солдат выгнали. Больше мы в деревнях не останавливались, ночевали в лесу. Одер перешли по наплавному мосту и добрались, в конце концов, до сборного пункта на польской территории. Прожили там три месяца: ждали отправки. Наконец, дали товарный состав и повезли в Россию».

Описанные ситуации не были единичными, но всё же – и не настолько частыми, чтобы видеть в этом систему. Из сотен рассказов удалось зафиксировать только два, в которых респонденты сообщают о подобном.

Кроме того, для некоторых групп населения, возвращение на Родину было омрачено фактами насильственной репатриации – не все желали возвращения домой. Тому были свои причины. В первую очередь, это касалось «фольксдойче», жителей Прибалтики и ингерманландских финнов.

Так, например, советские немцы, депортированные с территории Ленинградской области в 1942 году и возвращённые после войны в Советский Союз в порядке насильственной репатриации, были направлены в отдалённые районы страны на спецпоселение. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря

1955 года они были освобождены из спецпоселения, но при этом им запрещалось возвращаться на места прежнего жительства.

Нечто подобное пережили и финны-ингерманландцы (а также такие народности, как ижора, карела, водь и др.), проживавшие на территории Ленинградской области. В 1943 году они были депортированы по приказу немецкого командования в Эстонию, где были поставлены перед выбором: эвакуация либо в Германию, либо в Финляндию. Ингерманландцы предпочли Финляндию. Но после подписания 19 сентября 1944 года Соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией началась массовая репатриация этих лиц в СССР. По постановлению ГКО от 19 ноября 1944 года они направлялись на постоянное место жительства в Ярославскую, Калининскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области. Спецпоселенческий статус на них не распространялся. Репатриированные ингерманландцы фактически превратились в административно высланных без права возвращения в родные места⁴⁵². Таким образом, массово проживавшие на территории Тосненского района советские немцы и финны-ингерманландцы в качестве этнических единиц сегодня не присутствуют. Отдельные случаи являются редким исключением.

*Сорокина (Кульбач) Елена Дмитриевна*⁴⁶¹:

«Финская семья моей матери – Сутаринен – до войны проживала в посёлке Токсово Всеволожского района Ленинградской области. В 1937 году дедушка – Сутаринен Иван Фомич был репрессирован по доносу односельчанина. Бабушка Сутаринен (Кюллестинен) Хильда (Мария) Фоминична осталась с тремя малолетними детьми, и хотя считалась женой «врага народа», продолжала жить в Токсово до 1942 года. В 1942 году она была эвакуирована по «Дороге жизни» в Красноярск, а там – направлена на спецпоселение, где жили репрессированные уже до этого немцы, эстонцы и финны. Люди здесь занимались, главным образом, лесоповалом. В 1945 году семье удалось тайно бежать из спецпоселенческого посёлка в Эстонию. Там работали у хозяев на хуторе, а оттуда были направлены властями в город Калинин (Тверь), а некоторые родственники – в Калининскую область. Одна из дочерей (моя мама) – Екатерина Ивановна – закончив школу, поступила в ремесленное училище (в институт дорога была для неё закрыта по национальному признаку). По распределению она попала в Ленинградскую область в Павлово-на-Неве (кирпичный завод). И только в 1957 году, когда были сняты ограничения, она получила возможность получить высшее образование. Через несколько лет наша семья переехала в посёлок Саблино и обосновалась в Тосненском районе».

Советское руководство всеми силами стремилось вернуть на Родину перемещённых советских граждан независимо от их желания и всех без исключения. При этом оно всё же было обеспокоено тем, не прониклись ли они, находясь так долго за границей, западным «тлетворным влиянием»? Но опасения оказались напрасны: 80% репатриантов именно мечтали вернуться на Родину, и при этом как можно скорее:

*Дубровская (Лукина) Л. Ф., 1933 г. р., дер. Остров*⁴⁶⁰:

«Нас уговаривали ехать в Америку, но согласились только несколько украинцев и поляков. Большинство не могло дожидаться, когда поедем домой».

*Белугина (Калинина) Нина Владимировна, 1932 г. р., пос. Тосно*¹¹⁶:

«Когда мы сюда вернулись, был такой подъём сил, такие перспективы виделись,

казалось, всё впереди. С интересом и энтузиазмом я жила в это время».

Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань ⁸¹:

«Самый радостный день – когда приехали домой, хоть и на пепелище. Мы были голодные и холодные, но всё равно – дома!»

Смирнова (Гурьева) Раиса Сергеевна, 1925 г. р., г. Любань ²³:

«Мы вернулись в Любань. Дом уцелел, но от дома остались голые стены, да рваная крыша, кругом ямы от бомб. Нужно было восстанавливать город. Разруха, но мы дома! Папа остался жив, мама с двумя детьми (двойняшками, 1931 г. р.) приехала из Латвии, мы с братом – из Германии. Мама потом приняла 4 семьи из Латвии: у них дома сгорели, некуда было деться. Было лето 1945 года. Я спала на сундуке, полно народу, но все весёлые, счастливые... И радости не было конца! Я хочу особо это отметить.

А как мы встречали Новый, 1946 год! Зелёной краской мама красит плитку-щит, тут же стоит бочка с бражкой из сахарной свёклы, гонят самогонку, жарят рыбные котлеты из карасей, пекутся пироги из картошки (муки-то ещё не было) с черникой. Главное запомнилось – это гитара, баян и наши русские старинные песни... Такое не забывается!»

Хотя во всей истории с репатриацией советских граждан имели место множественные нарушения прав человека, тем не менее, несмотря на все издержки данного процесса, для большинства советских людей он стал синонимом счастья обретения Родины, насильно отнятой у них чужеземными завоевателями.

Общественный ostrакизм в отношении репатриантов

подавляющее большинство перемещённых граждан СССР являлось искренними патриотами своей страны и имело вполне просоветские настроения. И судьбоносное решение вернуться на Родину они приняли без колебаний. Но подспудно их все же мучил вопрос: как отнесётся советское правительство к тому, что они так долго находились за границей? Не накажут ли их за это?

На основе интервью Ф. И. Голикова, данного в начале ноября 1944 года корреспонденту ТАСС, правительство СССР в газете «Правда» опубликовало официальное обращение к военнопленным и перемещённым гражданским лицам: «Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»⁴⁶².

Репатриантам было объявлено, что они сохраняют все права граждан СССР, включая избирательные; на них распространяется трудовое законодательство и социальное страхование. Но на деле всё обернулось иначе.

Родионова Евгения (Ефросинья) Яковлевна, с. Шапки ⁴⁶³:

«На немцев работали все, начиная с 7 лет, что прикажут, то и делали. Молодёжь, мужчины валили лес, стояли дороги, возили на фронт еду, бельё, военное снаряжение. Когда наших односельчан, угнанных в Прибалтику, освободили части Красной армии, мужчины постарше и поопытнее, проходя собеседование, благоразумно про снаряды и патронные ящики промолчали и успешно прошли "фильтрацию". Их сразу же призвали в ряды Красной армии и после небольшой подготовки отправили на фронт. Яныш (младший брат) так называемую "фильтрацию" не прошёл по молодости и глупости – честно сказал, что ему приходилось возить на передовую линию немцам вооружение и снаряды на конных подводах. За это ему дали срок – 20 лет и сослали на Колыму. Когда началась война, ему было 16 лет».

По возвращении домой репатрианты часто сталкивались с прямым ущемлением своих прав.

Картавенко Галина Александровна, 1941 г. р., пос. Тосно ⁴⁶⁴:

«После Латвии сразу сюда вернулись в 1945 году. Помню, как маме тяжело было после этого получить паспорт. Можно подумать, мы сами бежали».

Бибикова (Савушкина) Нина Михайловна, 1940 г. р. ⁴⁶⁵:

«Мы всей семьёй ещё долго ездили в Старую Руссу, где у нас брали отпечатки пальцев. Когда мы вернулись, мне было 5 лет, но даже мне надо было получить справку, которая подтверждала, что я против Родины ничего не совершала. А что я могла сделать плохого Родине в таком возрасте?..»

Власть, особенно на местах, не питала доверия к перемещённым лицам: все побывавшие в оккупации считались неблагонадёжными. Они не всегда могли жить там, где хотели, учиться в ВУЗах, занимать общественные должности. Многие отправлялись в составе рабочих батальонов валить лес или добывать торф.

Турзина (Егорова) Л. А., 1926 г. р., пос. Ульяновка (Саблино) ¹⁵⁸:

«А как поступили с людьми? У всех молодых отобрали паспорта и отправили на торф. Меня выручил Борис Михайлович Извеков – начальник участка на железной дороге, где работал отец. Он «отбил» меня в бюро распределения молодёжи и взял на работу в колёсный цех 8-го участка. Работа тяжёлая, грязная. Но и там след плена тянулся за мной. "У тебя репутация худая, – говорил Борис Михайлович, – была в Германии... Не дай Бог, брак – засудят"».

Качук (Булдакова) А. М., 1912 г. р., с. Ушаки ⁵³:

«Еды не было никакой, надо устраиваться на работу. В Тосно распределительный пункт: кого на торф отправляли, кого – на лесозаготовки. Поехала на старую работу. Председатель месткома Екатерина Ивановна отворачивалась: "Что ты, Михайловна, ты же в оккупации была...". Очень плохо смотрели на тех, кто вернулся из плена. С трудом устроилась кладовщицей. Карточка служащей – 200 г хлеба, не прокормишься. Пошла грузчиком – всё-таки хлеба 600 г».

Ефимова А. А., 1926 г. р., дер. Ирса (Киришский район) ¹⁹⁹:

«Долго ещё мы жили трудно и голодно. Я грузила дрова на железной дороге и хотела выучиться на повара. Обратилась в ОРС, но начальник отдела кадров сказал: "Ты же у немцев была!". Устроилась судомойкой в 11-ю столовую. Топила плиту, мыла котлы. Останется на дне пригоревшая каша или макароны – домой принесу».

Смолина (Мыльцева) Зоя Михайловна, 1933 г. р., пос. Тосно ¹⁰³:

«После войны было очень тяжело. Мы были врагами Советского Союза, хотя нам и было мало лет. У меня брат 1932 года – двоюродный, хотел поступить в лётное учили-

ще, но не дали, так как он был в оккупации, и человек спился с горя».

Данилов Виктор Степанович, 1934 г. р., дер. Глубочка ²³²:

«Была весна 1945 года. Нас погрузили в эшелоны и привезли на станцию Вырица, Гатчинского района. В Тосно пошли пешком. Это около 40 км. Нас встретил старший брат (Николай Степанович Данилов) – он работал в Тосно начальником милиции. Временно поселил нас в пустующий на тот момент дом – дом старосты Тосно в период оккупации.

Послевоенное Тосно выглядело ужасно. Кругом валялось оружие, пулемёты и... оттаявшие из-под снега мёртвые немцы.

Послевоенные годы нашей семьи сложились по-разному. Казалось, старший брат Николай должен быть героем (он был командиром партизанского отряда), а ему судьба положила 10 лет без права переписки по доносу подлеца за то, что он прописал нас в Тосно – свою семью! А подлецы умело пристраивались после войны.

Второй брат, Владимир, оказался во 2-й Ударной армии, которую Власов сдал немцам. Вымазан был власовским предательством – жизни не хватило "отмыться".

Третий брат, Леонид, которого немцы насильно вывезли в Германию в 17 лет, после фашистского плена жил на севере – права жить на малой родине не имел.

Сестра Мария, чудом выжившая в немецкой неволе, имела право поселения только на 101 км.

Ну а мы, вернувшись из Прибалтики, стали приспособливаться жить в Тосно. Я, как многие послевоенные подростки, закончил школу в 1951 году. Настроен был поступать в Военно-морское училище – не взяли. Анкета запятнана. Для нас только ФЗУ (*фабрично-заводское училище. – Авт.*)».

Романова (Траскина) Юлия Николаевна, 1938 г. р., с. Никольское ⁴⁴⁴:

«В комсомол нас не брали, ни на работу, никуда. И мы долго боялись говорить о том, что были на оккупированной территории. Мама тоже всего боялась. У мамы фотография лагеря была и значок "OST" тоже. Всё она сожгла.

После школы нас с сестрой никуда не брали, и я пошла работать в 17 лет на завод. Я даже не могу сказать, чтобы что-то радостное было, всё как-то однообразно. Помню, мама всё говорила: "Тише, только тише"».

По сути, выжившие в фашистской неволе люди долгие послевоенные десятилетия являлись изгоями в собственном Отечестве. Их права постоянно нарушались, но главное – они подвергались общественному ostrакизму. Окружающие не стеснялись демонстрировать репатриантам своё подозрительное отношение. Женщин, угнанных в Германию и вернувшихся оттуда домой, население, переселившееся сюда из других регионов, не знавших ужасов оккупации, презрительно называло «немецкими подстилками». От бывших военнопленных отказывались родственники и односельчане, детей нередко в школе обижали и дразнили.

Мыльцева Зоя Михайловна, 1933 г. р., пос. Тосно ³⁷⁹:

«В июне 1945 года мы вернулись в Тосно, где всё было разбито, а вокзал разрушен. После войны мы, переростки, пошли в школу, классы тогда были переполнены. Нас, насильно вывезенных в Прибалтику и Германию, презрительно называли предателями, что, конечно, было очень обидно».

Паэгле (Лабутина) Серафима Михайловна, 1932 г. р., пос. Тосно ³⁷:

«В конце 1944 года мы вернулись в Тосно, но возвращение было нерадостным. Нас не пустили жить в наш собственный дом, потому что считали врагами, оказавшимися

на оккупированной территории. Люди, жившие в нём, войны не видели, но осуждали нас. Сёстры не могли устроиться на работу, на всех лежало клеймо врагов».

Как же могло случиться, что термин «репатрианты» приобрёл в общественном сознании однозначно негативный смысл?

Советский Союз был закрытой страной (страной за «железным занавесом»). По законам СССР стремление сменить подданство или уехать в эмиграцию являлось преступлением (ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР). Всякая мысль о «загранице» приравнивалась к предательству Родине (вкуче со шпионажем, антисоветскими заговорами, вредительством и т. п.). И всё это было внедрено в общественное сознание граждан. Негативное отношение населения к репатриантам проистекало из хорошо усвоенной идиомы: побывал за границей, значит, стал предателем. Недоверчивое же отношение властей к репатриантам проистекало из факта их (репатриантов) бесконтрольного пребывания за границей. Подобные искажённые представления являлись следствием сложившегося в СССР тоталитарного политического режима.

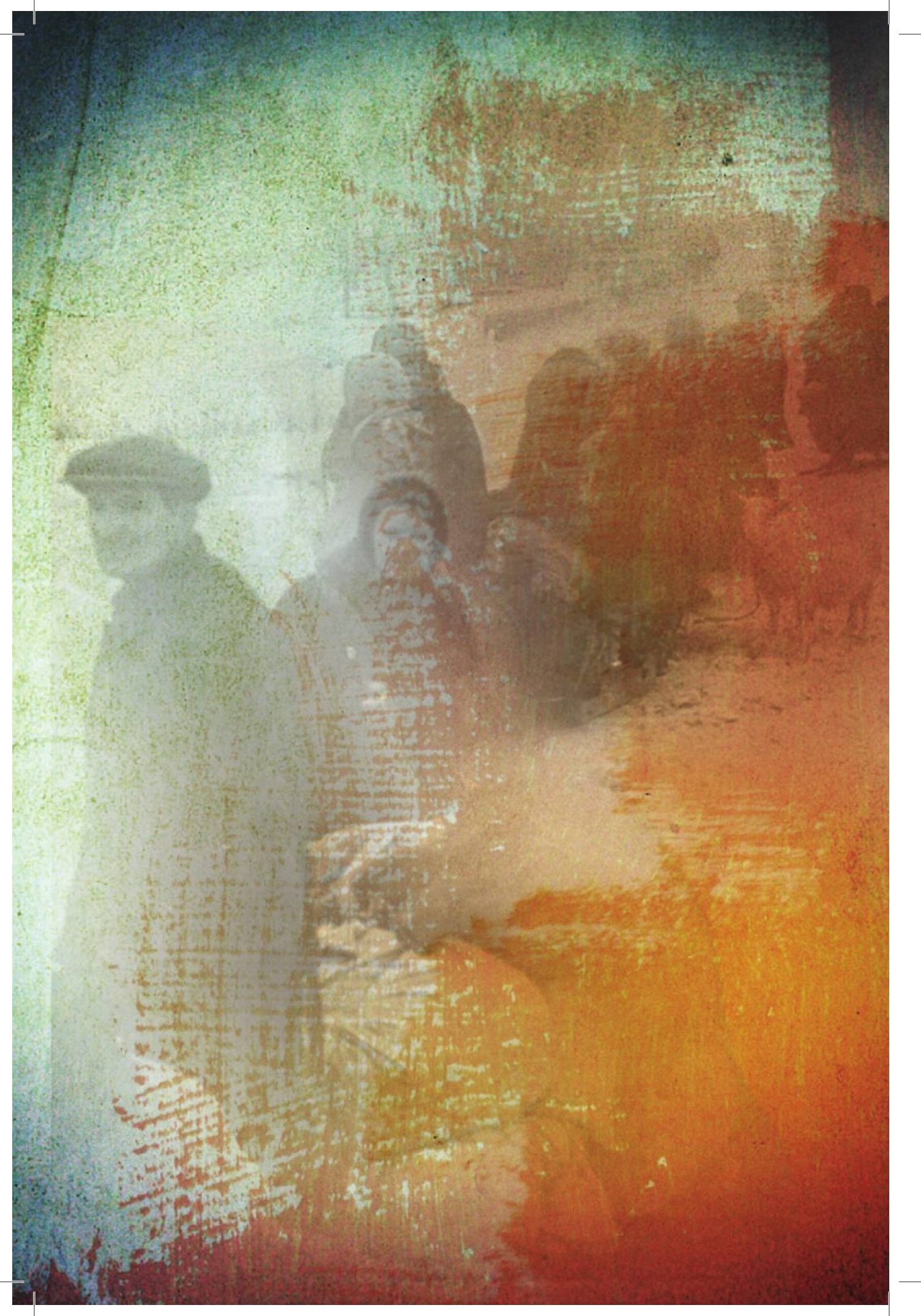
Но было ещё и нечто такое, что не являлось, собственно, порождением советской системы. Корни этого явления лежат гораздо глубже.

Всякий, кто прибегает к моральному осуждению «провинившегося», испытывает в этот момент своеобразное чувство удовлетворения факта своего морального превосходства над ним. Жажда господства над чем бы то ни было характерна для всего человечества, но в российской истории она обрела особенно тягостный вид. Бывшие военнопленные, перемещённые лица и пр. являлись зримыми объектами псевдо-морального давления на беззащитных.

И здесь самым мучительным являлось не само по себе обвинение, как таковое, а принципиальная невозможность защититься от него – вечная угнетённость человека коллективно-бессознательным «эго» целого народа.

Традиционное общество, каковым являлось российское общество в XX веке, да ещё существовавшее в жесточайших идеологических рамках, могло мотивироваться в своих суждениях и действиях исключительно «презумпцией виновности», но никак не гуманитарным правом. Лишь после 90-х годов XX века ситуация стала в корне меняться.

В январе 1995 года Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин подписал Указ «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших военнопленных и гражданских лиц, репатрированных в период Великой Отечественной войны и послевоенный период». Традиционализм в мышлении наконец-то стал отступать в прошлое. Российское общество начало переход на новую цивилизационную ступень развития, связанную с общей гуманизацией, демократизацией и модернизацией всей его жизни. И одним из маркеров наметившегося процесса стали многочисленные рассказы бывших репатриантов о том, что им довелось пережить во время и после войны. Страх, который долгие годы держал их в своей власти, наконец, отступил.

Трудности послевоенного времени

Для того чтобы понять, с чем пришлось столкнуться жителям Ленинградской области после возвращения домой, необходимо иметь представление об ущербе, причинённом захватчиками оккупированным территориям и о масштабах разрушений. В руинах лежали города: Пушкин, Павловск, Петродворец, Гатчина, Старая Русса, Псков, Новгород, Кингисепп, Шлиссельбург, Тихвин, Луга, Кириши. Были уничтожены сотни деревень и посёлков.

Полностью разрушена промышленность – по существу, не работало ни одно промышленное предприятие. Гитлеровцами была выведена из строя связь и транспортная инфраструктура области (дороги, мосты, станционные сооружения и пр.).

Колоссальный ущерб был нанесён сельскому хозяйству. Оккупанты разграбили имущество 1900 колхозов, уничтожили 70% всего стада⁴⁶⁶. Площадь используемых земельных угодий сократилась в несколько раз. Поля были изрыты окопами и воронками, опутаны проволочными заграждениями. В земле на территории области к началу 1945 года было обнаружено 300 минных полей общей площадью 17,5 тыс. кв. км⁴⁶⁷.

Фашисты разрушили и уничтожили школы, библиотеки, клубы, медицинские учреждения, памятники культуры и архитектуры. Но главные потери были демографические: население области сократилось более, чем на 70%. Во многих районах (Тосненский в их числе) вследствие его малочисленности было трудно приступить к восстановлению народного хозяйства.

Для выявления колоссального ущерба, нанесённого оккупантами, Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 года была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее ЧГК). Положение ЧГК было утверждено Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР 16 марта 1943 года, им же было предписано создать на местах республиканские, краевые и областные комиссии содействия в работе ЧГК.

На заседании исполнительного комитета Ленинградского областного совета депутатов трудящихся 7 апреля 1943 года было принято решение создать Ленинградскую областную комиссию по расследованию и учёту злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Комиссия была организована в начале 1944 года и работала по 1947 год.

Во всех освобождённых районах и городах Ленинградской области были организованы районные и городские комиссии. Всего работала 41 комиссия⁴⁶⁸.

Была создана такая комиссия и в Тосненском районе.

206. Разрушенный населенный пункт
в Ленинградской области

«Ленинское знамя» 24 сентября
1944 года (№46):

«Объявление

От Тосненской Районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и определения ущерба, причинённого гражданам района.

Производится приём заявлений от граждан, проживающих в районе, об ущербе, нанесённом им и их имуществу немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками.

Заявления принимаются Районной комиссией через городские, поселковые и сельские советы.

Районная комиссия».

Тосненский район, будучи прифронтовым районом, сильно пострадал в ходе военных операций. Часть сельсоветов, особенно там, где велись длительные и крупномасштабные боевые действия, вообще представляли собой безжизненное, перепаханное снарядами и бомбами

пространство – это в основном северная, южная и юго-восточная часть района. Требовали восстановления вокзалы, мосты, путепроводы, все линии связи, телефонные и телеграфные станции. Были уничтожены стекольный завод в дер. Перевоз, кирпичные заводы в Лисино-Корпусе, Любани, Гертово, Рябово, Никольском, Красном Дрогатине; бумажные фабрики на реке Ижоре в деревнях Кирцелово, Мазалово; Усть-Тосненские торфоразработки и другие промышленные объекты.

Оккупанты вырубали 40 тыс. га лучших участков леса. Древесину вывозили в Германию, а также использовали для строительства оборонных сооружений и лежневых дорог. Гитлеровцами был разграблен и разрушен Марьинский дворец в деревне Андрианово⁴⁶⁹.

Согласно имеющейся информации, в Тосненском районе полностью были разрушены 35 промышленных предприятий, 114 колхозов и 6 совхозов; уничтожены 7 Домов отдыха и санаториев, 10 клубов, 80 школ, 9 больниц и амбулаторий. Общий убыток, нанесённый району, составил 2,5 млрд руб. (в ценах 1944 года)⁴⁷⁰.

Размеры разрушений свидетельствуют, что существовавшая до войны инфраструктура жизнеобеспечения населения была отброшена далеко назад, и чтобы вернуть регион к нормальной жизни, требовались воистину колоссальные усилия. Первое, с чем столкнулись возвращавшиеся домой жители района – это абсолютная разруха и безлюдье.

Блинова Евдокия Ивановна, с. Никольское ¹⁸⁸:

«Никольское всё было разбито. Домов уцелело совсем немного. Жили в землянке. И жить-то тут поначалу было некому – 8 семей всего».

Лёвин П. П., дер. Померанье ⁴⁴:

«Мы вернулись в своё Померанье осенью 1944 года. За годы войны в селе были уничтожены 20 домов, железнодорожная станция, школа, церковь, а также хозяйственные постройки колхоза «Рассвет». В уцелевших домах зияли дыры, окна были

без стёкол, двери отсутствовали. В пяти домах жили рабочие, восстанавливавшие железную дорогу. Движения по шоссе почти не было. С наступлением темноты не было видно ни одного огонька, ни одной искорки».

Шитикова (Белиева) Г. А., 1931 г. р., дер. Новинка ¹⁸⁶:

«Доехали до Ляд. Моста через речку не было, и мы неделю жили в пустом доме, ожидая парома. В Киришах нас ждали одни развалины и воронки. Поплакали-поплакали и через Лугу, Батецкую, Новгород, Мясной Бор, Тигоду поехали в Будогощь. Мост через Волхов был разворочен, ехали по временному, понтонному. Всюду была одна разруха, руины, искореженная земля. Часто встречались сапёры с миноискателями».

Лазуткина В. А., дер. Тигода ⁴⁷¹:

«После освобождения (в 1945 году) у нас было желание вернуться на свою родину, но в этом нам было отказано, так как вся окрестность была заминирована. Мой отец побывал в родных местах и рассказал, что деревни Тигоды больше не существует».

Копылова (Васильева) Е. Н., 1915 г. р., г. Любань ⁴⁷²:

«На следующий день мы пошли в только что освобождённую Любань (Любань освободили 28 января 1944 года. – Авт.). Жителей, спасшихся от угона, было всего 13 человек. Любань представляла собой жуткое зрелище: вокзал, мосты, церковь, все административные и хозяйственные учреждения были взорваны или сожжены. Дымились пепелища, печные трубы стояли, как

207. Разрушенный вокзал в Любани. 1944 г.

208. Любань, ул. Вокзальная. 1944 г.

часовые на посту, на улицах вповалку лежали убитые – наши и немцы».

Свищева (Афанасьева) Нина Георгиевна, дер. Малое Переходное ³³¹:

«Войну прожили в деревне Малое Переходное под Любанью. Из угона вернулись мы осенью. Коля и Саша Грузов скорее побежали домой посмотреть, что там нас ждёт. Возвращаются и говорят, что вся деревня сожжена. Но что было делать? Погрузились на телеги и поехали домой. Когда ехали обратно, мама свою швейную машинку (которую увезла из дома) сменяла на корову. А корову-то нечем кормить! – осень была. Вернулись, а дома нет – сгорел. Всё сгорело. Хорошо, что баня осталась наша. Стали мы жить в бане. Остальные – где придётся: в бункерах, в землянках, в окопах».

Липатова (Кондакова) Валентина Петровна, 1940 г. р., пос. Тосно ¹²⁰:

«Мы приехали домой товарным поездом. Приехали, а жить нам негде: наш дом сгорел. Сначала нас пустила тётя Паша – мы жили у неё в бане. Баня небольшая была, мы все вместе там жили, и дети, и взрослые – всего 11 человек. Взрослые накосили осоки, осоку постелили, осокой укрывались...».

Сашилина (Данилова) Елена Георгиевна, 1939 г. р., пос. Тосно ²¹⁰:

«Когда приехали в Тосно, увидели сплошное пожарище, одни обгорелые тру-

209. Торфоразработки

бы. В то время было очень много больных людей, в язвах, болячках. Много было безруких и безногих. Они ездили на самодельных тележках. Вши ползали по телу и по одежде, и никто не стеснялся этого. Не было ни лекарств, ни мыла. Мама делала мыльную воду из золы. Этой водой мы мылись и стирали. Не было вообще ничего: ни еды, ни одежды, ни жилья».

Каждый, кто возвращался домой, должен был решать ещё одну проблему – проблему обеспечения своей семьи продовольствием. А с ним было не просто плохо, а катастрофически плохо.

Сашилина (Данилова) Елена Георгиевна, 1939 г. р., пос. Тосно ²¹⁰:

«Еды не было никакой. И только лебеда, крапива, мокрица да сныть. Да и сныть-то не росла так бы-

стро, как теперь! А тогда не могли дожидаться, когда же она отрастёт».

Липатова (Кондакова) Валентина Петровна, 1940 г. р., пос. Тосно ¹²⁰:

«Собирали жмых, очистки, какую-то вонючую картошку ели. Побирались ходили. Просили: "Подайте, Христа ради!". А ходить-то было не в чем. Бабушка сшила нам кое-что из оставшихся немецких шинелей».

Фёдоров М. И., 1930 г. р., дер. Крутик ¹⁰:

«Вернулись домой мы в 1946 году. В Крутике сохранилось всего 18 домов. Всё время хотелось есть. Не было ни хлеба, ни других продуктов. Где-то доставали выжимки из дрожжей, смешивали их с растёртыми головками клевера и тимофеевки – получалась съедобная каша...»

Васильева Лилия Михайловна, 1932 г. р., дер. Костуя ²¹:

«В 1946-1947 гг. сильно голодали. Скота не было, заставляли работать в колхозе, но ничего не платили. Мы были рады каждому кусочку хлеба. Ловили в озере рыбу, ходили в лес за грибами и ягодами, собирали съедобные травы. Грибы и щавель возили в Ленинград на продажу. На вырученные деньги в коммерческом магазине покупали овсянку. "Из-под полы" отцу иногда удавалось добыть зерно. Так как был жёрнов, мололи муку, а из овсянки делали кашу-затируху».

Колесов Борис Васильевич, 1936 г. р., дер. Заревинка (Псковская обл.) ⁴⁴⁸:

«Питались супом из лебеды и крапивы. Если иногда на бойне удавалось получить кровь от забоя коров или свиней, тогда делали кровяные лепёшки».

Романова (Траскина) Юлия Николаевна, 1938 г. р., с. Никольское ⁴⁴⁴:

«После войны мы очень мучились и голодали, ели одни очистки да лебеду. С очисток лепёшки пекли, клевер мололи. Помню, мама говорит: "Сходите за опилками". Пошли, принесли мешок опилок, потом на мясорубке их перемололи и добавили в лебеду, крапиву, чтобы испечь лепёшки. Не было муки, нечего было есть, ну совсем нечего. И мама говорила: "Вот кончится это время, и будем есть всё! Ты не покупай ничего: ни тарелок, ничего, – из банок будем есть консервных, только чтобы досыта". Я помню, как маргарин появился. Привезла она его, ножом посколит, а потом в дырочки хлеба только помажет...»

Блинова Евдокия Ивановна, с. Никольское ¹⁸⁸:

«Даже в конце 40-х у нас здесь люди пухли от голода».

Люди искали любые способы, чтобы выжить и не умереть.

Романова (Траскина) Юлия Николаевна, 1938 г. р., с. Никольское ⁴⁴⁴:

«Мама отдала меня в город к папиной тётке жить, потому что там детские карточки давали. Маме-то здесь только рабочая карточка полагалась, а в Ленинграде были и детские карточки, и больше продуктов на неё получали».

Шитикова (Белиева) Г. А., 1931 г. р., дер. Новинка ¹⁸⁶:

«В Будогощи женщины пошли в исполком, чтобы их куда-нибудь пристроили. В Будогощи была артель Киришского завода. Там нуждались в людях и давали рабочие карточки. Я пошла в 13 лет возить тачки, а мама – на самую тяжёлую работу – завальщицей, где не всякий мужик выдюжит».

Николаева (Петрова) Надежда Ивановна, 1935 г. р., дер. Селище (Новгородская обл.) ⁴⁷³:

«Моей детской мечтой было стать швейей. Шить самой и носить красивые платья. Не суждено было такому случиться – принимали на обучение только с 15-ти лет. Поэтому в 13 лет в 1948 году пошла я работать на торфоразработки, а по ве-

черам училась в вечерней школе. Работа была очень тяжёлой. В карьере рубили тогда торф не топором, а специальной приспособой и выкладывали его на обочину, затем на носилках таскали на поле, раскладывали для сушки и штабелевали. А потом в больших тележках возили на известковый завод как топливо для обжига известняка. Работали в основном женщины и подростки. Платили сущие копейки. Рабочих рук не хватало.

Когда окрепла физически, перешла работать на кирпичный завод. Ходить было далековато – 6 км. Работали по договору, паспортов не давали, трудовых книжек не имели. Позднее с трудом получила паспорт. Дальше был завод известкового комбината. Работала на выгрузке обожжённой извести из кольцевых печей. Носили на носилках в горячем виде. До сих пор у меня видны ожоги от той работы...»

Липатова (Кондакова) Валентина Петровна, 1940 г. р., пос. Тосно¹²⁰:

«Мама пошла работать. В Тосно был «угольник» – там теперь пожарка. А после войны туда муку возили, складировали там мешки по 50 кг. Молодые женщины разгружали вагоны с мукой и складировали. Вообще, после войны не было никакой работы для тех, кто был в оккупации. Считали, что мы "враги народа". Мы снег чистили и принимали за счастье, что нас взяли. А взяли нас потому, что отец был бригадиром на железной дороге и погиб. А так – не брали никуда. Ходили в лес и лесными дарами жили. В Ленинград ездили – дрова, ёлки, грибы, ягоды возили на продажу. Кто побогаче, у кого участок, дом сохранился – к ним бедные ходили, подрабатывали. И мы ходили: копали огороды, дрова пилили. Мы с мамой огород прокопали и нам ведро мелкой картошки дали. За одно ведро надо было прокопать 6 соток огорода! А сил-то не было, питались кое-как!»

А ведь вдобавок ко всему надо было платить ещё и налог на землю!

Романова (Траскина) Юлия Николаевна, 1938 г. р., с. Никольское⁴⁴⁴:

«Помню, как мама не могла налог заплатить (после войны всех заставляли платить налог). Какой может быть налог с земли?! Но пришёл, помню, кто-то описы-

210. Вокзал в Тосно. 1944 г.

вать наше имущество. Всё смотрел на меня – а у меня было пальтишко сшито из солдатской шинели, и он так на меня смотрел, казалось, что надо было описать и это пальтишко моё последнее. С земли брали 25 рублей налога. Мама, бывало, картошку посадит, которая росла быстрее, а потом говорит: "Давайте, девчонки, выкопаем её, чтобы сдать скорее".

Маму заставляли облигации подписывать, а что она получала – 200 рублей! А работать на завод "Сокол" её не брали, потому что мы в оккупации были. Купила мама 2-х козлят маленьких, и сразу – налог. Где масло брать? Так она подсолнечное масло купит и переварит. Получалось топлёное масло, которое надо сдать. А козлята ещё маленькие, сами молока-то нисколько не дают, а 5 литров молока надо сдать! Где же это молоко брать? Брали у тёти Симы Павловой. У неё брали молоко коровье, чего-то там добавляли, разбавляли и как козье сдавали. За каждый кустик, с каждой яблони надо было платить налог. Люди сады вырубали».

И всё же близость большого города давала надежду на выживание.

Сашилина (Данилова) Елена Георгиевна, 1939 г. р., пос. Тосно ²¹⁰:

«Бабушка весной отправилась одна к прежним хозяевам в Латвию и там какое-то время жила. Пришла домой осенью и пригнала корову. Хозяева ей дали корову. Бабушка с дедушкой стали возить в Ленинград молоко, разносить его по домам».

Колесов Борис Васильевич, 1936 г. р., дер. Заревинка (Псковская обл.) ⁴⁴⁸:

«Мать торговала у проходящих поездов картошкой, овощами, пирожками. Нам с братом эти продукты редко доставались. Деньги шли на строительство дома (семья жила в землянке, делила её с другой семьёй – всего 6 человек. – Авт.)».

Дягтерёва Лариса Александровна, 1925 г. р., г. Любань ⁴⁷⁴:

«В декабре 1945 года мы вернулись в Любань. Любань была разбита. Там, где мы жили, ничего нет. Остановились у наших знакомых. Надо было устраиваться на работу. Поехали на Ижорский завод. В то время движение железнодорожное было однопутное. Набор был разных профессий. Я хотела учиться на токаря, но мне от-

211. Восстановление Тосно. 1946 г.

ветили: "На станок 16-летних наберут, а тебе уже 20". Направление дали в 21-й железнодорожный цех. Сказали: "Хлеба будешь получать 1 кг". Я не представляла, что за работа будет.

Первый рабочий день был на разгрузке кирпича из вагона. Всё стало понятно. Выгружать пришлось всё. Завод надо было восстанавливать. Чугун в слитках по 50-70 кг, бросали металллом в пакетах по 100 кг: обнимешь его и танцуешь по вагону до двери, а там по доскам спустишь вниз. Трудно было. Зимой мороженный песок били ломом, кирками – только искры летят. Сыпучие грузы – магнезит, известь – вывозили на тачках. А в свободное от работы время ходили на расчистку завалов городских объектов.

Когда на заводе после войны стало полегче с грузовыми работами – пришла кой-какая механизация на помощь, стали приходиться ребята. Женщинам стали подбирать работу полегче».

С невероятным трудом возрождались города и посёлки. Людям не хватало самого необходимого. Действовала система нормированного распределения товаров и продуктов.

Сашилина (Данилова) Елена Георгиевна, 1939 г. р., пос. Тосно ²¹⁰:

«Продукты были по карточкам, но мы жили так бедно, что и карточки отovarить не хватало денег».

При том, что репатрированным жителям района не всегда удавалось устроиться на работу (особенно квалифицированную), тем не менее, повсеместно требовались рабочие руки. В бывшие прифронтовые районы стали переселяться завербованные люди из центральных регионов страны – в основном из сельских районов Брянской, Тверской, Рязанской и др. областей. Возвращаясь на родину, реэвакуированные и репатрианты нередко обнаруживали, что их дома (если они уцелели) оказывались заняты другими людьми. Возникали конфликты.

Сашилина (Данилова) Елена Георгиевна, 1939 г. р., пос. Тосно ²¹⁰:

«После войны кто первый приезжал, тот и занимал дома. Первыми приехали Ореховы, и они заняли нашу баню (дом). Мы, когда приехали, стали их выгонять, а они – ни в какую! А потом нашу баню разобрали и увезли к себе на свой участок. А мы остались, как есть».

Но бывало и иначе.

Планина (Карасёва) Людмила Валерьяновна, 1929 г. р., пос. Тосно ⁵⁵:

«Вернулись мы домой в Тосно. Подошли к дому, а дом наш почти разобран. Все стены на дрова разобрали. Мы поплакали, а потом пошли на вокзал, переночевали. Через какое-то время встретили знакомую. Она поселилась в чужой дом и предложила нам: «Давайте вместе жить!» Вскоре мама устроилась уборщицей и стала продавать молоко в Ленинграде. Потихоньку мы отремонтировали наш домик и поселились в нём. Но взяли с собой и тех, кто нас пригласил».

Ефимова А. А., 1926 г. р., дер. Ирса (Киришский район) ¹⁹⁹:

«Своего дома у нас не было, и мы поселились в Тосно в пустующем доме, хозяев которого угнали в Латвию. Когда они вернулись, жили вместе, дружно, помогая друг другу».

Восстановление жилищного фонда стало одной из насущных задач социальной сферы. Но очень скоро стало очевидно, что строители только своими силами не в состоянии справиться с огромным объёмом восстановительных работ. Решено

было привлечь в помощь строителям всё трудоспособное население района. Были определены нормы участия: каждый трудящийся должен был отработать на восстановлении и строительстве не менее 20-30 часов в месяц ⁴⁷⁵. Каждый получал трудовую книжку, в которую ежедневно записывались часы, отработанные на восстановлении посёлка.

При этом на общественные работы мобилизовывались все организации района. Крупные предприятия обязывались построить за год 2-3 жилых дома. Кроме того, в числе первых объектов строительства были мост через реку Тосну и артезианские колодцы. Но прежде, чем начать восстановительные работы, необходимо было очистить территорию от мин и прочих взрывоопасных предметов.

Уходя, немцы заминировали многие населённые пункты в Ленинградской области. Военный совет Ленинградского фронта выделил подразделения сапёров, обезвредивших в 1944 году около 7 млн авиабомб и снарядов. Бессильная злоба противника, вынужденного оставлять оккупированные территории выражалась в том, что им было установлено большое количество мин-сюрпризов, рассчитанных не только на то, чтобы причинить максимальный вред воинским частям, но и гражданскому населению, возвращавшемуся в свои разорённые жилища.

После ухода инженерных войск частей Ленинградского и Волховского фронтов, сплошным разминированием занялись специально подготовленные районные команды Осоавиахима. Они разминировали в 1944 году территорию площадью в 16 900 кв. км, в 1945 году – 15 000 кв. км ⁴⁷⁶.

В Тосненском районе к осени 1944 года все населённые пункты, дороги, каналы, землянки, блиндажи и пр. были в основном очищены от мин. Но это была лишь первичная очистка. Разминирование Тосненского района продолжалось ещё многие годы.

212. Разминирование. Январь 1944 г.

213. Померанье. Братская могила минёров, погибших при разминировании района.
Захоронено 13 человек, из них фамилии 7 человек неизвестны. 2016 г.

Васильева Лилия Михайловна, 1932 г. р., дер. Костуя ²¹:

«Родители со старшей сестрой работали в местном колхозе, я стала ходить в 4-й класс в соседнюю школу в дер. Новинка. Братьев взяли на учёбу минёрами. В мае 1945 года Виктор, работая в дер. Бабино на разминировании, погиб, подорвавшись на mine. Второй брат, как и Виктор, трагически погиб: он с деревенскими ребятами раскопал мину, а она взорвалась...

«Ленинское знамя» 11 июня 1944 года (№18): Б. Бренев «Отважные»:

«Несмотря на опасность для жизни, комсомольцы Алексеев и Самоленкова, овладевшие специальностью минёра, под руководством опытного минёра тов. Макарова, участок за участком родной земли очищают от мин, поставленных немецкими захватчиками. Они выполняют работу государственной важности».

Мельникова Е. А., дер. Лодва ⁴⁷⁷:

«Вернулись к себе в декабре 1944 года. Ни дома, ни самой Лодвы не было. Остановились на станции Малукса, у железной дороги. Я работала минёром. Убирала и трупы убитых. Железная дорога была разбита, станция помещалась в землянке. По узкоколейке перевозили рабочих-восстановителей. Кругом грязь, воронки, трупы, мины всех видов. Ходили буквально по минам. Многие подрывались. Меня Бог уберёт. В лесу и на болотах было множество могил. Мы их раскапывали, собирали черепа и кости и доставляли к местам перезахоронения».

22 января 1946 года на заседании исполкома Тосненского поселкового совета было принято решение привести в порядок братские захоронения в посёлке Тосно и в городе Любани. Представителями Леноблarquитектуры были разработаны

214. Открытие памятника Воину-освободителю на братском воинском захоронении в центре посёлка Тосно, август 1950 г.

215. Воинский мемориал в центре города Тосно. Новый памятник открыт в 2005 г. Авторы – творческая мастерская Л. Маначинского. На мемориальных досках увековечено 142 человека. По данным ОБД «Мемориал» в братской могиле захоронено 108 человек. Фото 2016 г.

проекты памятников для их оформления и установки: в Тосно – по проекту архитектора А. И. Лапирова, а в Любани – по проекту академика архитектуры А. С. Никольского ⁴⁷⁸:

Ефимова А. А., 1926 г. р., дер. Ирса (Киришский район) ¹⁹⁹:

«Мама устроилась на работу в совхоз. Вокруг было много могил: ведь умерших в Тосненском лагере от тифа и голода хоронили тут же. Совхозные свиньи стали разрывать могилы, и останки пришлось перенести на городское кладбище в братскую могилу». (*Могилы узников Тосненского «лагеря смерти» сегодня утеряны. – Авт.*)

Летом же 1944 года началось восстановление сельского хозяйства района. Поднимать эту отрасль народного хозяйства приходилось буквально с «нуля». Было установлено, что «в настоящее время (*осень 1944 года. – Авт.*) Тосненский район имеет лишь два колхоза. Колхоз "Колосс" и колхоз "Коркино" Любанского сельсовета. Землепользование колхоза "Колосс" – 50 га, из них овощи – 2 га, картофеля – 4 га. "Коркино" – 56 га. Из них овощи – 3 га, картофель – 0,5 га» ⁴⁷⁹.

Посевные работы начались в исключительно сложных условиях. В силу недостатка техники основной тягловой силой в это время являлись лошади. Фактически же в это время в районе их почти не было. Районные власти рекомендовали использовать тягловую силу коров, обещая за это колхозам льготы и поддержку. Но и с коровами дело обстояло не лучше.

«Ленинское знамя» 20 августа 1944 года (№ 37) «Восстановим животноводческие фермы»:

«Немецко-фашистские варвары за время оккупации района разрушили и опустошили наши животноводческие фермы. В районе не осталось ни одной головы скота. И вот, настало счастливое время, когда наш район освобождён от немцев. Он получил первые стада скота. Сейчас у нас уже есть 300 лошадей, 427 голов крупного рогатого скота, большое количество молодняка, овец, коз, свиней».

Нехватка тягловой силы в ходе сева приводила к тому, что в 1944 – 1945 гг. значительные площади обрабатывались вручную.

«Ленинское знамя» 25 мая 1944 года (№ 13). Е. Ананченко «Сеять быстрее! Не дожидаясь трактора»:

«Трактор, прибывший в колхоз «Колосс» оказался в неисправности. Ждать, пока его отремонтируют, значит потерять время, задержать обработку почвы на посев. И правление колхоза решило: колхозную землю копать вручную. Была установлена норма 2,5 сотки га в день.

С 14 по 18 мая колхозники вскопали вручную 3,5 га. На 3 га этой земли посеяли горох, на остальной земле – посадили картофель».

Лазуткина В. А., дер. Тигода ⁴⁷¹:

«Мы пришли в деревню Вороний Остров. Отец сразу принял колхоз, а принимать-то, в общем, было не от кого и нечего. Надо было собрать всё возможное, что уцелело после оккупации, объединить и мобилизовать людей на восстановление разрушенного хозяйства. Для начала в хозяйстве было 5 коров и 2 лошади-монголки. Собрали кое-какой сельскохозяйственный инвентарь. Первые колхозники испытывали во всём нужду. В деревне Вороний Остров из мужчин был один лишь дядя Вася Константинов и 2 мальчика-подростка: Андриянов Виктор и Осипов Юра. Все трудности легли на плечи этих людей.

Пережили зиму, наступила весна с новыми заботами. Надо было обрабатывать землю, сеять, сажать, а в хозяйстве только 2 лошадки, на них вся надежда. Но они не могли выполнить всю работу, и тогда люди приходили на помощь. На лошадках вспахивали землю, а в бороны впрягались женщины, тянули их и бороили землю.

Сажали картошку, капусту, морковь, огурцы; сеяли ячмень и овёс, а осенью – озимую рожь. Все сельскохозяйственные работы выполняли вручную, так как колхоз никакой техники не имел. Зерно и овощи сдавали государству, увозили в Любань на приёмный пункт. Первый сезон был очень тяжёлым, люди от работы еле двигались».

*Колесов Борис Васильевич, 1936 г. р., дер. Заревинка (Псковская обл.)*⁴⁴⁸:

«Послевоенное время было самое тяжёлое. Некому было работать в колхозе, техники тоже не было. Женщины объединялись и запрягались сами, вместо лошади, чтобы тащить плуг и пахать. Меня бабушка Анастасия сажала на корову, и корова таскала борону. Я бороновал колхозное поле, пробовал пахать на колёсном тракторе, но не мог достать до педалей...

Мужчин в доме не было. Уходя на работу, мать давала нам с братом задание: заготовить травы корове. Тогда это было трудно. Мы ходили вдоль железнодорожного полотна и рвали траву руками. Рано научившись косить, мы заготавливали с братом сено на зиму своей корове. Территории под покос колхоз выделял там, где не могла пройти косилка, по такому принципу: 1 копна себе, 3 – колхозу. Покос же находился в 15 км от дома».

В первое послевоенное лето Тосненский горсовет утвердил следующий режим работы в колхозах: «работы начинать с 4 утра и заканчивать в 10 вечера с перерывом 2 часа на завтрак и 2 часа на обед»⁴⁸⁰.

Но, несмотря на нехватку людей и тягла, колхозы освобождённых районов выполнили правительственный план ярового сева 1944 года на 122%, хотя нагрузка на каждого колхозника увеличилась в 2,5 раза. В 1944 году каждый колхозник области в среднем выработал 214 трудодней⁴⁸¹.

Большое внимание в это время уделялось восстановлению и развитию транспорта и связи. К восстановлению железнодорожного сообщения в районе приступили сразу же после его освобождения от вражеской оккупации (к 30 января 1944 года вся территория Тосненского района была освобождена). 1 марта 1944 года на станцию Тосно прибыл первый пассажирский поезд из Ленинграда, а 20 марта возобновилось движение поезда «Красная стрела» по линии Ленинград-Москва.

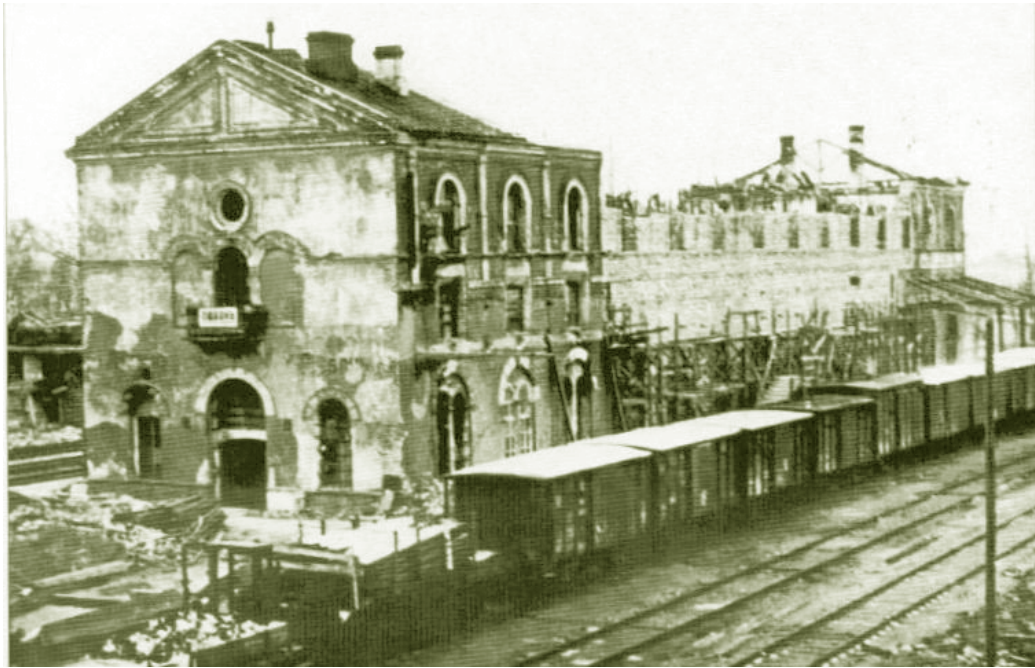
*Копылова (Васильева) Е. Н., 1915 г. р., г. Любань*⁴⁷²:

«Когда фронт отодвинулся, из района прислали представителя, собрали нас, 13 жителей, и сказали, что нужно восстанавливать железную дорогу. Наутро вышли к вокзалу и принялись разбирать завалы. Потом приехали рабочие 75-го строительства восстанавливать мосты.

Железную дорогу построили быстро. Пришёл и первый паровоз из Ленинграда и подал "голос". Это была такая радость, что не описать словами. Паровоз привёз и первую почту: три мешка писем. Люди писали родным и знакомым, надеясь что-нибудь узнать о своих семьях, не подозревая, что все угнаны в Германию...»

«Ленинское знамя» 11 июня 1944 года (№ 18):

«С каждым днём всё больше и больше поступает писем в Тосно. Сейчас в среднем за сутки жители райцентра получают около 1000 писем с фронта, Ленинграда и глубокого советского тыла».

216. Первый поезд в Любани. 1944 г.

Спустя два месяца после изгнания оккупантов в Тосно начала снова выходить районная газета «Ленинское знамя». На её страницах активно освещалась жизнь района в те годы, печатались объявления с просьбой помочь отыскать родных.

«Ленинское знамя» 4 января 1946 года (№ 3): «Юрик Ломтев жив»:

«Редакцией газеты «Ленинское знамя» из детдома «Лауренчи», Сигулдской волости, Рижского уезда ЛССР получена почтовая открытка следующего содержания: «В нашем детском доме находится сын бойца Красной Армии Юрий Ломтев, 8 лет, угнанный в 1943 году немцами из вашего района в Саласпилский концлагерь. Известно только одно: Юра жил в Тосненском районе. Нельзя ли через газету сообщить родственникам Юрика Ломтева, что мальчик жив, здоров, учится в школе. Он ждёт вас. Отзовитесь!»

Тосненский район постепенно поднимался из руин.

23 сентября 1945 года исполкомом райсовета был принят пятилетний план восстановления и развития хозяйства района. Была проведена телефонизация района. В 1946 году было проложено 38 км линий связи, была оборудована электробаза радиоузла. Активно восстанавливалась промышленность и лесное хозяйство района.

На одном из февральских заседаний исполкома Тосненского райсовета 1946 года было озвучено: «В Тосненском районе из 28 советов, работавших до войны, уже восстановлено 18 советов, и работа продолжается. Также восстановили свою деятельность в районе 8 промышленных предприятий и вновь введены в эксплуатацию 5 новых промышленных предприятий. В районе действуют 6 совхозов и 108 подсобных хозяйств, а также 3 леспромхоза и 32 лесхоза»⁴⁸².

«Ленинское знамя» 15 марта 1946 года (№ 28): П. Фёдоров «Честный труд в лесу»:

«Страна требует много леса для восстановления разрушенного немецкими варварами хозяйства, Ленинград – топлива. Это хорошо поняли выделенные для ра-

боты на лесозаготовках колхозницы сельхозартели "Расцвет" Любанского сельсовета тов. Т. Новожилова, Н. Екимова, Е. Новожилова и Е. Зеленова. Работают они на заготовке древесины в лесхозе. Причём, каждая норму выработки выполняет в среднем на 120%, заготавливает 3,5-4 кубометра древесины в день».

Кроме заготовки леса велись значительные работы по его восстановлению, а также озеленению населённых пунктов района.

Одной из первоочередных задач, подлежащих неотложному решению, являлось восстановление здравоохранения. Оккупанты оставили после себя эпидемии сыпного тифа и антисанитарное состояние уцелевшего жилого фонда.

«Ленинское знамя» 13 апреля 1944 года:

«На лесоучастке «Строение» Тосненского леспромхоза открыт фельдшерский пункт. Восстанавливается больница и амбулатория в г. Любань и в пос. Ульяновка. В конце апреля будут открыты фельдшерские пункты в Ушаках и Рябове. В Тосно ремонтируется больничное здание на 45 коек».

«Ленинское знамя» 28 мая 1944 года»:

«Через 4 месяца после полного освобождения Тосно на месте, где до войны помещалась амбулатория станции Тосно, немцы оставили груды кирпичей. Медикам <...> пришлось лечебное учреждение оборудовать вновь, за дело взялась молодой врач Валентина Ивановна Зверева. В марте медпункт принимал 15-20, а сейчас 60 железнодорожников в день <...> Всем работникам станции сделаны прививки от брюшного тифа и дизентерии, регулярно по графику проводят кольцевую обработку постельного и нательного белья, устроена дезкамера, при вокзале создан контрольный санпункт».

217. Застройка квартала новых жилых домов в Тосно. 1946 г.

В 1945 году из лечебных учреждений в районе работало 3 больницы на 105 коек, 6 врачебных амбулаторий и поликлиник и 15 фельдшерско-акушерских пунктов ⁴⁸⁵.

Сразу же после освобождения района в 1944 году начались занятия в школах. 80 школ было разрушено, и для учёбы подыскивались другие помещения. В целом, образовательная система испытывала серьёзные трудности: далеко не везде были нормальные условия для работы школ, многие школьники имели длительный перерыв в учёбе, не хватало учебников, тетрадей, других школьных принадлежностей. Штат учителей был также недостаточен.

Фёдоров М. И., 1930 г. р., дер. Крутик ¹⁰:

«Не было одежды и обуви. Мать сшила мне из бумажных немецких мешков со свастикой (удалив ненужный знак) длинную рубашку. На штаны материала не хватило. Так и ходил я в Александровскую школу в этой рубашке. Не было ни книг, ни бумаги. Писали на дранке, вместо чернил разводили в воде сажу».

И тем не менее школы в районе работали, а на базе средней школы в Тосно была организована вечерняя школа рабочей молодёжи. В 1945 году открыли двери 23 школы, в 1946 году было восстановлено уже 37 школ, в которых обучалось 5800 учащихся ⁴⁸⁴.

Возрождались и культурная жизнь в районе. К 1945 году возобновили свою работу районный Дом культуры, 3 сельских клуба, 9 изб-читален, 1 библиотека, 5 киноустановок.

Таким образом, несмотря на все трудности послевоенного периода, район медленно, но неуклонно восстанавливал свой потенциал. Остаётся только удивляться тому, как смогли его жители в тех условиях и теми средствами совершить то, что совершили?

218. Переселение тосненцев из землянок в новые дома. 1946 г.

219. Здание аптеки в Тосно (ул. Советская). 1960-е гг.

Сегодня Тосненский район представляет собой один из наиболее успешных районов Ленинградской области. Здесь активно и плодотворно работают крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, интенсивно развивается логистическая, строительная и социальная сферы. По итогам Всероссийской переписи 2010 года, численность населения Тосненского района составляет более 123,6 тыс. человек. По данным Санкт-Петербургского комитета государственной статистики (лето 2013 года), в районе проживает более 129 тысяч человек.⁴⁸⁵

Современные его жители никогда не должны забывать того, что сделало для них старшее поколение – поколение тех, кто был опалён войной, кто вынес на своих плечах ужас оккупации, и кто, преодолев тяготы послевоенной разрухи, сумел обеспечить этой территории благополучие и процветание на многие десятилетия.

Вопросы, которые не принято задавать

В существующей литературе о Великой Отечественной войне более-менее хорошо освещена её событийная сторона. Однако такой подход, к сожалению, не даёт внятного ответа на вопрос: *почему* (мотивационно) стало возможным столкновение двух равновеликих наций? Никакие общепринятые аргументы суть дела в данном случае не проясняют. Можно по-разному объяснять, что подтолкнуло немцев к войне, но почему она оказалась именно *такой* – это формальным образом не объясняется.

Известно, что Вторую мировую войну человечеству навязали страны-агрессоры: Германия, Италия и Япония. В Европе её развязала Германия. Теоретическую основу идей пангерманизма составили геополитические труды Ратцеля и Хаусхофера, где государство было объявлено «геобиологическим образованием», которое «движется и растёт как целое», увеличивая своё население и свою территорию. В трактовке нацистов естественным средством такого «роста» становились войны, обеспечивавшие захват чужих земель. Вот почему с приходом их к власти «расовая теория» и «теория жизненного пространства» приобрели статус государственной идеологии.

Да, Германии было тесно в Европе: она хотела колоний. Но все колонии были уже заняты Англией и Францией. Тогда немцы решили расширить свои владения за счёт России (СССР). В «Mein Kampf» («Моя борьба», 1925 г.) Гитлер так обозначил перспективу дальнейшего продвижения «арийской расы»: «Мы останавливаем извечное движение на Юг и Запад Европы и обращаем наш взор к землям на Востоке... Прежде всего мы имеем в виду только Россию и только подвластные ей государства».

Если допустить, что движение немцев вовне было вызвано чисто экономическими причинами, то есть было связано с «объективной необходимостью бурного развития», то непонятно, почему, захватив Западную и Центральную Европу, они вели себя там иначе, чем на оккупированной территории Советского Союза? Почему изначально «большая война» с СССР должна была стать войной «нового типа», то есть носить «истребительный» характер?

Отсюда вопрос об экономических причинах плавно перетекает в область идеологии, подразумевающую борьбу нацистских идей с коммунистическими. Но и такой подход мало проясняет ситуацию. В этом смысле, любопытен диалог военнопленного советского солдата (Александра Клейна) с одним из дружески расположенных к нему солдат вермахта:

«– Лет двенадцать тому назад я прислушивался к коммунистическим ораторам. Я ведь из Гамбурга. Хорошо говорил Тедди Тельман. Слышал про него?

– Конечно.

– Отличный оратор. За таким могли пойти и пошли многие. Безработица убивала. Нищета. Несправедливость. Сколько тогда людей кончили жизнь самоубий-

ством: безысходность. С надеждой смотрели на Восток, на Россию. В Ленина верили. Но после него Сталин показал, что такое коммунизм.

– У нас коммунизма не было. Строили социализм.

– И у нас социализм, только национал-социализм. Мы никому не дури́м мозги, что хотим устроить на земле рай для всех. Адольф строит рай для немцев.

– А другие народы? Разве они не дали миру великих людей, учёных, писателей, художников?

– Конечно, мы уважаем англичан, хотя они наши враги. Но у них тоже не пахнет коммунизмом. А живут хорошо.

– Но фашизм...

– Фашизм у итальянцев, у Муссолини, а у нас национал-социализм. Не путай, Алекс.

– По-моему это одно и то же.

– Ты политически неграмотен... ⁴⁸⁶.

Странное соединение паталогической ненависти к евреям с необъяснимой в своей чрезмерности ненависти к коммунизму (большевизму) породило иррациональную по сути объяснительную парадигму относительно целей завоевания Советского Союза в форме «необходимости борьбы с иудо-большевизмом». Как мог родиться подобный «кентавр»? Ясно, что все так называемые «идеологические причины» носят скорее эмоциональный, нежели рациональный характер, а значит, они в ещё меньшей степени, чем «экономические», способны объяснить реальную подоплёку происшедшей в XX веке катастрофы.

Чтобы разобраться в этом, следует вновь вернуться к вопросу: почему нацистский террор в Западной Европе не был столь откровенно массовым и садистски-жестоким, как на оккупированных территориях СССР? Ответ будет простой: для нацистов Европа – это единое социально-культурное пространство, и немцы являлись его неотъемлемой частью. Вот почему они вели себя здесь более сдержанно, желая сохранить лицо «культурной нации». А на Востоке, согласно «расовой теории» живут славяне – «унтерменши-недочеловеки» Их можно (и нужно) унижать, запугивать и уничтожать.

Анализ хода исторического процесса указывает на то, что конфликт между двумя нациями (немцами и русскими) носил, прежде всего, характер *цивилизационного столкновения*. Социальные же, идеологические, политические, экономические и прочие причины выступали здесь лишь в качестве его внешнего выражения.

В контексте вышеизложенного следует уточнить понятие «цивилизация». Цивилизация – это форма существования общества (но не само общество). О цивилизации в науке принято говорить в разных смыслах. Во-первых, она определяет степень выделенности человека из природной и социальной действительности: «дикость – варварство – цивилизация». Во-вторых, под цивилизацией понимается «тип культуры» (по А. Д. Тойнби), определяющей систему духовных и моральных ценностей. Согласно общей классификации (в рамках культурологического подхода), мир условно разделён на 5 цивилизационных типов (комплексов): западно-христианский, православно-христианский (восточно-христианский), исламский, индуистский, конфуцианско-буддийский. (Иногда сюда добавляют latinoамериканский и африканский цивилизационные комплексы).

Существуют и другие варианты объяснения понятия «цивилизация», но в дан-

ном случае целесообразно воспользоваться именно двумя приведёнными значениями. Первое характеризует момент стадильности развития мира: здесь цивилизация понимается как гуманистический противовес варварству и дикости. Второе значение этого понятия отражает культурное многообразие мира, равноценность составляющих его компонентов. Именно в этих двух плоскостях (одновременно!) происходило цивилизационное соприкосновение немцев и русских в годы Великой Отечественной войны.

Примерно до XIV века все цивилизационные комплексы представляли собой общества традиционного типа. В качестве основных факторов, обеспечивавших их стабильность и выживаемость, можно назвать следующие:

- 1) жизнь по закону, явленному Богом или каким-либо высшим фантастическим существом;
- 2) соблюдение традиций, которым придаётся сакральное значение;
- 3) высокая социальная однородность общества (растворение индивида в коллективе);
- 4) синхронизированность жизни общества с ритмами природы.

Ситуация резко изменилась в XIV–XVII веках, когда Западная Европа начала выходить из состояния традиционализма и переходить к иному типу общественного существования (обществу «модернити»). Это время называют эпохой Ренессанса. Оно ознаменовалось появлением первых мануфактур, началом глобальных географических открытий, оживлением торговли и активизацией личной предприимчивости.

Именно тогда начинается общий рост умственной дисциплины в европейском человечестве, усиленное развитие его рациональных потенций с одновременным ослаблением аффективно-эмоционального способа восприятия окружающей действительности. На смену интуитивно-чувственному постижению мира пришло его рационально-прагматическое осмысление, и этот новый стиль мышления требовал от человека уже не столько «коллективно-бессознательных» способов реагирования на ситуацию, сколько ответственных индивидуальных решений. Иными словами, человек перестал ощущать себя неотъемлемой частью общественного организма. С этого времени в Европе начинают активно развиваться идеи ярко выраженного индивидуализма и эгоцентризма, которые очень скоро проявили себя во всех сферах жизни.

Так начался переход человечества от традиционализма к современной гуманизированной цивилизации, включающие в себя такие принципиальные установки, как свобода, толерантность, гуманизм и демократия.

Всё это привело к мощному технико-технологическому (а также социальному и гуманитарному) рывку западноевропейского общества, стадильно превратив его в форпост движения человечества вперёд. В фарватере такого движения с большей или меньшей скоростью двинулись и все остальные цивилизационные комплексы планеты, модернизируя себя в технологическом плане и пытаясь так или иначе приспособить под себя либерально-демократические ценности западного мира.

Но, подвергаясь зачастую существенной модернизации, все они продолжали по-прежнему оставаться обществами традиционного типа, потому что нигде в них индивид не смог преодолеть границ коллективного бессознательного; нигде он не обрёл внутренней свободы, столь характерной для представителей западно-европейской цивилизационной системы...

Результатом подобной неравномерности развития стало презрительно-пренебрежительное отношение европейцев к «не-европейцам». Это нашло своё выражение в их политике колонизации, позиционируемой ими как процесс «просвещения» «отсталых народов». Но там, где колонизация оказывалась невозможной (в силу сопротивления «просвещаемых»), начинал действовать принцип цивилизационного остракизма. В данном случае, речь идёт о России и русофобии.

Несмотря на все усилия Петра Великого и его последователей, она так и продолжала оставаться страной с традиционным укладом жизни. Русофобия зародилась задолго до начала деятельности Петра, но лишь в его царствование, когда Россия достаточно громко заявила о своих правах на равенство среди европейских народов, Европа начала с открытой неприязнью отзываться о ней – буквально в соответствии с русской поговоркой: «со свиным рылом в калашный ряд!».

Европейцев откровенно раздражало стремление России (восточно-европейского цивилизационного комплекса) преодолеть своё стадияльное отставание и стать с Европой, что называется, «на одну ногу». Характерно в данном случае высказывание французского апологета русофобии маркиза де Кюстина (1839 год): «Я не осуждаю русских за то, каковы они, но я порицаю в них притязание казаться тем же, что и мы»⁴⁸⁷.

Россия в глазах западно-европейского общества представлялась (и до сих пор представляется) оплотом варварства, деспотизма, мракобесия, культурной (бытовой) отсталости и территориальной ненасытности. Удивительно, но подобная предвзятость и неприязнь не распространялась на другие цивилизационные комплексы – они изначально знали «своё место» и не претендовали на равенство с европейцами. Но русские!!.. Больше всего европейцев выводила из себя их мнимая похожесть на них и их одновременное глубокое сущностное отличие. Обладая столь отрицательным багажом традиционализма, они должны были бы тихо сидеть в своей Московии и помнить, кто есть кто. Но Россия жила не по «правилам», словно не понимая, что вход в «клуб избранных» для неё закрыт по определению.

Неприязнь к русским принимала самые разные формы. Например, во Франции было сфабриковано и опубликовано ложное завещание Петра Великого, в котором тот якобы наказывал своим потомкам для расширения границ России идти завоевывать Европу. Это «завещание» послужило одним из поводов похода Наполеона на Россию. (Гитлер также мотивировал вторжение в СССР необходимостью упредить якобы готовящегося к нападению на Германию врага).

Англичане пришли к своей русофобии в 1815 году, сразу после общей с русскими победы над Наполеоном. Британия повела антирусскую пропаганду, чтобы Россия не могла претендовать на возможное политическое влияние в зоне интересов Великобритании. (Средиземноморье и Индия). Аналогично повели себя и США в 1945 году – бывшие союзники в один день стали врагами и началась холодная война⁴⁸⁸.

В этом смысле немецкая русофобия являлась логичным продолжением общеевропейского неприятия России. Собственно, обосновывать это неприятие «неправильным» («большевистским») политическим режимом в этой стране некорректно хотя бы потому, что, например, уже в XXI веке, когда советский режим пал, на Западе русофобские настроения не только не уменьшились, но, наоборот, существенно возросли, вылившись в конечном итоге в чрезвычайно мощную антирос-

сийскую волну, не имеющую под собой никаких объективных причин. Ясно, что не в коммунистическом режиме тут дело.

Немецкий тип русофобии развился в конце XIX века после создания Германской империи («Второго рейха»). В то время немцам было свойственно обострённое желание национального самоутверждения. При этом идеи о немецкой национальной самобытности в значительной степени опирались на славянофобию. Кайзеру Вильгельму приписывают следующие слова: «Славяне вовсе не нация, это только удобрение для настоящей нации. Настоящая нация – это мы, немцы, и славяне призваны к тому, чтобы унавозить поля, на которых со временем раскинется будущая великая Германия...»⁴⁸⁹.

Нельзя с уверенностью сказать, были ли произнесены эти слова в том виде, в каком они дошли до нас, но известно, что общий настрой политической верхушки Германии ещё до Первой мировой войны отражал стремление немцев не только к сплочённости, но и к движению вовне, то есть к укреплению себя за счёт других (в частности, за счёт «диких» и «культурно неразвитых» восточных славян)⁴⁹⁰.

Идея русского «варварства» прекрасно подходила им, поскольку питала их чувство цивилизационного превосходства. «Отсталые» русские служили замечательным фоном для консолидирующейся нации: Россия в XX веке, несмотря на глубокие изменения в результате советской индустриализации, по-прежнему, как и во времена Петра, оставалась в своих сущностных измерениях обществом традиционного типа.

В Третьем рейхе идея непревзойдённости немецкой культуры плавно трансформировалась в идею расового превосходства, а русофобия стала отождествляться с антибольшевизмом. Цивилизационное пренебрежение европейцев к русским в лице Гитлера вышло на новый виток.

Немаловажно, что моральную поддержку своим преступным планам он получал от немецкой исторической науки. Историки обосновывали европейский поход против большевизма «необходимостью цивилизовать восточное пространство и приобщить его к европейской культуре»⁴⁹¹.

Черту под этими теоретическими построениями подвёл рейхсфюрер СС Гиммлер. В его речи в Штеттине 13 июля 1941 года перед отправлявшимися на фронт бойцами боевой группы СС «Север» прозвучало буквально следующее: «Это война идеологий и борьба рас. На одной стороне стоит национал-социализм, мировоззрение, основанное на нашей, германской, нордической крови. Стоит мир, каким мы его хотим видеть: прекрасный, упорядоченный, справедливый в социальном отношении. Мир, который, может быть, ещё страдает некоторыми недостатками, но в целом счастливый, прекрасный мир, наполненный культурой, каким как раз и является Германия.

На другой стороне стоит 180-миллионный народ, смесь рас и народов, чьи имена непроизносимы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать, – это расстреливать без всякой жалости и милосердия. <...> Когда вы, друзья мои, сражаетесь на Востоке, вы продолжаете ту же борьбу против тех же недочеловеков, против тех же низших рас, которые когда-то выступали под именем гуннов, затем – 1000 лет назад, во времена королей Генриха и Оттона I, – под именем венгров, а впоследствии под именем татар. Затем они явились снова под именем Чингисхана и монголов. Сегодня они называются русскими...»⁴⁹².

Таким образом, геноцид, проводимый нацистами на территории СССР, в первую очередь оправдывался вековым цивилизационным (в данном случае – стадийным) противостоянием Востока и Запада, «защитой» западной цивилизации от восточных «варваров».

Непоколебимая уверенность немцев встретиться в России с неполноценным во всех отношениях противником развязывала им руки. На русских смотрели как на зверей и всюду искали (и находили!) подтверждение их цивилизационной отсталости: «Я всегда боялся русских, – признавался немецкий солдат, – поскольку они всегда казались мне диковатыми» – «Они сражались до последнего, даже раненые и те не подпускали нас к себе. Один русский сержант, безоружный, со страшной раной в плече, бросился на наших с сапёрной лопаткой, но его тут же пристрелили. Безумие, самое настоящее безумие! Они дрались, как звери, – и погибали десятками» (*ефрейтор Губерт Коралла*) – «Они даже ночью не успокаивались, бросаясь на наши позиции, невзирая ни на какие потери, лишь бы подобраться к нам поближе» (*солдат Менк Кистер*)⁴⁹³ – «По моему первому впечатлению, все они поголовно были злобными нищими людьми, и походили больше на зверей, чем на людей. В бою они не знали жалости, как стадо голодных волков» (*ефрейтор Ханс Беккер*)⁴⁹⁴ – «Эта война не обладает теми чертами, которые присущи борьбе между двумя полноценными расами. В этой войне нет благородства, и она ведётся с таким ожесточением, что пощады для побеждённых больше нет. Вина в данном случае не на нашей стороне, так как немецкий солдат по натуре своей не способен на жестокость и коварство. И то, и другое суть азиатские черты. В цивилизованном мире по ним узнают подлеца» (*офицер Г. Пабст*)⁴⁹⁵.

Упорство обороняющейся стороны немцы однозначно расценивали как нецивилизованное, отождествляя при этом подлинный героизм противника, питаемый высокодуховным патриотическим порывом, с его архаичным («человекозатратным») способом ведения боевых действий. Так как подлинный героизм, по мнению немцев, могли проявлять только представители высокоразвитой западно-европейской цивилизации, то, следовательно, русские, воевавшие «нецивилизованно», «по-азиатски», могли побеждать исключительно тем, что «заваливали врага трупами».

Признать за противником саму возможность на героический поступок, означало для немцев признать русских полноценными людьми (не «унтерменшен»), что было невозможно в принципе. Вот почему боевая доблесть русских оценивалась (и до сих пор оценивается) ими исключительно как форма отсталого, традиционалистского подхода к ведению войны – «не умением, а числом». Вот почему именно на это и было обращено внимание немецкого солдата и именно этим объяснялось всё, что не удавалось объяснить другим способом: «Советские пилоты – фаталисты, они сражаются до конца без какой-либо надежды на победу и даже на выживание, ведомые либо собственным фанатизмом, либо страхом перед дожидающимися их на земле комиссарами (*полковник люфтваффе*)⁴⁹⁶ – "Что за странный народ? Мы наложили под Синявино вал из трупов высотой около двух метров, а они всё лезут и лезут под пули, карабкаясь через мертвецов, а мы всё бьём и бьём, а они всё лезут и лезут..."⁴⁹⁷ – «Немцы поражались, что наших поднимали на "ура!" за четырёхста и более метров до немецких укреплений. Это приводило к тому, что атаки захлёбывались, а в ничейном пространстве, не добежав половины пути до

врага, оставались сотни убитых и раненых» (А. Клейн) ⁴⁹⁸.

В то же время и сами русские понимали противоречивость ситуации, в которой они оказались, воюя с немцами. С одной стороны, действительно, «на войне мы не задумывались о потерях – фронтовики это подтвердят. Они казались естественными и неизбежными. Могло ли их быть меньше – никто не задумывался. Песенная строка "мы за ценой не постоим" имеет самое реальное обоснование» (Ю. В. Басистов) ⁴⁹⁹.

С другой стороны, «разные мысли лезли в голову. Почему немцы умеют воевать, а мы только людской массой, "в штыки" их пытаемся задавить? Почему у нас в каждой атаке реки крови льются и горы трупов лежат? Почему немцы воюют техникой и мозгами, почему они "в штыки" не идут? Почему напролом не лезут? И становилось от таких сравнений на душе погано...» (И. З. Френклах) ⁵⁰⁰.

Одновременно немцам, как умелым воинам, всё же отдавалось должное и по поводу их успешности строились догадки: «Они берегли своих солдат, может быть потому, что не обладали такими гигантскими ресурсами, как Советский Союз. Кроме того, их армия была организована умнее...» (Л. Лазарев) ⁵⁰¹ – «Их сила была в дисциплине и очень хорошей военной подготовке...» (Д. Гранин) ⁵⁰².

Вольно-невольно русские, сталкиваясь с немцами не в боевых условиях, начинали сравнивать свой и чужой образ жизни, и выводы при этом часто делались «не в нашу пользу».

А. Клейн: «Организация и порядок у них в армии куда солиднее, чем у нас. У них офицер похож на офицера. Редко встретишь мальчишку или пьяного болвана. Есть, конечно, но меньше, чем у нас. Дисциплина у них среди солдат не стадная, как у нас. Любой унтер у них по военным знаниям стоит нашего лейтенанта. Конечно, не каждого. У нас тоже были отличные офицеры, не говоря о солдатах. Но эта чёртова аккуратность, обязательность, точность в крови; это "айн ман – айн ворт" (человек – слово)!.. А у нас? Сколько раз было: "Огоньком поддержим!". «Ступайте смело – там никого»... А "огоньком" не поддержат или опоздают так, что по своим лупят... А там, где доложат "никого нет", давным-давно фрицы. Разведка не дошла и донесла чепуху. Дико!.. У нас, в самой "народной армии", солдаты получают один паёк, а офицеры – другой, человеческий. А у немцев паёк для офицера и солдата одинаковый. Другое дело, что офицер всегда может "вытянуть" со склада, а то и из котла – что получше. Но в принципе, больше справедливости. В зарплате разница тоже огромная. У них солдат получает приличные деньги, а у нас столько, что на махорку еле-еле достанет, если пайковой не удовлетворишься. О прочем говорить больно. Умеют они получать в пайке и коньяк, и шнапс, и вино, и всякую вкусную всячину, и не напиваться!.. Редко-редко кто так наглотаётся, что заметно. А если бы у нас так?.. Вот у них ефрейтор, например, получил на неделю или даже на две недели пару бутылок коньяку, ещё спиртного, сладкого. И всё это он распределяет. Не сразу в глотку» ⁵⁰³.

Сравнивался и солдатский быт.

Д. Гранин: «Когда мы в первый раз вошли в немецкое укрытие, нас поразил термос с горячим кофе. Всё, что давали нам, было холодным, иногда в одну миску клали и первое, и второе. Но больше всего поразила впервые увиденная нами туалетная бумага. Мы вообще не знали, что это такое, а они пользовались ею на фронте! Сначала мы думали, что она служила им для скручивания папирос. Когда

220. Военный корреспондент из 621-й роты пропаганды «берёт интервью» у пленного красноармейца, ответы которого явно забавляют собравшихся вокруг солдат. 1941 г.

немецкий пленный увидел, что мы делаем из туалетной бумаги, он стал смеяться над нами и объяснил, для чего она предназначена. От стыда солдаты готовы были разорвать этого парня на части. У нас в туалете обычно использовалась газетная бумага, а на фронте не было и того. Газеты мы хранили для того, чтобы мастерить папиросы. Мы были в бешенстве – так попасть впросак перед немцем!»⁵⁰⁴.

Для наших солдат в диковинку были тюбики с зубной пастой – в СССР использовался только зубной порошок. Солдаты не носили ручные часы. Их поражал относительный комфорт в немецких блиндажах – там были даже тапочки! Многие немецкие солдаты имели фотоаппараты и занимались любительской фотосъёмкой.

С другой стороны, практичность русских вызывала и у немцев определённое уважение. В самом начале осени, захватив на Волховском фронте вагон с валенками, они долго смеялись, полагая, что у русских кончился запас кожи, чтобы шить нормальные армейские сапоги. Валенки жгли в кострах. Потом, когда ударили морозы, об этом горько жалели.

Окопный быт был тяжёлым, и противники, как могли, преодолевали его, наблюдая при этом в сторону друг друга:

Д. Гранин: «Боевое охранение, выдвинутое вперёд, окопалось где-то поближе к немецким окопам. Так что слышен стал немецкий разговор, как они звякают посудой, что делают. Немцы стали звать к себе: "Русский, ходи к нам булка кушать". Переходили. По двое, по трое. Немцы с самолётов разбрасывали пропуски. На нейтралке был овраг, там появился невесть откуда чёрный рынок. Оставляли друг другу, а может кидали. Немцы меняли свою булку на махорку. Нравилось им крепкое наше курице. Для нас булка была почти лакомством. Ещё их прельщала водка, валенки, кремневые самодельные зажигалки. У них выменивали куски туалетного мыла, мазь от чирьев, писчую бумагу. Писать было не на чем. Тетрадки кончились. О конвертах не мечтали»⁵⁰⁵.

Оказавшись в России, немцы попали в совершенно непривычную для себя обстановку. Бедность, неустроенность русского быта, с одной стороны, – была для них крайне неприятна: «Здесь нам недоставало удобных французских кроватей и поражало однообразие местности...». С другой стороны, такая ситуация постоянно подпитывала чувство их цивилизационного превосходства.

На что же (в бытовом плане) они обращали в первую очередь своё внимание?

В населённых пунктах их поражали бревенчатые избы – старые, часто нуждающиеся в ремонте: «Дома были примитивными. Они строились из дерева или глины. В этих зданиях обитало множество голодных людей и всегда сытых насекомых-паразитов»⁵⁰⁶ – «Угрюмые чёрные деревянные избы деревни нам не нравятся. Внутри тоже мало вкуса и культуры... Коньковый брус иногда украшен аккуратной хорошей резьбой. Гардин на окнах нет. Двери и ступеньки уже годами нуждаются в починке. Иногда свинарник и сени для единственного жилого помещения, где находится стол, скамейки и деревянные полати» (*солдат Гамм*) – «После переезда через границу маленькие чистые деревянные эстонские сёла сменились кучей убогих хижин» (*солдат Мамтис*) – «Здесь нет магазинов, нет также ни одного каменного дома. Только бревенчатые избы, похожие одна на другую, с большой глиняной печкой в единственной комнате и небольшим сараем для единственной коровы» (*солдат Килер*) – «никто из русских, вероятно, никогда не имел собственной комнаты, и поэтому они привыкли к совсем иному образу жизни, чем мы. Они даже не начали сознавать, что иметь свой собственный угол и свою частную жизнь является элементарным. И это не только результат их воспитания в духе коллективизма, но также их безудержной нищеты» (*А. Орме*)⁵⁰⁷.

Привлекал к себе внимание и внешний вид русских. Наиболее общими являются отзывы о невзрачности русской одежды: на женщинах – типичные платки

(только в Польше, например, наши солдаты увидели на женщинах шляпки). Часто встречаются определённые цвета одежды, как правило – «серо-бурый», а название самой одежды – «лохмотья».

Немцы отмечали, что в сельских районах России сохранился старинный обычай носить бороду: «Нам они все казались одинаковыми, как все монголы и негры кажутся одинаковыми среднему европейцу. Обыкновенный русский низкого или среднего роста, плотного телосложения» (А. Орме)⁵⁰⁸ – «Русские женщины, блондинки, рыжие, как и тёмные, азиатского типа – очень полногруды. У многих широкобёдрых тяжёлая походка» (солдат Маттис)⁵⁰⁹.

Интересно в этом плане наблюдение о недостаточной грациальности внешнего облика русских: «Каждый, кто пробыл некоторое время с Красной армией подтвердит, как трудно среди них найти европейское лицо. Я имею в виду европейское лицо не в смысле расовых черт, а в смысле выражения; как описать это выражение я не знаю, не знаю ещё, и в чём оно состоит. Только на старых европейских портретах можно увидеть такие лица, которые гений великих художников сохранил для нас. Так, например, Карл Великий, не умевший ни читать, ни писать, был тем не менее великим императором и выглядел, вероятно, как современный русский. Сегодня же можно исходить всю Европу и не найти подобного лица, так как нельзя забывать того, что, кроме черт лица, формы черепа и расовых признаков, до неузнаваемости изменилось выражение лица европейца... но не русского... Как раз это выражение лица создаёт пропасть между Россией и Европой, потому что указывает на один простой факт: они выглядят так, как мы выглядели несколько веков тому назад. Это значит, что они на несколько столетий моложе нас» (А. Орме)⁵¹⁰. Изменение внешнего облика человечества связано с эволюцией менталитета человеческих популяций, когда переход от пространственно-образного (характерного для традиционных

221. Традиционная деревенская изба на Северо-Западе России

222. Внутри дома

обществ) способа мышления к логико-вербальному становится необходимым и закономерным итогом включения в повседневную жизнь большинства людей данной популяции значительного числа умственных операций. Характерным примером могут служить новые реалии рыночной экономики, с которыми столкнулось население западноевропейских городов в эпоху позднего средневековья. Эти реалии заставили людей (в подавляющем своём большинстве абсолютно неграмотных) учиться считать, так как неумение это делать создавало дополнительные трудности для выживания⁵¹¹. Изменение в морфологии мозга приводит к изменению всего организма⁵¹², что и выражается в постепенной общей грациализации облика членов популяции – «утончении» черт лица («выражения лица» по А. Орме), удлинении рук и ног, изменений пропорций тела).

Несомненно, внешность русских была обусловлена общим стадиальным отставанием русского общества от европейского. Соответственно, это отражалось и на их облике, и на организации их быта.

В этом плане, касаясь отдельных аспектов русского образа жизни, немцы отмечали, что в России почти нет уборных с проточной водой; даже в городах это отдельные деревянные постройки, обычно сильно запущенные. А в деревнях их

вообще нет – нужду жители справляли между грядками в огородах: «Пулемёты у них есть, а клозетов нет» (*солдат Гофф*)⁵¹³.

Не было у русских компасов, карманных ложек, вилок и ножи́ков с приспособлениями, фонариков, а у детей – фабричных игрушек.

Даже кладбищенская культура у них была иной. Общий вид кладбища и отсутствие всякой заботы об умерших производили на немцев тяжёлое впечатление: могилы на кладбищах были разбросаны вкривь и вкось. Павших солдат русские хоронили в братских могилах, тогда как у немцев каждый хоронился отдельно с соответствующими почестями.

*Из письма немецкого доктора Йохана Хоппе*²¹⁶:

«2 октября 1942 года.

Кажется, что русским совершенно нет дела до ухода за могилами и нет никакого уважения к умершим. Гражданские кладбища полностью заброшены. Среди русских солдатских кладбищ я видел лишь одно при наступлении к воротам Ленинграда (*лето 1941 года. – Авт.*). Оно располагалось перед русским военным госпиталем, который попал в наши руки. Но кладбищем это тоже нельзя было назвать. Братские захоронения были разбросаны по всему прилегающему лесу. Никаких могильных холмов не было, земля была просто вырыта, а затем ею забросали тела».

Смущала привычка русских лужгать и выплёвывать на пол семечки, а также есть всей семьёй из одной миски.

Их возмущали русские дороги: «Несколько самых крупных дорог поддерживались в хорошем состоянии, но остальные были просто ужасны. На изрезанной колеями неровной поверхности лежало до полуметра пыли в сухую погоду и, соответственно, столько же вязкой грязи в период дождей. Самым обычным видом транспорта на таких дорогах были низкорослые русские лошадки. Как и их хозяева, они демонстрировали чудеса неприхотливости и выносливости» (*ефрейтор Ханс Беккер*)⁵¹⁴.

223. Грязная улица

Немецкая кинохроника с удовольствием показывала «рай для рабочих» – жизнь в СССР. Камера фиксировала шаткие заборы, грязные подворотни, лачуги и помойки. А добровольные фотографы снимали всё, что на их взгляд подтверждало убогость «неполноценной» нации:

П. Горелик: «Снимки из 41-го года, сделанные врагом, попали в мой командирский планшет. Позже, когда появилась возможность, я взгляделся в них пристальнее. Первая фотка вначале чуть не насмешила меня. На ней были засняты только ноги в лаптях. Но потом я с горечью подумал: 1941 год, четверть века советской власти, а наши люди всё ещё носят онучи да лапти!»⁵¹⁵.

Нищета русских немцам была непонятна: «Бездумные необразованные массы – пушечное мясо Советов. Уже в первые 5 дней немецкие солдаты вдоволь насмотрелись на так называемый "рай для рабочих", на деле ничего, кроме омерзения не вызывающий» (*немецкий солдат*)⁵¹⁶ – «Большинство людей работали в колхозах и совхозах. Первые представляли собой коллективные формы, объединявшие одну или несколько деревень. Вторые были государственными предприятиями. Но и в том, и в другом случае заработка едва хватало на то, чтобы свести концы с концами. Понятие "среднего класса" отсутствовало, здесь жили только бедняки-работники и их зажиточные руководители. У меня сложилось впечатление, что всё здешнее население не жило, а безнадежно барахталось в вечном болоте самой жалкой нищеты. К ним больше всего подходило определение "рабы". Я никогда не понимал, за что же они воюют» (ефрейтор Ханс Беккер).⁵¹⁷

Действительно, воевать за такую убогую жизнь благополучным и сытым немцам казалось нелепостью. А то, что русские могут воевать ещё и за что-то другое, им просто не приходило в голову. Если цивилизация ущербна, она должна уйти с исторической арены и уступить место более успешной и сильной. Это было разумно, логично и целесообразно. Однако «упрямые русские иваны» совершенно не вписывались в предложенную схему, и конфликт цивилизаций очень быстро начал развиваться вглубь и вширь:

Д. Гранин: «Помню, как мы всем взводом агитировали первого пленного немца, раненного в ногу молоденького ефрейтора:

"Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", "Тельман! Карл Либкнехт!".

Мы угощали его папиросами, похлопывали по плечу.

"Долой Гитлера!"

Вы знаете, что он нам отвечал? Меерзон переводил нам медленно, аккуратно, фразу за фразой:

– Вы все будете убиты. Об этом позаботятся ваши плохие командиры. И мы. Воевать вы не умеете. Лучше вам сразу сдаться. Вы дикари. Вы не можете жить культурно. Посмотрите, какие у вас дороги. А ваши избушки. Ужасно. Там грязь, полно насекомых. Туалеты. Всё загажено. Дрек. Дрек. Посмотрите на себя. Разве вы солдаты? Вы низшая раса!

Он смеялся. Белозубый, краснощёкий здоровяк. Ни страха не было у него, ни интереса.

Кашу он ел жадно, аккуратно вытер рот носовым платком. Алимов взял ложку, стукнул его по лбу. "«Спасибо» надо сказать, чему тебя учили?"⁵¹⁸.

Ментальные особенности характера немцев и русских

«...Наша война была корявой, бестолковой, где зря гробили людей, но это не показывали и об этом не писали. Мой лейтенант ненавидел немцев и терпеть не мог свою шуштуру в штабах. В кино генералы были без хамства, не было пьяных, не было дураков. Он не понимал, как из всего этого варева ошибок, крови, из его трусости, невежества, фурункулёза, несмотря на всё это, они вошли в Пруссию» (Д. Гранин)⁵¹⁹.

Разница в уровне жизни была напрямую связана со способом её организации на Востоке и на Западе. Русские замечали, что они живут существенно иначе, чем немцы. Особенно это стало понятно, когда наши солдаты оказались за границей. Контраст был разителен:

Н. Никулин: «В городе Алленштайне мы разместились в доме, брошенном жителями. Поражала чистота, обилие всяких приспособлений. Кухня блестела кафелем. На каждой банке была надпись, обозначающая хранившийся продукт. Специальные весы служили для дозирования пищи... В квартире – несколько ванн. Для каждой персоны свой клозет: для папы, для мамы, а для детей – комнаты поменьше. Горшки покрыты белейшими накрахмаленными кружевными накидочками, на которых затейливой готической вязью вышиты нравоучительные изречения вроде: "Упорство и труд всё перетрут", "Да здравствует прилежание, долой лень!" и т. д. Страшно подойти к такому стерильному великолепию!»⁵²⁰.

Р. Мохов: «В Радеболе мы были свидетелями отношения жителей к опрятности и порядку. Вечером, часов в 7, группа танкистов, вернувшись с ремонтной базы на свои временные квартиры, сидела у поребрика и, конечно, курила "самокрутки". Окурки, как всегда бросали тут же. Из ближайшего дома вышла немка в фартуке с метёлкой, совочком и ведёрком. Из других домов появились такие же женщины и в течение 10-15 минут тщательно вывели тротуары и проезжую часть, выложенную плиткой. Ни словом не попрекнув, одна из немок убрала наши окурки и ушла. Пришли остальные экипажи, наши предупредили их о только что произведённой при них уборке, и больше ни один окурочек не был брошен»⁵²¹.

Васильев Михаил Васильевич, 1928 г. р., дер. Мокуши (Псковская обл.)¹⁴³:

(О жизни в Германии после депортации): «В мои обязанности входило закрывать окна (светомаскировка), а также я должен был ездить на мельницу молотить зерно. В поле работать выезжали все. Хозяйка брала бутерброды. Обедали ровно в 12.00. Полевые дороги в Германии все обсажены фруктовыми деревьями. В субботу работали до обеда (даже в войну). После обеда все обязательно выходили убирать территорию перед домом. Воскресенье ощущалось как праздник – люди не работали, шли в церковь».

Н. Никулин: «Нас в Германии поражала ухоженность садиков, с непременно уродливыми гномами на клумбах, благоустроенность вилл и домов, порядок, но раздражали высокие заборы с проволочной сеткой наверху, оберегавшие частные владения. Непривычны были и отличные дороги без ухабов, выбоин и грязи, обсаженные по обочинам яблонями... Позже, когда война уже кончилась, и поспели плоды, мы стали их сшибать, ломая ветви. Проезжий немец вежливо просил нас не делать этого и предложил аккуратно снять для нас столько яблок, сколько

мы захотим. Он рассказал, что яблони принадлежат муниципалитету соседнего городка, которому подведомственна дорога. Когда плоды поспеют, будет нанята специальная бригада рабочих, которая снимет их, погрузит в машину и продаст на базаре. Небольшой процент с выручки покроет их зарплату, а остальное пойдёт на ремонт и благоустройство дороги»⁵²².

«О своей жизни в Германии отец рассказывал охотно и весело.

– Там в каждой деревне ресторан! – восклицал бывало он. – Да и какие это деревни? У нас в городе хуже и грязней. А там – дома сплошь каменные, улицы и тротуары мощёные, везде подметено и прилизано и всё – в цветах! Зайдёшь в деревенский ресторанчик – к тебе сам хозяин выйдет: "Вас махен, герр офицер?" То есть – что желаете? За столик усадит, быстренько графинчик со шнапсом и стопочку с напёрсток перед тобой поставит, бутербродики вынесет. Да всё с улыбкой, приветливо. Там и напиваться неудобно. Хлопнешь этот стограммовый графинчик, зажуёшь бутербродом, расплатишься: "Данке шён", – и топаешь к себе в расположение доводить себя до полной кондиции. А сами-то они, немцы, как вечер – семьями в ресторан. Сидит до полуночи с кружкой пива да с напёрстком шнапса, беседуют, шутят, поют и танцуют под аккордеон. И никаких драк, никаких безобразий. Культурный народ!» (Г. Чистяков)⁵²³.

П. Горелик: «Удивляла атмосфера дружбы и покоя, царившая в зале деревенского клуба. Здесь собралось несколько поколений: пожилые женщины, бедно, но опрятно одетые, вязали и о чём-то заинтересованно разговаривали; старики почти все в шерстяных жилетах, с неизменными трубочками во рту, играли в карты; пёстро одетая молодёжь танцевала под небольшой оркестрик односельчан. Пьяных не было, и дым коромыслом почему-то не стоял. Как это было не похоже на пьянство и запущенность наших не только сельских, но и городских клубов! Это вечное лузганье семечек и сплёвывание шелухи прямо под себя на пол, визг девчонок из тёмных уголков, брань и потасовки, скучные нравоучительные лекции заезжих пропагандистов, которых слушали вполуха, продолжая лузганье и возню с девчонками. Может быть, я несправедлив, рисуя картину наших клубных посиделок, может быть, не везде всё выглядело так тоскливо, но контраст был настолько разителен, настолько бросался в глаза, что я невольно сгустил краски»⁵²⁴.

Вот почему немцы, оказавшись в России, восприняли это как попадание из цивилизации в «дикость». Отсутствие бытовой культуры у русских воспринималось ими как отсутствие культуры *вообще*. При этом немаловажное значение в данном вопросе играл не только стадиальный исторический фактор, но и представление русских и немцев о самих себе в культурологическом плане. Здесь система качеств, составлявших немецкий национальный характер, противопоставлялась русскому национальному характеру, как «нецивилизованному», «странному» и «неправильному».

Поскольку немцы считали, что являются представителями «высшей расы», то именно им и должны принадлежать все человеческие добродетели, в то время, как «низшие расы» могут обладать лишь пороками. Худшими, в этом смысле, признавались евреи и русские. То, что цивилизация может быть (и должна быть) представлена различными культурными типами, в расчёт не принималось.

На каком же фоне формировались немецкий и русский национальные характеры? Всматриваясь в глубину тысячелетий, можно обнаружить, что одним из

принципиальных факторов, повлиявших на этот процесс, являлся фактор географический. Например, отсутствие на территории Восточно-Европейской (Русской) равнины естественных границ во многом предопределило и своеобразный характер её населения, готового перейти с места на место в поисках лучшей доли. Природные богатства Русской равнины позволяли её жителям в целом не испытывать проблем с обеспечением себя продовольствием – людям всегда было куда переместиться в поисках пищевого ресурса. В итоге плотность населения не увеличивалась, необходимости приспособливаться к стеснённому пространству (сложной окружающей среде – природной и социальной) не возникало. Так формировался у русских *менталитет экстенсивности*⁵²⁵. (В этом смысле, все значительные культурные и политические достижения в России возникали лишь тогда, когда внешние неодолимые препятствия вынуждали её население временно остановить своё перемещение по равнине и сплотиться на ограниченной территории для решения насущных задач. Затем процесс возобновлялся).

Сущностной проблемой народа стало его упорное нежелание уважительно относиться к обстоятельствам – подстраивать себя под них, учитывать их в своей жизнедеятельности. А отказ от адаптивного процесса – это всегда попытка насильственного подчинения себе среды, стремление заставить её покориться своей, часто самодурной воле. Отсюда – и российский выбор деспотической власти, как инструмента организации народной жизни. Ясно, что подобный процесс являлся стихийно-бессознательным процессом. Но отдаваясь ему, русский человек был согласен отказаться от всех своих прав, лишь бы иметь возможность время от времени обладать исключительными правами в той части общественной жизни, которая на данный момент была ему доступна, и которая не могла быть в тот момент подчинена общественному контролю. Иными словами, он согласен был навсегда превратиться в раба, лишь бы потенциально (иногда) иметь возможность становиться абсолютным господином («Я хозяин – ты дурак, ты хозяин – я дурак»).

Не то наблюдалось в Западной Европе. В начальный период становления культуры земледелия здесь, как и на Русской равнине, применялась экстенсивная модель «кочевого» земледелия – система подсеčno-огневого земледелия, связанного с частыми сменами земледельцами истощившихся полей и, соответственно, мест поселений. Но в дальнейшем рост населения Европы в ходе освоения всё более эффективных форм хозяйствования постепенно стал превышать возможности примитивного скотоводства и земледелия. Относительная перенаселённость исходных регионов активно формировала миграционные потоки. (Предки русских по этой причине покинули территорию Европы и переселились на Восточно-Европейскую равнину).

Внешняя среда – стеснённое пространство в окружении других европейских народов – побуждала жителей Европы к поиску адаптивно более ценных сценариев взаимодействия со средой. На такой основе у них формировался *менталитет интенсивности*: на Западе ценят готовность к компромиссам и способность к целесообразным действиям.

Неодинаковость исходной платформы – противоположность ментальных предпочтений – сформировала и принципиальные различия европейцев и русских в способах реализации своих жизненных программ. Отсюда – противоположное отношение к труду у тех и других.

У русских уважается тот, кто, не ударив пальцем о палец, получает максимум возможного (достаточно вспомнить героев русских народных сказок). У европейцев в почёте всякий добросовестно выполняющий свою работу. Русские, принуждаемые обстоятельствами к труду, имеют короткий горизонт планирования: они ориентируются не на общий результат, а на формальное выполнение своего участка работы. Отсюда проистекает рассогласованность их действий и бездарная трата ресурсов. Для европейцев такой подход к делу абсолютно невозможен – у них все частные задачи последовательно решаются в русле решения задачи основной. В этом смысле, порядок, тщательность, продуманность и организованность есть главные принципы их работы, а в более широком плане – самой жизни.

Наиболее ярко черты ментальности интенсивности проявились именно в немецком национальном характере. Это, бесспорно, такие качества, как основательность, трудолюбие, любовь к порядку (законопослушание, дисциплинированность), систематичность в работе, аккуратность, порядочность, вежливость, правдивость. Исходя именно из этих добродетелей, немцы и оценивали русских.

В первую очередь обращалось внимание на те их качества, которые были диаметрально противоположны «эталонным». У русских, например, отмечалась лживость: они не исполняли данных обещаний. Русское пьянство было безмерно и буйно.

Поражало немцев сочетание у них лени и ловкости в работе, а также одновременная точность и небрежность. Их подход к работе не был похож на западную методичность и основательность: «Русского человека очень легко воодушевить работой. Он быстро загорается. Всё новое влечёт его, но не долго. То он ничего не делает, то берётся за работу с таким подъёмом и энергией, что делается страшно. В общем, русские очень ловки в работе, часто, однако, им недостаёт необходимой дисциплины при исполнении очень точной работы. Окончательные штрихи скоро наводят на них тоску и кажутся излишними»⁵²⁶.

Для немцев, относившихся к труду, как к священнодействию, был абсолютно непонятен размах русских, выходящий за пределы рационального подхода. При этом они всё же отмечали их исключительную работоспособность, способность к импровизации, сметливость, приспособляемость, любопытство ко всему новому, нацеленность на получение знаний. Всё это немцы объясняли для себя тем, что «дикуватые» русские – это «дети природы»: «Русские не вырастают. Они остаются детьми... Если вы посмотрите на русскую массу с этой точки зрения, вы и поймёте их, и простите им многое (*солдат Килер*) – «Русские склонны к суеверию. Особенно это касается великороссов. Это связано с их близостью к природе и чувством беспомощности и потребности в поддержке. Они нуждаются в том, чтобы ими руководили – это вне всякого сомнения...» (*генерал Швейпсбург*)⁵²⁷.

В русле таких представлений предполагалась готовность последних подчиняться более «умной» и «сильной» нации. Разумеется, это было заблуждением, порождённым европейской самоуверенностью захватчиков. И всё же следует признать, что в определённой степени русские всё-таки испытывали (особенно в первое время) некоторое уважение к цивилизационно «продвинутому» немцам:

*Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно*³⁶:

(Перед приходом оккупантов семья ушла в лес. Через несколько дней пришлось вернуться обратно): «Шли мы по лесу и увидели: на дороге стоит машина,

224. Немецкие солдаты и русские крестьяне

рядом – 4 немца. Мы идём, боимся, думаем: интересно, какая у них голова, какие ноги? Люди болтали всякое. Вот, мы идём, и слышу я, как мама говорит: "Ой, какие красивые!". Вообще-то, немцы – мужики красивые, немки – нет: длинные, тощие, сами нескладные. Немцы красивые: у них зелёная форма, пуговицы блестят, высокая фуражка – "Правда, какие красивые!"

А они на нас и внимания не обратили. Хотя бы повернулись! А мы идём со своими хатулями... У мамы кроме меня, ещё двое детей. А сама она – на седьмом месяце беременности, идёт с большим пузом...»

Дудкина (Егорова) Нина Михайловна, 1927 г. р., г. Любань ⁸¹:

«Немцы пришли в Любань 25 августа. У фашистов или танкистов была такая чёрная форма – бравые ребята!»

Малыгина (Максимова) Елена Михайловна, 1924 г. р., пос. Тосно ²¹⁵:

«Я работала на немецкой кухне. Нас они не обижали. Немцы все аккуратные ходили, чистюли. Солдаты всегда начищены, побриты, пострижены. Сапоги были блестящие! Все аккуратные были. Хоть и война, но аккуратные».

Даже находясь в плену немецкие солдаты сохраняли выправку:

Р. Мохов: «Недалеко от самоходок на брёвнах сидело несколько пленных немцев в окружении экипажей. Подошло начальство полка. При его приближении немцы вскочили, щёлкнули каблуками и отдали честь.

Один из офицеров, обращаясь к комполка, произнёс:

– Вот это солдаты. Какая выправка, обмундирование, амуниция – не то, что наши...

Действительно, зрелище было не в нашу пользу. Никто не поприветствовал своё начальство, стоят вольно, кулями, воротнички у всех расстёгнуты, выправки

нет. Правда, ватники у всех самоходчиков были новые, выданные при формировании.

Мы же ходили в б/у, многократно стиранном и так севшем, что ремень едва схватывал ватник у самого края. Обо мне и говорить нечего. Ремня нет, брюки трофейные: мы их охотно взяли у интенданта вместо наших хлопчатобумажных с напуском и заплатками на коленях. Сапоги тоже переделаны из немецких. У нас с немцами была большая разница в подъёме ступни, и приходилось брать сапоги на два размера больше, из-за чего цеплялись носами при ходьбе. Однако наш сапожник сделал колодку для растяжения подъёма и перешивал голенища из конических (немецких) в привычные цилиндрические. Качество сапог у немцев было хорошее: кожаная подошва, подбитая гвоздями, подкова на каблуке, металлический носок. Я за такие сапоги выложил сапожнику много махорки и папирос, пока сам не закурил»⁵²⁸.

Неотъемлемой частью германского духа являлись понятия «долга» и «порядка», что было тождественно для них принципу железной самодисциплины и самовоспитания. Поведение немцев во многом определялось изрядной долей прагматизма – «прививкой», которую германцы получили когда-то от римлян. В этом смысле, Рим являлся «крёстным отцом» будущей германской нации. Возможно, отсюда у них преобладало уважение именно к форме закона, а не к его конкретному смыслу и условиям применения (русский же всегда размышляет о сущности закона и, исходя из этого, решает, следовать ли ему или нет). Для немцев же уважение к форме закона равнозначно самоуважению⁵²⁹. Но это порождает, в свою очередь, и определённые крайности в утверждении конкретных черт немецкого характера: например, методичность в выполнении задачи трансформируется в «механистичность» («бездушность» в действиях; уважение к порядку – в тяжёлый педантизм; бережливость – в крохоборство).

А. Клейн: «Я не понимаю, как можно, одалживая сигарету, записывать в блокнот, что я должен её кому-то или, что мне кто-то должен... сигарету. Мы с такими мелочами никогда не считаемся: дать так дать, не дать – так не дать. Но чтобы среди товарищей была такая «бухгалтерия»?.. Нет. Мне чужда подобная расчётливость»⁵³⁰.

«К немцам русские в первые годы (плена) относились не очень хорошо, но если попросишь у русского закурить, то он, не задумываясь, даст. Немец же скажет: «У меня только три пачки, рассчитано, чтобы хватило до конца месяца» (*немецкий военнопленный*)⁵³¹.

Но особенно болезненным было отношение немцев к воровству. Для них факт воровства был связан не просто с реализацией преступником противозаконного действия, но с оскорблением, наносимым всей нации – её представлению о священном значении частной собственности, основы личностного самостояния индивида в западном мире. В этом смысле, отношение к проблеме воровства у немцев, склонных к крайностям в соблюдении закона, и у русских, всегда готовых этот закон нарушить, принципиально различалось.

Немцы вообще не воровали. Для русских же – это не было проблемой: они слишком легко относились как к своей, так и к чужой собственности.

А. Клейн: «Вот они получают свои пайки и ставят их, не пряча. Никто не ворует. А у нас в казарме?.. Другое воспитание, другие понятия...»⁵³².

Воровали даже друг у друга на фронте.

Р. Мохов: «Оказывается, пока мы стояли в «пробке», помтех заметил шофёра, уснувшего за рулём. Залез в машину и снял "динамо", хотя в этом не было никакой необходимости. Что это, врождённая kleптомания? Или мораль криминального мира, позволяющая красть у "чужих"?

А представляете состояние шофёра, когда, проснувшись, он по прибору на щитке обнаруживает отсутствие не только зарядки, но и "динамо" и осознаёт, что не доедет в назначенный пункт? За это он попадёт в штрафную роту, откуда вряд ли вернётся живым»⁵³³.

Да, у русских была эта неприятная черта, но она не являлась преобладающей. В ситуации же оккупации она, безусловно, активизировалась, провоцируемая голодом и всевозможными лишениями. Однако немцы отказывались учитывать провоцирующие факторы – они видели здесь только порок, который подлежал искоренению любыми, самыми жестокими средствами. В качестве наказания повсеместно применялась казнь через повешение. Трупы казнённых в назидание остальному населению висели по несколько дней. Не щадили ни взрослых, ни детей.

Савельев Анатолий Иванович, 1933 г. р., г. Любань ²⁹:

«Немцы не любили воровства. Если кто-то что-то украдёт, то они избивали очень здорово. Как раз вот так было со мной, когда мы жили в одном доме с немцами. Они занимали переднюю комнату. Они были жадные. Видят, что ребёнок, есть хочу. Ну, допустим, хлеба наберут и кладут на стол. Мармелад, какие-то консервы у них были. Отрезал бы кусочек хлеба-то и сказал: "На, киндер!". Ничего подобного. Был один случай. Я очень кушать хотел. Не знаю, где были взрослые. Вот я потихоньку подошёл к столу – так хлебом пахнет! Ну, я уголочек-то и отломил, скушал. Ещё у них был мармелад открыт, и я ещё мармеладика немного съел. Они потом пришли, смотрят: "Кто тут пакостил? Кто со стола ел?". Смотрят – а я один дома – "А-а, ну-ка иди сюда! Ты сделал?" – что мне отвечать? – "Я", – говорю. Ну, они начали меня по голове бить, ремень сняли. У них были широкие ремни, не так было больно. Положили меня на скамейку, ремнём отходили, как следует, нос разбили. Ну, я поревел».

Для того, чтобы лишний раз убедиться в вороватости русских, немцы нередко устраивали им «проверку»: оставляли на столе продукты питания, специально провоцируя смертельно голодных людей совершить акт воровства:

Фрайман А. (военнопленный) ⁵³⁴: «Иногда нас заставляли убирать в немецких комнатах, в казарме, мыть полы или топить печки, и немцы специально оставляли на видном месте сигареты или кусок хлеба, так они нас проверяли, своруюем мы их или нет...».

Бородулин Л., 1929 г. р., пос. Тосно ⁷¹:

«Рядом с домом на улице немцы повесили кошку, которая украла у них кусочек сыра. На повешенной была дощечка с надписью: "Кто будет воровать, всем такая участь". Солдат велел мне смотреть на эту кошку, чтобы моя участь мне была ясна».

При этом сами немцы, отбирая у населения продукты питания и вещи, воровством подобное поведение отнюдь не считали!

А ведь до времени они в сознании русских людей отождествлялись с поняти-

ем «культура» – «как же мог этот культурный, вежливый народ столько зверств учинить в войну, столько наших городов с землёй сравнять, столько деревень и сёл дотла спалить? Да что там деревень и сёл – миллионы живых людей потравить в газовых камерах и обратить в крематорный пепел? Что это было? Всеобщее сумасшествие? Какой сатана, какой демон насвистел им в уши и души: "Дойчлянд, Дойчлянд юбер аллес!" (Германия превыше всего!)"»⁵³⁵.

«Сумрачный германский гений». Корни идеологии

Из всех европейцев немцы всегда выделялись некоторой «странностью». Несмотря на то, что Германия являлась частью Западного мира, радикальная критика многих важнейших его ценностей являлась традиционным элементом немецкой культуры. В этом смысле, можно утверждать, что идея противоборства и отрицания – важнейшие черты немецкой ментальности. Отец протестантизма Мартин Лютер, внёсший раскол в католическую Церковь; Ницше, мечтавший о Сверхчеловеке, в котором было бы преодолено всё «человеческое»; Гегель, открывший миру диалектический закон «отрицания отрицания»; Маркс, выявивший принцип «классовой борьбы» – все эти титаны мысли были немцами, и то, что они дали миру, родилось в недрах именно немецкой культуры.

Если обратиться к истокам ментальных предпочтений любого (в том числе и немецкого) народа, то окажется, что сущностные, фундаментальные стратегии работы человеческих популяций с информацией были сформированы ещё в глубокой древности. Базовые мыслительные «парадигмы» народов (этносов, цивилизаций), скорее всего, возникли в эпоху верхнего палеолита (40-12 тыс. лет назад) под действием географических факторов (неравномерностей ландшафта). Раз возникнув, они уже никуда не исчезали, так как, согласно данным современных наук о мозге и его когнитивных (познавательных) особенностях, вновь образованный опыт ничего не вытесняет из прошлого, но лишь наслаивается на него.

Несмотря на общечеловеческий «правополушарный» (образный, а не рациональный) по своим информационным характеристикам стиль мышления в древности⁵³⁶, одни человеческие группы тяготели к аналитической стратегии работы с информацией (движение мысли от части к целому), другие – к холистической (целостный взгляд на мир, приоритет целого над частью). К первым можно отнести праевропейцев, ко вторым – жителей Азии. Сейчас максимально «аналитичными» по своим мыслительным характеристикам являются американцы и западноевропейцы, а максимально «холистичными» – японцы и китайцы. Исследования, проведённые в рамках выяснения фундаментальных мыслительных предпочтений самих европейских народов показали, что восточные славяне (в частности, русские) обладают ярко выраженной холистической базовой стратегией мышления. А среди жителей Западной Европы такими же выраженными базовыми холистическими стратегиями обладают только ... немцы⁵³⁷.

Холизм в германской науке и культуре выразил себя созданием классической не-

мецкой философии – «тягой к Абсолютному» в трудах Канта, Гегеля, Шеллинга, Фихте, Шопенгауэра, Ницше; появлением всемирно известных литературно-философских образов Фауста и Мефистофеля; возникновением в научной психологии такого направления, как гештальтпсихология; рождением романтизма в литературе (Шиллер); совершенствованием сложной инструментальной музыки (орган, клавир, фортепиано, симфонический оркестр), появлением космически звучащих фуг И.-С. Баха и могучих по духу произведений Вагнера.

Сочетание сугубо рационального элемента в мышлении немцев, являющегося следствием действия в их характере ментальности интенсивности, и базовой холистической парадигмы хорошо иллюстрируется словами Сальери из трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери»: «Поверил я алгеброй гармонию». Образно говоря, немец – прекрасный математик, который прилагает свой великолепный математический инструментарий для познания Высших Сфер. (Для сравнения: другие западные европейцы используют свою «математику» для решения более приземлённых, утилитарных задач – экономических, политических, социальных и пр. Русские в данной модели вообще выступают чистыми музыкантами, которые воспринимают звучание Высших Сфер непосредственным образом, но без «математического аппарата» не могут чётко объяснить, что же именно они слышат).

Холизм выразил себя также и в грамматике немецкого языка, который относится к группе так называемых синтетических языков: «Синтетические языки – санскрит, латинский, греческий, русский, немецкий ... Аналитические – французский, английский ... Синтетические языки <...> более древние, естественные» (Г. Гачев)⁵³⁸. Интересно и следующее наблюдение: немецкий язык поражает своей уникальностью (на фоне других западноевропейских языков) «потому что лишь в нём архаические готические корни прозрачны, слышимы и современному уху» (там же)⁵³⁹.

Надо полагать, что именно холистичность исходной мыслительной парадигмы стала причиной формирования в рамках немецкого менталитета общей тенденции к противопоставлению и противостоянию. Немцы – «срединная нация», существующая в окружении аналитически «скроенных» соседей, вынуждена именно так отстаивать свою национальную идентичность. Видимо здесь и следует искать основу их будущих националистических устремлений: фашистские организации и режимы возникли в начале XX века во многих странах Европы, но лишь в Германии фашизм принял столь крайнюю форму.

Исторический опыт показывает, что экономические, политические и социальные события в жизни народов представляют собой лишь формальную сторону того, что происходит в неосознаваемой глубине их коллективного «оно». Проще говоря, «движущей силой истории является конкретно-историческое содержание ментальности, точнее, стремление общественного субъекта воплотить свои, возможно, пришедшие из глубины истории программы деятельности, возродить себя на их основе»⁵⁴⁰. В данном случае процесс выглядел следующим образом.

Исходя из имеющихся исторических фактов, большинство историков полагает, что процесс зарождения нацизма в Германии был запущен суровыми условиями Версальского мирного договора. И, действительно, положение страны после подписания этого документа было сложным. Только в Европе ею были потеряны значительные территории с богатым экономическим потенциалом и общей численностью населения 5,5 млн человек. Сокращена армия, флот. Германия лишилась всех своих колоний и, вдобавок,

была обязана выплачивать гигантские репарации странам-победительницам.

А между тем экономика страны была истощена. Она нуждалась в глубокой структурной перестройке, в широкомасштабном инвестировании. Страну захлестывала гиперинфляция, уничтожавшая последние сбережения немцев. Начался голод.

Русские изгнанники, прибывшие в Германию в 1922 году на «философском пароходе» так описывали увиденное: «Германия в то время была очень несчастной. Берлин был наполнен инвалидами войны. Марка катастрофически падала. Немцы говорили: "Deutschland ist verloren" (Германия потеряна)» (Н. А. Бердяев)⁵⁴¹ – «Всё это производит очень тягостное впечатление. Пожалуй, более тяжёлое, чем в России... Немцы этой своей нужды стыдятся и, несмотря на экономическое убожество своего "светского" бытия, пытаются сохранить традиционное приличие. Есть нечего, но посуды, которую и подать-то некому – бездна. Лица над чашками зелены, но воротники накрахмальные. Комнаты так тщательно прибраны, что кажутся холоднее той температуры, что показывает градусник» (Ф. А. Степун)⁵⁴².

После нескольких десятилетий национального подъёма и побед немцы вдруг испытали горечь поражения и беспомощность перед лицом возникших проблем. Бедственное материальное положение породило в их душах глубокую депрессию. Особенно возмущало и оскорбляло их то, что в таких условиях они обязаны были ещё и выплачивать репарацию!

Всё это способствовало развитию острого социально-психологического кризиса. Республиканские институты власти (в 1919 году управление в свои руки взяли партии «Веймарской коалиции») вызывали большое раздражение в обществе, так как ратовали за последовательное выполнение условий мирного договора. Такая позиция собственного правительства казалась большинству непатриотичной: необходимость следовать Договору стимулировала у них обострённое чувство национального унижения.

Именно чувство национального унижения стало той мотивационной основой, что позволила немцам согласиться с самыми радикальными методами вывода страны из кризиса. В этом смысле интересен следующий момент: немецко-русский социал-демократ Александр Шифрин, наблюдавший и анализировавший ход становления фашизма в Германии, писал в 1931 году, что в сложном и высокоразвитом капиталистическом пространстве Германии попытка национал-социалистов реализовать их социальные и хозяйственные проекты не выдержит жёсткого отпора со стороны немецких капиталистов. По его мнению (и это было справедливо), Гитлер не понимал законов современного высокоиндустриального общества. Шифрин был убеждён, что большинству немецких капиталистов было ясно, что национал-социалистическое мировоззрение идёт вразрез с важнейшими хозяйственными принципами общества тех лет⁵⁴³.

Однако Шифрин явно недооценивал роль общественных настроений, царивших во всём немецком обществе, в том числе – и в среде крупных капиталистов. Национал-социалистическая немецкая народная партия (НСДАП) быстро шла в гору с помощью денежных вливаний со стороны немецких промышленных магнатов.

30 января 1933 года Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Германии, а 1 февраля был распущен Рейхстаг. Веймарская республика перестала существовать и на её месте был установлен Третий рейх – «тысячелетняя немецкая империя».

Истрия свидетельствует, что национал-социализм, преобразовавшийся из маргинальной партии в массовое движение, отнюдь не являлся результатом обыкновенной массовой пропагандистской манипуляции над сознанием немцев. Лишь впоследствии

в действие вступила геббельсовская «машина по промыванию мозгов». Первоначальный импульс, запустивший этот механизм, исходил от самих масс.

Своей удаче НСДАП была обязана не только (и не столько) харизме Гитлера, сколько чувству оскорблённого национального достоинства немцев, вылившегося на тот момент в кризис потери национальной идеи (потери смысла существования нации). Гитлер же помог миллионам разрешить его, за что и был вознесён на небывалую высоту: «ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, но и в том, для чего жить. Без твёрдого представления о себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлеба» (Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»).

Что же предложил Гитлер немцам в качестве национальной идеи?

А предложил он им простую и понятную мысль утопического содержания: Германия была объявлена спасительницей человечества (которое на глазах дряхлело и деградировало); немецкий народ – носителем идеи построения высокоразвитой цивилизации (в пределах одного «избранного» народа); средством достижения выступало фашистское государство (Третий рейх) с его культом Силы и Сверхчеловека.

По сути, это была настоящая религиозная доктрина, над которой не надо было много думать – она требовала лишь безоговорочной веры. И так как немцы в своём большинстве именно этого и желали, то она очень легко завоевала их души и сердца. Разобщённое, растерянное и подавленное немецкое общество начало быстро консолидироваться и превращаться в харизматическое общество мессианского типа.

Его мифологическую основу составляла идея Сильной Личности, для которой такие нравственные категории, как «жалость», «совесть» и «милосердие» являлись синонимами «мягкотелости», «безволия» и «слабости». Высшее достижение такой Личности состояло в эгоистическом своеволии, и этим она зримо противопоставлялась «среднему» человеку, человеку «толпы», неспособному на Поступок.

По этой причине не социум (синоним «стадности») должен был стать объектом общественного конструирования, а отдельный индивид, из которого целенаправленно формировалось бы существо новой биологической породы (расы). Основными признаками этой высшей породы являлись: физическое здоровье, максимальная вера в себя, мощь, дерзновение и неограниченное властолюбие. Реальным же её прообразом выступал древний германец – «белокурая бестия», способная одним лишь усилием воли преодолеть «бесформенность» существования в «коллективном муравейнике». (Ближе всех к заявленному идеалу подошли те представители немецкой нации, кто служил в частях СС).

Уже в самом своём корне нацистский миф содержал в себе зёрна античеловечности. Он отбрасывал все духовные достижения европейской культуры вспять и стимулировал идеи «национального язычества», «вакхического культа природы», «романтического варварства», «животворных сил бессознательного» и т. п. Разум на глазах всего мира перемещался в сферу абсурда.

Существует стойкое мнение, что возникновение фашизма в Европе было спровоцировано большевистским переворотом в России в 1917 году. Однако анализ исторической ситуации показывает, что «красная угроза» являлась отнюдь не главной, но лишь одной из многих, влиявших на зарождение фашистской идеологии. Так, невозможно согласиться с немецким историком Эрнстом Нольте, полагающим, что нацизм в Германии являлся немецкой реакцией на большевистский опыт.⁵⁴⁴

На самом деле рождение социалистического государства и государств с фашистскими режимами в Европе, по большому счёту, являлись независимыми процессами. И та, и другая идеология возникли в качестве ответа общества на политику разрушения их национальной идентичности.

Для любого «догоняющего» социума (не только Россия, но и Германия среди европейских народов была «догоняющей»⁵⁴⁵), процесс демократизации (объективный и оправданный всем ходом истории) ассоциируется с процессом его культурного выравнивания («обезличивания»), потому что опыт демократизации представлен исключительно в форме *вестернизации* – отказа общества от базовых, традиционных ценностей в угоду ценностям демократическим: свободе слова, толерантности, равенству полов и т. д.

Именно по этой причине «догоняющие» социумы не могут однозначно относиться к идее демократизации своей внутренней жизни. Страх потерять национально-культурное своеобразие на фоне исторически обусловленной необходимости ориентироваться на общечеловеческие ценности заставляет их сопротивляться любым попыткам привить им прогрессивные социальные формы не только извне, но и от своих национальных элит. Иными словами, цели и ценности исторической модернизации в указанных социумах отрицаются во имя сохранения ценностей национальной идентичности.

При этом корни указанного явления лежат отнюдь не на поверхности сознания, а в глубинах бессознательного, то есть там, где располагается система национальных первосмыслов, организованных в национальный миф. При этом национально-самобытное (то есть то, что лежит в основе национальной идентичности) слито в подсознании людей с непродуктивно-архаической компонентой (то есть с тем, что вырастает из традиционализма). Отделить конструктивный элемент в поведении социума от деструктивного практически невозможно. Борясь за свою национальную идентичность, за своё «лицо», он неизбежно будет погружаться в стихию своего архаичного национального мифа, реализующегося на практике в форме так называемого «варварства».

Варваризация отличается грубым насилием государства над своими гражданами, она характеризуется контрастом бедности и богатства, общественной ложью и тоталитаризмом властных структур. «Особая опасность «цивилизованного варварства» в том, что оно лицемерно и подчас очень ловко рядится под цивилизованность, использует цивилизационную терминологию, прикрывается формами права, демократии, свободы»⁵⁴⁶. Как явление, оно возникает лишь на определённом этапе цивилизационного развития человечества, когда в непосредственное соприкосновение приходят две системы ценностей – общечеловеческие и базовые традиционные. Интеллектуальное оформление происходящего закрепляется в идеологии.

Сутью национальной уникальности русских является *коллективизм* – весьма положительное национальное качество. А основой мироощущения русских – представление о справедливом мироустройстве. Архаичный же миф русских – это коллективизм в форме древнего общинного уклада с «арифметически» понимаемым принципом справедливости (всеобщим материальным равенством). Проще говоря, это – крестьянская община, расширенная до масштабов государства, а, возможно, и всего мира. (Не случайно Октябрь был ориентирован на разжигание мировой революции).

Сутью национальной уникальности немцев является их *способность к самостоятельной и ответственной деятельности*. Основой их мироощущения – представление об организованном надмировом Порядке (звучащем «вселенском» оргáне). Архаичный

же миф немцев – это представление об Активной Сильной Личности, реализующей этот Высший надмировой Порядок. (Не случайно всё, что творилось на оккупированных территориях СССР получило название: «новый порядок»).

И в Германии, и в России эпоха «варваризации» наступила в качестве реакции на попытку властей осуществить демократические реформы в своих странах. В России вопрос о защите национальной идентичности в конце XIX – начала XX века вылился в процесс тотального противостояния социума царской власти – инициатору и организатору либерально-демократических преобразований в стране. Это объясняет, почему советская система оказалась «куда архаичнее того, что ей непосредственно предшествовало»⁵⁴⁷: в СССР всё, что так или иначе могло способствовать становлению хозяйственной самостоятельности личности и её гражданской ответственности, большинством населения активно отвергалось (прежде всего, в форме борьбы с частной собственностью, а также подавлением любых политических и гражданских свобод). Такая позиция большинства являлась ответной реакцией на предыдущую эпоху реформ. При этом состояние «варваризации», в котором может находиться общество, отнюдь не означает что, это общество не способно проводить свою культурную или технологическую модернизацию. Единственное, что отличает подобную модернизацию от модернизации «цивилизованной», это то, что она осуществляется *варварскими* методами. Советский Союз в короткие сроки преодолел неграмотность населения и осуществил индустриализацию страны. Им была построена первая в мире АЭС, отправлен на орбиту первый космонавт, однако всё это было проведено в жизнь с помощью всенародного ГУЛАГа.

В Германии наблюдалась сходная картина. В немецком народе после поражения в Первой мировой войне возникла настоятельная потребность преодоления чувства национального унижения, народ желал восстановить утраченное чувство собственного достоинства. Недовольство населения «слишком активной» политикой правительства Веймарской республики привело к власти Гитлера, культивировавшего национальную архаичную идею германского народа – идею Сверхчеловека. Так первоначальное победное шествие либерально-демократических ценностей в Германии прервалось бунтом против плюралистически устроенных западных обществ. Вот почему нацисты отрицательно относились не только к СССР, но и к демократическим государствам Европы.

Формальная схожесть тоталитарных режимов, знаменовавших собой крах гуманистических ценностей либеральной Европы в XX веке, побудила немало число историков на Западе (а также либеральных историков в России) отождествить эти режимы друг с другом, что в конечном итоге вывело на поверхность проблему фальсификации исторического знания, связанного с темой Великой Отечественной войны. В последние годы основу историографии советского периода вдруг начала определять (пришедшая с Запада) *теория тоталитаризма* – как паталогического отклонения России от столбовой дороги европейского цивилизационного процесса. Произошла идентификация истории СССР с историей ГУЛАГа – символа страданий и жертв миллионов репрессированных граждан Советского Союза. Всё это, вместе взятое и одновременно соединённое с положительным – «очеловеченным» – образом бывшего противника, привело к фактическому размыванию границ нравственных оценок событий Великой Отечественной войны и Победы.

Теперь стало казаться, что в этой войне в первую очередь был виноват Советский Союз, а не Германия; что Победа, в силу её высокой цены, являлась, скорее, поражением, чем победой. Одновременно начала разворачиваться компания по дегероиза-

ции общепризнанных героев войны, дискредитации образа советского солдата – выставлению его в качестве тупого и бессмысленного инструмента советской системы, основой поведения которого в бою был страх наказания, слепой фанатизм и стадное чувство. Безусловно, во всём этом отчётливо прослеживается след европейской традиции застарелого русофобства. С подачи Э. Нольте коммунизм стали называть прототипом нацизма, Сталина приравнивать к Гитлеру. Проведённая корреляция между нацизмом и сталинизмом позволила немцам смягчить свою ответственность за Вторую мировую войну, одновременно уменьшив значение победы советского народа.

А между тем, «тезис о родстве нацизма с "российским" коммунизмом не выдерживает анализа: коммунистический замысел обескровливал собственную страну ради идеи облагодетельствовать всё человечество. Германский нацизм провозгласил право обескровливать другие нации для того, чтобы облагодетельствовать свою»⁵⁴⁸. Средства для достижения цели и там, и там были также различны: в СССР – стихийная, слепая и *неразумная* («варварская») эксплуатация людей, приводившая к их гибели в системе ГУЛАГ; в Германии – циничное, математически выверенное, то есть *сознательное* уничтожение миллионов всеми возможными способами. Уравнивать то и другое можно только в контексте необъявленной войны против России, как самостоятельного государства.

Российская государственность создавалась веками. Основу самосознания русских всегда составляла любовь к Родине и служение своему Отечеству. Именно по этой причине классические войны против России не смогли уничтожить её целостности. Однако сегодня она столкнулась с новыми для себя вызовами – противоборством внутри информационного пространства.

Когда-то «железный канцлер» Германской империи Бисмарк сказал: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но можно привить ложные ценности, и тогда они победят себя сами!»⁵⁴⁹.

Сегодня, не афишируя откровенно своей заинтересованности, страны Запада стремятся обеспечить себе зоны политического и экономического влияния, источники сырья и сбыта. Борьба на информационном поле ведётся таким образом, чтобы страна-жертва сама «захотела» передать агрессору свой ресурс. Для этого: «В первую очередь осуществляется переориентация или уничтожение традиционных ценностей народа, чтобы информационная атака воспринималась данным обществом как добровольное желание дальнейшего восхождения по пути прогресса. В данном случае внешняя агрессия в массовом сознании отражается как цивилизационная трансформация архаичного общества другим обществом, стоящим на более высокой ступени развития»⁵⁵⁰.

Навязанный Западом либеральный взгляд на военную историю России через призму теории тоталитаризма является не только односторонним и потому – необъективным, но и просто неприемлемым именно в силу того, что он откровенно разрушает базовые духовные ценности русской нации. Тема Великой Отечественной войны является реальной опорной точкой самосознания русских. И в этом смысле стремление сохранить непреходящее значение великого подвига народа – вовсе не дань оскорблённой гордости великороссов и не защита их якобы «имперских амбиций», а необходимое условие сохранения России как самобытного и значимого субъекта истории.

«Загадочная русская душа»

Летом-осенью 1941 года немцы как никогда были уверены в победе. Люди, с которыми они встретились лицом к лицу в России, не вызывали у них ничего, кроме презрения, ибо были «расово неполноценны»: «Мы давно мечтали поддаться этим большевикам как следует. И нами руководила не ненависть, нет, скорее брезгливое презрение. Приятно всё-таки столкнуться в сточную канаву эту большевистскую мразь, где ей самое место» (*лейтенант Гейнц Кноке*)⁵⁵¹.

Но когда германская армия начала всё заметнее ощущать силу сопротивления, оккупанты стали внимательнее присматриваться к населению чужой страны. А уж когда армия начала отступать, нести большие потери, знание противника превратилось для её солдат в жизненную необходимость. Плен окончательно раскрыл глаза многим на сущность народа, побеждающего их – таких высококультурных и образованных.

Итак, что же новое вдруг обнаружили для себя немцы, общаясь с русскими в смягчённой (под давлением обстоятельств) парадигме цивилизационного превосходства?

Да, они по-прежнему были убеждены, что в русских много «азиатской» жестокости, лживости и подлости (особенно, когда дело касалось партизан), но при этом всё же отмечалось, что не эти качества преобладают в их характере, а простота, доброта и... отсутствие мстительности: «Я очень редко слышал из уст русских слово «месть». Их страсти, по-видимому, питаются из иных источников, а месть и возмездие стоят ближе к западной логике и южной крови» (*солдат Кюнер*) – «Ненависть в течении продолжительного времени не в русском характере. Этот особенно ясно на примере того, как быстро исчез психоз ненависти у простых советских людей по отношению к немцам» (*генерал Швеппенбург*)⁵⁵².

Очевидцы отмечали русскую способность прощать и забывать зло. Их поражала также необыкновенная жертвенность и отзывчивость русских.

Как представителей западно-европейской цивилизации, их удивляла «безрассудная» щедрость этого народа: она всегда была нерасчётлива. Это был порыв, не сдерживаемый ни разумом, ни заботой о своём будущем, ни малейшей долей эгоизма.

*Захарова (Коваленко) Нина Семёновна, 1929 г. р., пос. Тосно:*³⁶

«Когда стало холодно, немец, который жил у нас в доме, увидел у меня такую шапку с длинными ушами меховыми и говорит: "Такую бы шапочку моей маме. У неё очень больные уши". Мама взяла и отдала ему эту шапку».

Русские были гостеприимны, а женщины – жалостливы, без разделения объекта жалости на своих и чужих.

*Красильникова (Денисова) Галина Павловна, 1939 г. р., пос. Тосно:*²⁶⁰

«В нашем доме немцы отдыхали. Бабушка вспоминала, что когда прихватили морозы, она специально ставила небольшой самовар и сидела в коридоре, поила их горячим чаем».

Доброта в русском характере, которую гитлеровское руководство презрительно именовало «русской сентиментальностью» не просто впечатляла немецких солдат, но и покоряла их: «Жители здесь всегда довольны, часто смеются; они неподозрительны. Бедность здесь несомненная. У них нет ничего из достижений цивилизации, нет радио или кино. Между тем, в деревнях царит мир. Никому в голову не приходит убить человека» (*солдат Килер*)⁵⁵³.

*Из дневника лейтенанта К.-Ф. Бранда:*⁵⁵⁴

«5. IX. 43 г.

Из этой борьбы против русской земли и русской природы едва ли немцы выйдут побе-

дителями. Сколько детей, сколько женщин, и все рожают, и все приносят плоды, несмотря на войну и грабежи, несмотря на разрушение и смерть! Здесь мы боремся не против людей, а против природы. При этом я снова вынужден признаваться себе, что эта страна с каждым днём становится мне всё милее...».

В этом контексте интересно проследить итог чужеродных влияний на судьбу русского народа. С давних времён присутствие западного элемента в истории России приносило лишь внешнее подчинение ему русских. Подлинного перекраивания на чужой манер не было вовсе. Напротив, всегда и повсюду случалось неизбежное обращение пришельцев в «русскую веру».

По-видимому, тайное обаяние всего русского на иностранцев было связано со «всемерной отзывчивостью» русской души – её необыкновенной пластичностью, при которой «слабое побеждает сильное» и «мягкое побеждает твёрдое».

На источник этой странной силы когда-то указал Бисмарк: «Самым сильным и неодолимым у русских является их способность смиряться и довольствоваться тем, что у них есть и что окружает их в данный момент. Это чудовищное оружие является полновесной защитой от любой агрессии»⁵⁵⁵.

Однако смирение, как качество, дающее большую душевную силу русским, было совершенно непонятно немецкому «здравомыслию». Немцев часто поражало необъяснимое безразличие русских к окружающему, даже в исключительных условиях: они были очень терпеливы в перенесении страданий (моральных и физических), хладнокровны и бесстрашны в бою. В этом смысле они выступали абсолютными фаталистами во всём, что касалось их жизни и смерти.

В то же время, на противоположном полюсе такой покорности судьбе стояла их способность к спонтанному и сверхэнергичному действию.

225. На Псковщине

Всё это вносило путаницу в головы немцев, потому что они не могли рационально объяснить ни их добрых, ни их злых поступков: у русских наблюдались одновременно вспыльчивость, жестокосердие и буйство в гневе, но при этом отходчивость, жалостливость, великодушие и человечность. Такой спектр самых противоположных качеств в одном характере совершенно сбивал немцев с толку, и они делали вывод, что «у русских в одном теле живут две души» (*генерал Швейттенбург*)⁵⁵⁶.

Русские были добры, но не добродетельны в европейском понимании этого слова. Добродетель, как отвлечённая ценность – достижение западно-европейской цивилизации: её необходимость выводилась чисто логическим путём. У русских же доброта конкретна и беспричинна, потому что любовь, по их мнению, – потому и любовь, что не требует ни объяснений, ни обоснований. (У европейцев же наоборот: «Я должен знать, что я люблю», то есть знание о предмете любви должно предшествовать самой любви. В ответ на это русские всегда отвечали: «Насильно мил не будешь» и «Сердцу не прикажешь»).

Соответственно среди европейцев сформировалось мнение о «загадочности русской души»: «Русские абсолютно непредсказуемый народ, человеку западному крайне трудно понять их образ мышления» (*генерал Герман Бальк*)⁵⁵⁷ – «Мы так часто обнаруживали у русских непонятный образ мышления, что ожидали от них всего»⁵⁵⁸.

Эти особенности характера русских уже никак не выводились ни из их цивилизационного «запаздывания», ни из их «ментальности экстенсивности». Это были самодостаточные качества, сформированные внутри совершенно иной – восточно-европейской (православной) цивилизации.

Но немцы, даже пытаясь в иных случаях и положительно оценивать русских, тем не менее, по-прежнему были не в силах отказаться от собственного чувства превосходства над ними. Перестать признавать последних людьми «второго сорта» означало существенно понизить свою самооценку. На это немцы не могли пойти ни при каких обстоятельствах.

Переводчик полковой и дивизионной разведки П. Рафес: «Вспоминая многочисленные допросы, могу сказать, что в их поведении и рассуждениях не было только одного: ни разу (пусть притворно) не было высказано осуждение гитлеровского нападения на советский народ или сожаления, что пришлось в этом участвовать»⁵⁵⁹.

С другой стороны, подходить к русским с прежними мерками в новых условиях тоже уже было невозможно. Чтобы как-то объяснить наблюдаемое, они просто смягчали утверждение об «унтерменшен» в сторону представления о них, как о «наивных дикарях» в духе Руссо: «Храбрость русских основана на нетребовательности к жизни, на их органической связи с природой» (*офицер Кюнер*) – «Часто они производят впечатление нетронутой природы; необразованные, неиспорченные, несдержанные в ненависти и любви, они ещё сильны близостью к животному существованию» (*настор Голлвицер*)⁵⁶⁰.

Русский был непонятен для рационального и последовательного немца. Русский способ мышления не был стеснён никакими жёсткими логическими схемами. Он не чуждался логики, но в своей основе был слишком креативен. Он был широк, слишком широк, – широк настолько, что выходил не только за пределы возможных рассудочных построений, но и поднимался над ними: русская мысль искони витала в метафизических пространствах мироздания.

У европейцев в основе представлений о мире лежала «Истина» (Логос), у русских – нечто более простое по форме, но более сложное по содержанию – «Правда», как внутренняя причастность субъекта к трансцендентальным сторонам Бытия. В этом смысле,

защита собственной целостности («Родины») означала для них защиту этой Правды, а значит, и обретало для них священное значение, потому что (досознательно) приравнивалось ими к защите онтологической правомерности этого Бытия («Идёт война народная, священная война!»).

По сути, Правда в их восприятии – это нечто *подлинное, правильное, правомерное, само себя обосновывающее*. Соответственно, в решающие моменты жизни русского народа всегда звучали слова о Правде: «Не в силе Бог, а в *правде!*» (Александр Невский накануне Невской битвы); «Наше дело *правое*. Враг будет разбит. Победа будет за нами» (из речи Молотова 22 июня 1941 года); «За нами – *правда!*» (слова В. Путина по поводу воссоединения Крыма с Россией).

Для русского – если Правды нет, то ничего нет, то есть, нет самой жизни. Основа же Правды – Любовь и милость. В русском понимании человек без них перестаёт быть человеком (немцы называли это «русской сентиментальностью»).

С другой стороны, нарушение Правды для него всегда есть нарушение *справедливости*. Отсюда поиск им справедливости – это поиск Правды – того «истинного», «правильного», «идеального» бытия, которого он, конечно, не видел, но о котором доподлинно знает, что оно где-то есть. Всё это делает неизбежным его подъём над меркантильной «сечкой серых буден», делая возможным как его падение в «варваризацию» («благими намерениями выложена дорога в ад»), так и его выход на самый широкий простор окружающей действительности с тем, чтобы иметь силы совершать то, что другим народам кажется невозможным.

А. Хоменко: «Почему мы одержали победу? Душу-то нашу русскую, точнее, российскую, никуда не денешь, в клетку не запрёшь. Это наше благо и наказание одновременно, говорить на эту тему можно бесконечно, но факт есть факт: такие уж мы от природы. Что хотите со мной делайте, но, на мой взгляд, и победу в Великой Отечественной войне мы одержали не только потому, что в конечном итоге научились воевать, а во многом как раз благодаря широте нашей души и характера. Поступали нередко так, как ни в одном уставе или приказе не предусмотрено, и это позволяло добиваться невозможного с точки зрения голого рационализма. Чего, кстати, нельзя сказать о солдатах вермахта. Хотя у них присутствовали такие нужные природные качества, как расчётливость, дисциплинированность, чёткость в словах и поступках»⁵⁶¹.

На самом деле в ходе войны в соприкосновение пришли две в чём-то схожие, но при этом и кардинально отличные друг от друга цивилизации, имевшие разный, но по своему уникальный опыт работы с информационными потоками. Беда заключалась в том, что одна из них слишком высоко вознеслась в своём самомнении над другой, что и привело к тяжёлым последствиям для обеих. Коренная противоположность мировоззрений и нравственных ценностей определила особую остроту борьбы между ними, которая затем развернулась во всех сферах, включая и духовную.

Итог противоборства России и Германии оказался для обоих народов различен.

Германия, формально покаявшись в содеянном, стала жить лучше и богаче прежнего. Россия – чем дальше, тем больше отставала от развитых стран. Повсеместно заговорили о том, что «победители живут хуже побеждённых». Для русских это означало одно: крах идеи построения социализма. Началось с простого – «*не так* строили», закончилось многозначным «строили *не то*». По существу, российское общество этим выразило своё сомнение в ценности национального архаичного мифа. При этом отказ от него сопровождался для большинства россиян ощущением потери «национальной идеи» (чувства

национальной идентичности), сомнением в традиционных ценностях, рефлексией над тем, что до этого казалось *святым*. (Последнее, заметим, представляет собой процесс преодоления обществом границ своего коллективного бессознательного, то есть начало индивидуализации его членов – переход общества на новую ступень цивилизационного развития).

Но если в Европе XIV-XVII вв. рефлексии и детабуизации подвергались святыни, рождённые христианским религиозным вероучением⁵⁶², то в России роль таких святынь до самого последнего времени выполняли патриотические чувства народа (способ религиозного самовыражения его Коллективной Личности в «безрелигиозном» XX веке). Соответственно рефлексии в данном случае подвергся подвиг народа в Великой Отечественной войне и Великая Победа.

Самый сложный этап в развитии общества – это проблема формирования его отношения к ценностям. В западно-европейском социуме рефлексия ценностей свелась к их полному отрицанию (секуляризации сознания)⁵⁶³. Но для прочих «догоняющих» цивилизаций этот вопрос – вопрос будущего выбора пути – пока остаётся открытым. Для всех, кроме, видимо, России. События последнего времени (война на Донбассе, воссоединение Крыма, активное участие в акции «Бессмертный полк») не только сплотили россиян, но и утвердили их в понимании правомочности того, что ими признавалось в качестве *святыни*. Это указывает на то, что процесс сомнений в своей исторической состоятельности для россиян имеет тенденцию разрешиться в сторону положительной рефлексии о ценностях. А это значит, что национально-самобытный и деструктивно-архаичный элемент их подсознания начал, наконец, разъединяться.

Долгие годы Россию было принято упрекать в отсталости, неадекватности, нецивилизованности, архаичности и т. п. А между тем Россия, в отличие от стран Запада, сохранила в себе чрезвычайно важную и ценную для всего человечества систему смыслов. Беспристрастный анализ показывает, что именно Россия сегодня выступает реальным флагманом мирового цивилизационного процесса. Ей первой удалось преодолеть оковы традиционализма, не разрушив при этом своей национальной самобытности. Последнее даёт надежду и другим модернизирующимся странам осуществить историческую модернизацию без нарушения своей культурной идентичности.

Безусловно, России ещё предстоит серьёзная работа по налаживанию и развитию подлинного состояния «модернити», по преодолению проблем, связанных с негативными проявлениями своей ментальности (экстенсивного типа). Тем не менее, её мощный положительный духовный потенциал внушает серьёзный оптимизм в отношении её дальнейшего самоосуществления

Для Германии же дело обстоит иначе. «Перемены ума» не случилось – причина, по которой Германия столкнулась с Россией, осталась в том же состоянии, в каком и была.

Когда писатель Даниил Гранин встречался зимой 2014 года в Берлине с эксканцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом, он задал бывшему солдату вермахта прямой вопрос: «Почему Германия проиграла войну?» Ответ был разочаровывающе-традиционным: «Потому что американцы высадились 6 июня 1944 года в Нормандии».

Автор «Блокадной книги» задавал свой вопрос о причине поражения Германии многим. Спросил об этом и другого немца, собрата по писательскому ремеслу Арно Зурмински. Немецкий писатель не сразу, но ответил: «Потому что в России много народа. На Западе уважают и чтут только ту армию, которая воюет малой кровью, а не теряет миллионы солдат»⁵⁶⁴.

В сущности, европейцам психологически легче признать даже победу американцев во Второй мировой войне, чем победу СССР. Проблему для адекватного восприятия ими реалий по-прежнему создаёт, якобы, «нецивилизованность» («варварство») победителей. Не признание за русскими права на полноценность мешало (и мешает) европейцам (а среди них – немцам) адекватно оценивать реальное положение дел в России, в том числе и по части осмысления исторической правды. Ведь для того, чтобы признать себя побеждёнными, необходимо признать противника, как минимум, равным себе. Если же этого не происходит, то его победа обосновывается чем угодно, но только не его стойкостью и героизмом.

Приходится с горечью констатировать, что прежнее цивилизационное пренебрежение к русским всё также владеет умами европейцев, как и в предыдущие времена: «Постоянно совершенствуя свою антироссийскую риторику, Запад стремится возвыситься в собственных глазах, обрести уверенность в себе за счёт принижения России»⁵⁶⁵. На фоне всё возрастающей глобализации, отказавшись от разумного переосмысления традиционных ценностей, Запад потерял национальную самобытность, своё «лицо» и теперь мучительно пытается исправить положение за счёт «спарринг-партнёра» – России. К сожалению, способ, который он выбрал, чтобы решать свои задачи, лишь загоняет проблему в тупик.

Вот почему, пока Европа не преодолеет своего цивилизационного снобизма в отношении России, пока она не поймёт, что нет «глупых» и «умных» народов, но есть Единый Мировой Оркестр, в котором каждый народ призван исполнить свою уникальную партию, *равноправных* партнёрских отношений между Западом и Востоком не будет, как не будет и подлинного примирения между бывшими противниками – Россией и Германией.

И теперь для России на настоящем этапе важно одно: не усомниться в подлинности того, чем она владеет. Для немецкой же стороны важно признать, что то, чем владеет Россия, – подлинно.

«Тихий» подвиг наших земляков

Оккупация – страшная страница в истории нашего народа. Прошло много времени с тех пор, как немецкий солдат топтал эту землю. Те, кто были в ту пору детьми, превратились в глубоких стариков, а многих нет в живых. Но из памяти народа те года уже не вычеркнуть никогда.

Обращаясь к рассказам ветеранов о войне, невольно испытываешь потрясение: как смогли эти люди выжить в тех нечеловеческих условиях? Какой удивительный подвиг совершили матери, спасая своих детей от голода, бомбёжек и «радости» общения с оккупантами! Какой невероятный подвиг совершили дети, спасая от голодной смерти своих родных и близких! А ведь важнейшей составляющей плана «Ост» было именно «ослабление биологической силы народа», и чтобы этот план не осуществился, народ обязан был себя сохранить.

Не только с оружием в руках русские люди противостояли захватчикам, но и тем, что упорно сопротивлялись смерти, которую им уготовили организаторы «нового порядка» на оккупированных территориях. Об этом как-то не принято говорить – выжили под немца-

ми, и слава Богу! Радуйтесь, что не погибли.

И как же долго относились к ним с подозрением и пренебрежением! Одна из самых проникновенных песен о войне, о страшном горе, которое постигло миллионы советских людей – единственная в своём роде – песня «Враги сожгли родную хату...» (поэт Михаил Исаковский, композитор Матвей Блантер).

Песня была написана в ещё 1945 году, но «вышла в народ» только в 1960-м (!). Первый исполнитель – Марк Бернес.

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда идти теперь солдату
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат – и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя – мужа своего.

Накрой для гостя угощенье
Поставь в избе широкий стол.
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал.
И только тихий летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А пить пришлось за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил – солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Песня, в которой звучит тема оккупации, долгие годы была под запретом. О трагедии миллионов наших сограждан не принято было говорить вслух. Об этом следовало как можно скорее забыть. В представлении многих эти люди не являлись полноценными героями, ковавшими Победу. А между тем, они любили Родину не менее тех, кто в это же время сражался на фронте – они отстаивали достоинство русского человека там, где, казалось бы, сделать это было невозможно:

Горький хлеб чужбины. Муки ада.
Неумолчный зов земли родной,
Рабский труд, колючая ограда,
Холод лютой смерти за спиной.

Нет, она тебя не обманула –
Горькая невольничья судьба,
Окружив штыками караула,
Заклеймила именем раба.

Но жила мечта средь униженья,
Словно пташка в небе голубом,
А в душе всё шло и шло сраженьё
Между человеком и рабом.

Ты войной безжалостно отмечен,
На чужбине годы отсчитал,
Навсегда остался человеком,
В рабстве был, а вот рабом не стал...

Л. Казарин, бывший малолетний узник из Тосно

Именно необыкновенная любовь к Родине спасла наших земляков от духовного разрушения. И именно она же позвала их из «немецчины» в обратный путь. А родная земля встретила их отнюдь не пирогами. Большинство из них было так или иначе поражено в гражданских правах, многие побывали в трудовых и фильтрационных лагерях НКВД, практически все испытали крайнюю нужду послевоенной жизни. Но, несмотря ни на что, они возвращались домой, чтобы поднимать, строить и возрождать новую, мирную жизнь.

И возродили. И народили детей. Не случайно наш регион (Ленинградская область) признан учёными одним из двадцати основных регионов – генетических доноров русского генофонда ⁵⁶⁶. Всё это стало возможно только потому, что каждый из тех, кто возвращался в «родные пенаты», потенциально нёс в себе духовное зерно нации, в котором сведены воедино и патриотическое чувство, и чувство любви, и чувство достоинства русского человека.

226. Русская женщина с ребенком на руках

Размышляя о «тихом» подвиге наших земляков, теперь особенно понятной становится мысль, высказанная нашим великим национальным поэтом А.С. Пушкиным:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека
Залог величия его.

К этим гениальным строкам нечего прибавить, разве лишь то, что сама жизнь подтвердила их справедливость.

И тот, кто прошёл выпавшие на его долю испытания с честью, фактически сделал для России максимум из возможного.

Литература и источники

1. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.2. М.: Воениздат, 1969. С. 430.
2. Карль В. Преступление против Европы. М., 1968. С.113, 133.
3. Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 7.
4. Земля Тосненская: история и современность. СПб: «Лики России», 2006. С. 156 – 163.
5. Беркут Н. Строительство новой жизни // Под Петербургом Тосно. Альбом / Издание выпущено к 50-летию образования Тосно по заказу Администрации Тосненского городского поселения Тосненского района Ленинградской области. СПб.: «Лики России», 2013. С. 87.
6. Беркут Н. Тосно – рабочий посёлок // Под Петербургом Тосно. С. 94 – 95.
7. Официальный сайт Муниципального образования Тосненский район Ленинградской области: www.tosno-online.ru
8. Кудряшов В.В. Воспоминания // Проект Ленинградской общественной организации социальных программ «Центр женских инициатив» города Тосно «Живая история»: www.wic-tosno.ru
9. Тартаковский Д. Из воспоминаний мальчишки военной поры // «Юность». 2011. № 5. С. 91.
10. Фёдоров М.И. Фронт был совсем рядом. Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным кольцом (Воспоминания) / Сост. И. А. Иванова. СПб.: ИПК «Вести», 2007. С. 238 – 238.
11. Иванова В.А. В оккупации // «Тосненский вестник». 1997. 25 января (№ 8).
12. Трофимова К.А. Война народная // Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции / Сост. И.А. Иванова. 3-е изд., доп. СПб. 2010. С.475.
13. Беркут Н. Тосно – рабочий посёлок // Под Петербургом Тосно. С. 99.
14. Евсеева Е.В. Воспоминания. Личный архив автора.
15. Фролов М.И. Салют и реквием. Героизм и трагедия ленинградцев 1941 – 1944 гг. СПб, 2004. С. 35.
16. Земля Тосненская: история и современность. СПб: «Лики России», 2006. С. 168 – 169.
17. Личный архив автора.
18. Земля Тосненская: история и современность. С. 168.
19. Полякова Л.А. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
20. Кашинцева Т.В. Воспоминания // Семиков В.В., Масалова Т.В. Любань на Тигоде, 2004. С. 101.
21. Васильева Л.М. Нас лишили всех радостей детства // Войной украденное детство. Тосно, 2013. С. 39.
22. Ковальчук В.М. 900 дней блокады Ленинграда. 1941 – 1944. СПб., 2005. С 20.
23. Смирнова Р.С. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
24. Костина З.Б. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».

25. Боневич Б. Советские военнопленные между Сталиным и Гитлером // Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26 – 28 апреля 2010 года) / Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 121 – 126.
26. Солдатова Г.Н. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
27. Травкина Л.Д. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
28. Кузьмина Л.Н. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
29. Савельев А.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
30. Смолина З.А. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
31. Афанасьев Н.И. Жаркое лето 1941-го // Ижорские железнодорожники о жизни и о войне. Сборник воспоминаний. СПб.: ООО «Студия «НП – Принт»», 2010. С. 128-129.
32. Бисиков А.А. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
33. Григорьева Е.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
34. Планин Е.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
35. Соловьёв С.А. Искры памяти. Нижний Новгород: «Народный памятник», 2008. С. 133.
36. Захарова Н.С. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
37. Паэгле С.М. Не сломленные войной // Войной украденное детство. С. 142.
38. Седых В.А. Тропой памяти. Воспоминания. Тосно, 2011. С. 20 – 21.
39. Антюфеева С.И. Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
40. Герман М.Ю. Сложное прошедшее // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. III. СПб.: Atheneum – Феникс, 1997. С. 48.
41. Кудрявцева Л.Л. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
42. Цит. по: Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Монография. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С.115.
43. Гланц Д. Блокада Ленинграда 1941 – 1944. М.: ЗАО Из-во Центрполиграф, 2010. С. 32.
44. Лёвин П.П. Своей воли мы не имели... Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным кольцом. С. 317.
45. Кондаков Л.Н. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
46. Кузьмин В.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
47. Данилов А.К. Воспоминания // Книга Памяти Шапкинского сельского поселения.

- Тосненский район. Ленинградская область / Автор – составитель Т.Ф. Киселёва. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 118.
48. Иванов К.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
49. Тихонов Е.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
50. Пчёлкина В.А. Я помню, как всё это было // Войной украденное детство. С. 155.
51. «Известия ЦК КПСС». 1990. № 9.
52. Планин Л.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
53. Качук А.М. Ведь ты, Михайловна, была в оккупации // За блокадным кольцом. С. 249 – 250.
54. Астафьева Т. Мы вернёмся с победой (публ. подгот. Н. Максимова) // «Тосненский вестник». 1994. 26 января.
55. Планина Л.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
56. Гусев Л.В. Страницы дневника. Рукопись из музея средней школы № 1 пос. Ульяновка // За блокадным кольцом. С. 299.
57. Максимова В.Н. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
58. Соловьёв С.А. Искры памяти. Нижний Новгород: «Народный памятник», 2008. С. 133.
59. Слатина О.П. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
60. Васильев И.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
61. Орлова В.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
62. Славинова Н.П. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
63. Барабанов Е.Я. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
64. Артемьева А.Н. Помню до старости. Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным кольцом. С. 247.
65. Соловьёв С.А. Искры памяти. С. 134.
66. Борисова Л.Е. В Финёвке не забыли войну // Трагедия Мясного Бора. С. 449.
67. История 20-й немецкой моторизованной дивизии. Из-во Дитмар Асмус, Германия, 1998.
68. Елизарова М.И. Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным кольцом. С. 290.
69. Бронзова Е.В. Любанцы вспоминают о войне (публ. подг. И. Никифорова) // «Тосненский вестник». 2000. 15 июля (№ 83).
70. Горячева А.П. Воспоминания // Семиков В.В., Масалова Т.В. Любань на Тигеде, 2004. С. 101.
71. Забойкин Н.П. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».

72. Николаева Г.Ф. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
73. Фарносова Н.Н. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С.121.
74. Воспоминания жителя посёлка Ульяновка // «Тосненский вестник». 1997. 25 января.
75. Сидоренко Г.Г. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
76. Валентинова В.Я. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
77. Ткаченко. Е.А. Давно опавшие листья. СПб.: Реноме, 2009. С.46.
78. Назаров Б.Н. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
79. Николаева П.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
80. Нуждина Е.Ю. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
81. Дудкина Н.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
82. Зубкова Н.А. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С.122.
83. Соловьёв С.А. Искры памяти. С. 133.
84. Усанова В.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
85. Молоканова Р. Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
86. Клейн А. Дитя смерти. Невыдуманный роман. Сыктывкар. Министерство культуры Республики Коми, 1993. С. 5.
87. Егоров. Н. Моя деревенька // «Тосненский вестник». 2002. 31 января (№ 12).
88. Новикова Е.П. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С.121.
89. Бачерикова А.П. Глубочке не суждено было возродиться Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным кольцом. С. 325.
90. Беркут Н. Тосно опалённое войной // Под Петербургом Тосно. С. 102.
91. Дмитриева М.С. А что вместо обелиска? // «Тосненский вестник». 200. 15 июля.
92. Клейн А. Дитя смерти. С. 8.
93. Там же. С.15 – 16.
94. Там же. С.6.
95. Петрова А.В. А ведь не победили они (Любанцы вспоминают о войне) // «Тосненский вестник». 2000. 15 июля.
96. Клейн А. Дитя смерти. С. 11 – 12.
97. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. С.224.
98. Дитя смерти. С. 16.
99. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 84.
100. Гитлер А. Моя борьба. М. 1992. С. 57.

101. Мельников Д.Е., Чёрная Л.Б. Конвейер смерти: Тайны СС и гестапо. М.: Вече, 2005. С.322.
102. Уничтожение евреев СССР в годы нацистской оккупации (1941 – 1944). Иерусалим: Яд-Вашем, 1991. С. 37.
103. Смолина З.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
104. Мина З.С. Мы были детьми суровой войны // Войной украденное детство. С.136.
105. Клейн А. Дитя смерти. С. 82.
106. Полян П. Стратоцидные и стратоцидальные аспекты политики Третьего рейха по отношению к советским военнопленным // Война на уничтожение. С. 153.
107. Клейн А. Дитя смерти. С. 4.
108. Там же. С. 15.
109. Там же. С. 41.
110. Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 38.
111. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Монография. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С. 80 – 81.
112. Цит. по: Золотарёв В.П. Программа истребления целых народов // Российское военное обозрение. 2015. Декабрь. № 12.
113. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 20.
114. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М.: Вече, 2010. С. 91 – 92.
115. Кондакова Е.П. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
116. Белугина Н.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
117. Никандрова Р.Н. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
118. Солдатова Г.Н. Личный архив автора.
119. Хохлов В.Ф. Личный архив автора.
120. Липатова В.П. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
121. Иванов М.Ф. Лисино-Корпус: фрагменты истории посёлка. 1995. Машинописный экземпляр в краеведческом отделе Тосненской центральной районной библиотеки.
122. Маслов Г.П. Радость первой победы // Заслон на реке Тосне: Сборник воспоминаний ветеранов 55-й армии и жителей прифронтовой полосы (1941 – 1944 гг.) / Сост. И.А. Иванова. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИПК «Вести», 2012. С. 174.
123. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 513. Л. 13 – 14.
124. Данильцева В.А. Я поседела в 9 лет... // За блокадным кольцом. С. 308.
125. Орлова В.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
126. Александрова О.И. Под пятой оккупанта // «Тосно-time», 2015. 6 мая. (№ 13 – 14).
127. Феоктистова Н.Я. В те горькие годы // «Ленинское знамя». 1985. 9 мая. (№ 73).
128. Франкл В. Сказать жизни «да»: психолог в концлагере. М.: Смысл, 2004. Гл. «Что

- причиняло боль»; Гл. «Тяжесть презрения».
129. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. С. 86.
130. Там же. С. 87.
131. Хохлов Д.Ю. История оккупации в архивных документах органов государственной безопасности. Лето 1941 – зима 1941/42 г. // Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 35.
132. Серова Е.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
133. Кораблёва Н.Ф. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
134. Козлова Н.В. Жизнь прожить – не поле перейти (публ. подгот. Н. Рачков) // «Тосненский вестник». 2002. 27 февраля. (№23).
135. Киселёва Т.Ф. Заметки краеведа // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
136. Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 35.
137. Федеральная служба безопасности Российской Федерации: Управление по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Служба регистрации и архивных фондов: № : 10 / 21 – М – 452 / 94.
138. ГА РФ Ф. Р – 7021. Оп. 30. Д. 252. Л. 29.
139. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. С. 91.
140. Ткаченко. Е.А. Давно опавшие листья. СПб.: Реноме, 2009. С.47.
141. Соловьёв С.А. Искры памяти. С. 135.
142. Дмитриев Д.Я. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
143. Васильев В.М. Личный архив автора.
144. Стародубцев А.Ф. В битве ничьей не бывает. Ленинградский обком и Управление НКВД – организаторы всенародного сопротивления немецко-фашистским захватчикам (5 июля 1941 года – 4 марта 1944 го-да). СПб.: ИПК «Вести», 2015. С. 96 – 97.
145. Зубкова Н.А. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С.115.
146. Волковых Н.П. К вопросу о правовом сознании населения оккупированных территорий Ленинградской области (1941 – 1944 гг.) // Ленинградская область в Великой Отечественной войне по документам муниципальных архивов и музеев. Заседание «Круглого стола» к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 27 – 28 апреля 2000 года. Кириши, 2000. С. 39.
147. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 230.
148. Клейн А. Дитя смерти. С. 8.
149. Волковых Н.П. К вопросу о правовом сознании населения оккупированных территорий Ленинградской области (1941 – 1944 гг.). С.40.
150. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 43.
151. Стародубцев А.Ф. В битве ничьей не бывает. С. 9.
152. Хохлов Д.Ю. История оккупации в архивных документах органов государ-

- ственной безопасности. Лето 1941 – зима 1941/42 г. // Военно-исторический журнал. 2006. № 11. С. 59.
153. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 243.
154. Никитина З.А. Реализм войны // Память тревожит. Воспоминания Детей войны Тосненского района. Тосно, 2014. С. 67.
155. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 299.
156. Псковский край в истории России / Сост. Е.П. Иванов. Псков, 1994. С. 298.
157. Лыскова А.А. Райская жизнь бабы Анны (публ. подгот. Ю.Васильев) // «Тосненский вестник». 2003. 1 марта. (№ 25).
158. Турзина Л.А. Еду домой на велосипеде // За блокадным кольцом. С. 296.
159. Личный архив историка С.К. Бернева.
160. В тылу врага. Битва партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 г.: Сборник документов. Л.: Лениздат, 1981. С. 258 – 259.
161. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 247.
162. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М.: Вече, 2010. С. 113 – 114.
163. Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 33.
164. Максимова М.А. Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
165. Шустрова З.И. Другая история Гатчины // Ижорские железнодорожники о жизни и о войне. Сборник воспоминаний. СПб.: ООО «Студия «НП – Принт»», 2010. С. 195 – 196.
166. Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 33.
167. Там же. С. 35.
168. Там же. С. 32.
169. Дневник неизвестного жителя Любани, найденный на чердаке одного из домов: Я жил ради встречи с близкими (публ. подгот. В.А. Васильева) // «Тосненский вестник» 2002. 26 января. (№ 10).
170. Сычёва Н.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
171. Андреева Н.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
172. Назарова Л.А. Личный архив автора.
173. Корчагина В.А. Страшно было рядом с врагом // «Тосненский вестник». 220. 26 января. (№ 40).
174. Чугунова В.И. Личный архив автора.
175. Горячёв Л.Г. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
176. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М.: Вече, 2010. С. 65.
177. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 2. (Документы и приложения). СПб., 2002. С. 201 – 202.
178. Старцева Н.Л. Людские судьбы (публ. подгот. Д.Колмогорова) // «Тосненский вестник». 1995. 4 мая. (№ 52).
179. Ильина В.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив»

- г. Тосно «Живая история».
180. Ломагин Н.А. Известная блокада. С. 202.
181. Антонова В.А. Мне было немного лет, но во мне войны неизгладимый след // «Тосно-time».
182. Бекжанов Г.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
183. Бочко М. Блокада Ленинграда. Одна судьба, один приговор, тысячи жизней. <http://47news.ru/articles/60702/>
184. Макарова Н.Г. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
185. Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 35.
186. Шитикова Г.А. Не дай Бог, чтобы это повторилось // За блокадным кольцом. С.С. 360.
187. Ломагин Н.А. Известная блокада. С. 202.
188. Блинова Е.И. Нужно работать побольше (публ. подгот. Р. Михайлова) // «Тосненский вестник». 1992. 31 января.
189. Виноградова Л.В. Мы были готовы к смерти...// Заслон на реке Тосне. С. 459.
190. Соловьёва Л.С. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
191. Бечерикова А.П. Глубочке не суждено было возродиться // За блокадным кольцом. С. 326 – 327.
192. Соловьёв С.А. Искры памяти. С. 138.
193. Смолянская Л.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
194. Мурашова А.И. Моя судьба. Архив Г.Ф. Чекура // за блокадным кольцом. С. 330 – 331.
195. Посоховский В. Вера, Надежда – одна судьба // «Тосненский вестник». 1994. 13 января. (№ 4).
196. Громова Е.М. Хочу сказать спасибо жителям Тосно // За блокадным кольцом. С. 369.
197. ЦГА СПб 08.08.2011.№ 720/т (Архивная справка).
198. Громова Е.М. Воспоминания. Тосненский историко-краеведческий музей.
199. Ефимова А.А. Войну забыть невозможно // За блокадным кольцом. С. 364 – 365.
200. Корнильев О.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
201. ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 10. Л. 74.
202. Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 32.
203. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. С. 96.
204. Васильев М.Д. Удивляюсь, как я выжил. Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным кольцом. С. 323.
205. Андреева М. Такое вот было детство // «Тосненский вестник». 1999. 8 мая.
206. Личный архив историка С.К. Бернева.
207. Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 32.
208. Корчагина Е.К. Тосно во время войны. Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным

- кольцом. С. 343.
209. Семиков В.В., Масалова Т.В. Любань на Тигоде, 2004. С. 103 – 104.
210. Сашилина Е.Г. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
211. Соловьёв С.А. Искры памяти. С. 138.
212. Васильева Н.Н. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
213. Буфф В. На двух фронтах. На западе и под Ленинградом. Перевод с нем. И публикация Ю. Лебедева // «Звезда. 2015. № 11. С. 163 – 201.
214. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. С. 201.
215. Малыгина Е.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
216. Хоппе Рональд. «... Счастлив быть рядом с тобой» – «...glücklich zu sein in Deiner Nahe...» Feldpostbriefe veinesVaters. Volksbund Deutsche Kriegsgraberfursorge e.V. Band 29, 2004. (книга находится в Тосненском историко-краеведческом музее). Перевод с нем. Ю.М. Лебедева.
217. Клейн А. Дитя смерти. С. 48.
218. Там же. С. 160.
219. Франкл В. Сказать жизни «да»: психолог в концлагере. Гл. «Психология лагерной охраны».
220. Петров Е.Г. Дневник (ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 13. Д. 16. Л. 32 – 70) // За блокадным кольцом. С. 275 – 282.
221. Вознесенская Т.В. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С.124.
222. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М.: Вече, 2010. С. 147.
223. Ястребков Ю.Н. Жили как могли (публ. подготов. Р. Михайлова «Люди одной судьбы») // «Тосненский вестник». 1995. 25 апреля.
224. Забойкин Н.П. Под чёрным крылом войны // Войной украденное детство. С. 69 – 70, 72.
225. Григорьев П.Ф. Мы так ждали победу // «Ленинское знамя». 1988. 22 июня. (№100).
226. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области 1942 г.: Сборник документов. Л.: Лениздат, 1981. С. 268 – 269.
227. Война Германии против Советского Союза. 1941 – 1945. Берлин: Argon, 1992. С. 104.
228. Пивоварова Л.Н. Использование «восточных рабочих» в интересах военной экономики Германии // Материалы Международной научной конференции 17 – 19 марта 2016 г. «Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность». СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. С. 275.
229. Хоппе Р. «... Счастлив быть рядом с тобой...». С. 45.
230. Полян П. Стратоцидные и стратоцидальные аспекты политики Третьего рейха по отношению к советским военнопленным // Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26 – 28 апреля 2010 года) / Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 149 – 150.

231. Земсков В.Н. Статистический лабиринт. Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 29.
232. Данилов В.С. Запятнанная анкета // Ижорские железнодорожники о жизни и о войне. Сборник воспоминаний. СПб.: ООО «Студия «НП – Принт»», 2010. С. 143.
233. Иванченко Н.Ю. К вопросу об уничтожении немецко-фашистскими оккупационными властями советских военнопленных на территории северо-западных областей страны (1941 – 1944 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. № 2. Т. 4. Серия История. СПб., 2010. С. 16.
234. ЦГА СПб: Список лагерей, созданных для мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной войны; 08.08.2011. № 720/ Архивная справка. ГА РФ. Ф. Р. – 7021. Оп. 30. Д. 252. Лл. 79 об. (Саблино);
ГА РФ. Ф. Р. – 7021. Оп.31.Д. 252.Л.3об.(Тосно, Любань);
ГА РФ. Ф. Р. – 7021. Оп.34.Д.764.Л.13. (Любань);
Научно-справочный аппарат к документам ЧГК в ГА РФ даёт ссылку на документы и фонды ЦГА СПб о лагерях для военнопленных в д. Лисино и д. Покровское.
ГКУ ЛОГАВ: Справочник о местах хранения документов о немецко-фашистских лагерях, гетто и др. в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.,1994. – с. 53.
235. Цит. по: Иванченко Н.Ю. К вопросу об уничтожении немецко-фашистскими оккупационными властями советских военнопленных ... – С. 20.
236. Там же.
237. Там же.
238. URL:<http://www.soldat.ru/force/germany/camp.html> (дата обращения 11.03.2015) ; а также информация из интернет форум «Stalag 332 Fellin» <http://www/sgvavia.ru/forum/> (дата обращения 11.03.2015).
239. Карцева Р.Н. Моя маленькая цыганочка // За блокадным кольцом. С. 283.
240. Уличева Э.Ю. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
241. Григорьева А.Г. Больше не хотелось жить // За блокадным кольцом. С. 441 – 442.
242. Егоров М. Палачи // «Ленинское знамя» 1948. 27 января.
243. Брехлер В. Синявинские высоты, плен, расстрел // «Тосненский вестник». 1999. 16 марта (№31).
244. Акт расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков по Тосненскому району: Книга Памяти. Т.4. СПб.; ИПК «Вести», 2006 / РФ Ленинградская область.
245. Петрова Л. Жалость победила страх //»Тосненский вестник». 2013. 23 января. (№ 5).
246. Дюков А.Р. За что сражались советские люди. СПб.: «Аврора-Дизайн», 2014. С. 162.
247. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М.: Вече, 2010. С. 124.
248. Яковлев В.Г. Шапки. Краеведческий очерк. Тосно. 1999. С. 27.
249. Беляева Т.П. Я помню: началась война // Войной украденное детство. С. 24.
250. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 33.
251. Павлова М.С. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
252. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 35.

253. Ломагин Н. Неизвестная блокада. С. 165.
254. Джулабишвили А. Ценою жизни // «Ленинское знамя». 1985, 5 апреля (№ 55).
255. Золотарёв В. Программа истребления целых народов // Российское военное обозрение. 2015. Декабрь. № 12.
256. Бахвалов А. Генерал Власов предатель или герой? СПб.: Санкт-Петербургская высшая школа МВД России, 1994.
257. Книга Памяти. Т.41. СПб.: ИПК «Вести», 2006 / РФ Ленинградская область.
258. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. С. 133.
259. Улинцев И.М. О чём вспоминал Иван (публ. подготов. И. Никифорова) // «Тосненский вестник». 1999. 22 июля. (№ 85).
260. Красильникова Г.П. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
261. Ломагин Н. Неизвестная блокада. С. 167.
262. Холдин А. Этого забыть нельзя // №Ленинское знамя». 1961. 12 сентября. (№ 181).
263. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. С. 90.
264. ГА РФ Ф. Р – 7021. Оп. 30. Д. 252. Л. 88.
265. Клейн А. Дитя смерти. С. 72.
266. ГА РФ. Ф. Р – 7021. Оп. 127. Д. 10а. ЛЛ. 3, 4, 15, 20, 28, 34, 35 (Архивная справка № 6895-Т).
267. Бочко М. Блокада Ленинграда. Одна судьба, один приговор, тысячи жизней. <http://47news.ru/articles/60702/> (Личное дело Гайно Гаузе хранится в архиве следственного изолятора № 1 «Кресты» управления Федеральной службы исполнения наказаний по Санкт-Петербургу и Ленинградской области).
268. ФСБ России Управления по г. СПб и Ленинградской области. Архивная справка 10/890 от 12.08.2016 г.
269. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 35.
270. Родионова Г.В. Воспоминания // Солдаты победы. Сборник воспоминаний / Авт.-сост. Короткова Э.В. Вып. 23. СПб.: ИПК «Вести», 2014. С.226.
271. Бородулин Л. Когда мы были пацанами (публ. подгот. В. Ивачев) // «Тосненский вестник». 1995. 20 апреля.
272. Стародубцев А.Ф. В битве ничьей не бывает. С. 80.
273. Соловьёв С.А. Искры памяти. С. 134.
274. Покровская К.Д. Воспоминания. Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
275. Тартаковский Д. Из воспоминаний мальчишки военной поры // «Юность». 2011. № 5. С. 92.
276. Лифанов П.М. В августе 1941-го // «Ленинское знамя». 1981. 23 января.
277. Наумов В.В. Войны минувшей партизаны // «Ленинское знамя». 1967. 13 сентября.
278. Адреса нет, письма не пиши // «Тосненский вестник». 2007. 29 марта. (№ 36).
279. Стародубцев А.Ф. В битве ничьей не бывает. С. 76.
280. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Монография. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С.100.
281. Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С. 139.

282. Винницкий Л.Г. Бойцы особого фронта: записки офицера разведки. Л.: Лениздат, 1980. С. 152 – 155
283. Материалы Тосненского историко-краеведческого музея.
284. Ющенко Н.А. Тосненские партизаны // Книга Памяти. Т. 37. СПб.: ИПК «Вести», 2004. С. 98 / РФ Ленинградская область.
285. Фрейдзон М.М. Партизанская война была для Ленинграда вторым фронтом // Шла война народная / Сост. А. Веретин. СПб.: ИПК «Вести», 2015. С. 191.
286. На Волховском фронте 1941 – 1944. М.: Наука, 1982. С. 314 – 315.
287. Лазуткина В.А. Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
288. Синашкин И. Так это было // «Ленинское знамя». 1970. 4 марта.
289. Ющенко Н.А. Тосненские партизаны. С. 98 – 99.
290. Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С. 138 – 139.
291. Власова Н. Волховчане в партизанской войне // Шла война народная. С. 100 – 101.
292. Спиридонов А.В. Дипломная работа «Партизанский отряд ЛГУ в годы Великой Отечественной войны. Автореферат. Факультет истории и социальных наук, кафедра истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. СПб., 2009.
293. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. С. 111.
294. Петров Ю. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941 – 1944. Л.: Лениздат, 1973. Гл. «Наращивание партизанских сил».
295. Фрейдзон М.М. Репортаж из-за линии фронта. Партизанская война в Ленинградском партизанском регионе (1941 – 1944 гг.), 4-е изд., перераб. и дополн. СПб.: ИПК «Вести», 2014. С. 130 – 131.
296. Клейн А. Дитя смерти. С. 9, 17.
297. Холдин А., Ефимова Г. Победу ковали и они // «Ленинское знамя». 1961. 9 мая (№91).
298. Смердыня // «Ленинское знамя». 1960. 14 июня.
299. Петров А. Прикоснись к подвигу // «Ленинское знамя». 1983. 11 октября. (№161).
300. «Ленинское знамя». 1970. 5 сентября.
301. Военно-исторический журнал. 2006. № 11. С. 61.
302. Книга Памяти. Ленинградская область. Тосненский район, 1995.
303. Седых В.А. Тропой памяти. Воспоминания. Тосно, 2011. С. 26.
304. Доронина Г.М. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С. 128.
305. Спиридонов А.В. Дипломная работа «Партизанский отряд ЛГУ в годы Великой Отечественной войны. Автореферат.
306. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР / Изд-е 3-е. М.: Экономика, 1985. С. 48.
307. Стахов Хассо. Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде Ленинграда. 1941 – 1944 / Пер. с нем. Ю.Лебедева. М.: Центрполиграф, 2009. С. 101.
308. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных / Пер. с англ. А. Уткина. М.: Яуза: Эксмо, 2011. С. 324.
309. Гранин Д.А. Мой лейтенант. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2012. С. 194.

310. Гранин Д.А. Прекрасная Ута // Ещё заметен след: повести и рассказы. Л.: Советский писатель, 1985. С. 218.
311. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. С. 29 – 31.
312. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 307.
313. Газета «Ленинградский партизан» 1943. 5 декабря. (№ 59). (газета партизан Ленинградской области). Письма датированы 1 – 2 ноября 1943 года.
314. Фрейдзон М.М. Репортаж из-за линии фронта. С. 153.
315. Пунегова Н.В. И ведь не победили они! (публ. подгот. Н. Куртова) // «Тосненский вестник». 1997. 28 октября. № 125.
316. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 34.
317. Ткаченко. Е.А. Давно опавшие листья. СПб.: Реноме, 2009. С.46.
318. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. С.98.
319. Рубачёва Е.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
320. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 33 – 34.
321. Большая операция по депортации десятков тысяч людей немецкой и финской национальности готовилась на основании секретного постановления Военного Совета Ленинградского фронта № 196 «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов Ленинграда» от 26 августа 1941 г. в соответствии с пунктом 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении». Депортацию немцев с территории Ленинградской области предполагалось начать 26 августа и закончить к 7 сентября [Черказьянова И.В. Военная судьба немцев Ленинграда и Ленинградской области (1941 – 1945) // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляд и оценки через 70 лет. М., 2011].
322. Российские немцы проходили в специальных немецких лагерях (СС) проверку на этническую принадлежность. После успешного прохождения процедуры, они получали разный административный статус: 1-я или 2-я категории – немецкое гражданство, а 3-я категория – временное гражданство сроком 10 лет. Те, кто не проходил проверку, или был депортирован исключительно в качестве рабочей силы, числились «остарбайтерами» и никаких прав не имели.
323. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 78.
324. Дюков А.Р. За что сражались советские люди. СПб.: «Аврора-Дизайн», 2014. С. 248.
325. Клейн А. Дитя смерти. С. 345.
326. Белова Е.К. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
327. Рядовская А.Н. Мы освободили себя сами / (публ. подготов. Р. Михайлова / «Люди одной судьбы») // «Тосненский вестник». 1995. 25 апреля.
328. Клейн А. Дитя смерти. С. 345.
329. Личный архив автора.
330. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 34.
331. Свищева Н.Г. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».

332. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 315.
333. Личный архив историка С.К. Бернева.
334. Личный архив историка С.К. Бернева.
335. Личный архив историка С.К. Бернева.
336. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 35 – 36.
337. Там же. С. 35.
338. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 46.
339. Васильева Е.Н. Вспомним, товарищ! (публ. подгот. К. Трофимова) // «Ленинское знамя». 1981. 8 сентября. (№ 144).
340. Мельницына А.В. В партизанском отряде // «Ленинское знамя». 1961. 5 мая.
341. Синашкин И. Глубочинская дача // «Ленинское знамя». 1973. 7 июля.
342. Петров Ю. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941 – 1944. Гл. «Партизанская армия».
343. Соколинский З. Кому жить // «Ленинское знамя». 1964. 7 ноября.
344. Ломагин Н. Ленинград в блокаде. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 298.
345. Лебедев Ю.М. Ленинградский блицкриг. На онове военных дневников высших офицеров вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941 – 1942. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. С. 323; об этом же см.:
- Стахов Хассо. Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде Ленинграда. 1941 – 1944 / Пер. с нем. Ю.Лебедева. М.: Центрполиграф, 2009. С. 212 – 216.
346. Ломагин Н. Ленинград в блокаде. С. 351.
347. Басистов Ю.В. На крутых перевалах XX века. Очерки по истории Второй мировой войны. СПб.: Европейский Дом, 2010. С. 143.
348. Егоров Н.М. Я люблю жизнь (публ. подготов. Н. Максимова) // «Тосненский вестник». 1997. 15 февраля. (№ 17).
349. Андреев А.В. Война украла моё детство (публ. подготов. Н. Яценко) // «Тосненский вестник». 2001. 8 мая. (№ 54).
350. Дёмин Л. Поруганные святые. М.: Альфа и Омега, 1996. С. 80.
351. Земля Тосненская: история и современность. СПб: «Лики России», 2006. С. 166.
352. Савельева В.И. Пережитое – незабытое // Войной украденное детство. С. 170.
353. Шорохова Т.С. Воскресный день земли родной. Тосно: ООО «Салон полиграфических услуг», 2009. С. 22.
354. Гранин Д. Мой лейтенант. С. 7 – 9.
355. Шкаровский М.В., Соловьёв И.В. Церковь против большевизма. (Митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941 – 1944 гг.). М.: Из-е общества любителей церковной истории, 2013. С. 50 – 51.
356. Бернев С.К., Рупасов А.И. Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский Экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941 – 1944. Сборник документов. СПб.: «Арт – Экспресс», 2016. С. 33.

357. Личный архив историка С.К. Бернева.
358. «Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости». Вып. 26 – 27. 2002. С. 53 – 54.
359. Клейн А. Дитя смерти. С. 137 – 139.
360. Ломагин Н. Неизвестная блокада. С. 203
361. Бернев С.К. / «Исторический архив». 2008. № 5.
362. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 480 – 489.
363. Бернев С.К., Рупасов А.И. Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский Экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941 – 1944. Сборник документов. СПб.: «Арт – Экспресс», 2016. С. 322.
364. Там же. С. 519 – 520.
365. Там же. С. 37.
366. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 207.
367. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 49.
368. Цит. по: Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 522.
369. «Русь Православная». 2001. Ноябрь-декабрь. № 11 – 12.
370. Бернев С.К. / «Исторический архив». 2008. № 5.
371. Шкаровский М.В., Соловьёв И.В. Церковь против большевизма. (Митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941 – 1944 гг.). М.: Из-е общества любителей церковной истории, 2013. Синодик Псковской православной миссии. С. 298 – 362.
372. Архимандрит Виктор (Мамонов) Пустынный житель Схиархимандрит Косма (Смирнов) // «Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости». Вып. 26 – 27. 2002. С. 103.
373. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993. С. 198.
374. Панкратов В.М. Любанцы вспоминают... // «Тосненский вестник». 2000. 27 июля. (№ 88).
375. Личный архив автора.
376. Васильев Ю. Кузьмины-Дмитриевы // «Тосненский вестник». 2008. 21 июня. (№ 49).
377. Пинясов Н. Её дети... // «Ленинское знамя». 1987. 7 ноября. (№ 177 – 178).
378. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 546 – 547.
379. Мыльцева З.М. О том, что было пережито // Войной украденное детство. Тосно, 2013. С. 140.
380. Ломагин Н. Неизвестная блокада. С. 203.
381. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 562.
382. Иванов М.Ф. Лисино-Корпус: фрагменты истории посёлка. 1995. Машинописный экземпляр в краеведческом отделе Тосненской центральной районной библиотеки.
383. Беркут Н. Тосно, опалённое войной // Под Петербургом Тосно. Альбом / Издание выпущено к 50-летию образования Тосно по заказу Администрации

- Тосненского городского поселения Тосненского района Ленинградской области. СПб.: «Лики России», 2013. С. 105.
384. Личный архив историка С.К. Бернева.
385. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 534.
386. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 34.
387. Подробно об этом см.: Беркут Н. Тосно, опалённое войной // Под Петербургом Тосно. С. 104 – 105.
388. Ломагин Н. Неизвестная блокада. С. 202.
389. Там же. С. 204.
390. Ткаченко. Е.А. Давно опавшие листья. СПб.: Реноме, 2009. С.47 – 48.
391. Хоппе Р. «...Счастливы быть рядом с тобой...» (книга находится в Тосненском историко-краеведческом музее).
392. Солдатова Г.Н. Слезы через семьдесят лет // «Тосненский вестник» 2013. 23 ноября. (№ 89).
393. Чиркова Л.М. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С. 125.
394. Беркут Н. Тосно – рабочий посёлок // Под Петербургом Тосно. С. 95.
395. «Ленинское знамя». 1938. 30 мая.
396. Бородулин В. На чужбине // «Тосненский вестник». 1994. 8 декабря.
397. Клейн А. Дитя смерти. С. 73.
398. Там же. С. 83.
399. Там же. С. 84.
400. Там же. С. 170.
401. Забойкин Н.П. Под чёрным крылом войны // Войной украденное детство. С. 75 – 76.
402. Клейн А. Дитя смерти. С. 203.
403. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 37.
404. Елизарова М. Никто не знал, что с нами будет. Архив Г.Ф. Чекура // «Тосненский вестник». 2004. 22 января. (№ 9).
405. Ежова А.М. Такая вот судьба (публ. подгот. Т. Ермоленко) // «Тосненский вестник». 2001. 6 ноября. (« 130).
406. Клейн А. Дитя смерти. С. 119 – 120.
407. Там же. С. 5, 31, 68 – 69, 72 – 73.
408. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных / Пер. с англ. А Уткина. М.: Яуза: Эксмо, 2011. С. 204.
409. Беккер Х. На войне и в плену. Воспоминания немецкого солдата. 1937 – 1950. М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. С. 19.
410. Гранин Д. Мой лейтенант. С. 50.
411. В написании этой части главы использованы материалы статьи военного историка и переводчика Ю. М. Лебедева «Почему не был взят Ленинград»; цитирование: Стахов Хассо. Трагедия на Неве. С. 42.
412. Клейн А. Дитя смерти. С. 42.
413. Лебедев Ю.М. Ленинградский блицкриг. С. 67.
414. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 303 – 304.

415. Там же. С. 304.
416. Сяков Ю.А. Песни в окопах войны // Жестокая правда войны / Материалы районных историко-краеведческих конференций, посвящённых Великой Отечественной войне. 2-е изд., доп. Волхов. 2015. С. 206; Там же: «Волховская застольная»: стихи П. Шубина, музыка И. Любана. С. 204.
417. Лебедев Ю.М. Ленинградский блицкриг. С. 324.
418. Петрова Н.С. Воспоминания // Солдаты победы. Сборник воспоминаний / Авт.-сост. Короткова Э.В. Вып. 23. СПб.: ИПК «Вести», 2014. С. 112.
419. Клейн А. Дитя смерти. С. 77.
420. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 471.
421. Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 36.
422. Лебедев Ю.М. Ленинградский блицкриг. С. 411.
423. Стахов Х. Трагедия на Неве. С. 102.
424. На Волховском фронте. 1941 – 1944 гг. М., 1982. С. 336.
425. Баранова Н.П. Мы выжили в оккупации // Ижорские железнодорожники о жизни и о войне. Сборник воспоминаний. СПб.: ООО «Студия «НП – Принт»», 2010. С.295.
426. Научно-популярный журнал «Чудовский краевед». Чудово. 2015. № 10. С. 19.
427. Ленинградская область в Великой Отечественной войне по документам муниципальных архивов и музеев. Заседание «Круглого стола» к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 27 – 28 апреля 2000 года. Кириши, 2000. С. 21.
428. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.2. М.: Воениздат, 1969. С. 431.
429. Клейн А. Дитя смерти. С. 91.
430. Там же. С. 44.
431. Личный архив автора.
432. Клейн А. Дитя смерти. С. 344.
433. Шепелев Г. Фотографии, сделанные немецкими солдатами на территории СССР (1941 – 1944 гг.), как источник по нацистской истребительной политике // Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26 – 28 апреля 2010 года) / Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 433, 441.
434. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 299.
435. Клейн А. Дитя смерти. С. 66.
436. Гранин Д. Всё было не совсем так // «Звезда». 2010. № 4. Гл. «Блокада».
437. Гранин Д. Добровольцы спасли Ленинград // Жоли Е. Победа любой ценой. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 43.
438. Петров Ю. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941 – 1944. Л.: Лениздат, 1973. Гл. «Народное восстание».
439. Полякова Л.А. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С. 140.
440. Семёнов М.Н. Оборванное детство // Войной украденное детство. С. 183.
441. Личный архив автора.
442. Сергеева В.И. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С. 141.
443. Бибииков В.П. История жизни супругов Бибииковых // Войной украденное детство. С. 30.

444. Романова Ю.Н. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
445. Подольская В.П. Война в нашей судьбе // Войной украденное детство. С. 152 – 153.
446. Война Германии против Советского Союза 1941 – 1945. Берлин: Argon, 1992. С. 198 – 199.
447. Максимова В.П. Очень хотелось домой // Войной украденное детство. С. 133 – 134.
448. Колесов Б.В. Хотелось выжить...// Войной украденное детство. С. 113 – 114.
449. Война Германии против Советского Союза 1941 – 1945. Берлин: Argon, 1992. С. 199 – 200.
450. Пивоварова Л.Н. Использование «восточных рабочих» в интересах военной экономики Германии // Материалы Международной научной конференции 17 – 19 марта 2016 г. «Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность». СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. С. 279.
451. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. С. 243.
452. Земсков В. Репатриация перемещённых советских граждан / Война и общество, 1941 – 1945. Кн. 2. М.: Наука, 2004.
453. Паэгле С.М. Не сломленные войной ...// Войной украденное детство. С. 148.
454. Григорьева Е.М. Испытания войной ...// Войной украденное детство. С. 52.
455. Фадеева Л.Л. Детство осталось на обочине страшной войны ...// Войной украденное детство. С. 207 – 208.
456. Алмазов Б. Интервью. Документальный фильм «Гатчина. 1941 – 1943. Новый порядок». Реж. Н. Холина, автор Н. Шолохова.
457. Якименко В.И. Вот так всё было в моей жизни // Ижорские железнодорожники о жизни и о войне. С. 207.
458. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: оstarбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М.: «Ваш выбор ЦИРЗ», 1996. С. 65, 71.
459. Седых В.А. Воспоминания матери. Личный архив автора.
460. Дубровская Л.Ф. Детство оборвала война // Трагедия Мясного Бора. С. 467.
461. Сорокина Е.Д. Воспоминания о семье. Личный архив автора.
462. «Правда». 1944. 11 ноября.
463. Родионова Е.Я. Воспоминания // Книга Памяти. Шапкинское сельское поселение. С. 129.
464. Картавенко Г.А. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» г. Тосно «Живая история».
465. Бибикина Н.М. История жизни супругов Бибикиных // Войной украденное детство. С. 35.
466. Иванченко Н.Ю. Ущерб, причинённый оккупантами Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1944. СПб, 2007. С.125.
467. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Монография. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С. 240.
468. Иванченко Н.Ю. Указ. соч. С. 76 – 77.

469. Земля Тосненская: история и современность. СПб: «Лики России», 2006. С. 178.
470. Ленинградская область в Великой Отечественной войне по документам муниципальных архивов и музеев. Заседание «Круглого стола» к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 27 – 28 апреля 2000 года. Кириши, 2000. С. 105; Соколинский З. Встретились ветераны // «Ленинское знамя». 1970. 5 сентября.
471. Лазуткина В.А. Рядом с фронтом. Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным кольцом (Воспоминания) / Сост. И. А. Иванова. СПб.: ИПК «Вести», 2007. С. 341 – 342.
472. Копылова Е.Н. Мы чудом спаслись от угона. Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным кольцом. С. 241.
473. Николаева Н.И. Моё безрадостное детство // Ижорские железнодорожники о жизни и о войне. С.260.
474. Дегтерёва Л.А. Ярославль работал на победу // Ижорские железнодорожники о жизни и о войне. С.223.
475. Беркут Н. Тосно, рождённое заново // Под Петербургом Тосно. Альбом / Издание выпущено к 50-летию образования Тосно по заказу Администрации Тосненского городского поселения Тосненского района Ленинградской области. СПб.: «Лики России», 2013. С. 116.
476. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. С. 248.
477. Мельникова Е.А. Нашу деревню смела война. Архив Г.Ф. Чекура // За блокадным кольцом. С. 354.
478. Беркут Н. Тосно, рождённое заново // Под Петербургом Тосно. С. 118.
479. Там же. С. 114.
480. Окунев А.Ю. Здравоохранение Ленинградской области: (истоки, развитие, современность). СПб.: Гиппократ, 2010. С. 835.
481. Скворцов В.Н. и др. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. С. 250.
482. Беркут Н. Тосно, рождённое заново // Под Петербургом Тосно. С. 119.
483. На возрождаемой земле // Земля Тосненская: история и современность. СПб: «Лики России», 2006. С. 188.
484. Беркут Н. Тосно, рождённое заново // Под Петербургом Тосно. С. 119.
485. «Тосненский вестник». 2013. 31 июля.
486. Клейн А. Дитя смерти. С. 223 – 224.
487. Астольф де Кюстин. Россия в 1939 году // Россия первой половины XIX в. Глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С. 449.
488. Ги Меттан. Запад – Россия: тысячелетняя война. М.: Паулсен, 2016. 464 с.
489. Цит по: Крюков В.М. Вокруг России: синтаксис Василия Розанова // «Вопросы философии». 1994. № 11. С.65.
490. Ги Меттан. Запад – Россия: тысячелетняя война. С. 262 – 311.
491. Ерин М.Е. Анализ национал-социалистической диктатуры в работах немецкого историка Г.А. Винклера // «Новая и Новейшая история». 2013. № 6. С. 75.
492. Цит. по: Залесский К. Подрыв биологической силы русского народа // «Москва». 2016. № 2.
493. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 307, 236, 238.
494. Беккер Х. На войне и в плену. С. 18.

495. Немцы о русских: Сборник / Сост. В. Дробышев. М.: Столица, 1995. С. 65.
496. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С.133.
497. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб.: Из-во Государственного Эрмитажа, 2010. С. 231.
498. Клейн А. Дитя смерти. С. 134.
499. Басистов Ю.В. На крутых перевалах XX века. С. 232.
500. Френклах И.З. Я помню... // Заслон на реке Тосне: Сборник воспоминаний ветеранов 55-й армии и жителей прифронтовой полосы (1941 – 1944 гг.) / Сост. И.А. Иванова. 3-е изд., перераб. И доп. СПб.: ИПК «Вести», 2012. С. 246.
501. Лазарев Л. Все обещания Сталина оказались ложью // Жоли Е. Победа любой ценой. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 189.
502. Гранин Д. Добровольцы спасли Ленинград // Жоли Е. Победа любой ценой. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 40.
503. Клейн А. Дитя смерти. С. 231 – 232.
504. Гранин Д. Добровольцы спасли Ленинград. С. 40.
505. Гранин Д. Мой лейтенант. С. 125 – 126.
506. Беккер Х. На войне и в плену. С. 23.
507. Немцы о русских. С. 119, 121.
508. Там же. С. 101.
509. Там же. С. 106.
510. Там же. С. 114.
511. Меркулов И.П. Эволюционируют ли наши когнитивные способности? // «Вопросы философии». 2005. № 3. С. 101.
512. Там же. С. 97.
513. Немцы о русских. С. 123.
514. Беккер Х. На войне и в плену. С. 23.
515. Горелик П. Всё начиналось с бронепоезда // Книга живых. Т.2.: Воспоминания евреев – фронтовиков, узников гетто и нацистских концлагерей, бойцов партизанских отрядов, защитников блокадного Ленинграда. СПб.: Из-во «Нева», 2004. С. 29.
516. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 292.
517. Беккер Х. На войне и в плену. С.23.
518. Гранин Д. Всё было не совсем так // «Звезда». 2010. № 4. С. 29.
519. Гранин Д. Мой лейтенант. С. 193.
520. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. С. 162.
521. Мохов Р. Моя война. Записки рядового необученного. СПб.: ИПК «Вести», 2011. С. 276.
522. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. С. 187.
523. Чистяков Г. Невозвратное. Тосно: ООО «Салон полиграфических услуг», 2015. С. 123 – 124.
524. Горелик П. Служба и дружба. Попытка воспоминаний. СПб.: Из-во журнала «Нева», 2003. С. 185 – 186.
525. Поляков Ю.А. Российские просторы: благо или проклятье? // Ис-торическая наука: Люди и проблемы. М., 1990.
526. Немцы о русских. С. 139.
527. Там же. С. 133, 132.
528. Мохов Р. Моя война. Записки рядового необученного. С. 201.

529. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. С. 116.
530. Клейн А. Дитя смерти. С. 232.
531. Немцы о русских. С. 67.
532. Клейн А. Дитя смерти. С. 232.
533. Мохов Р. Моя война. Записки рядового необученного. С. 167.
534. Фрайман А.А. Я помню... Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны: <http://iremember.ru> (23.02.2014).
535. Чистяков Г. Невозвратное. С. 124.
536. Меркулов И.П. Эволюционная эпистемология: история и современные подходы // Эволюция, культура, познание. М.: ИФРАН, 1996. С. 19.
537. Александров Ю.И. Проект АCADEMIA (канал «Культура»). Лекция «Мозг и культура». 1, 6 сентября 2013 года.
538. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо. 2008. С. 57.
539. Там же, С. 119.
540. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 362.
541. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 246.
542. Степун Ф. Мысли о России. Очерк III // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 200. С.219.
543. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? Заметки одной дискуссии // «Вопросы философии». 1998. № 7. С.52.
544. Нольте Эрнст. Европейская гражданская война. Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003.
545. Вплоть до начала XIX века Германия представляла собой политически отсталую страну с крепостным правом и средневековым законодательством. Прогрессивные изменения в политической сфере были внесены Наполеоном Бонапартом в 1804 году в ходе его европейских походов. Кроме того, Германия была раздроблена и состояла из множества мелких самостоятельных государств, во главе которых стояли крупные феодалы. К моменту рождения Германской империи (1871 год) здесь насчитывалось лишь 3 вольных города, но 22 суверенные монархии. Так что, на фоне остальных европейских народов немцев нередко называли «опаздывающей нацией»
546. Мотрошилова Н.В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // «Вопросы философии». 2006. № 2. С. 48 – 50.
547. Булдаков В.П. Красная смута. С. 362.
548. Нарочницкая Н. За что и с кем мы воевали. М.: «Русская панорама», 2012. С. 53.
549. Цит. по: Золотарёв В.А, Соколов А.М., Тыминский В.Г. «Железный рыцарь», искусный дипломат и холодный стратег (01.04.1815 – 30.07.1898) // «Клио». Журнал для учёных. 2015. № 7. С. 158.
550. Золотарёв В.А. О вопросах современного реформирования вооружённых сил // «Клио». Журнал для учёных. 2013. № 3. С. 130.
551. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 126 – 127.
552. Немцы о русских. С. 72.
553. Там же. С. 132 – 133.
554. Там же. С. 39 – 40.
555. Стахов Х. Трагедия на Неве. С. 46.
556. Немцы о русских. С. 88.

557. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 452.
558. Немцы о русских. С. 55.
559. Рафес П. Мирный человек на войне // Книга живых. Кн. 2: Воспоминания евреев – фронтовиков, узников гетто и нацистских концлагерей, бойцов партизанских отрядов, защитников блокадного Ленинграда. СПб.: Из-во «Журнал «Нева»», 2004. С. 237.
560. Немцы о русских. С. 133, 135.
561. Хоменко А. Записки генерала ГРУ. М.: Из-во «Московские учебники и Картоли-тография», 2009.
562. Минникова Т.Н. Рефлексия как фактор исторического процесса // «Клио». Журнал для учёных. 2014. № 7. С.4.
563. Якимович А.К. Искусство непослушания. О художественном процессе Нового времени // «Вопросы философии». 2006. № 5.
564. Лебедев Ю.М. «Почему Германия проиграла войну?» (личный архив автора).
565. Ги Меттан Запад – Россия: тысячелетняя война. С. 130.
566. Балановский О.П., Балановская Е.В. Русский генофонд на Русской равнине. М.: ООО «Луч», 2007. С.312.

ФОТОГРАФИИ

URL: <http://waralbum.ru> («Военный альбом») (дата обращения: 12.12 2016 – 8.01. 2017).
1, 2, 6 – 10, 13, 16, 17, 18, 24, 31 – 36, 41, 46, 48, 50, 53, 56, 59, 64, 77, 78, 79, 83, 87, 88, 93, 104, 106, 126, 127, 129, 137, 138, 144, 146, 151, 153, 160, 164, 173, 182, 185, 188, 193, 201, 203, 224.

Из архива поискового отряда «Ягуар» ОМИППО «Доблесть» при финансовой поддержке депутата ЗАКСа Ленинградской области Ю.В. Соколова
64

Иринчеев Б., Жуков Д. На Ленинград. Наступление группы армий «Север» 1941 года. Фотоальбом. Коллекция Д. Жукова. СПб.: «Аврора – Дизайн», 2011.
14, 20, 21.

Жуков Д., Ларенков С., Иринчеев Б. Битва за Ленинград. Мы погибли, чтобы жили вы. СПб.: ООО Историко-культурный центр Карельского перешейка, 2015.
49, 57, 159, 181, 183, 194.

Иринчеев Б., Жуков Д. Гибель дворцов. Нацистская оккупация Ленинградской области в 1941 – 1944 годах СПб.: «Аврора – Дизайн», 2011.
58

URL:<http://holocaustrevisionism.blogspot.ru/2016/01/Pleskau-1941-1944-Pskov4.html>. («Псковщина на фотографиях немецких солдат») (дата обращения 26 – 28.02.2017)
37, 55, 134, 145, 152, 154, 163, 190, 221, 222, 223, 225, 226

Колоскова Е.Е., Денисова Л.А., Лебедева Е.Н. В объективе война 1941 – 1945. СПб.: «Лики России», 2009.
128

Личный архив историка С.К. Бернева
132, 133, 135. 195. 196

Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб.: Изд. Группа «Лениздат», 2014.
136

Выставка тряпичной куклы «Мир дому твоему!», представленная Ленинградским областным Домом творчества в Тосненском историко-краеведческом музее (февраль 2017 года). Фотографии автора.
148. 149. 150. 200

URL: http://seraphim.com.ru/site/nstr_50_60_deti.html (дата обращения 5.01 2017)
156

Антология советской фотографии 1941 – 1945. Составители: Л. Ухтомская, А. Фомин. М.: Из-во «Планета», 1987.
51

Личный архив Е.В. Бронзовой. Фотография была опубликована в газете «Тосненские ведомости» 29 августа 2012 года (№ 34).
54

Личный архив краеведа Т.Ф. Киселёвой
66, 67

Под Петербургом Тосно. Альбом / Издание выпущено к 50-летию образования Тосно по заказу Администрации Тосненского городского поселения Тосненского района Ленинградской области. СПб.: «Лики России», 2013.
70, 142, 157. 158

Фрейдзон М.М. Репортаж из-за линии фронта. Партизанская война в Ленинградском партизанском регионе (1941 – 1944 гг.) 4-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: ИПК «Вести», 2014.
84, 110. 112 – 115, 124. 147, 197

URL: <http://pobeda.spbu.ru/item/434-dorofeev-viktor-ivanovich-1907-1942> (дата обращения 26.02 2017).
111

Личный архив автора
11, 19. 23. 25, 26, 27. 29, 42, 61, 62, 74, 75, 76, 80. 81, 82, 86, 89, 94, 95, 97, 99, 101, 108, 109, 116, 119. 120, 123. 125, 139. 140. 143, 165, 166, 169, 171, 178, 179, 186, 189, 213, 215

Из фондов Тосненского историко-краеведческого музея
12, 45. 52, 67, 71, 100, 102, 103, 155, 198, 199, 202, 207, 210. 216

Из фондов Любанской городской библиотеки
208

Из фондов Тосненской центральной районной библиотеки
214

Гундлах Г. Волховская битва: документы ужаса 1941 – 1942 гг. Бинген на Рейне, 1997.
22, 28, 30, 43, 60, 65. 69. 72. 73, 105, 161, 162, 168, 172, 175. 176, 177, 180. 184. 187. 191, 192,
206

Бочко М. Блокада Ленинграда. Одна судьба, один приговор, тысячи жизней. <http://47news.ru/articles/60702/>
90, 91, 92

Интернет-сайт «Нацистские листовки и плакаты» (дата обращения 3.02. 2017)
38. 39. 121. 122. 130, 131

Они защищали Родину и возраждали район. Часть I. СПб.: «Лики России», 2016.
3, 4

Земля Тосненская. История и современность. Книга–альбом. СПб.: «Лики России»,
2006.
5. 85. 141. 212. 217. 218

Франсуа де Ланнуа. Битва за Ленинград. 1941 22 июня – 31 декабря. [пер. с фр. М.
Стровского]. М.: Эксмо, 2009.
220

Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации.
М.: Молодая гвардия, 2011.
40. 44, 47

Проект Ленинградской общественной организации социальных программ «Центр
женских инициатив» города Тосно «Живая история»: www.wic-tosno.ru

63, 167, 170, 209, 211, 219

Фотоальбом «Фотографии Устинова А.В. 1941 – 1945», 1978
205

Саблино – неизвестная страна. Уникальные памятники природы России. СПб.: Лооо
«Сохранение природы и культурного наследия», 2007
15

URL: <http://www.prav.../n223/tao11.htm> (дата обращения 12.12 2016)
204

ОГЛАВЛЕНИЕ

Война «на истребление»	7
Тосненский район накануне войны	12
Начало войны	15
Война приближается	22
Плановая эвакуация	25
Враг совсем близко. Стихийная эвакуация	28
Рабочие продолжают работать	31
Последние часы	32
Немцы занимают Тосненский район	39
Тосненский район в годы войны	46
Первое знакомство населения с оккупантами	50
Окруженцы	54
«Еврейский вопрос»	60
«Новый порядок»	67
Органы управления	75
Положение крестьянства в условиях оккупации	83
Реквизиции	88
Как выживали	91
Голод	96
Где жили?	101
Беженцы	103
Трудовые лагеря для гражданских лиц	109
Тосненский «Лагерь смерти»	114
Работа на немцев	118
Коллаборационизм: да или нет?	126
Молодёжь – важнейший трудовой ресурс	131
Советские военнопленные	137

Ставка на террор	146
Противостояние	163
Партизаны как боевая сила	166
Партизаны и население	182
Партизаны и немцы	190
Предатели	197
Информационная война	205
Почему не сдался Ленинград?	215
Исчезнувшие деревни	220
Религия и Церковь в годы оккупации	225
Дети в оккупации	243
Медицина и здравоохранение	257
Моменты жизни	263
«Война несчастного человека»	277
«Добрые немцы»	294
Депортация. Остарбайтеры	309
Освобождение. Возвращение на Родину	323
Общественный остракизм в отношении репатриантов	330
Трудности послевоенного времени	335
Вопросы, которые не принято задавать	353
Ментальные особенности характера немцев и русских	366
«Сумрачный германский гений». Корни идеологии	373
«Загадочная русская душа»	380
«Тихий» подвиг наших земляков	385
Литература и источники	390
Фотографии	411

Татьяна Николаевна Минникова
ОККУПАЦИЯ: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.
(ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ: ТОСНЕНСКИЙ РАЙОН)

В авторской редакции
Тираж 200 экз.

Верстка, дизайн, оформление обложки, редакция: издательство «Часть речи»
+7(905)269-11-20
elenapostoffice@gmail.com

Отпечатано в ООО «Салон полиграфических услуг»
Юридический адрес: 187000 Ленинградская область, г. Тосно, ул. Тотмина, д. 1/44
Адрес производства: г. Тосно, ул. Октябрьская, д. 59
E-mail: pereplet-tosno@mail.ru